

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2018

№ 44

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.А. Боровская, д-р экон. наук, проф., заместитель министра науки и высшего образования РФ; **М.И. Зверяков**, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. НАН Украины; **В.Н. Шимов**, д-р экон. наук, проф., Белоруссия; **С.Ф. Серегина**, д-р экон. наук, проф.; **Ф. Хуберт**, д-р экон. наук, Германия; **Э. Дрансфельд**, д-р экон. наук, Германия; **С.В. Чернявский**, д-р экон. наук, гл. науч. сотрудник Института проблем рынка РАН, г. Москва; **И.К. Шевченко**, д-р экон. наук, врио ректора ФГАОУ ВО «ЮФУ» («Южный федеральный университет»), г. Ростов-на-Дону

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

А.В. Ложникова, д-р экон. наук, доц., зам. гл. редактора (отв. секретарь); **Н.В. Додонова**, секретарь редакции; **Д.М. Хлопцов**, д-р экон. наук, доц.; **Е.В. Нехода**, д-р экон. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **А.А. Земцов**, д-р экон. наук, проф.; **В.В. Домбровский**, д-р техн. наук, проф.; **И.А. Петиненко**, д-р экон. наук, доц.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ

Ложникова А.В., Розманский И.В., Пчелинцев Е.А., Шахиджанова Н., Петров Н.В., Ложников Д.И. Логистика вместо размещения производительных сил на национальном рынке алкогольной продукции?	7
Атаева А.Г., Уляева А.Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа)	38
Шутьков А.А., Ярлыкапов А.Б., Вонглева З.А. Развитие сельхозпроизводства региона: целесообразность и возможности	58
Жиронкин С.А., Таран Е.А., Гасанов М.А., Жаворонок А.В. Принципы и условия конвергентно-индуцированного структурного сдвига	70

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Апенько С.Н., Еременко Е.И., Фомина Ю.А. Компетенции менеджера успешного предпринимательского проекта (региональный аспект)	82
Варкулевич Т.В., Арнаут М.Н., Пашук Н.Р. Роль регионального университета в социально-экономическом развитии территории (на примере Приморского края)	93
Стецюк В.В. Экономический анализ влияния реализации проектов «Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток» на социально-экономическое развитие субъектов Дальнего Востока России	104

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Петрова В.Н., Блинов В.Н. Современная российская практика управления организациями малого и среднего бизнеса: управленческие ошибки и организационные патологии	125
Сотников Н. З. Дialeктика деловой карьеры банковских работников: социально-экономический модуль	137

ФИНАНСЫ

Берзон Н.И., Ерофеева Т.М. Российский рынок корпоративных облигаций: история развития, текущие тенденции, проблемы и перспективы	150
Гринкевич Л.С., Набеева Н.Г. Преднамеренное банкротство граждан в Российской Федерации: методические подходы к выявлению и проблемы практической реализации процедуры на современном этапе	166
Богданов А.Л., Дуля И.С. Применение нейронных сетей в решении задачи кредитного скоринга	173
Чернявский С.В., Фирсов Д.А. Трансформация и перераспределение природной ренты с помощью производных инвестиционных проектов как угроза экономической безопасности страны	184
Волощенко Л.М., Довгань А.С. Анализ курсовой стоимости валютных пар в контексте покупательной способности валюты	196

МЕНЕДЖМЕНТ

Аманжолова Б.А., Наговицина Л.П. Социальная ответственность бизнеса: основные положения идентификационного аудита	218
Александрова Т.В., Жуковская С.Л. Разработка методики многокритериальной оценки эффективности инновационных проектов	233
Полина Е.А., Соловьева И.А. Инновационная активность региона: сущность и системные факторы	247

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Воронина Л.И., Касьянова Т.И. Механизмы содействия и развития самозанятости безработных граждан: сравнительный анализ зарубежного опыта и России	264
--	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Трифонов А.Ю., Михальчук А.А., Рыжкова М.В., Спицын В.В., Булькина А.А. Техническая эффективность металлургических предприятий в российской и иностранной собственности в 2012–2016 гг.	283
Швецов Ю.Г. О бюрократическом государстве и экономике	305
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	325

CONTENTS

METHODOLOGY

Lozhnikova A.V., Rozmainsky I.V., Pchelintsev E.A., Shakhijanova N., Petrov N.V., Lozhnikov D.I. Is it logistics instead of productive forces' placement on the national market of alcoholic products?	7
Ataeva A.G., Ulyaeva A.G. Modern trends and factors of inter-regional migration of youth in Russia	38
Shutkov A.A., Yarlykapov A.B., Voitleva Z.A. Development of agricultural production in the region: fearability and opportunities	58
Zhironkin S.A., Taran E.A., Gasanov M.A., Zhavoronok A.V. Principles and conditions of convergent-induced structural shift	70

MACRO-REGION SIBERIA

Apenko S.N., Eremenko E.I., Fomina Y.A. Competence of the manager of the successful entrepreneurial project (regional aspect)	82
Varkulevich T.V., Arnaut M.N., Pashuk N.R. The role of a regional university in the socio-economic development of a territory (by the example of Primorsky krai)	93
Stetsyuk V.V. Economic analysis to estimate the impact of the territory of advanced development and Free Port of Vladivostok implementation on social and Economic Development of Constituent Entities of the Russian Far East	104

LABOUR ECONOMICS

Petrova V.N., Blinov V.N. Actual small and medium business management practices in Russia: typical management mistakes and organizational pathology	125
Sotnikov N.Z. Dialectics of business career of bank personnel: social and economic mode	137

FINANCE

Berzon N.I., Erofeeva T.M. The Russian corporate bond market: the history of development, current trends, problems and prospects	150
Grinkevich L.S., Nabeyeva N.G. Intentional bankruptcy of citizens in the Russian Federation: methodical approaches to identifying and problems of practical implementation of the procedure at the present stage	166
Bogdanov A.L., Dulya I.S. An application of neural networks to solution of the credit scoring task	173
Cherniavskiy S.V., Firsov D.A. Transformation and redistribution of natural rent through derivative investment projects as a threat to the country's economic security	184
Voloschenko L.M., Dougan A.S. Analysis of the foreign exchange value of the currency pairs in the context of the purchasing power of the currency	196

MANAGEMENT

Amanzholova B.A., Nagovitsyna L.P. Social responsibility of business: basic provisions of identification audit	218
Alexandrova T.V., Zhukovskaya S.L. The development of method for multi-criteria evaluation of the effectiveness of innovative projects	233
Polina E.A., Solovyova I.A. Innovation activity of a region: essence and system factors	247

WORLD ECONOMY

Voronina L.I., Kasyanova T.I. Mechanisms for promoting and development of self-employment of unemployed citizens: a comparative analysis of foreign and Russian experience	264
---	-----

DISCUSSION PLATFORM

Trifonov A.Yu., Mikhalchuk A.A., Ryzhkova M.V., Spitsin V.V., Bulykina A.A. Technical efficiency of Russian metallurgical enterprises in Russian and foreign ownership in 2012–2016	283
Shvetsov Y.G. About the bureaucratic state and the economy	305
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	325

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 338.012

DOI: 10.17223/19988648/44/1

**А.В. Ложникова, И.В. Розмаинский,
Е.А. Пчелинцев, Н. Шахиджанова, Н.В. Петров, Д.И. Ложников**

ЛОГИСТИКА ВМЕСТО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ НА НАЦИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ?

В статье формулируется гипотеза о негативных последствиях фактического свертывания деятельности СОПС (Совета по изучению производительных сил) с более чем 100-летней историей. В качестве объекта исследования выбран отечественный алкогольный рынок, статистические сведения о состоянии которого с 2010 г. регулярно публикует Росалкогольрегулирование. Статья фокусирует внимание читателя на проблемах отечественного производства этилового спирта из пищевого сырья, чрезвычайно важных на фоне его растущего экспорта в 2014–2017 гг. и активного обсуждения введения госмонополии. Авторы считают экономически необоснованным с точки зрения традиционно выделяемых в советской науке и практике сырьевого и потребительского факторов размещения производства резкое последовательное сокращение числа заводов-производителей спирта с практически полным переносом производства из Сибири и с Дальнего Востока за Уральский хребет. С точки зрения различных подходов современного зарубежного и дореволюционного опыта России и других стран (описан Д.И. Менделеевым) по поддержке местных сельхозпроизводителей критикуется новая акцизная политика Правительства РФ в отношении алкогольной продукции. На основе проведенных полевых исследований выявлен современный парадокс нечувствительности цены бутылки водки к величине транспортных расходов на ее доставку внутри РФ. Вынужденная компенсация всевозрастающих транспортных расходов на доставку спирта и водки признается вслед за акцизом одним из факторов формирования масштабно-нелегального сектора в производстве и торговле. Авторами выявлены существенные статистические ошибки в официальных оценках отечественного рынка водки и сделан вывод о необходимости безотлагательной децентрализации аналитической работы во всех отраслях экономики и активизации эмпирических исследований в научных экономических лабораториях университетов всех регионов России.

Ключевые слова: сбалансированное развитие и регулирование алкогольного рынка с участием федерального центра, регионов и бизнес-сообщества, стратегическое планирование, факторы размещения производительных сил, транспортные расходы, стратегия пространственного развития, логистика, теория межрайонных связей В.В. Леонтьева, СОПС, рынок спирта этилового ректификованного из пищевого сырья и водки.

В советской экономической системе важнейшее место уделялось территориальному размещению производительных сил, производства. Но при переходе к рынку истинной философией процветающей коммерческой деятельности была объявлена логистика. Подходы рационального размещения производства были радикально заменены на новые: якобы рационального продвижения продукта по цепочке – от производителя до конечного получателя. К базовой экономической категории планирования прочно «приклеилась» сугубо негативная коннотация, несмотря на наличие во всех вузовских библиотеках нашей страны книг по стратегическому планированию в западных корпорациях и положительного опыта индикативного планирования в таких успешных капиталистических странах, как Франция, Япония [1] и др.

Так, основные функции индикативного планирования во Франции заключались в анализе предполагаемых перспектив развития, помощь в осуществлении социального диалога и содействие достижению консенсуса по наиболее значимым реформам [2]. В результате такое планирование внесло вклад в развитие регионов страны, в реализацию ряда инфраструктурных проектов и мер промышленной политики.

В отличие от Франции, в Германии индикативное планирование носило более кратко-, а не среднесрочный характер; в то же время немецкий вариант индикативного планирования был связан с решением задач сглаживания деловых циклов и поддержания оптимальной структуры производства [3].

Типичной для Азии считается модель индикативного планирования в Японии, отличающаяся сочетанием общегосударственного, регионального, целевого, отраслевого и внутрифирменного планирования и характеризующаяся единством государства и крупного частного бизнеса [4]. При этом именно в Японии индикативное планирование было ориентировано на максимизацию экономического роста [3].

Индийский вариант индикативного планирования характеризуется широким разнообразием специальных программ развития; по-видимому, это связано с тем, что оно играло важную роль в обеспечении ухода экономики Индии от хозяйства колониального типа. Свои особенности планирования существуют в Китае, стране, в которой система индикативного планирования оказалась продуктом встраивания в механизм директивного планирования рыночных элементов. Эта система состоит из планов не только разных уровней, но и разной продолжительности [4].

Пренебрежительное отношение к планированию было связано со спецификой рыночного реформирования российской экономики в 1990-е гг. Стратегия шоковой терапии была ориентирована на скорейшее проведение трех мер – либерализации, приватизации и (финансовой) стабилизации. О том, что будет дальше, реформаторы не думали – «рынок все сделает как надо». «Философия» перехода к рынку в постсоветской России была основана на пренебрежительном отношении к долгосрочным последствиям принимаемых в настоящий момент решений. Возобладала ориентация почти исключительно на краткосрочные успехи и достижения, что отчасти

было естественно в условиях высокой степени неопределенности, сопровождавшей «шокотерапевтические» реформы. Любые же формы планирования были объявлены социалистическим атавизмом.

В очередной раз мы убедились в пренебрежительном отношении к планированию в нашей стране на примере судьбы Федерального закона «О стратегическом планировании» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ. Закон потерял в ходе чтений в коридорах Государственной Думы РФ прилагательное «государственное», но взамен не обрел иного субъекта – предприятие. Стратегия пространственного развития всего лишь декларируется в названном федеральном законе как неотъемлемый элемент стратегического планирования в России, а усилия власти в этом направлении пока почти ограничиваются абстрактными рассуждениями о некоем пространственном развитии страны на баснословно дорогих урбанистических форумах в черте г. Москвы.

В 2015 г. был всплеск внимания научной экономической общественности России к 100-летию юбилею создания академиком Владимиром Вернадским Совета по изучению производительных сил (СОПС). Приведем сообщение РИА-Новости от 2015 г.: «За сто лет работы совет осуществил многие важнейшие проекты, среди которых разработка плана ГОЭЛРО, генеральных схем развития, создание теории федеральных округов. Создание СОПС в 1915 году закрепило приоритет России в научном подходе к пространственному развитию государства. Например, в США подобная организация была создана в 1916 году, а в европейских государствах – еще позднее». Александр Цыбульский, в 2015 г. являвшийся заместителем министра экономического развития РФ, говорил, что СОПС не просто жив, но обязательно займется разработкой стратегии пространственного развития России. Сегодня СОПС является подведомственным научно-исследовательским учреждением Минэкономразвития России. Процитируем А. Цыбульского дальше: «СОПС – уникальная организация. В свое время организация была создана, когда страна осознала свою слишком серьезную зависимость от импорта. Сегодня мы видим похожие вещи. СОПС имеет тот опыт, наработки, которые складывались в течение века и должны быть использованы... Я считаю, что СОПС должен активнейшим образом привлекаться к подготовке стратегии пространственного развития России. Это всеобъемлющий документ, который должен включить в себя отраслевые стратегии развития, увязать их в единый документ, показать четкую схему, куда мы будем двигаться дальше». Но торжественные празднования давно завершились, а сегодня заинтересованный читатель, пройдя по *официальной* ссылке СОПС <http://www.sops.ru/>, размещенной на *официальном* (!!!) сайте Министерства экономического развития РФ, увидит следующее: «Доступ к ресурсу заблокирован по требованию органов государственной власти. Запрашиваемый ресурс включен в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Фе-

дерации запрещено». Вот так, ни много, ни мало. Определенно, неладно что-то в нашем неДатском королевстве, коли государство запрещает свой же собственный электронный ресурс стратегического политико-экономического характера (впрочем, можно вспомнить опыт начала 1990-х, когда государство бросило на произвол судьбы многие государственные предприятия, фактически отказавшись от управления ими).

Рассмотрим последствия фактического свертывания Министерством экономического развития РФ деятельности СОПС на примере алкогольного рынка, статистические сведения о состоянии которого (не только стоимостные, но и натуральные показатели производства и продажи в разрезе всех субъектов РФ) начиная с 2010 г. регулярно публикует Росалкогольрегулирование на своем официальном сайте <http://www.fsgar.ru/> в разделе «Статистическая информация». Сфокусируем наше исследование прежде всего на спирте (этиловом ректифицированном из пищевого сырья), а также на водке. Пока Минэкономразвития не знает, что дальше делать с СОПС, вопреки однозначному мнению ученых [5], «государственная политика в области регулирования и контроля оборота алкогольной продукции носит разрозненный и бессистемный характер» [6]. Алкогольная отрасль отечественной экономики в государственных программах, стратегиях и т.п. упоминается лишь в контексте необходимости снижения потребления и изменения культуры питания россиян, за эталон берется так называемая средиземноморская модель потребления вин, без учета специфики наших холодных климатических условий. Совершенно в стороне оказываются насущные проблемы производства продукции. Возможно, не видя таковых совсем, Правительство РФ в лице своих министерств и ведомств дружно, *без научного экономического обоснования*, выступило против законодательной инициативы депутатов Государственной Думы РФ о введении госмонополии на алкогольном рынке. Кстати, несмотря на современный опыт развитых стран. «В целях эффективного контроля производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции во многих странах введена государственная (полная или частичная) монополия на производство алкогольных напитков, их оптовую и (или) розничную торговлю. Такая модель регулирования алкогольной отрасли существует, по меньшей мере, в 18 странах» [7]. А вот, к примеру, Министерство финансов РФ высказало в СМИ беспокойство об интеграции стран, входящих в состав ЕАЭС. Действительно, доля Казахстана и Беларуси в импорте спирта велика, но статистика ФТС показывает, что сама величина натурального объема импорта спирта не идет ни в какое сравнение с экспортом (всего около 2%). В то же время Министерство финансов РФ, видимо, забыло упомянуть о том, что, помимо частных собственников, приватизировавших советские спиртовые заводы, на вредных привычках россиян зарабатывают доходы и прибыли иностранные собственники. Из числа спиртовых заводов это: ООО «Риал» из Кабардино-Балкарии (собственность иностранных юридических лиц); группа БЕЛУГА (бывшая «Синергия»), BELUGA GROUP: почти 60% в уставном капитале этого акционер-

ного общества принадлежит 4 компаниям, зарегистрированным на Кипре (2) и острове Джерси (2); АО «Талвис» из Тамбовской области, принадлежащее SPI Group (штаб-квартира в Люксембурге). По данным СПАРК-Интерфакс, АО «Росспиртпром» с разрешения ФАС выкупило в 2014 г. 7 региональных спиртозаводов у иностранного юридического лица Imaren Trading Ltd. Это не может не радовать – в Скандинавских странах, Японии доходами от реализации алкогольной, табачной продукции распоряжается исключительно государство.

Об отправке спирта по Менделееву.

О сырьевом и потребительском факторах размещения производства этилового спирта из пищевого сырья в России

Таможенная статистика внешней торговли ФТС демонстрирует динамично растущие объемы экспорта спирта из России (табл. 1) в страны ближнего (Туркмения, Латвия и др.) и дальнего (Объединенные Арабские Эмираты, Финляндия, Турция и др.) зарубежья, в десятки раз превышающие аналогичные показатели импорта.

Таблица 1. **Натуральные показатели экспорта спирта (код ТНВЭД 220710)***

Год	Общий вес, кг
2014	28 384 625
2015	59 665 016,3
2016	74 464 059,3
2017	91 929 957,6

* Составлено авторами на основе данных таможенной статистики внешней торговли ФТС.

В то же время, по нашим оценкам данных ФТС, текущий объем экспорта спирта из России составляет не более четверти годового объема производства (при переводе показателей таможенной статистики ФТС в кг в принятые в статистике Росалкогольрегулирования показатели дкл или дал (декалитры) как 1 литр = 0,789 кг). Следовательно, потенциал увеличения здесь огромен, учитывая рекордные урожаи зерновых культур в России в последние годы. Как известно, согласно требованиям ГОСТ Р 51652–2000 «Спирт этиловый ректификованный из пищевого сырья» спирты «Люкс», «Экстра» и «Базис» вырабатывают из различных видов зерна и смеси зерна и картофеля (количество крахмала картофеля в смеси не должно превышать 35% при выработке спирта «Люкс» и 60% – при выработке спирта «Экстра» и «Базис»). Спирт «Альфа» вырабатывают только из зерновых культур: из пшеницы, ржи или из смеси пшеницы и ржи.

Здесь уместно вспомнить труды великого Д.И. Менделеева, автора так называемой Библии русского протекционизма и настоящего подвижника развития отечественной промышленности. Как и другие представители протекционизма в экономической науке, Д.И. Менделеев резко выступал

против поставок на экспорт сырья, в том числе зерна, и подчеркивал целесообразность наращивания экспорта продукции из зерна – муки и спирта: «...имея спирт, тотчас легко получить водку, и для отправки, очевидно, удобнее получать спирт, чем водку. Поэтому винокурение повсюду направилось на получение спирта, а не водки, и ныне оно состоит в производстве спирта, а не водки. В большой торговле обращается чаще всего спирт...» [8. С. 446] и далее: «...производство и торговля спиртом приобрели большое всемирно-промышленное значение. Выражая производительность стран в числе миллионов ведер безводного спирта, добываемого в последние годы (1887–1889), и заметив, что 1 ведро безводного спирта соответствует примерно 2,5 ведрам водки и весит примерно 24 фунта, имеем приближенные числа годового производства стран» (табл. 2).

Таблица 2. **Натуральные показатели производства безводного спирта стран мира в 1889 г.***

Страны	В млн ведер
Россия	33
Германия	25
Франция	14
Австрия	13
Великобритания	12
Дания, Швеция, Норвегия	6
Бельгия и Голландия	6
Италия и Испания	4
Прочие страны	21

* Составлено по [8. С. 446].

«Международная торговля спиртом достигает значительных размеров по той причине, что многие страны, например Испания, не обладают условиями производства спирта, т.е. избытком потребного для него дешевого сырья. Россия вывозит в чужие страны от 4 до 7 млн ведер в год (1883–1890 гг.)» [8. С. 446].

На фоне резкого падения мировых цен на нефть в 2014–2015 гг. премьер-министр РФ Д.А. Медведев назвал новых фаворитов экспорта России – военно-техническую продукцию и зерно. Увы, по последней позиции на самом высоком уровне вновь была дана «сырьевая» установка вопреки бесчисленным конференциям и докладам о необходимости всемерного развития производства продукции с высокой долей добавленной стоимости. Установка второго лица в государстве на форсирование неналоговых экспортных доходов от продажи зерна вызывает массу проблем не только в сельском хозяйстве. Так, уже стали приметам лета в РФ ажиотаж и дефицит вагонов РЖД для доставки зерна из регионов в порты с последующей отгрузкой на экспорт, запруженные зерновозами портовые города России с многодневными ожиданиями водителей, живущих в кабинах, на разгрузку. Воля первого лица в нашем государстве о введении экспортной пошлины для ограничения вывоза отечественного зерна на экспорт в

2015 г. всего год противостояла мощному лобби бенефициаров зерновой валютной выручки, и все вернулось на круги своя. По сообщениям СМИ, в 2018 г. российские аграрии вновь жалуются на ограничение экспорта зерна через порты Прибалтики. По данным Российского зернового союза, ОАО РЖД удовлетворяет лишь треть заявок в этом направлении. Вице-президент Российского зернового союза А. Корбут направил соответствующее письмо вице-премьеру А. Гордееву о том, что коридоры Юга традиционно переполнены и более затратны и зернопроизводители регионов, удаленных от Новороссии, оказываются отрезаны от своих коридоров. Но это одна сторона вопроса. Другая сторона – губернатор г. Санкт-Петербурга в 2017 г. обращался в Правительство РФ с тревогой по поводу возможного дефицита хлеба в северной столице из-за того, что «зерновые поезда-экспресс» организуют бесперебойный вывоз зерна только на экспорт, а для удовлетворения внутренних нужд россиян зерновых вагонов РЖД не хватает.

Краткосрочная, с переходом в среднесрочную, «мода» на экспорт зерна за рубеж совпала с другой долгосрочной негативной тенденцией в алкогольной отрасли России. По оценкам В. Дробиза, уже 11 лет реализующего аналитический проект ЦИФРРА (Центр исследования федерального и региональных рынков алкоголя), в России произошло огромное сокращение количества заводов-производителей спирта на алкогольном рынке – со 130 до 35! [9]. Данную тенденцию нередко ставят в вину государству. Характерным здесь является следующее сообщение ФАС от 12 мая 2011 г.: «ФАС не поверила «Росспиртпрому». Речь шла о том, что Управление Федеральной антимонопольной службы (УФАС) по Чувашии посчитало неправомерным прекращение в 2010 г. производства алкогольной продукции в республиканских филиалах ОАО «Росспиртпром» (в частности, ЛВЗ «Чебоксарский» и спиртовой завод «Ядринский»). Также о заинтересованности государства в закрытии спиртовых заводов эксперты неоднократно высказывались на сайте «Слияния и поглощения» в связи с прекращением работы известнейшего в Сибири Мариинского спиртового завода (<http://mergers.ru/news/Mariinskij-spirtovoj-kombinat-v-Kemerovskoj-oblasti-vystavlen-na-prodazhu-vsego-cherez-tri-goda-posle-vozobnovleniya-proizvodstva-61207>) и др.

С учетом этого нельзя не напомнить о важнейших факторах размещения производительных сил, таких как сырьевой и потребительский, хорошо разработанных в советской науке и на практике. Для понимания остроты проблемы, связанной с тем, что современные рыночно-логистические подходы не учитывают *сырьевой фактор размещения производства*, процитируем следующую региональную публикацию [10]: «В неблагоприятных условиях 2017 года многие хозяйства, получившие большой урожай зерна не лучшего качества, могли бы реализовать его на спиртзаводы. Однако не смогли этого сделать. Ранее работавшие Ливенский ОАО «Этанол», ЗАО «Орловский кристалл», ООО «Мценский спиртоводочный комбинат “Орловская крепость”», ОАО «Орловский винзавод» закрылись.

Каждое из этих производств являлось градообразующим предприятием в городах и поселках. Кроме того, это были объекты социально-экономического назначения, приносящие немалые доходы в бюджеты разных уровней». Однако сегодня «...в числе приоритетных направлений по развитию АПК в Орловской области на 2018 год – переработка мяса, масличных культур, сахарной свеклы, молока, продукции растениеводства, наращивание объемов семеноводства и подработки семян. По данным Росстата, этиловый спирт последний раз производился в Орловской области в 2013 году в объеме 85,98 тыс. декалитров. При этом Орловская область получала в избытке различные виды зерна, здесь есть картофель, сахарная свекла, сахар-сырец и другие виды пищевого сырья, необходимого для производства этилового спирта. Для сравнения: соседняя Тульская область, производящая в разы меньше зерна, почему-то сохранила спиртовой бизнес и в 2016 году произвела 262,24 тысячи декалитров, положительная динамика отмечается и в Тамбовской области. По данным того же Росстата, крупнейшими производителями водки в ЦФО являются Московская и Белгородская области, в 2016 году они произвели 286,68 и 104,3 тыс. декалитров водки соответственно. Орловская область с 2014 года в списках производителей алкогольной продукции вообще не значится». И Орловская область, к сожалению, это не единичная иллюстрация нерационального размещения производства с точки зрения сырьевого фактора, а закономерность современной отечественной так называемой капиталистической экономики. Изучение официальной статистики Росстата не показывает ровным счетом никакой связи между объемами производства зерна в российских регионах, с одной стороны, и, с другой – объемами производства спирта. Отсюда многочисленные высказывания экспертов в сети Интернет относительно, во-первых, необоснованности размещения производства спирта в стране, а во-вторых, догадки о «нефтяной» неорганической природе производимого в стране спирта и, как следствие, об обмане потребителя и о несоответствующем ГОСТ низком качестве главного продукта из него – водки, вопреки рекламным слоганам вроде «Государственные заводы Росспиртпром – традиции производства с XIX века».

Вообще *потребительский фактор размещения производства* имеет огромное значение для нашей большой по размерам территории и холодной по климатическим условиям страны. На сегодня крупнейшим производителем спирта этилового на отечественном рынке является АО «Росспиртпром». Так, на главной странице сайта АО «Росспиртпром» (<http://www.rosspirtprom.ru/>) размещена информация о том, что по итогам 2016 г. доля АО «Росспиртпром» в общем объеме поставок спирта ликероводочным заводам страны составила 87%. Компания отгрузила производителям алкогольной продукции 21,4 млн дал этилового спирта из пищевого сырья, в том числе с 12 заводов-производителей спирта «Альфа». Список и карта размещения на территории России всех, государственных и частных, заводов-производителей спирта «Альфа» (заводов, производящих спирт «Люкс», еще меньше) на сайте <https://o-zavodah.ru/> демонстрируют практи-

чески полное смещение легального производства спирта из Сибири и с Дальнего Востока далеко за Уральский хребет.

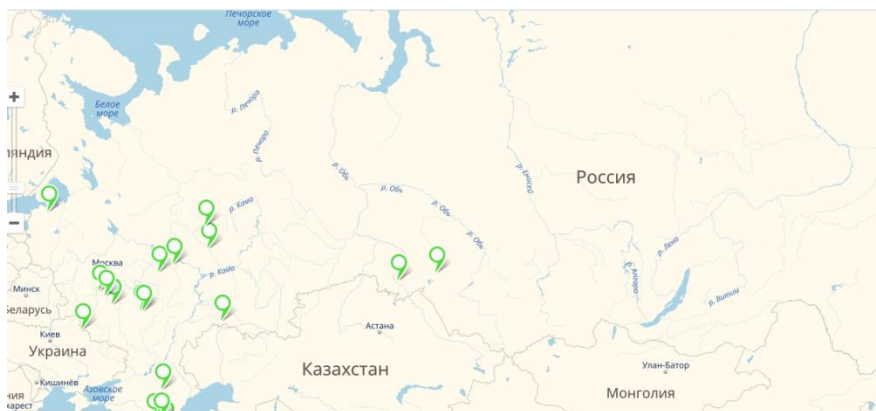

Рис. 1. Размещение на территории России заводов-производителей спирта «Альфа»

Итак, представленная карта размещения спиртовых производственных мощностей явно не учитывает высокую потребительскую стоимость спирта. Противопоставим ныне вошедшим в моду негативным этико-культурным оценкам этого продукта описание Д.И. Менделеева, подготовленное для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Но так как спирт, действуя возбуждающим образом, в то же время как горючее вещество непосредственно служит и пищевым средством, развивающим теплоту... и в этом отношении сходен с жирами, сахаристыми и крахмалистыми веществами, то умеренное потребление спиртных напитков, особенно разбавленных (пиво, квас, виноградные вина, водка), должно считать отвечающим естественным потребностям...» [8. С. 448].

Также противоречит карта размещения спиртовых производственных заводов в России и азам рыночной экономики. То, что длина транспортного плеча маршрута доставки продукции до потребителя не должна постоянно, в долгосрочном периоде, расти, относится к таким азам. Транспортный тариф как составляющая издержек фирмы (статья «коммерческие расходы») испытывает влияние и растет ввиду действия таких факторов, как пространственный – длина транспортного плеча маршрута, временной – скорость движения транспортного средства по маршруту, фактор сохранности потребительской стоимости грузов и комфорта пассажиров и т.д. и т.п. [11].

К сожалению, исследование проблемы минимизации длины транспортного плеча на отечественном алкогольном рынке характеризуется дефицитом современных российских публикаций, поиск на данные ключевые слова выдает лишь единичные результаты (впрочем, по всей видимости, в англоязычной литературе ситуация с анализом тамошних рынков еще хуже). К примеру, решением этой проблемы занимаются в Татарстане, в комплек-

се планируя размещение спиртовых и ликероводочных заводов. Это неудивительно, так как Татарстан лидирует в производстве спирта и водки, удивительно, что всех остальных производителей, судя по открытым публикациям, эта проблема не занимает. А она только усугубляется, в том числе под влиянием эффекта пресловутой системы «Платон» [12. С. 59], так как изучение нами информации о закупках АО «Росспиртпром», доступной на сайте АО и сайте zakupki.gov.ru, показывает явный приоритет автотранспорта в грузоперевозках Росспиртпрома.

В вялотекущем режиме, увы, на периферии хозяйственной практики и очень далеко от модных семинаров и конференций по логистике идет научный поиск с вопросами, стоит ли сохранять отечественных экономико-географов, воспитанных в духе доминировавшей многие десятилетия районной школы [13. С. 31], о формировании парадигмальной теории региональной экономики [14] и как надо переходить от размещения производительных сил к региональной экономике [15]. А в это время проблемы размещения производства на огромной территории страны просто «провалились» между двумя несущими конструкциями мейнстрима «Экономика» – макроэкономикой и микроэкономикой. Ученые А.И. Татаркин и Е.Г. Анимича в названных выше своих статьях совершенно справедливо отдают дань большого уважения источникам литературы советского периода по размещению производительных сил. Того же нельзя сказать о зарубежных источниках: почему-то были незаслуженно забыты труды нашего выдающегося соотечественника, лауреата Нобелевской премии по экономике В.В. Леонтьева, разработавшего теорию межрайонных связей вокруг базовой экономической категории «транспортные расходы» [16. С. 111]. Василий Васильевич широко во всех смыслах (как в научно-практическом, так и в географическом – США, Япония и мн. др.) применял балансовый метод для оценки и моделирования межрайонных и внутрирайонных экономических связей. Транспортно-экономический баланс, по Леонтьеву, является основой для разработки межрайонных и внутрирайонных грузопотоков.

Для построения транспортно-экономического баланса отдельного объекта (региона, округа и т.п.) должны использоваться документы стратегического планирования в РФ (генеральные схемы, транспортные стратегии и т.д.), но пока этому мешает отсутствие взаимодействия между органами власти и хозяйствующими субъектами. Вследствие решительного отказа от прогрессивного опыта планирования в СССР в России сегодня возникают проблемы с построением не только транспортно-экономических балансов территорий, но и отдельных продуктовых балансов. Например, это касается зернового баланса, возвращаясь к сырьевому фактору размещения в стране производства спирта из пищевого сырья. Так, согласно опубликованному тексту по итогам совещания «О прогнозном балансе ресурсов и использования зерна в Российской Федерации» Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию (http://agrarian.council.gov.ru/activity/activities/other_activities/77535/Совеща

ние) от 13 февраля 2017 г. «в настоящее время в РФ отсутствуют достоверные статистические данные по потреблению хлеба и, соответственно, муки. ...Рассчитать зерновой баланс также не представляется возможным, так как колебания в количестве требуемого зерна для производства пшеничной муки находятся в пределах от 13 до 19 млн т. По итогам совещания были даны следующие рекомендации: подготовить уточненные прогнозные балансы продовольственных ресурсов на период до 2020 года с учетом продолжения осуществления импортозамещения в агропромышленном комплексе и обеспечения продовольственной безопасности; Минэкономразвития РФ: разработать методологию обеспечения достоверности данных Росстата по объемам производства и потребления зерна и продуктов его переработки; Росстату: повысить качество предоставления информации и статистики по зерновым балансам, разработать понятийный аппарат определения категорий качества зерна и методiku достоверности и точности предоставляемых данных, системного количественного и качественного учета зерна под углом рассмотрения зернового баланса не как статического, а как динамического процесса».

Также в названном опубликованном докладе Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию не обошел стороной и рассматриваемые в настоящей статье проблемы логистики: «Ключевым вопросом становится логистика: сегодня можно констатировать, что до 40 процентов от стоимости зерна по перевозке из Сибири прежде всего и Урала в центр России составляет стоимость железнодорожной перевозки».

Наконец, прокомментируем рис. 1 о нерациональном размещении спиртовых заводов на территории России с точки зрения современного зарубежного опыта и дореволюционного отечественного и зарубежного опыта поддержки местных сельхозпроизводителей через налоговую (акцизную) политику, вновь обратившись к трудам Д.И. Менделеева.

Начнем с современного зарубежного опыта. «Отличительной чертой зарубежного регулирования алкогольной отрасли является проведение сбалансированной концепции развития и регулирования алкогольного рынка с участием федерального центра, регионов и бизнес-сообщества, которая закреплена на законодательном уровне» [7]. Во многих странах мира в стоимости алкогольной продукции высока доля акциза (хотя встречаются и исключения, например, в Италии и Испании отсутствует акциз на вино, а во Франции – крайне незначителен). Но, в отличие от подхода Правительства РФ, налоговая политика в зарубежных странах не нацелена только на увеличение доходной части государственного бюджета, под ее «безжалостным катком» не гибнет легальное производство. К примеру, госмонополия на оборот этилового спирта в Германии предполагает закупку спирта Федеральным монопольным управлением за оборотом спирта у мелких производителей (700 малых и средних спиртзаводов, 28 тыс. мелких винокурен, работающих по давальческой схеме с 200 тыс. поставщиками сельхозсырья). При этом закупки проводятся по фиксированной цене

(в 4–6 раз выше среднерыночной), и таким образом, госмонополия по сути является инструментом государственной поддержки сельхозпроизводителей [7]. В самом начале статьи мы критиковали министерства и ведомства РФ за отсутствие научного экономического обоснования выдвинутых ими во главе с премьер-министром Д.А. Медведевым возражений против законодательной инициативы депутатов Государственной Думы РФ о введении госмонополии на алкогольном рынке России в январе 2018 г. Но будем справедливы, непродуманным, поверхностным является и сам текст разработчиков по финансово-экономическому обоснованию к проекту Федерального закона «О государственной монополии на производство и оборот этилового спирта». Вот он уложился в полторы строки ровно: «Принятие настоящего проекта федерального закона не повлечет дополнительных расходов из средств федерального бюджета». Более чем странное суждение на фоне, во-первых, опыта Германии по субсидированию производителей, перерабатывающих зерновые культуры и пищевое сырье в спирт, а во-вторых, собственных деклараций о форсированном развитии сельхозпроизводства, разрабатываемых дорожных карт поддержки развития органического сектора сельского хозяйства в рамках политики импортозамещения и т.д. и т.п.

С благодарностью за сохранение и передачу своего собственного и зарубежного дореволюционного прогрессивного опыта вновь обратимся к трудам Д.И. Менделеева о налоговых льготах по акцизу на спирт, так же как и в Германии, предназначенных для поддержки мелких сельхозпроизводителей и переработчиков сельхозсырья в спирт: «...акцизное обложение спирта должно считать одним из рациональнейших видов собирания государственных доходов, *особенно же, если при этом настолько приняты во внимание интересы сельскохозяйственного винокурения, что оно может конкурировать с заводско-капиталистическим винокурением*» [8. С. 448]. Вот это действительно антимонопольные подходы к сохранению и развитию отечественной спиртовой промышленности в комплексе с развитием сельского хозяйства во многих регионах нашей большой страны! Воплощение же совершенно иных современных подходов к рассматриваемой отрасли экономики уже привело к формированию олигополистической структуры рынка с незначительным числом легальных продавцов [17. С. 54].

Продолжим цитировать Д.И. Менделеева. «Здесь сущность дела состоит в том, что винокурение служит к превращению на месте производства продуктов земледелия (картофель, кукурузу, свеклу, хлебные зерна) в вещество (спирт) более ценное, чем они, весящие (100 частей крахмала дают около 50 частей крепкого продажного спирта. 100 частей хлеба дают около 25 частей продажного спирта. 100 частей картофеля – около 10 частей спирта) и содержащее только (воду, углерод и водород) начала, получаемые растениями из воздуха, когда как все почвенные начала (азотистые и зольные), определяющие плодородность почв, остаются в барде и могут служить для откармливания животных и удобрения полей. Отсюда ясно видно, что продавая спирт вместо хлеба и других продуктов земледелия,

сельские хозяева могут не только получать наивысший доход, не только предохранят землю от истощения, но и умножат количество разводимого скота, что составляет в соединении с земледелием и заводским делом доныне одну из высших форм интенсивного сельскохозяйственного производства. Тогда как сельскохозяйственное винокурение, по самому своему существу, должно ограничиваться малыми размерами и лишь частью годичного времени (после сбора продуктов земледелия, в зимнее время, когда корм скоту труднее получается), то оно противу обширных коммерческих предприятий должно иметь много невыгод, зависящих от того, что проценты на обзаведение, управление и многие общие расходы, уменьшающиеся при увеличении размера переработки, раскладываются на малое количество товара, а технические усовершенствования малым заводам труднее доступны, чем большим, и так как выгоды от хозяйственного пользования бардою (коммерческие заводы должны продавать ее в посторонние руки) малозначительны, то при прочих равных условиях крупное коммерческое винокурение естественным образом подавляет сельскохозяйственное... Поэтому с 1886 г. в акцизных узаконениях России являются различные льготные условия для конкуренции мелких винокуренных заводов с крупными. ...с правом акцизной скидки 4% с первых 5 тыс. ведер безводного спирта, 2% со следующих 5 тыс. ведер безводного спирта» [8. С. 449–450] и т.д. *«Поэтому акцизное обложение винокуренных заводов получает во многих странах некоторые облегчения, когда материалом служат местные продукты, производимые в имении (или в совокупности нескольких имений) владельца завода, т.е. когда винокуренное производство входит в состав хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве. В России сыздавна винокурение распределялось отчасти между крупными коммерческими предприятиями, отчасти у помещиков (особенно в западных губерниях) и мелких сельскохозяйственных винокурнях... Льготу, дарованную сельскохозяйственному винокурению, должно считать весьма крупной и могущею оказать влияние на распространение мелкого хозяйственного винокурения»* [8. С. 450].

Итак, можно подытожить, что с точки зрения прогрессивных дореволюционных и современных международных подходов к регулированию алкогольного рынка отсутствие в России государственных субсидий для малых и средних сельхозпроизводителей и спиртовых заводов, а также льгот по акцизам компенсируется значительными масштабами нелегального сектора производства спирта и водки, в том числе бурно развивающихся в последние годы секторов самогонварения и производства самогонных аппаратов. Наш вывод вполне согласуется с выводом М.Б. Латынцевой о том, что «...проблема фальсификата была создана на рынке алкогольной продукции искусственно, в результате непродуманной политики, нацеленной только на увеличение поступлений в бюджет без учета социально-экономических последствий» [12. С. 57]. И в подобном ключе острота проблемы, о которой много говорят и пишут, существенно снижается, хотя сама проблема остается. Действительно, наше обширное по географии по-

левое исследование с применением мобильного приложения «Анти-контрафакт-Алко» позволило выявить многочисленные нарушения как со стороны производителей водки, так и со стороны торговых организаций – от сельпо в Хакасии до федеральных торговых сетей в крупных российских городах. Как показали результаты нашего анкетирования, охватившего сотни россиян-студентов российских вузов, 90% респондентов никогда не слышали о мобильном приложении «Антиконтрафакт-Алко» и не пользовались им для определения легальности производства и продажи своей покупки.

Но остается также немаловажный вопрос качества пищевого сырья, используемого легальными и нелегальными производителями алкогольной продукции. Оправданы ли страхи о «нефтяном», синтетическом спирте? Или исходное сырье для производства спиртов «Альфа», «Люкс» действительно соответствует ГОСТ? К сожалению, наша кропотливая работа с доступными эмпирическими данными не привела к положительному ответу на поставленный вопрос, хотя в силу объективных причин мы не располагали полной информацией. Здесь объектом для исследования выступал раздел «Закупки» сайта АО «Росспиртпром», на котором бессистемно размещена очень ограниченная информация, а именно планы закупок на 2014 и на 2016 гг., а также отчет о закупках за далекий 2012 г., когда не были приобретены основные спиртовые заводы. Мы дополнили анализ закупок сайта АО «Росспиртпром» информацией на сайте zakupki.gov.ru за период 2014–2017 гг. Проведенный анализ приводит к выводу, что расходы на транспортировку продукции автотранспортом многократно превышают расходы на закупку зерновых культур как стратегического сырья для производства спирта «Альфа» и «Люкс». Данный факт не позволяет авторам статьи развеять страхи и сомнения россиян об истинном происхождении сырья для производства спирта, а значит и водки, опровергнуть слухи о распространении китайского синтетического спирта в России и поверить слогану на сайте АО «Росспиртпром» о верности многовековым традициям качества.

Д.И. Менделеев: «Имея спирт, тотчас легко получить водку».
О разделении труда, снова о СОПС и парадоксе ценообразования
на водку в розничной торговле

М.Б. Латынцева описала известный в кругу российских специалистов «акцизный парадокс» [12. С. 57]. Он заключается в том, что, несмотря на сокращение объемов производства алкогольной продукции (табл. 3), а официальный провал по водке произошел за 6 лет более чем на четверть, увеличение ставки акциза вызывает рост розничных продаж.

Таблица 3. Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака

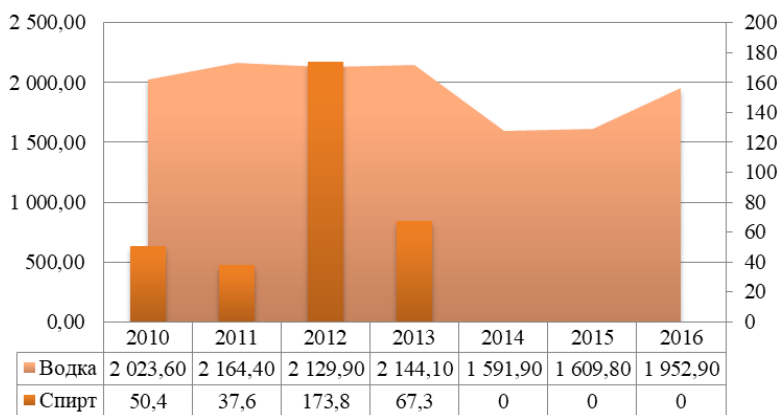
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Водка, млн дкл	95,1	86,3	97,8	85,7	68,8	63,0	73,2

Источник: Росстат.

Это подтверждает объективность выбранного нами для исследования подхода – анализировать только натуральные показатели как производства спирта и водки в млн. или тыс. дал (дкл), так и внешнеторговых операций с ними – в млн кг.

В силу резкого сокращения количества спиртозаводов почти не наблюдается взаимосвязи по территории присутствия производственных мощностей по производству спирта, с одной стороны, и водки – с другой, кроме Приволжского федерального округа, но исключение лишь подтверждает правило (рис. 2). Пример из того же ряда: в прошлом 2017 г. АО «Росспиртпром» совсем прекратило выпуск алкогольных напитков и сосредоточилось исключительно на производстве этилового спирта (источник: <http://konturalco.ru/stati/medvedev-proizvodstvo-spirta-nuzhno-kontrolirovat-zhestche>).

Дальневосточный ФО

Приволжский ФО

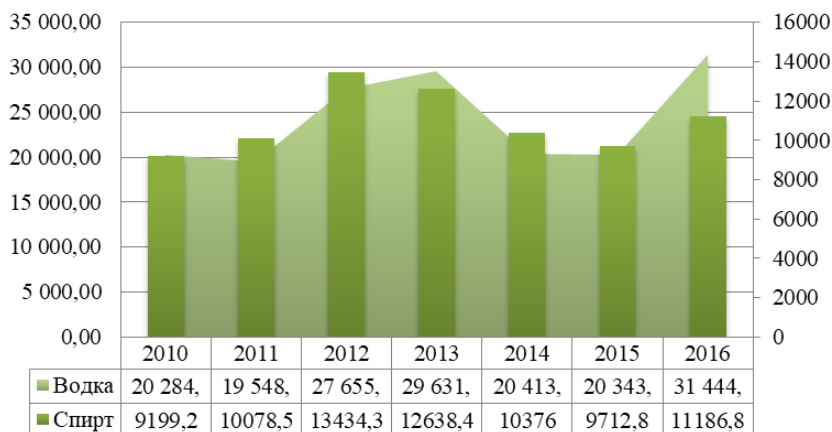
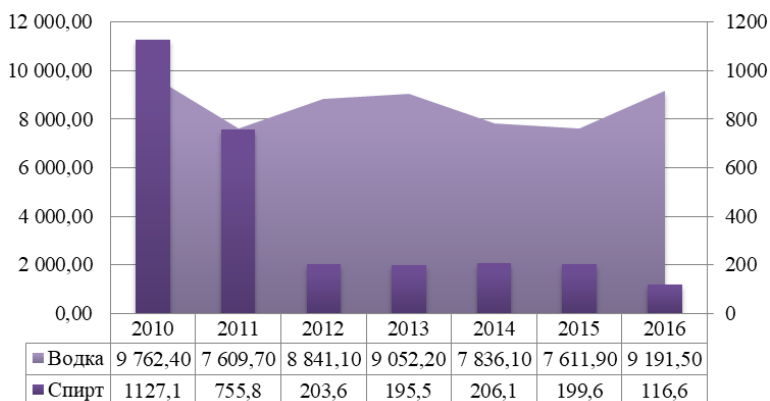
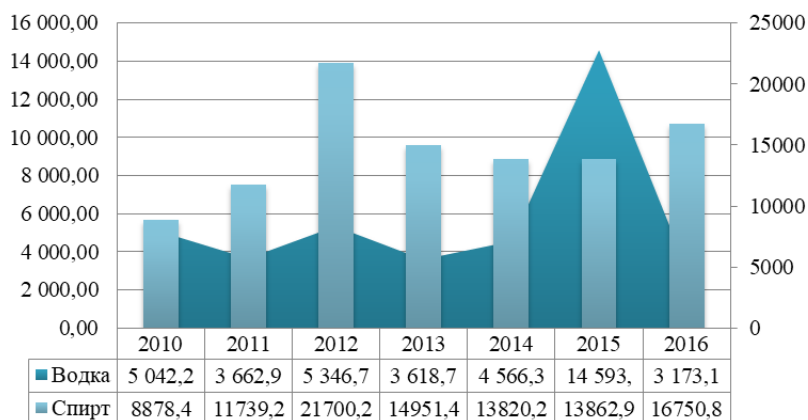

Рис. 2. Соотношение показателей производства спирта и водки, по данным Росалкогольрегулирования (стат. сборники 2010–2012, 2011–2013, 2014–2016) [18–20]

Северо-Западный ФО

Северо-Кавказский ФО

Сибирский ФО

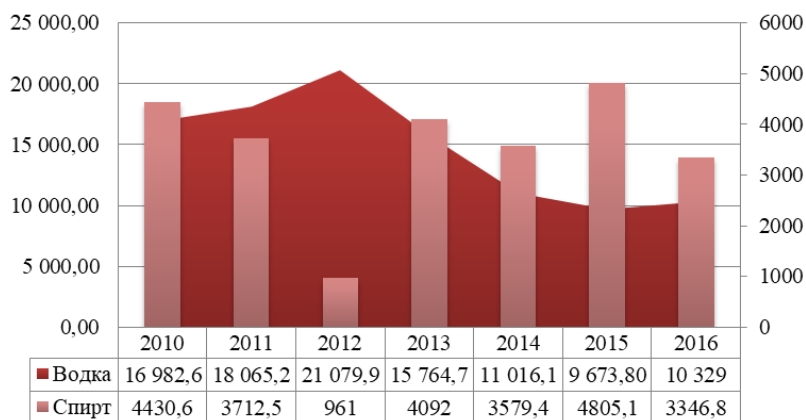
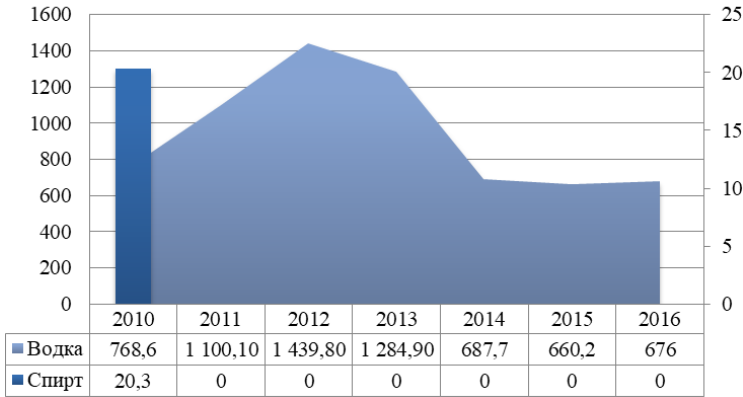
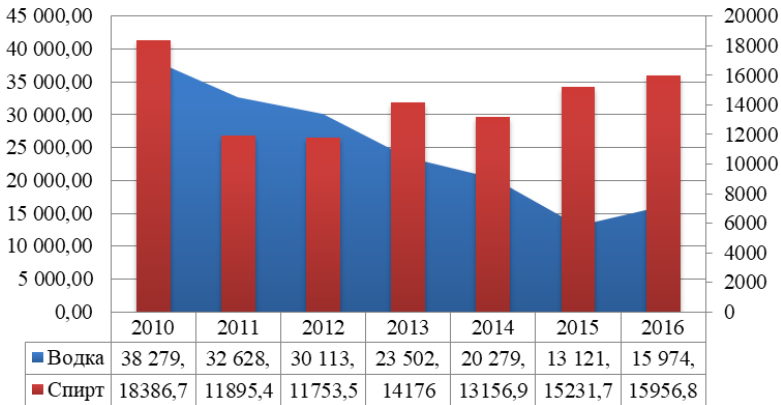

Рис. 2. Продолжение

Уральский ФО

Центральный ФО

Южный ФО

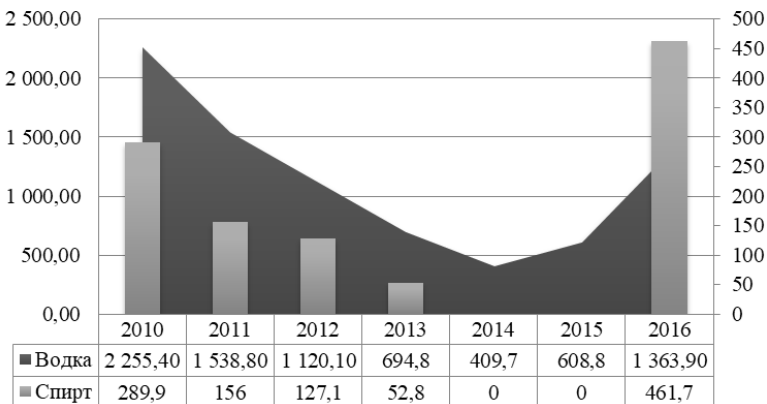

Рис. 2. Окончание

Сегодня в свете санкций мы много говорим о развале системы мирового разделения труда, но ничего не говорим о размещении производства, производительных сил внутри своей страны – особенно о реализации политики импортозамещения. В ее рамках Минпромторгом в 2015 г. были разработаны отраслевые планы импортозамещения, но без обоснования территориального размещения производства. Пока по заказу субъектов РФ преимущественно специалисты в области архитектуры разрабатывают схемы территориального планирования в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Генеральная схема размещения разработана лишь в одной-единственной отрасли отечественной экономики – в сфере энергетики.

Но вопреки сложившейся в России хозяйственной практике и экономической политике авторы настоящей статьи всецело поддерживают один из ключевых тезисов монографии «Долговая проблема как феномен XIX века», выпущенной в МГУ им. Ломоносова под редакцией заведующего кафедрой политэкономии МГУ А.А. Пороховского. Именно разделение труда (эффект организации) характеризуется как универсальное средство устранения негативных тенденций в экономике [21]. Напомним, что учеными кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. Ломоносова создана научная школа, известная как «отечественная районная школа экономической географии». Ее теоретические основы были заложены профессорами Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским, развиты в трудах Ю.Г. Саушкина и многих профессоров кафедры, внесших большой вклад в формирование и развитие теории и методологии социально-экономической географии, экономико-географического районирования, географии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства, сферы услуг, географии населения, геоурбанистики, методов экономико-географических исследований.

Процитируем заведующего кафедрой экономической и социальной географии России МГУ им. Ломоносова, профессора В.Л. Бабурин: «Теоретический багаж советской школы был преимущественно разработан для индустриальной эпохи, более того, для ее начальных стадий – в основном второй и, отчасти, первой, промышленных революций. Поэтому в части, касающейся исследований основных отраслей лидеров этой фазы общественно-исторического развития (промышленность, наука, строительство), многое может использоваться и далее, естественно, при условии соответствующей модернизации... В условиях реанимации планирования, прежде всего в части стратегического и территориального управления, имеет перспективу и районное направление в советской экономической географии. Речь в первую очередь может идти о ряде в прошлом широко используемых методов (балансовый, производственных функций, основного потока и др.). Однако эти методы необходимо адаптировать к новым информационным задачам. Более того, районирование вновь имеет возможность получить конструктивную, а не только исследовательско-систематизационную направленность» [13. С. 33–34]. Считаем не случайным, а закономерным упоминание профессора В.Л. Бабурин о работе с СОПС [13. С. 68].

Наряду с многолетними кабинетными исследованиями национального алкогольного рынка мы также провели в 2018 г. полевые исследования уровня цен на водку в розничной торговле Томска, Новосибирска и Москвы, по результатам которых была составлена табл. 5. Сравнительный анализ данных в двух последних по графиках таблицы позволяет говорить еще об одном парадоксе на алкогольном рынке России – парадоксе нечувствительности цены бутылки водки к величине транспортных расходов на ее доставку внутри РФ (за единичными исключениями).

Таблица 5. Выявление зависимости между расстоянием перевозки 1 бутылки водки (0,5 л) по территории России и ее ценой в розничной торговле*

Торговая марка	Производитель	Город производителя	Город потребителя	Цена, руб., за 0,5 л во II квартале 2018 г.	Расстояние, км
Пять озер Премиум	ООО «Омсквин-пром»	Омск	Томск	379,99	901
Пять озер Премиум	ООО «Русский Купажный завод»	Горбово (Московская обл.)	Москва	379,99	761
Пять озер Особая	ООО «Омсквин-пром»	Омск	Томск	340,99	901
Пять озер	ООО «Русский Купажный завод»	Горбово (Московская обл.)	Москва	284,99	761
Беленькая Люкс	АО «Бастион»	Пермь	Томск	307,99	2236,6
Беленькая	ООО «Георгиевский»	Краснознаменск (Московская обл.)	Москва	322,99	52,5
Беленькая	ООО «Георгиевский»	Краснознаменск (Московская обл.)	Новосибирск	284,99	3429,6
Беленькая Люкс	АО «Бастион»	Пермь	Новосибирск	285,99	1978,3
Беленькая Золотая	АО «Бастион»	Пермь	Новосибирск	291,99	1978,3
Хаски (HUSKY)	ООО «Омсквин-пром»	Омск	Томск	389,99	901
Хаски (HUSKY)	ООО «Русский Купажный завод»	Горбово (Московская обл.)	Москва	389,49	761
Белая березка	ООО «Омсквин-пром»	Омск	Томск	469,99	901

Торговая марка	Производитель	Город производителя	Город потребителя	Цена, руб., за 0,5 л во II квартале 2018 г.	Расстояние, км
Белая безрезка	ООО «Омсквин-пром»	Омск	Новосибирск	493,59	645,1
Особая Славянская Ржаная из Отборной ржи	ООО «Альфа Люкс»	Чердаклы (Ульяновская обл.)	Томск	279,99	2797,2
Особая Славянская Ржаная из Отборной ржи	ООО «Альфа Люкс»	Чердаклы (Ульяновская обл.)	Москва	279,99	909,9
Мягков	АО «Бастион»	Пермь	Новосибирск	320,99	1958
МЯГКОВ СЕРЕБРЯНАЯ	ОАО «Баш-спирт»	Уфа	Новосибирск	320,99	1998,6
Особая Легкая водка воздух	АО «ВУЛВЗ»	Великий Устюг	Новосибирск	377,99	2958,9
МЕДОФФ ЛЮКС	ООО «Старооскольский ЛВЗ “Люкс”»	Старый Оскол	Новосибирск	369,99	3464,7
TUNDRA AUTHENTIC С. ВОДКА КРАЙНЕГО СЕВЕРА	АО «Гатспиртпром»	Казань	Новосибирск	386,99	2536,4
СМИРНОВЪ № 21	ООО «ЛВЗ “Саранский”»	Саранск (Мордовия)	Томск	315,99	3061,2
Особая Серебряная Прохлада, ТМ Хортиця	ООО «Родник и К»	Мытищи (Московская обл.)	Томск	349,99	3622,9
Путинка Классическая	ООО «ПК Кристалл-Лефортово»	Курск	Томск	299,99	3827,5
Царская Оригинальная	ООО «Группа ЛАДОГА»	Санкт-Петербург	Томск	499,99	4096,6
Белуга Нобл	АО «Мариинский ЛВЗ»	Мариинск	Томск	981,99	221,7
Русский Север Традиционная	ООО «Родник и К»	Мытищи (Московская обл.)	Томск	239,99	3622,9
Журавли	ООО «Парламент Продакшн»	Балашиха (Московская обл.)	Москва	339,99	40,5

Торговая марка	Производитель	Город производителя	Город потребителя	Цена, руб., за 0,5 л во II квартале 2018 г.	Расстояние, км
Парламент	ООО «Парламент Продакшн»	Балашиха (Московская обл.)	Москва	379,99	40,5
Царская Оригинальная	ООО «Группа ЛАДОГА»	Санкт-Петербург	Москва	432,99	717,5
Столичная	ООО «СВК»	Маринск	Новосибирск	356,99	424,9

* Составлена авторами.

Итак, в общепринятую в долгосрочном периоде (более века) международную специфику ценообразования на спирт и водку, где цена главным образом определяется акцизом, а не расходами, современная ситуация в российском спиртовом производстве добавила еще один важный элемент, а именно всевозрастающие транспортные (коммерческие) расходы из-за систематического удлинения транспортного плеча маршрута, внедрения системы «Платон» на автоперевозки, постоянного роста внутренних цен на бензин независимо от понижения или повышения мировых цен на нефть, и мн.др. Исходя из этого, мы делаем вывод, что вынужденная компенсация всевозрастающих транспортных расходов на доставку продукции может быть признана вслед за акцизом одним из факторов формирования масштабного нелегального сектора в производстве и обороте спирта и водки в России. И, как следствие, легальный алкоголь становится все более недоступным для граждан нашей страны. Например, если в 2016 г. в Финляндии средняя зарплата составляла 200 поллитровых бутылок водки, в Польше – 280, то в России – всего 108 таких бутылок [22].

Вместо заключения. О недостоверности статистических данных, сборе эмпирической информации и роли российских университетов в регионах в этом процессе

Почему, несмотря на появление многочисленных отделов и департаментов по логистике на российских предприятиях экономическая ситуация в сфере логистики в разных отраслях похожа на неуправляемую? На наш взгляд, проблемы кроются во многом в недостоверности статистических данных. Напомним, выше уже был приведен вывод Комитета Совета Федерации о ситуации на зерновом рынке, где были констатированы проблемы с недостоверностью статистических данных и невозможность построения продуктовых балансов. Похожую ситуацию мы видим и на рынке водки. Математическая обработка данных статистических сборников Росалкогольрегулирования показала низкое качество исходной информации, что не может не привести к полному отсутствию в результате каких-либо выявленных закономерностей (приложение).

Ошибки, природу которых невозможно каким-либо приемлемым образом объяснить, встречаются в изданиях авторитетных экспертных органи-

заций. Ниже предлагаем выдержки из двух квартальных отчетов (за январь–октябрь 2016 г. и январь–октябрь 2017 г.) Аналитического центра при Правительстве РФ <http://ac.gov.ru/> в части импорта водки в РФ. Просим читателя обратить внимание на натуральные показатели за период 2016 г. и сравнить их значения, исходя из обеих таблиц рис. 3.

Импорт

январь–октябрь 2016 года

		2203-Л-Пиво солодовое	2204-Л-Вина виноградные натуральные, включая крепленые; сусло виноградное, кроме указанного в товарной позиции 2009	220860-водка*
октябрь 2015 года	млн долл.	7,7	75,7	5,2
	тыс. дал	917,5	4059,1	51,5
октябрь 2016 года	млн долл.	10,2	79,8	5,0
	тыс. дал	1066,9	4003,2	65,3
октябрь 2016 к октябрю 2015	млн долл.	▲ 32,2%	▲ 5,4%	▼ 2,8%
	тыс. дал	▲ 16,3%	▼ 1,4%	▲ 27,0%
январь–октябрь 2015	млн долл.	94,3	545,0	36,2
	тыс. дал	10611,4	32422,2	385,6
январь–октябрь 2016	млн долл.	104,1	533,5	28,2
	тыс. дал	11823,8	31082,1	354,5
январь–октябрь 2016 к январю–октябрю 2015	млн долл.	▲ 10,4%	▼ 2,1%	▼ 22,0%
	тыс. дал	▲ 11,4%	▼ 4,1%	▼ 8,1%

Источник: ФТС России, данные от 25 декабря 2016 года

* в литрах 100% спирта

Импорт

январь–октябрь 2017 года

		2203-Л-Пиво солодовое	2204-Л-Вина виноградные натуральные, включая крепленые; сусло виноградное, кроме указанного в товарной позиции 2009	220860-водка*
октябрь 2016 года	млн долл.	10,3	80,3	5,1
	тыс. дал	10830,0	40078,3	655,9
октябрь 2017 года	млн долл.	19,3	110,3	7,6
	тыс. дал	20146,3	47492,3	970,4
октябрь 2017 к октябрю 2016	млн долл.	▲ 87,4	▲ 37,4	▲ 49,7
	тыс. дал	▲ 86,0	▲ 18,5	▲ 48,0
январь–октябрь 2016	млн долл.	104,3	534,8	28,2
	тыс. дал	118502,3	310964,6	3472,5
январь–октябрь 2017	млн долл.	158,4	754,7	47,7
	тыс. дал	175394,4	349735,1	7084,2
январь–октябрь 2017 к январю–октябрю 2016	млн долл.	▲ 51,9	▲ 41,1	▲ 69,1
	тыс. дал	▲ 48,0	▲ 12,5	▲ в 2 р.

Источник: ФТС России, данные от 19 декабря 2017 г.

* в литрах 100% спирта

Рис. 3

Какое может быть дано объяснение выявленным разночтениям «на порядок» (в 10 раз) в *официальной* статистике внешней торговли, работающей на подготовку принятия управленческих решений самого высокого уровня по алкогольному рынку? Видимо, это огрехи перевода показателей таможенной статистики внешней торговли ФТС, измеряемых в кг, в тыс. декалитров (дал), которые мы видим в обеих таблицах Аналитического центра при Правительстве РФ? Или что-то другое? В любом случае подобные огрехи – это сигнал о больших проблемах в официальной статистике и, как следствие, в обосновании принятия управленческих решений. Убеждены, что это в том числе следствие изолированности Росстата, ФТС и других государственных организаций от исследовательской деятельности преподавателей и студентов вузов России.

Протицируем двух нобелевских лауреатов по экономике, которые с периодичностью в полвека поднимают актуальнейшую проблему экономических исследований. К сожалению, оба высказывания прозвучали в США, а не в России. В.В. Леонтьев сказал: «Вместо того, чтобы тратить силы и время на построение более сложных моделей, я предпочитаю заниматься исследованием и объяснением реального мира». По выражению известного историка науки М. Блауга, «...основная мысль, красной нитью проходящая через все работы Леонтьева, заключается в том, что экономисты должны “пачкать руки”, работая непосредственно с “сырыми данными”» [23. С. 6]. И с перерывом почти в 50 лет, в 2015 г., Ангус Дитон фактически повторил: «Сегодня проблемы измерения не находятся в центре экономической науки», «академические ученые проводят гораздо меньше времени с работниками и поставщиками данных, чем это было раньше» [что идет во вред и тем, и другим] ...часто не понимают значение данных, с которыми работают» [24. С. 175].

Как следует из приведенных выше двух цитат, проблема взаимодействия исследователей и поставщиков эмпирических данных о национальной экономике носит международный характер. Но, к примеру, в России дальше переподчинения Росстата от ведомства к ведомству в обозначенной проблеме никуда не продвинулись. В последние годы мы вынуждены наблюдать, как в РФ из регионов «уходит» аналитическая функция по обработке эмпирических данных везде: в региональных отделениях Росстата, в банковских организациях и т.д. Неоправданная централизация аналитической работы с первичными экономическими данными тесно связана с другой «болезнью» современной российской экономики – штаб-квартиры крупнейших компаний должны находиться только в г. Москве и очень редко – в г. С.-Петербурге. Как ни «набило оскомину» данное сравнение, но в США штаб-квартиры крупнейших компаний равномерно территориально распределены по американским штатам, с присутствием в очень маленьких городах с численностью населения менее 50–100 тысяч. Это есть целенаправленная политика выравнивания не только объемов поступлений местных налоговых доходов, но и формирования высокого качества рынка труда, образовательных услуг и т.д. Безоглядная централизация денежных

и информационных потоков, наблюдаемая в последние годы в России, привела к тому, что даже в ведущих исследовательских университетах, например, в Томском государственном университете нет ни одной лаборатории, систематически работающей по сбору и обработке эмпирических данных. НИУ ВШЭ, работающий с Росстатом, является исключением, которое подтверждает правило. Круг замыкается – в регионах нет штаб-квартир предприятий, студентов некуда направлять на практику и стажировку, у преподавателей вузов формируется дефицит эмпирической информации о состоянии национальной экономики, сама экономика – дисбалансирована и не развивается. И в долгий ящик откладывается, например, научное, в историческом и международном аспектах, с фокусом на региональном развитии, в том числе сельского хозяйства, обоснование вопроса о введении госмонополии на крепкий алкоголь в России.

Литература

1. Герасименко А.М. Зарубежный опыт индикативного планирования // Успехи современной науки. 2016. № 11. С. 145–147.
2. Рассадина С. Опыт индикативного планирования во Франции в свете задачи структурной трансформации российской экономики // Научные исследования экономического факультета: электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 37–48.
3. Бондаренко Н.Ю. Цели и задачи индикативного планирования: зарубежный опыт // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2012. Вып. 1. С. 48–51.
4. Ашинова М., Чиназирова С. Зарубежный опыт индикативного планирования // Экономическая безопасность. 2017. Т. 2. 29 марта. С. 33–39.
5. Курбатова А.С. КЕПС и СОПС сегодня нужны России, как и Госплан // Территория и планирование. 2010.
6. Филиппов Д.А. Нерешенные вопросы государственного регулирования рынка алкогольной продукции Российской Федерации // Транспортное дело России. 2006. № 12-1. С. 56–59.
7. Тимошин А.Н. Анализ международного опыта регулирования алкогольного рынка // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 3. С. 308–311.
8. Менделеев Д.И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. 620 с.
9. ЦИФРРА: Центр исследований федерального и региональных рынков алкоголя. URL: <http://www.cifrra.info/> (дата обращения: 29.07.2018).
10. Боканча И. Обзор российского АПК: Новые горизонты Орловщины // Аграрная газета. № 23–24 (151–152). 1–31 декабря 2017 г. URL: http://zizh.ru/system/tdf/pdf/23-24_2017.pdf?file=1&type=node&id=4384&force
11. Евсеев С.В. Проблема развития транспорта в условиях глобализации мирового хозяйства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2006. URL: <http://www.dissercat.com/content/problem-a-razvitiya-transporta-v-usloviyakh-globalizatsii-mirovogo-khozyaistva#ixzz5M3QcnLNq>
12. Латынцева М.Б. Современное состояние рынка алкогольной продукции в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 4 (60). С. 54–61.
13. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / ред. и сост.: А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. 166 с.
14. Татаркин А.И., Анимича Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. 2012. № 3. С. 11–21.

15. Анимица Е.Г., Денисова О.Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2015. № 1. С. 5–15.
16. Леонтьев В.В., Холлис В. Ченери, Пауль Г. Кларк. Исследования структуры американской экономики: теоретический и эмпирический анализ по схеме «затраты-выпуск». М.: Госстатиздат, 1958. 639 с.
17. Михайлова Н.С., Овчинников А.С. Рынок алкогольной продукции России: экономико-правовой аспект // *Теория и практика мировой науки*. 2017. № 6. С. 51–57.
18. *Статистический сборник Росалкогольрегулирования «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции 2010–2012 гг.»*. М., 2013.
19. *Статистический сборник Росалкогольрегулирования «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции 2011–2013 гг.»*. М., 2014.
20. *Статистический сборник Росалкогольрегулирования «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции 2014–2016 гг.»*. М., 2017
21. *Долговая проблема как феномен XXI века / под ред. А.А. Пороховского* М., 2014.
22. Грозовский Б. Убийственный акциз. 2016. URL: <http://old.inliberty.ru/blog/2463-Ubiystvennyu-akciz>
23. Гранберг А. Парадоксы Леонтьева // *Поиск*. 2006. № 46 (912).
24. Белянова Е.В., Николаенко С.А. Парадоксы теории и реальная экономика: Нобелевская премия по экономике 2015 г. // *Экономический журнал ВШЭ*. 2016. Т. 20, № 1. С. 175–190.

Lozhnikova A.V., Dr. in Economics, Professor, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University. E-mail: tfg@mail.ru

Rozmainsky I.V., National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia). E-mail: irozmain@yandex.ru

Pchelintsev E.A., Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, National Research Tomsk State University. E-mail: evgen-pch@yandex.ru

Shakhijanov N., Student (undergraduate) of the National Research Tomsk State University. E-mail: konsiyarova-nata@mail.ru

Petrov N.V., Student (undergraduate) of the National Research Tomsk State University. E-mail: nik-p96@inbox.ru

Lozhnikov D.I., Student of the National Research Tomsk State University. E-mail: 2648494348289053d@inbox.ru

IS IT LOGISTICS INSTEAD OF PRODUCTIVE FORCES' PLACEMENT ON THE NATIONAL MARKET OF ALCOHOLIC PRODUCTS?

Keywords: balanced development and regulation of alcoholic market with federal authorities' participation, regions and business community; strategic planning; factors of productive forces' placing; transport cost; strategic of spatial development; logistics; Leontief's theory of interdistrict links; the Council for the Study of Productive Forces; market for ethyl alcohol rectified from food raw material and vodka.

The paper formulates the hypothesis about negative consequences of actual curtailing of the Council for the Study of Productive Forces' activity with more than 100-year history. Subject of research is domestic market for alcohol; relevant statistical data are published since 2010 by Federal Service for Alcohol Market Regulation. The paper emphasizes the problems of the domestic production of ethyl alcohol rectified from food raw material. These problems are extremely important in the course of its rising export in 2014–2017 and lively discussions of an introduction of the state monopoly. Authors believe that sharp decrease of quantity of ethyl alcohol-producing plants is economically unjustified as well as almost full transferal of production from Siberia and the Far East to the west of Ural. This point of view is based on the traditional – for the Soviet science – raw and consumptive factors of the placement of production. The paper also criticizes the contemporary excise policy of the Russian Federa-

tion regarding the alcohol products. This critique is based on the modern foreign experience and the pre-revolutionary Russian one (described by D. I. Mendeleev) regarding the support of local agricultural producers. On the base of field studies we revealed the contemporary paradox of insensitivity of a bottle of vodka's price to the transport cost of its delivery within Russia. Authors believe that necessary reimbursement of escalating costs of delivery of spirit and vodka – as well as excise tax – is one of the factors of illegal sector's emergence in production and trade. The paper reveals an existence of statistical errors in the official estimates of national vodka market. Furthermore, we come to the conclusion about the necessity of urgent decentralization of analytical effort in all industries of the economy and making more empirical studies in the scientific economic laboratories of the universities of all regions of Russia.

References

1. Gerasimenko A. M. Zarubezhnyj opyt indikativnogo planirovaniya // Uspekhi sovremennoj nauki, 2016. № 11, s. 145–147.
2. Rassadina S. Opyt indikativnogo planirovaniya vo Francii v svete zadachi strukturnoj transformacii rossijskoj ehkonomiki // Nauchnye issledovaniya ehkonomicheskogo fakul'teta. Ehlektronnyj zhurnal ehkonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova. 2017. Tom 9. Vyp. 1. S. 37–48.
3. Bondarenko N. YU. (2012). Celi i zadachi indikativnogo planirovaniya: zarubezhnyj opyt // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki. 2012. Vyp. 1. S. 48–51.
4. Ashinova M. i CHinazirova S. Zarubezhnyj opyt indikativnogo planirovaniya // Ehkonomicheskaya bezopasnost'. 2017. Tom 2. 29 marta. S. 33–39.
5. Kurbatova A.S. KEPS i SOPS segodnya nuzhny Rossii, kak i Gosplan // Territoriya i Planirovanie. 2010.
6. Filippov D.A. Nereshennyye voprosy gosudarstvennogo regulirovaniya rynka alkogol'noj produkcii Rossijskoj Federacii // Transportnoe delo Rossii. 2006. № 12-1. S. 56–59.
7. Timoshin A.N. Analiz mezhdunarodnogo opyta regulirovaniya alkogol'nogo rynka // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011.
8. Mendeleev D.I. Raboty po sel'skomu hozyajstvu i lesovodstvu. M.: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. 620 s.
9. CIFRRA: Centr issledovaniy federal'nogo i regional'nyh rynkov alkogolya <http://www.cifrra.info/> (Data obrashcheniya: 29.07.2018).
10. Bokancha I. Obzor rossijskogo APK: Novyye gorizonty Orlovshchiny // Agrarnaya gazeta. № 23–24 (151–152) 1–31 dekabrya 2017 GODA http://zizh.ru/system/tdf/pdf/23-24_2017.pdf?file=1&type=node&id=4384&force
11. Evseev S.V.(2006). Problema razvitiya transporta v usloviyah globalizacii mirovogo hozyajstva (avtoreferat kandidatskoj dissertacii). Samara, 2006. Nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov disserCat <http://www.dissercat.com/content/problema-razvitiya-transporta-v-usloviyakh-globalizatsii-mirovogo-khozyaistva#ixzz5M3QcnLNq>
12. Latynceva M.B. Sovremennoe sostoyanie rynka alkogol'noj produkcii v Rossii // Vestn. Om. Un-ta. Ser. «Ehkonomika». 2017. № 4 (60). S. 54–61. DOI: 10.25513/1812-3988.2017. C. 54–61.
13. Teoriya social'no-ehkonomicheskoy geografii: spektr sovremennyh vzglyadov. Red. i sost.: A.G. Druzhinin i V.E. SHuvalov. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2010. 166 s.
14. Tatarkin A. I., Animica E. G. (2012) Formirovanie paradigmal'noj teorii regional'noj ehkonomiki // Ehkonomika regiona. № 3. S. 11–21.
15. Animica E. G., Denisova O.YU. Ot razmeshcheniya proizvoditel'nyh sil k regional'noj ehkonomike // Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya. 2015. № 1. S. 5–15.

16. Leont'ev V.V., Hollis V. Cheneri, Paul' G. Klark. Issledovaniya struktury amerikanskoj ehkonomiki: teoreticheskij i ehmpiricheskij analiz po skheme «zatraty-vypusk». M.: Gosstatizdat, 1958.

17. Mihajlova N.S., Ovchinnikov A.S. Rynok alkogol'noj produkcii Rossii: ehkonomiko-pravovoj aspekt // Teoriya i praktika mirovoj nauki. 2017. № 6. S. 51–57.

18. Statisticheskij sbornik Rosalkogol'regulirovaniya «Osnovnye pokazateli, harakterizuyushchie rynek alkogol'noj produkcii 2010-2012 gg.». Moskva, 2013.

19. Statisticheskij sbornik Rosalkogol'regulirovaniya «Osnovnye pokazateli, harakterizuyushchie rynek alkogol'noj produkcii 2011-2013 gg.». Moskva, 2014.

20. Statisticheskij sbornik Rosalkogol'regulirovaniya «Osnovnye pokazateli, harakterizuyushchie rynek alkogol'noj produkcii 2014-2016 gg.». Moskva, 2017.

21. Dolgovaya problema kak fenomen XXI vek. Monografiya. Pod red. Porohovskogo A.A. M.: 2014.

22. Grozovskij B. (2016). Ubijstvennyj akciz. <http://old.inliberty.ru/blog/2463-Ubiystvennyy-akciz>

23. Granberg A. Paradoksy Leont'eva // Poisk. 2006. №46 (912). S. 6.

24. Belyanova E.V., Nikolaenko S.A. Paradoksy teorii i real'naya ehkonomika: Nobelevskaya premiya po ehkonomike 2015 g. // Ehkonomicheskij zhurnal VSHEH, 2016. T. 20. № 1. S. 175–190.

For referencing:

Lozhnikova A.V., Rozmainy I. V., Pchelintsev E.A., Shakhijanov N., Petrov N.V., Lozhnikov D.I. Logistika vmesto razmeshcheniya proizvoditel'nyh sil na nacional'nom rynke alkogol'noj produkcii? [Is it logistics instead of productive forces' placement on the national market of alcoholic products?]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 7–37.

Приложение

Характеристики	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Среднее	1161,26	1052,6	1192,59	1045,05	814,65	831,99	903,72
Стандартная ошибка	297,3	267,92	262,05	218,43	170,07	217,89	211,87
Медиана	359,3	206,15	269,7	267,75	226,9	111,25	74,25
Стандартное отклонение	2692,14	2426,15	2372,97	1977,99	1540,07	1973,07	1918,57
Дисперсия выборки	7247596,69	5886227,13	5630982,41	3912456,91	2371833,96	3893007,18	3680903,06
Экссесс	36,12	25,96	18,7	19,15	14,85	23,88	17,94
Асимметричность	5,48	4,67	3,85	3,9	3,47	4,49	3,90
Максимум	20726,3	17016,3	15840,7	13141,2	9569,6	13537	11575,2
Сумма	95223,1	86318,5	97792,3	85694,1	66801	68223,4	74104,9
Счет	82	82	82	82	82	82	82

Субъект	Среднее	Станд. ошибка	Медиана	Станд. отклонение	Дисперсия выборки	Экссесс	Асимметричность	Минимум	Максимум	Сумма
Московская обл.	13275,68	1872,56	13141,2	4954,33	24543351,14	-0,77391	0,12	6283,7	20726,3	92929,8
Респ. Татарстан	7209,16	1006,89	6911,8	2663,98	7096795,55	-0,32	0,38	4095,8	11575,2	50464,1
Омская обл.	5412,57	493,49	5879,7	1305,65	1704719,36	-1,05	0,33	3979,7	7481	37888
г. Москва	4679,93	1919,8	1472,8	5079,32	25799516,82	-2,51	0,43	116,3	10993,3	32759,5
Кабардино-Балкарская Респ.	4546,83	1557,18	3510	4119,91	16973673,06	5,54	2,21	737,7	13537	31827,8
г. Санкт-Петербург	3646,74	153,47	3748,8	406,04	164867,17	3,43	-1,71	2812,8	4017,1	25527,2
Кемеровская обл.	3244,53	375,61	3470,3	993,76	987563,43	-1,76	0,08	2116,1	4552,5	22711,7
Респ. Башкортостан	3228,73	255,73	3510,1	676,59	457780,33	-1,74	0,1	2497,3	4211	22601,1
Новосибирская обл.	3150	417,31	3142,9	1104,1	1219038,49	0,88	0,64	1826,1	5114	22050

Субъект	Среднее	Станд. ошибка	Медиана	Станд. отклонение	Дисперсия выборки	Экссесс	Асимметричность	Минимум	Максимум	Сумма
Респ. Мордовия	2623,61	577,14	2491,1	1526,98	2331657,75	-0,74	0,01	521,1	4902,5	18365,3
Удмуртская Респ.	2246,47	151,76	2367,1	401,53	161225,65	-0,68	0,13	1699	2867,7	15725,3
Пермский край	2040,4	224,12	2256,3	592,97	351617,46	-1,11	-0,7	1143,6	2671,9	14282,8
Нижегородская обл.	1747,97	107,99	1868,3	285,73	81639,43	-1,52	-0,34	1336,8	2107,5	12235,8
Вологодская обл.	1722,33	330,74	1459	875,05	765720,95	-1,36	0,61	799,2	3025,9	12056,3
Алтайский край	1353,88	114,37	1508	302,6	91564,88	-1,4	-0,67	918,5	1685,1	9477,2
Белгородская обл.	1302,04	227,91	1374,8	603	363609,49	-0,23	0,62	669	2326,2	9114,3
Ярославская обл.	1210,86	273,91	1254,9	724,71	525206,5	-0,51	-0,76	0	1961,5	8476
Самарская обл.	1143,53	325,78	1220	861,92	742910,71	-1,54	0,4	171,9	2334,1	8004,7
Ульяновская обл.	1134	185,14	944,4	489,83	239933,51	4,36	1,98	701,7	2171,5	7938
Архангельская обл.	1031,08	94,79	954,1	250,79	62895,58	-1,86	0,36	762,6	1357,7	7217,6
Хабаровский край	1024,31	59,92	1054,1	158,55	25136,58	-1,66	-0,03	831,7	1237,5	7170,2
Кировская обл.	1004,46	142,18	891,8	376,18	141515,87	-2,02	0,11	538,9	1457,6	7031,2
Пензенская обл.	1003,47	282,71	602,6	747,99	559485,75	-1,01	0,97	272,4	2121,6	7024,3
Тульская обл.	969,1	347,51	622,4	919,43	845353,36	-1,91	0,31	0	2269,1	6783,7
Респ. Северная Осетия	940,68	261,18	819,7	691,02	477503,2	1,72	1,1	87,6	2244,7	6584,8
Красноярский край	797,44	135,66	918	358,93	128834,17	-1,67	-0,42	312	1223,4	5582,1
Приморский край	751,01	44,46	759,4	117,64	13838,88	-1,44	-0,54	584,2	871,5	5257,1
Респ. Коми	745,53	42,28	709,3	111,87	12516,15	-1,86	0,32	625,3	900,3	5218,7
Курская обл.	642,41	147,33	543,8	389,79	151940,61	-1,32	0,53	230,7	1245,7	4496,9
Респ. Бурятия	600,71	233,12	376,5	616,77	380404,74	-2,46	0,29	0	1331,5	4205
Респ. Карелия	509,96	142,16	393,4	376,12	141464,82	-1,81	0,01	14,2	944,3	3569,7
Костромская обл.	508,07	162,55	445,4	430,07	184959,05	-0,6	0,24	0	1186,8	3556,5
Чувашская Респ.	507,24	151,18	506,1	399,99	159993,37	-0,56	0,11	0	1127,9	3550,7

Субъект	Среднее	Станд. ошибка	Медиана	Станд. отклонение	Дисперсия выборки	Экссесс	Асимметричность	Минимум	Максимум	Сумма
Тюменская обл.	505,27	36,48	506,9	96,52	9316,73	1,81	0,42	356,9	676	3536,9
Калининградская обл.	488,67	116,85	374,1	309,16	95582,01	2,32	1,31	129,8	1092,2	3420,7
Ленинградская обл.	430,47	164,18	370,2	434,39	188696,42	2,24	1,39	6,7	1284,2	3013,3
Брянская обл.	365,97	32,09	377,3	84,9	7208,18	-0,48	-0,53	228,1	472,9	2561,8
Респ. Адыгея	348,56	132,8	191,2	351,35	123447,51	4,74	2,15	96,1	1103,4	2439,9
Краснодарский край	341,5	120,08	236,1	317,7	100935,82	3,86	1,93	96,1	1006,2	2390,5
Челябинская обл.	301,76	102,22	225,7	270,44	73136,94	-0,82	0,39	0	731,7	2112,3
Калужская обл.	258,66	112,13	106,6	296,67	88015,46	-0,58	1,05	0	750,8	1810,6
Владимирская обл.	257,81	51,21	211,4	135,5	18360,09	-2,07	0,34	117,8	426,1	1804,7
Ивановская обл.	247,96	66,37	143,5	175,59	30831,22	-1,44	0,79	80,5	495,8	1735,7
Липецкая обл.	229,83	97,36	146,9	257,59	66351,63	2,34	1,54	0	739,7	1608,8
Ростовская обл.	179,34	117,44	0	310,71	96541,34	-0,09	1,35	0	718,2	1255,4
Тверская обл.	174,64	33,34	157,7	88,21	7781,77	4,43	1,97	100,7	361,7	1222,5
Оренбургская обл.	165,7	26,1	177,3	69,06	4770,01	0,28	-0,8	45	244,7	1159,9
Смоленская обл.	162,6	22,62	180,7	59,84	3580,41	-0,03	-0,74	60	233	1138,2
Воронежская обл.	162,37	42,8	113,2	113,25	12824,92	2,002	1,28	32,7	381,1	1136,6
Волгоградская обл.	159,03	76,14	94,9	201,45	40582,49	2,23	1,49	0	557,1	1113,2
Респ. Саха	155,44	26,83	152,6	70,99	5039,7	1,1	0,59	59,1	281,8	1088,1
Ставропольский край	153,87	46,07	101,7	121,9	14859,27	4,08	1,95	62,5	410,5	1077,1
Астраханская обл.	144,68	43,9	121,5	116,14	13489,24	-0,45	0,86	24,4	339,6	1012,8
Респ. Марий Эл	131,4	38,68	151,1	102,34	10473,89	-0,54	-0,05	0	285,9	919,8

Субъект	Среднее	Станд. ошибка	Медиана	Станд. отклонение	Дисперсия выборки	Экссесс	Асимметричность	Минимум	Максимум	Сумма
Свердловская обл.	106,63	21,54	119,1	56,99	3247,94	1,17	-1,18	0	165,3	746,4
Томская обл.	106,07	68,84	6,7	182,14	33176,97	5,09	2,2	0	500,8	742,5
Орловская обл.	97,88	34,97	123,9	92,52	8560,03	-2,39	-0,07	0	202,6	685,2
Новгородская обл.	83,04	16,78	77,8	44,4	1971,8	-0,48	-0,25	12	138	581,3
Саратовская обл.	75,76	37,74	35,8	99,84	9968,45	-0,92	1,13	0	222,4	530,3
Курганская обл.	63,7	17,33	59,8	45,84	2101,43	1,9	0,81	0	148,6	445,9
Респ. Дагестан	44,2	7,66	42,8	20,26	410,41	0,42	0,69	18,7	79,7	309,4
Иркутская обл.	31,24	20,85	0	55,17	3043,91	4,07	2,038676	0	147,7	218,7
Псковская обл.	20,6	15,85	0	41,93	1757,8	5,1	2,25	0	111,6	144,2
Рязанская обл.	17,68	11,65	0	30,82	949,74	0,18	1,39	0	72,5	123,8
Карачаево-Черкесская Респ.	12,93	9,7	0	25,66	658,52	4,59	2,16	0	67,9	90,5
Амурская обл.	12,93	8,61	0	22,79	519,2	0,71	1,48	0	55	90,5
Тамбовская обл.	12,78	5,16	14,1	13,65	186,34	-1,41	0,48	0	33,3	89,5
Респ. Тыва	9,98	3,73	11,9	9,88	97,64	-2,21	0,02	0	23	69,9
Респ. Алтай	5,54	3,61	0	9,56	91,37	-0,33	1,31171	0	21,7	38,8
Респ. Калмыкия	1,17	0,78	0	2,08	4,31	2,89	1,84	0	5,4	8,2

УДК 314.722

DOI: 10.17223/19988648/44/2

А.Г. Атаева, А.Г. Уляева

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ МИГРАЦИЯ
КАК УГРОЗА УТЕРИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
ТЕРРИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РЕГИОНОВ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)¹**

В статье проводится анализ существующих тенденций межрегиональной молодежной миграции на примере Республики Башкортостан и соседних регионов с целью выявления факторов и долгосрочных угроз оттока человеческого капитала республики. Гипотеза исследования: миграция молодежи зависит как от традиционных центр-периферийных отношений внутри регионов и между регионами, так и от специфических факторов, влияющих на принятие решений о выборе места проживания. К таким специфическим факторам относится получение высшего образования. В результате исследования выявлено, что межрегиональная молодежная миграция в Республике Башкортостан, изначальным фактором которой явилось получение высшего образования в других регионах, наносит серьезный удар по демографическому потенциалу региона, поскольку среди лиц активного репродуктивного возраста (15–34 года) происходит наиболее интенсивная миграционная убыль населения. Установлено, что Республика Башкортостан занимает последнее место в ПФО по saldo миграции по обучению: количество уехавших на обучение в другие регионы из республики в 3 раза превышает количество приехавших. Кроме того, практически по всем факторам привлекательности региона для принятия решения о выборе места обучения (близость расположения учебного заведения к дому, возможности поступления в вуз, престиж вуза, наличие бюджетных мест, качество подготовки в вузе, перспективы будущего трудоустройства) республика уступает другим субъектам ПФО, что обосновывает необходимость разработки и реализации комплекса мер по развитию системы высшего образования республики, повышению привлекательности местных вузов, снижению дисбаланса рынка образовательных услуг и рынка труда региона.

Ключевые слова: миграция, молодежная миграция, демография, человеческий капитал, высшее образование.

Долгосрочное социально-экономическое развитие территориальной социально-экономической системы представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который может рассматриваться с разных точек зрения и в котором могут быть выделены различные составляющие. В особенности большой интерес вызывает влияние демографии на экономику регионов. Без представления о численности и структуре населения невозможен про-

---

¹ Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН на 2018 г.

гноз численности занятых, объемов социальных трансфертов, спроса на конечную продукцию отраслей народного хозяйства и, как следствие, таких макроэкономических показателей, как ВРП и объем отгруженной продукции [1]. За последние десятилетия в субъектах Федерации наблюдаемые тенденции социодемографических процессов имели разнонаправленный и весьма неустойчивый характер, что влияет на прогнозные параметры долгосрочного развития регионов.

Например, основные макроэкономические показатели прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан свидетельствуют об угрозе потери человеческих ресурсов и человеческого капитала региона. При неблагоприятных условиях численность занятых в экономике региона будет снижаться к 2018 г. и далее рост к 2020 г. не превысит значения 2017 г. Это определяет актуальность исследования современных проблем сохранения и воспроизводства человеческих ресурсов региона.

Постановка задачи исследования

Перспективная численность занятого населения в экономике определяется прогнозируемой численностью населения региона, которое, в свою очередь, зависит от двух факторов: демографического и миграционного прироста. По демографическому приросту в Республике Башкортостан ситуация благоприятная: значение естественного прироста существенно выше, чем в федеральном округе и в среднем по России, и можно прогнозировать сохранение текущих тенденций в долгосрочной перспективе. Такой рост обеспечивается соответствующей демографической политикой в России и республике (рис. 1).

Ситуация с миграционным приростом обратная. С учетом определенных колебаний с 2009 г. тренд в Республике Башкортостан отрицательный – наблюдается стабильный миграционный отток населения, особенно с 2013 г. При существующих условиях тенденция будет сохраняться и на долгосрочную перспективу.

Исходя из этих тенденций, одним из основных факторов убыли населения в Республике Башкортостан являются миграционные оттоки. Необходимо отметить, что в республике, как и в России в целом и в других странах мира, миграция имеет ярко выраженный возрастной профиль – так называемая молодежная миграция. Доля населения с 15 до 30 лет составляет 44–45% как в прибывшем, так и в убывшем населении Республики Башкортостан.

Тенденция убытия молодежи из Республики Башкортостан видна из рис. 2 – пик миграционной убыли приходится на период выбора места получения высшего образования и первые годы трудоустройства. Также в последние годы увеличивается доля уезжающего населения с 30 до 34 лет. При этом в республику активно переезжает население пенсионного возраста (в том числе население, проработавшее в северных регионах и возвращающееся на родину – в более благоприятный с экологической точки зрения регион).

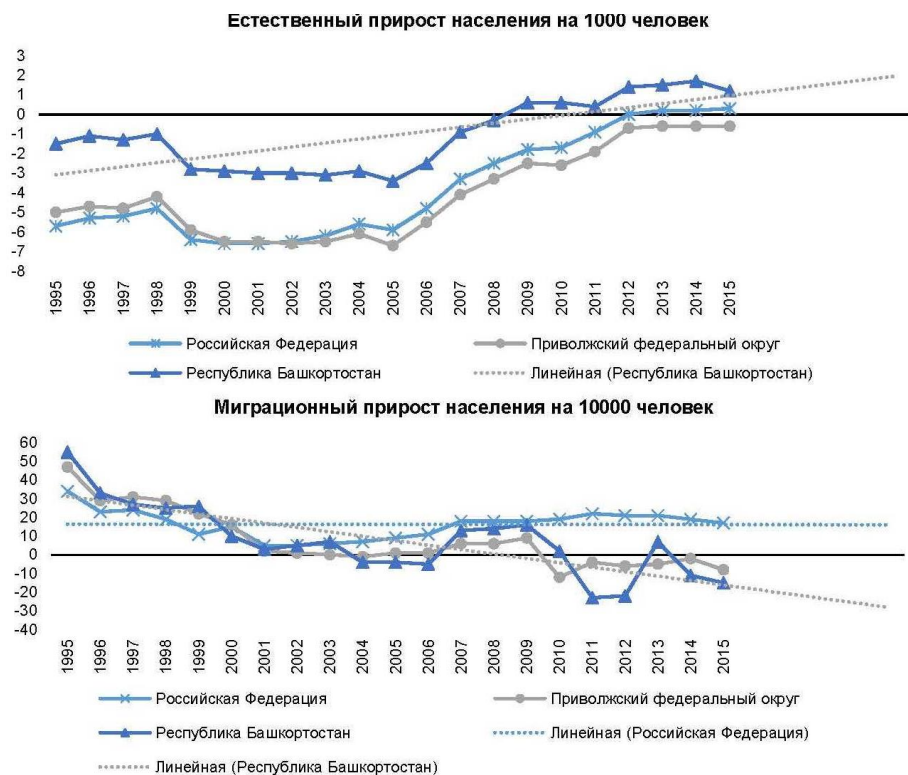

Рис. 1. Естественный и миграционный прирост населения в Республике Башкортостан (составлено по данным [2])

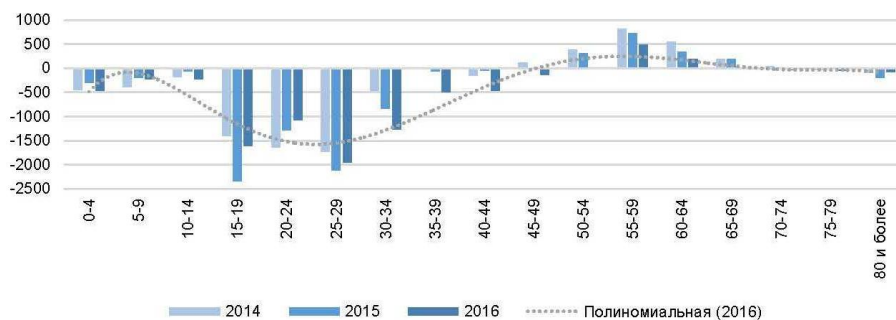

Рис. 2. Миграционный прирост населения в Республике Башкортостан в 2014–2016 гг. по возрастам (составлено по данным [2])

С точки зрения конкурентоспособности и экономической безопасности региона на долгосрочную перспективу молодежная миграция является приоритетной, поскольку ее количественные прогнозные параметры влияют на численность трудоспособного населения (человеческие ресурсы ре-

гиона), а ее качественные структурные параметры (образование, компетенции и др.) – на человеческий капитал региона. Человеческий капитал региона – это способности, знания, компетенции и мотивации к производительному труду индивидов конкретной населенной территории, а также знания и компетенции внешних индивидов, реализуемые на данной территории, обеспечивающие экономический рост и повышающие качество жизни населения [3]. Кроме того, конкуренция регионов по привлечению наиболее активной и умной молодежи является существенным фактором их развития [4]. Зачастую молодежная образовательная миграция становится невозвратной, что ослабляет рынки труда регионов, из которых выбывает молодежь [5].

В данном исследовании межрегиональная миграция рассматривается с точки зрения выбора молодежи места обучения и места проживания как основного фактора перемещения, поскольку обычные тенденции перетока населения России с востока на запад, из муниципальных образований в региональные центры, из региональных центров в столицу страны в отношении молодежи действуют не в полной мере. Это связано с тем, что в студенческом возрасте миграция направлена не только в большие города, но и в университетские центры, которые не обязательно находятся в столице страны.

Таким образом, *цель исследования* – выявление существующих тенденций молодежной миграции в регионах России на примере Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа (ПФО) и ключевых факторов, влияющих на отток молодежи.

Гипотеза исследования состоит в следующем: миграция молодежи зависит как от традиционных центр-периферийных отношений внутри регионов и между регионами, так и от специфических факторов, влияющих на принятие решений о выборе места получения образования (в том числе высшего).

Для исследования использовались данные о миграции, ежегодно публикуемые органами Федеральной службы государственной статистики. Здесь необходимо отметить, что с середины 1990-х гг. эти данные частично недостоверны: показатели миграции за одни и те же годы различаются в ежегодно публикуемых статистических сборниках. Результаты переписи населения 2002 г. показали, что доля неучтенной миграции между регионами России составляет порядка 30% ее реальных объемов [6].

Поскольку наибольший пик миграционной активности связан с получением высшего образования, при исследовании анализировались также данные Министерства образования Российской Федерации (РФ) о соотношении численности поступивших в вузы на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета и численности выпускников, получивших аттестат о среднем общем образовании.

Исследование проблемы проводилось в трех аспектах:

1) проблема межрегиональной миграции молодежи для получения высшего образования как угроза потери человеческого капитала;

2) влияние отношений «центр–периферия» на молодежную миграцию – оценка влияния расстояния от столицы Республики Башкортостан и столиц соседних регионов на выбор места обучения для молодежи из муниципальных образований Республики Башкортостан как фактор молодежной миграции;

3) факторы привлекательности региона для принятия решения о выборе места обучения.

1. Проблема межрегиональной молодежной образовательной миграции как угроза потери человеческого капитала (на примере регионов ПФО)

Основными причинами выбытия населения из Республики Башкортостан являются причины семейного, личного характера (на это указывают 40% выбывших в 2015 г.), на втором месте – причины выбытия в связи с получением образования (24,2% в 2015 г.). Однако последнее с каждым годом приобретает все большую значимость для региона (рис. 3).

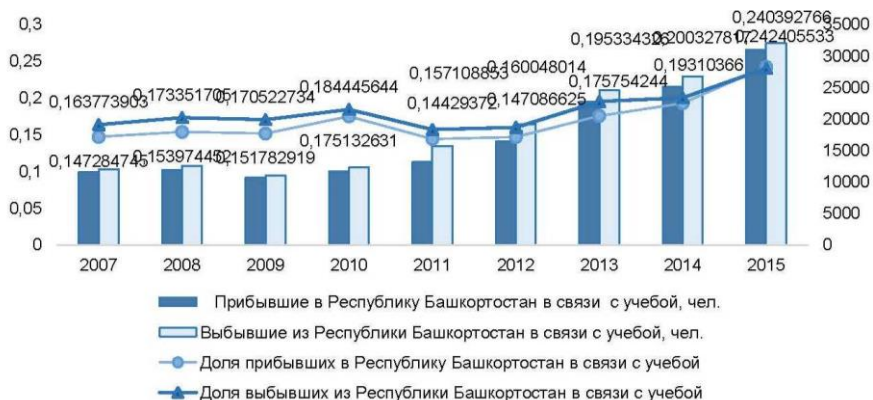

Рис. 3. Динамика прибывших в Республику Башкортостан и выбывших из нее по причинам, связанным с учебой в 2007–2015 гг. (составлено по данным [2])

Доля выбывших из республики по причине, связанной с учебой, увеличивается с каждым годом: с 14,7% в 2007 г. до 24,2% в 2015 г. Сальдо миграции по этой причине ежегодно является отрицательным.

Совсем другая ситуация складывается относительно молодежи. Как уже было отмечено ранее, пиковые значения миграционных притоков в республику и оттоков из нее приходятся на годы получения высшего и профессионального образования, а также первые годы трудоустройства молодежи. Так, в 2016 г. 67% выбывшей из Республики Башкортостан молодежи 16–17 лет указали причину выбытия – получение образования, для 18–19 лет цифра уже меньше – 47%. Цифры для данной возрастной когорты населения логичны и очевидны. Прибывающая молодежь эту причину ука-

зывает в меньшей степени – 65% для 16–17 лет и 39% для 18–19 лет. Таким образом, межрегиональная миграция (в особенности молодежная) наносит серьезный удар по демографическому потенциалу республики, поскольку среди лиц активного репродуктивного возраста происходит наиболее интенсивная миграционная убыль населения [7].

Если проанализировать сальдо миграции населения старше 14 лет по регионам ПФО за 2016 г. по причинам, связанным с обучением, то безусловным лидером является Республика Татарстан, где миграционный прирост составляет 836 человек в год. В Республике Башкортостан миграционная убыль составляет 3 451 человек: количество выбывших на обучение в 3 раза превышает количество прибывших, по данным 2016 г. (рис. 4).

Нас в большей степени интересует соотношение потоков обучающихся в регион и из региона. Очевидно, что наибольший процент составляют обучающиеся, переезжающие из сел в города своего региона на обучение, однако по факту это оказывается верно не для всех регионов.

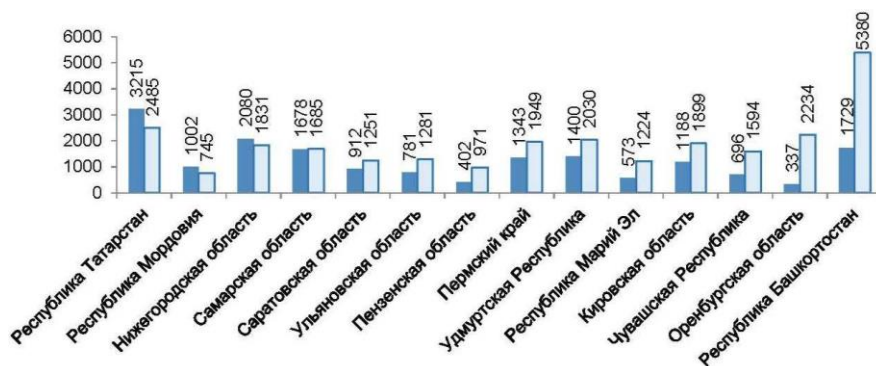

Рис. 4. Выбывшее и прибывшее население старше 14 лет по причине, связанной с обучением в регионах ПФО за 2016 г. (составлено по данным [8])

Сопоставим численность населения, которое сменило место проживания внутри территории самого региона по причине обучения, и численность населения, выехавшего на обучение в другие регионы (табл. 1).

Практически во всех регионах ПФО население при смене места жительства по причине получения образования предпочитает свой регион, кроме Пензенской области (где количество выбывших на обучение в другие регионы в 3 раза превышает переехавших на обучение из других муниципальных образований самой области), Республики Марий Эл (в 7 раз соответственно) и Оренбургской области (в 1,8 раза соответственно). Республика Башкортостан является лидером среди регионов ПФО по предпочтению местных учебных заведений учебным заведениям других регионов.

Что касается лидеров по привлечению абитуриентов из других регионов, то к ним относятся Республика Татарстан, Нижегородская область и Республика Башкортостан, но при этом Республика Башкортостан занимает последнее место по сальдо миграции по обучению: количество уехав-

ших на обучение в другие регионы из республики в 3 раза превышает количество приехавших.

Таблица 1. Показатели прибытия и выбытия населения старше 14 лет по причине, связанной с обучением в регионах ПФО в 2016 г. (составлено по данным [8])

Субъект Федерации	Миграционный прирост (убыль) в связи с учебой	Сменившие место жительства в связи с учебой внутри региона	Прибывшие в связи с учебой из других регионов	Выбывшие в связи с учебой в другие регионы	Соотношение смены места проживания для обучения (в своем регионе: в других регионах)
Республика Татарстан	836	4 612	3 215	2 485	10 : 5
Республика Мордовия	300	1 280	1 002	745	10 : 6
Нижегородская область	499	2 572	2 080	1 831	10 : 7
Самарская область	331	2 112	1 678	1 685	10 : 8
Саратовская область	-268	2 664	912	1 251	10 : 5
Ульяновская область	-450	1 016	781	1 281	10 : 13
Пензенская область	474	297	402	971	10 : 33
Пермский край	-4	6 706	1 343	1 949	10 : 3
Удмуртская Республика	-450	4 178	1 400	2 030	10 : 5
Республика Марий Эл	-592	178	573	1 224	10 : 69
Кировская область	-479	4 163	1 188	1 899	10 : 5
Чувашская Республика	402	2 717	696	1 594	10 : 6
Оренбургская область	-1814	1 233	337	2 234	10 : 18
Республика Башкортостан	-3451	13 202	1 729	5 380	10 : 4

Выводы являются очень условными, так как мы рассмотрели все возрастные группы старше 14 лет. Поэтому отдельно рассмотрим категорию выпускников школ и результаты принятия ими решений о выборе места получения образования. В данном случае мы будем рассматривать вариант получения ими высшего образования.

Частично выявить масштабы и направления миграции молодежи в разрезе регионов позволяет сопоставление численности поступивших в вузы на очную форму обучения по программам бакалавриата и специалитета и численности выпускников школ, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании.

Логика исследования следующая. Если численность принятых студентов на первый курс вузов региона значительно больше выпускников местных школ, то скорее всего принятые студенты приехали на обучение из других регионов. Соответственно, если количество получивших аттестат о среднем общем образовании значительно больше поступивших в вузы, то скорее всего часть выпускников поступили в вузы других регионов.

Для анализа сопоставим данные о выпускниках школ, получивших аттестат о среднем общем образовании, по регионам ПФО за 2016 г., и данные о приеме на очную форму обучения в вузы регионов. Примем два ограничения. Во-первых, не все выпускники школ сразу поступают в вузы, они могут продолжить обучение в учреждениях среднего профессионального образования (СПО), уйти в армию, пойти работать и т.п. [9]. Поэтому количество выпускников школ скорректируем на 0,78 (этот показатель взяли на основе исследований И.С. Кашницкого и др. [10]). Во-вторых, среди поступивших в вузы не все окончили школы в этом же году, часть из них – это выпускники организаций СПО, часть пришла из армии и др. Поэтому число поступивших мы также скорректируем на показатель 0,87 (также на основе исследований И.С. Кашницкого и др. [10]). Таким образом, мы получаем картину, представленную в табл. 2.

Таблица 2. Соотношение выпускников школ и поступающих на обучение в вузы регионов ПФО в 2016 г. (составлено по данным [8])

Субъект Федерации	Получили аттестат об основном общем образовании в 2016 г., чел.	Принято на обучение в 2016 г. студентов на очную форму обучения, чел.	Скорректированный показатель выпускников школ, поступающих в вузы, чел.	Скорректированный показатель принятых на обучение на очную форму в вузы региона, чел.	Показатель выбора вузов внутри региона
Республика Башкортостан	18 267	14022	14248,26	12199,14	0,86
Республика Марий Эл	2901	3123	2262,78	2717,01	1,20
Республика Мордовия	3293	3936	2568,54	3424,32	1,33
Республика Татарстан	15861	24666	12371,58	21459,42	1,73
Удмуртская Республика	6295	6143	4910,1	5344,41	1,09
Чувашская Республика	5631	4132	4392,18	3594,84	0,82
Пермский край	10562	9277	8238,36	8070,99	0,98
Кировская область	5876	4200	4583,28	3654	0,80
Нижегородская область	12551	13458	9789,78	11708,46	1,20
Оренбургская область	8021	6709	6256,38	5836,83	0,93
Пензенская область	5042	5467	3932,76	4756,29	1,21
Самарская область	12403	15446	9674,34	13438,02	1,39
Саратовская область	9269	11464	7229,82	9973,68	1,38
Ульяновская область	5127	4701	3999,06	4089,87	1,02
Москва	48451	129372	37791,78	112553,64	2,98
Санкт-Петербург	20080	63194	15662,4	54978,78	3,51

Как правило, для регионов ПФО соотношение примерно равно единице, что объясняется большей привлекательностью местных вузов для абитуриентов, чем вузов других регионов. Если соотношение числа первокурсников с суммарной численностью выпускников школ существенно больше единицы, то есть основание предполагать, что регион является привлекательным для абитуриентов других субъектов Федерации. Такая картина характерна, например, для Республики Татарстан с показателем в 1,73 (для сравнения приведены расчеты по гг. Москве и Санкт-Петербургу, которые также отражают выявленные тенденции).

Регионами с отрицательным сальдо по потокам абитуриентов в ПФО по итогам 2016 г. являются Кировская область и Республика Башкортостан.

Отметим, что для Республики Башкортостан характерны следующие основные проблемы:

- 1) устойчивая миграционная убыль населения в последние 20 лет;
- 2) проблемы оттока молодежи – среди всех возрастных когорт максимальная миграционная убыль приходится на возраст 15–34 года (в 2014–2016 гг.);
- 3) усиление количества ежегодно выбывающих по причине обучения в другие регионы (количество выбывших по этой причине в 2015 г. на 20% выше, чем в 2014 г., в 3 раза выше, чем в 2009 г.);
- 4) отрицательное сальдо межрегиональной миграции в связи с учебой (количество выбывших из республики на обучение в другие регионы в 3 раза превышает количество прибывших в республику из других субъектов Федерации в 2016 г.);
- 5) низкие показатели привлекательности вузов республики для абитуриентов своего и других регионов.

Куда уезжают абитуриенты из республики? В связи с тем, что таких данных по абитуриентам нет, можно рассмотреть структуру выбывших из Республики Башкортостан по всем возрастным категориям старше 14 лет по причинам, связанным с получением образования, основная часть которых как раз и приходится на абитуриентов. Статистика за 2016 г. показывает, что чаще население уезжает на обучение в Челябинскую область (20%), г. Санкт-Петербург (20%), Республику Татарстан (18%), г. Москву, Пермский край, Удмуртскую Республику (по 8%), Свердловскую область (7%), Тюменскую область (3%), Московскую и Самарскую области (по 2%).

Доля абитуриентов, уехавших в соседние регионы, в структуре выбывших составила 61% в 2016 г. Аспект влияния соседства регионов рассмотрим в следующем разделе.

2. Оценка влияния отдаленности расположения столицы Республики Башкортостан и столиц соседних регионов на выбор места обучения как фактор молодежной миграции

Проблема оттока молодежи из сел в города характерна для российских регионов еще с советского времени. Основным фактором перемещения

молодежи был и по сей день является выбор места обучения. Как правило, для сельской молодежи выбор решается в пользу местных вузов. Однако для отдаленных муниципальных образований (расположенных более чем в 300 км от столицы) и приграничных территорий решение может оказаться положительным в пользу вузов соседних регионов, исходя из транспортной доступности, уровня жизни и многих других причин [11].

Для анализа влияния степени отдаленности столицы Республики Башкортостан (г. Уфы) и столиц соседних регионов для принятия абитуриентом решения о выборе места обучения сопоставим значения внутрирегиональной и межрегиональной молодежной миграции по муниципальным образованиям (городским округам и муниципальным районам) Республики Башкортостан. В качестве исходной информации для выявления и обоснования важнейших тенденций нами использовались официальные данные Росстата за 2012–2015 гг. Учитывая общепринятую группировку по возрастам в официальной статистике, для анализа будем рассматривать возраст 15–19 лет.

Методика исследования:

1) на начальном этапе оценивалась общая миграционная привлекательность для молодежи столицы республики – Уфы и соседних столиц. Для этого был сопоставлен показатель относительный внутрирегиональный и межрегиональный миграционные приросты населения от 15 до 19 лет в муниципальных образованиях [формулы (1) и (2)] каждого региона с их удаленностью от столицы региона:

$$MP_{\text{отн.внутрирег}} = \left(\left(\sum_{i=2012}^{2015} MP_{15-19i_{\text{внутрирег}}} \right) / \chi_{1.01.2016} \right) \cdot 1000, \quad (1)$$

$$MP_{\text{отн.межрег}} = \left(\left(\sum_{i=2012}^{2015} MP_{15-19i_{\text{межрег}}} \right) / \chi_{1.01.2016} \right) \cdot 1000, \quad (2)$$

где $MP_{\text{отн.внутрирег}}$ и $MP_{\text{отн.межрег}}$ – относительные суммарные внутрирегиональный и межрегиональный миграционные приросты населения от 15 до 19 лет муниципального образования за 2012–2015 гг., чел.; $MP_{15-16i_{\text{внутрирег}}}$ и $MP_{15-16i_{\text{межрег}}}$ – внутрирегиональный и межрегиональный миграционные приросты населения от 15 до 19 лет в муниципальном образовании в i -м году, чел.; $\chi_{1.01.2016}$ – численность населения муниципального образования на 1 января 2016 г.

Деление миграционного прироста молодежи муниципального образования на численность населения осуществлялось для приведения результатов в сопоставимый вид. Ежегодный миграционный прирост рассматривался с 2012 по 2015 г. При анализе были приняты следующие ограничения:

– в качестве территориальных единиц для сравнения анализировались городские округа и муниципальные районы, агрегирующие на территории муниципальные образования более низкого уровня;

– за основу оценки территориальной близости от регионального центра было принято расстояние от городского округа и административного центра муниципального района до столицы региона.

Рассмотрим полученные результаты для Республики Башкортостан (рис. 5). Представлены данные только по муниципальным районам республики.

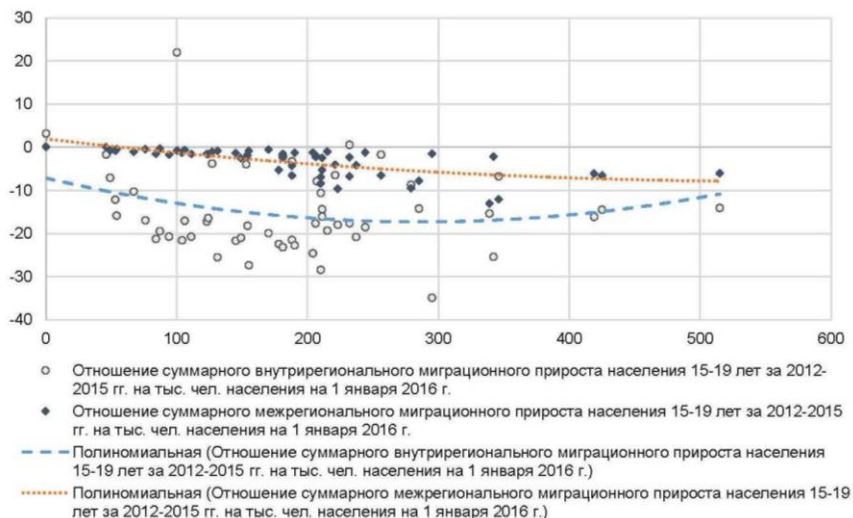

Рис. 5. Внутрирегиональные и межрегиональные оттоки населения 15–19 лет по муниципальным районам Республики Башкортостан за 2012–2015 гг. (составлено по данным [8])

Практически во всех муниципальных районах наблюдается миграционный отток населения с 15 до 19 лет, внутрирегиональные перетоки значительно превышают межрегиональные, особенно в муниципальных районах, административные центры которых находятся не далее 250 км от столицы республики – г. Уфы. Чем дальше к границе, тем ситуация постепенно выравнивается: молодежь предпочитает переезжать в соседние регионы.

Рассмотрим эту картину наглядно, выделив соответствующие зоны притяжения для молодежи на карте Республики Башкортостан (рис. 6).

На карте мы выделили условные 7 зон, в которые входят муниципальные районы, сгруппированные в зависимости от удаленности от г. Уфы и приближенности к столицам соседних регионов.

Если рассмотреть соотношение внутри- и межрегиональной миграции для возрастной когорты 15–19 лет в среднем для каждой группы, то для центра республики (зона тяготения к столице и «промежуточная» зона 100–200-километровой доступности) соотношение очевидно. Количество молодежи, выбравшей местом проживания другой город или район республики (как правило, столица г. Уфа или крупные города), в 9–10 раз превышает количество молодежи, решившей переехать в другой субъект Федерации.

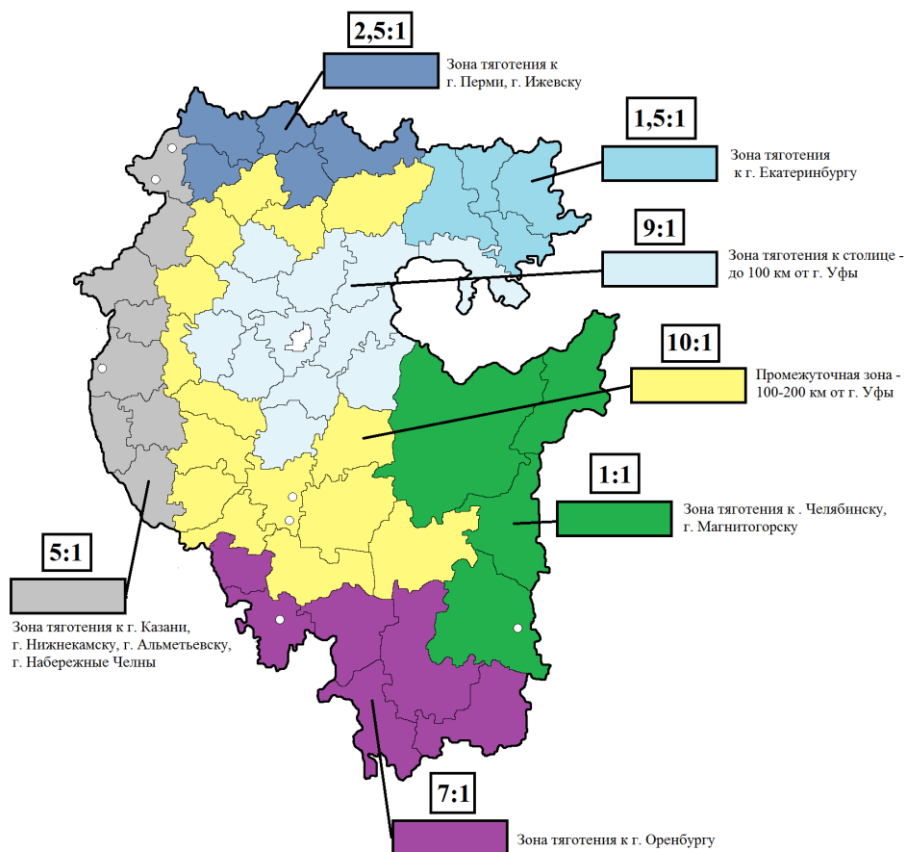

Рис. 6. Соотношение относительного суммарного внутрирегионального и межрегионального миграционного приростов населения от 15 до 19 лет за 2012–2015 гг. по муниципальным районам Республики Башкортостан

Для пограничных муниципальных образований это соотношение не столько очевидно. Для зоны тяготения к гг. Казань, Нижнекамск, Альметьевск, Набережные Челны и зоны тяготения к г. Оренбургу соотношение приближено к центральным регионам (5:1 и 7:1 соответственно). Это связано с тем, что в территориальной близости от этих зон есть крупные города с филиалами российских и республиканских вузов (гг. Октябрьский, Туймазы, Нефтекамск – для зоны тяготения к г. Казани и др., гг. Стерлитамак, Салават, Ишимбай – для зоны тяготения к г. Оренбургу). Соответственно абитуриенты этих территорий, отдаленных от столицы, имеют доступ в территориальной близости к внутрирегиональным вузам.

Но в отношении северной зоны (зоны тяготения к гг. Перми и Ижевску), северо-восточной (тяготения к г. Екатеринбург) и западной зоны Зауралья (тяготения к гг. Челябинску и Магнитогорску) ситуация другая. Фактически выбор молодежи в пользу других регионов почти равен или

равен внутрорегиональной миграции (особенно для Зауралья республики). В этих зонах отсутствуют крупные города с вузами или филиалами вузов, в которые молодежь могла бы поехать учиться. При этом отдаленность муниципальных районов от столицы и других крупных городов республики приводит к тому, что для них более привлекательными становятся крупные города соседних регионов (Свердловской, Челябинской областей и Пермского края).

Эти данные в целом коррелируют с выводами, полученными в первой части исследования: максимальный отток населения старше 14 лет, уезжающего на обучение, приходится на Челябинскую область (20%) – регион, граничащий с Зауральем. На карте это соответствует зоне тяготения к гг. Челябинску, Магнитогорску с соотношением внутрорегиональной и межрегиональной миграции 1: 1. Второе место по оттоку обучающегося населения из республики занимает Республика Татарстан, третье место делят Пермский край и Удмуртская Республика, четвертое место – Свердловская область.

Городские округа в данном случае не рассматривались.

Однако отметим, что представленные выводы являются условными по следующим причинам:

1) статистика по муниципальным образованиям в официальном доступе имеется только за 2012–2015 гг., что не позволяет проанализировать более широкий период;

2) возрастная когорта 15–19 лет с точки зрения связи миграции населения этого возраста с выбором места обучения является условной, так как причины выезда для детей 15–16 лет могут быть и не связаны с получением образования;

3) соотношение внутрорегиональной и межрегиональной миграции молодежи 15–19 лет, определяющее их выбор места обучения, является весьма условным (необязательно молодежь из Зауралья поедет учиться в г. Магнитогорск, а из западной зоны – в г. Казань).

Тем не менее общая картина разницы выбора места проживания и влияния отношений «центр–периферия» на молодежную миграцию по общим данным складывается.

3. Факторы привлекательности регионов для абитуриентов из Республики Башкортостан по выбору места обучения

Изучение факторов привлекательности регионов для обучения в вузе является самостоятельным большим исследованием. Здесь мы рассмотрим кратко, существует ли корреляция привлекательности регионов для обучения с определенными факторами, влияющими на мотивацию абитуриентов.

Как правило, результаты опросов абитуриентов показывают следующие основные причины выбора вуза: престижность вуза; качество подготовки в вузе; перспективы будущего трудоустройства; близость расположения к дому; легкость поступления в вуз; наличие бюджетных мест и др.

Рассмотрим показатели регионов, так или иначе отражающие эти причины. Для анализа возьмем только те регионы, в которые в основном выезжало на обучение население Республики Башкортостан по итогам 2016 г. (табл. 3).

Серым в табл. 3 выделены показатели регионов, значения которых выше, чем в Республике Башкортостан. Практически по всем показателям, кроме доли кандидатов и докторов в профессорско-преподавательском составе (ППС), большинство регионов опережает республику. Необходимо отметить, что качество образования структурой ППС определяется весьма условно, но других показателей, отражающих эту причину, в официальном доступе за последнее время нет.

Как пример, г. Санкт-Петербург, несмотря на значительное расстояние до г. Уфы, по всем параметрам мотивации абитуриентов выше, чем республика, что нивелирует негативные аспекты удаленности от северной столицы.

Близость расположения к дому. Из 10 регионов, куда в основном уезжало в 2016 г. население Республики Башкортостан, 6 регионов – непосредственные соседи республики. Этот факт безусловно влияет на выбор абитуриентов, учитывая, что во всех соседних территориях обеспеченность населения вузами выше, чем в республике. Не принимая во внимание такие крупные центры образования, как Москва и Санкт-Петербург, для наиболее сильных выпускников республиканских школ другие образовательные центры России (например, г. Томск, г. Новосибирск) не находятся в списке наиболее привлекательных, что связано в том числе с их территориальной доступностью.

Возможности поступления в вуз. Условно этот фактор можно оценить через обеспеченность региона вузами (филиалы не рассматривались). В Республике Башкортостан, учитывая большую численность населения, значение показателя удельного числа вузов на 1 млн населения является самым низким среди регионов ПФО. В гг. Москве и Санкт-Петербурге, несмотря на высокую численность населения, количество образовательных учреждений высшего образования, а соответственно и возможности поступления, гораздо выше, как и больше выбор специальностей для обучения. В соседних регионах: Республике Татарстан, Свердловской и Самарской областях, традиционно привлекательных для республиканских абитуриентов, значения показателя также гораздо выше.

Престижность вуза. Престижность вузов в регионах оценить сложно. Поэтому мы оценили косвенно через количество вузов в регионе, вошедших в Топ-100 лучших вузов России по рейтингу РА «Эксперт». Безусловные лидеры – гг. Москва и Санкт-Петербург, занимающие первые два места по количеству находящихся на территории лучших вузов, что и привлекает наиболее сильных абитуриентов республики.

Однако интересен тот факт, что третье место занимают Самарская и Свердловская области (вместе с Томской областью), четвертое место – Республика Татарстан (наряду с Новосибирской, Саратовской областями и Республикой Башкортостан). Эти регионы являются соседями республики, что делает их еще более привлекательными для абитуриентов.

Таблица 3. Сравнительная таблица факторов, возможно повлиявших на выбор абитуриентов из Республики Башкортостан вузов, расположенных в других субъектах Российской Федерации

Субъект РФ	Выбывшее население старше 14 лет в 2016 г. из Республики Башкортостан на обучение в другие регионы	Близость расположения к дому	Возможности поступления в вуз	Престиж вуза	Наличие бюджетных мест	Качество подготовки в вузе	Перспективы будущего трудоустройства			
							Уровень безработицы в 2015 г., %	Среднее время поиска работы безработными, месяцев, 2015 г.	Среднемесячная начисленная заработная плата, 2015 г., руб.	
Субъект РФ										
Республика Башкортостан	13202³	0	2,70	3	37,70	17,00	61,20	6,10	7,10	25 928
Челябинская область	1087	418	4,28	0	41,20	13,80	56,90	7,00	5,90	29 642
Санкт-Петербург	1069	2046	14,54	10	48,00	18,40	55,60	2,10	5,50	44 187
Республика Татарстан	943	529	6,46	3*	41,90	14,70	60,10	4,00	6,60	29 147
Москва	451	1342	16,46	34	38,40	19,10	53,10	1,80	5,40	64 310
Пермский край	439	470	4,56	2	53,10	13,20	56,70	6,30	7,80	28 528
Удмуртская Республика	426	342	4,61	1	37,70	13,90	61,60	5,00	6,50	24 694
Свердловская область	393	545	6,00	4*	46,20	13,80	53,00	6,50	6,30	30 691

Субъект РФ	Выбывшее население старше 14 лет в 2016 г. из Республики Башкортостан на обучение в другие регионы	Близость расположения к дому	Возможности поступления в вуз	Престиж вуза	Наличие бюджетных мест	Качество подготовки в вузе		Перспективы будущего трудоустройства		
						Удельный вес ППС ² вузов, имеющих ученых степеней докторской, 2016 г.	Удельный вес ППС вузов, имеющих ученых степеней кандидатской, наук, 2016 г.	Уровень безработицы в 2015 г., %	Среднее время поиска работы безработными, месяцев, 2015 г.	Средняя начисленная заработная плата, 2015 г., руб.
Тюменская область (с АО)	169	847	4,15	0	37,30	14,30	55,00	6,20	7,10	56 616
Московская область	104	1342	4,65	–	31,80	14,60	56,20	3,30	6,50	40 643
Самарская область	103	466	7,80	5	38,50	14,80	57,70	3,40	7,70	26 849

Примечание. ¹ По данным автомобильного портала грузоперевозок www.avtoispetcher.ru; ² ППС – профессорско-преподавательский состав; ³ для Республики Башкортостан – внутрирегиональная миграция населения старше 14 лет по причинам, связанным с обучением. Звездочкой выделены регионы, в столицах которых расположены федеральные университеты.

Наличие бюджетных мест. Этот параметр безусловно является значимым для выбора места обучения абитуриентом. При прочих равных условиях выпускник выберет вуз (и регион), где сможет учиться за счет бюджетных средств. Косвенно этот параметр можно оценить через удельный вес студентов в 2016 г., принятых за счет средств федерального бюджета, к общему числу принятых. Этот показатель во всех рассматриваемых регионах превышает республиканские значения (кроме Тюменской и Московской областей). Но для этих регионов в большей степени значимы другие факторы: трудоустройство и оплата труда в Тюменской области, оплата труда и возможность трудоустройства в столице для Московской области.

Качество подготовки в вузе. Как уже было сказано ранее, оценка параметра через удельный вес докторов и кандидатов наук в профессорско-преподавательском составе очень опосредованно характеризует качество подготовки в вузе. Поэтому особого внимания этому фактору мы не уделяем.

Перспективы будущего трудоустройства. Уровень безработицы, среднее время поиска работы и средняя заработная плата в регионе – это то, что не так сильно влияет на выбор вуза абитуриентом, однако является ключевым фактором невозврата студента в родной регион.

Практически по всем параметрам, особенно по заработной плате, Республика Башкортостан уступает рассматриваемым регионам. Высокая заработная плата, наличие вакантных мест и низкая безработица в Москве и Санкт-Петербурге, а также заработная плата в Тюменской области делают эти регионы очень привлекательными как для абитуриентов, так и для студентов, заканчивающих вузы этих регионов, с точки зрения трудоустройства даже с учетом территориальной удаленности от республики.

Как отмечают Е.Я. Варшавская и О.С. Чудиновских, не более 16–18% иногородних студентов собираются вернуться в родной город, в котором они жили до поступления в вуз. Возвращение студентов региональных российских вузов носит по большей части вынужденный характер и объясняется наличием в родном городе определенной инфраструктуры и социальных связей [12].

Заключение

Целью региональной миграционной политики в отношении молодежной образовательной миграции является достижение баланса интересов центра и региона. Однако, несмотря на ряд принятых на федеральном уровне документов (Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года [13], Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года [14], Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года [15]), нет четкого понятия молодежной образовательной миграции, отсутствуют мероприятия по ее регулированию. Таким образом, данная политика должна в первую очередь реализовываться на уровне субъектов Федерации.

Для решения проблемы оттока молодежи из Республики Башкортостан в соседние субъекты Российской Федерации и крупные мегаполисы необходимо разрабатывать и реализовывать комплекс мер по развитию системы высшего образования республики, повышению привлекательности местных вузов, снижению дисбаланса рынка образовательных услуг и рынка труда.

Привлекательность системы высшего образования Республики Башкортостан для местных абитуриентов и абитуриентов других регионов повлечет меры по развитию региональной инновационной системы, прежде всего в части ее обеспечения научно-исследовательскими кадровыми ресурсами и формирования условий для эффективного трансфера научных знаний в экономику региона.

Литература

1. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Инструментарий обоснования параметров стратегического развития региона на базе адаптивно-имитационного моделирования // Регион: Экономика и Социология. 2017. № 1 (93). С. 101–120.

2. Миграция населения в Республике Башкортостан: стат. сб. : в 2 ч. Уфа, 2017. Ч. 1. 189 с.

3. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Человеческий капитал территориальной социально-экономической системы: проблема идентификации в условиях экономики знаний // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 10 (84). С. 80–86.

4. Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // International Migration. 2011. Vol. 49, № 2. P. 162–190.

5. Назарова У.А., Грачева Н.А. Региональный маркетинг персонала: проблемы постобразовательной миграции // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1124–1128.

6. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.

7. Хилажева Г. Миграционная убыль населения Башкортостана // Ватандаш. 2016. № 5 (236). С. 197–203.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 05.03.2016).

9. Шугаль Н.Б. Методика оценки потоков обучающихся в российской системе образования : Препринт WP10/2010/04; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 56 с.

10. Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–200.

11. Тажитдинов И.А., Гайнанов Д.А., Ахметов В.Я. Межмуниципальная кооперация и ее роль в развитии сельских территорий (на примере юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан) // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8.

12. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.

13. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 05.03.2016).

14. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Россий-

ской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

15. *Концепция* государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 05.03.2016).

Ataeva A.G., Cand. Econ., Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research - a separate structural subdivision of the Federal State Budget Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. E-mail: ice_lu@mail.ru

Ulyayeva A.G., Cand. Econ., Research Associate, Institute for Socio-Economic Research - a separate structural subdivision of the Federal State Budget Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. E-mail: alsushnick@mail.ru

MODERN TRENDS AND FACTORS OF INTER-REGIONAL MIGRATION OF YOUTH IN RUSSIA

Keywords: migration, youth migration, demography, human capital, higher education.

The article analyzes the current trends of interregional youth migration. The purpose of the study is to identify the current trends of youth migration in the Republic of Bashkortostan and the regions of the Volga Federal District and the key factors affecting the outflow of youth from the republic. Research hypothesis: the migration of young people depends both on traditional center-peripheral relations within regions and between regions, and on specific factors affecting the decision-making on the choice of the place of education (including higher education). In this study, interregional migration is viewed from the point of the choice of youth for the study place and the residence place as the main factor of displacement, since the usual trends of the population flow from east to west, from municipalities to regional centers, from regional centers to the capital with regard to youth do not work in full measure.

As a result, the problems of interregional youth educational migration as a threat of loss of human capital in the Bashkortostan Republic in comparison with other regions of the Volga Federal District have been identified: steady migration loss in the last 20 years; problems of outflow of youth; the increase in the number of retirees annually due to training in other regions; negative balance of interregional migration in connection with studies; low indicators of the attractiveness of higher educational institutions of the republic for applicants of their own and other regions.

The influence of the remoteness of the location of the capital of the Bashkortostan Republic and the capitals of neighboring regions on the choice the place of education as a factor of youth migration was assessed. Practically in all municipal districts of the republic there is a migration outflow of the population from 15 to 19 years, intraregional flows significantly exceed interregional, especially in municipal districts, whose administrative centers are located no more than 250 km from the capital of the republic – Ufa. The farther to the border of the region, the situation gradually leveled: young people prefer to move to neighboring regions.

The factors of the attractiveness of the regions for Bashkortostan Republic's applicants at the choice of the study place are considered: proximity to the home, the possibility of entering the university, the prestige of the university, the availability of budget places. A comparative analysis of the factors was carried out, which influenced the choice of the university entrants from the Bashkortostan Republic located in other regions of the Russian Federation. Thus, the current trends in the outflow of young people both inside the Republic of Bashkortostan and outside it are revealed, and factors that influence the decision of the entrants to the regions to choose the study place of and residence place are identified.

References

1. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Instrumentariy obosnovaniya parametrov strategicheskogo razvitiya regiona na baze adaptivno-imitatsionnogo modelirovaniya // *Region: Economics and Sociology*. 2017. No. 1 (93), pp. 101-120.
2. Migratsiya naseleniya v Respublike Bashkortostan: statisticheskiy sbornik. V 2 ch. CH.1/Bashkortostanstat. Ufa, 2017. 189 p.
3. Gainanov D.A., Ataeva A.G. Chelovecheskiy kapital territorial'noy sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy: problema identifikatsii v usloviyakh ekonomiki znaniy // *Regional problems of economic transformation*. 2017. No. 10 (84), pp. 80-86.
4. Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // *International Migration*. Vol. 49. No. 2, pp. 162-190.
5. Nazarova U.A., Gracheva N.A. Regional'nyy marketing personala: problemy postobrazovatel'noy migratsii // *Fundamental'nyye issledovaniya*. 2014. No. 11, pp. 1124-1128.
6. Zayonchkovskaya Zh.A., Nozdrina N.N. Migratsionnyy opyt naseleniya regional'nykh tsvetov Rossii // *Problemy prognozirovaniya*. 2008. № 4, pp. 98-112.
7. Khilazheva G. Migratsionnaya ubyl' naseleniya Bashkortostana // *Vatandash*. 2016. No. 5 (236), pp. 197-203.
8. Regions of Russia. Socio-economic indicators - 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (date of circulation: 05.03.2016).
9. Shugal N.B. Metodika otsenki potokov obuchayushchikhsya v rossiyskoy sisteme obrazovaniya: Preprint WP10 / 2010/04; Gos. University - Higher School of Economics. Moscow: Izd. house Gos. University - Higher School of Economics, 2010. 56 p.
10. Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Mezhhregional'naya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyy analiz demograficheskoy statistiki // *Voprosy obrazovaniya*, 2016. No. 3, pp. 169-200.
11. Tayzhidinov I.A., Gainanov D.A., Akhmetov V.Ya. Mezhmunitsipal'naya kooperatsiya i yeye rol' v razvitii sel'skikh territoriy (na primere yugo-i severo-vostochnykh rayonov Respubliki Bashkortostan) // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2017. No. 8, p. 312.
12. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migratsionnyye plany vypusnikov regional'nykh vuzov Rossii // *Bulletin of Moscow University. Series 6: The Economy*. 2014. No. 3, pp. 36-58.
13. Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351 (as amended on 01.07.2014) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (reference date: 05.03.2016).
14. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020, approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r (as amended on 10.02.2017) // *Collection of the legislation of the Russian Federation*. 11/24/2008. N 47. Art. 5489.
15. Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved. President of the Russian Federation on June 13, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (reference date: 05.03.2016).

For referencing:

Ataeva A.G., Ulyaeva A.G. Mezhhregional'naya molodezhnaya migratsiya kak ugroza uteri chelovecheskogo kapitala territorii (na materialah Respubliki Bashkortostan i regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Modern trends and factors of inter-regional migration of youth in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, no. 44, pp. 38–57.

УДК 338.432

DOI: 10.17223/19988648/44/3

А.А. Шутьков, А.Б. Ярлыкапов, З.А. Воитлева

РАЗВИТИЕ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

В статье проанализировано состояние сельского хозяйства России и обоснована важность увеличения эффективности отечественного сельхозпроизводства. Авторами, с привлечением данных официальной статистики, проведен сравнительный анализ показателей, которые характеризуют результаты сельскохозяйственного производства в различных регионах России, и анализ их зависимости от агроклиматического потенциала того или иного региона. Рассмотрено то, как распределяются инвестиции в основной капитал сельского хозяйства по регионам страны, и выявлено несоответствие между возможностями регионов в осуществлении эффективного аграрного производства и уровнем инвестирования в отрасль. Сделан вывод о целесообразности с точки зрения повышения эффективности отечественного сельхозпроизводства преимущественного инвестирования в сельское хозяйство регионов, обладающих высоким агроклиматическим потенциалом, и целесообразности развития сельскохозяйственного производства в этих регионах. В статье проанализировано современное состояние сельского хозяйства Республики Адыгея, региона, имеющего очень высокий агроклиматический потенциал, но очень низкий уровень инвестирования в сельское хозяйство. Обоснована необходимость принятия мер, направленных на повышение эффективности и конкурентоспособности отрасли, поиска внутренних резервов развития сельхозпроизводства региона. Выявлены факторы, затрудняющие эффективное сельскохозяйственное производство в республике, обозначены перспективные направления и предложены мероприятия по развитию аграрной экономики Адыгеи.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, регион, агроклиматический потенциал, эффективность, интеграция, хозяйства малого агробизнеса.

В начале 90-х гг. в России началась радикальная аграрно-земельная реформа, имевшая целью переход на рыночные принципы функционирования сельского хозяйства страны и агропромышленного комплекса в целом. Можно отметить, что в течение последних лет в продовольственном комплексе России наблюдается динамика роста. Этому способствовали складывающиеся за последние годы благоприятные погодные условия, принимаемые государством меры по поддержке сельхозпроизводителей, ограничение импорта продовольственных товаров [4]. Но, несмотря на это, сельское хозяйство, важнейшая отрасль экономики и центральное звено агропромышленного комплекса государства, по-прежнему находится в кризисном состоянии.

Приведем статистические данные, характеризующие состояние сельского хозяйства в России.

Одним из показателей, отражающих уровень развития отрасли, служит ее доля в общей сумме валового внутреннего продукта (ВВП). По данным

Росстата, удельный вес сельского хозяйства, охотничьего и лесного хозяйства в ВВП страны в 1990 г. составлял около 18%, а в 2016 г. – лишь 4%.

Сегодня можно говорить о разрушении материально-технической базы сельского хозяйства. Отрасль остро нуждается в обновлении парка сельскохозяйственной техники. По данным Росстата, на конец 2016 г. степень износа основных фондов в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составила 41,2%. При этом доля сельского хозяйства в общем объеме капитальных вложений по народному хозяйству в 2016 г. составила около 4%, тогда как в 1990 г. она занимала около 20%.

На протяжении многих лет происходит ухудшение плодородия пашни, уменьшение посевных площадей. По данным Росстата, в 1990 г. общая посевная площадь в России составляла 117 705 тыс. га, а в 2016 г. – лишь 79 993 тыс. га.

За годы аграрной реформы заметно ухудшилось положение в животноводческой отрасли. Если на конец 1990 г., по данным Росстата, стадо крупного рогатого скота составляло 57,0 млн голов, то на конец 2016 г. – уже 18,8 млн голов. Численность свиней, поголовье овец и коз на конец 1990 г. составляли соответственно 38,3 и 58,2 млн голов, на конец 2016 г. – лишь 22,0 и 24,2 млн голов соответственно.

В сельском хозяйстве высока доля убыточных организаций. По данным Росстата за 2016 г., в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве доля убыточных организаций составила 23,3%. Уровень рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) в сельском хозяйстве снижается, в 2016 г. он был равен 15,7%, при этом, рентабельность продукции растениеводства составила 30,3%, а рентабельность продукции животноводства – лишь 9,8%. Рентабельность активов также снижается и принимает достаточно низкие значения: в 2016 г. только 6,0%.

Актуальна проблема занятости сельского населения. В результате увеличения доли убыточных хозяйств, ликвидации многих из них произошло уменьшению числа рабочих мест, рост уровня безработицы в сельской местности. По данным Росстата, в 1990 г. ее уровень составлял 3,7%, а в 2016 г. – уже 8,0%.

Снижение занятости в сельской местности, в свою очередь, привело к падению уровня жизни населения. Следует отметить, что оплата труда в сельском хозяйстве ниже, чем в других отраслях экономики, поэтому эта проблема актуальна и для занятого населения. По данным Росстата, в 2016 г. номинальная заработная плата работников сельского хозяйства, охотничьего и лесного хозяйства составила лишь 58% от уровня заработной платы по народному хозяйству в целом.

Таким образом, можно сделать вывод об обострении проблем сельского хозяйства России и необходимости увеличения эффективности отечественного сельхозпроизводства.

Но следует отметить, что показатели, характеризующие результаты сельскохозяйственного производства, его эффективность, различаются в зависимости от региона. В связи с этим проведем анализ того, насколько рента-

бельно сельхозпроизводство в регионах России, какова зависимость эффективности сельскохозяйственного производства от агроклиматического потенциала того или иного региона, насколько целесообразно с точки зрения повышения эффективности развитие сельхозпроизводства в регионах.

Приведем данные Росстата. Так, в Дальневосточном федеральном округе, по данным за 2016 г., растениеводство рентабельно, хотя уровень рентабельности значительно ниже среднероссийского, он составил 16,0%. Уровень рентабельности животноводства – лишь –13,5%. В ряде регионов и растениеводство, и животноводство нерентабельны. Самые низкие показатели рентабельности растениеводства и животноводства в Республике Саха (Якутия): –56,7 и –36,4% соответственно, Хабаровском крае: –62,6 и –8,5%, Сахалинской области: –16,6 и –24,9%, Чукотском автономном округе: –32,7 и –45,6%.

В Северо-Западном федеральном округе рентабельность продукции растениеводства имеет значение –4,8%, животноводства 11,1%. Отрицательные значения рентабельности в растениеводстве показывают Калининградская область и г. Санкт-Петербург –40,7 и –39,6% соответственно; в животноводстве – Ненецкий автономный округ и Мурманская область: –46,8 и –27,7% соответственно.

В Уральском федеральном округе в целом показатели рентабельности принимают достаточно низкие значения: 8,3% в растениеводстве и 6,9% в животноводстве. Нерентабельно сельское хозяйство в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра: –100 и –32,7% соответственно, в Ямало-Ненецком автономном округе: –56,2 и –64,4%.

Положительные и более высокие показатели рентабельности растениеводства и животноводства имеют Центральный федеральный округ: 31,9 и 12,4% соответственно, Южный федеральный округ: 38,2 и 7,3%, Северо-Кавказский федеральный округ: 33,4 и 12,5%, Приволжский федеральный округ: 21,8 и 7,3%, а также Сибирский федеральный округ: 19,8 и 9,8%. Но во всех этих округах есть регионы, в которых показатели рентабельности заметно превышают средние значения, а также регионы с более низкими или отрицательными значениями показателей.

Одним из основных факторов, влияющих на результаты сельхозпроизводства, в частности на его эффективность, является принадлежность региона к тому или иному агроклиматическому району. Дифференциация регионов России по агроклиматическому потенциалу во многом определяет то, насколько условия региона благоприятны для сельского хозяйства, т.е. то, каковы возможности осуществления в регионе эффективного аграрного производства.

Регионы России с очень высоким агроклиматическим потенциалом расположены в ее центральной и южной частях. Это регионы, входящие в Центральный федеральный округ (Белгородская, Брянская, Курская, Орловская области), Приволжский федеральный округ (Республика Мордовия), Южный федеральный округ (Республика Адыгея), Северо-Кавказский федеральный округ (Республика Северная Осетия – Алания,

Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ставропольский край) [1]. Это территории, которые имеют наиболее благоприятные соотношения тепла и влаги, что определяет агроклиматический потенциал региона. Почти все эти регионы характеризуются достаточно высокими финансовыми показателями сельхозпроизводства.

К регионам с очень высоким значением суммы активных температур, но недостаточным увлажнением, относятся в частности Астраханская область и Республика Калмыкия, входящие в Южный федеральный округ [1]. Увеличение агроклиматического потенциала этих регионов возможно путем орошения, т.е. компенсации недостатка влаги. Отметим, что, по данным Росстата, сельхозорганизации регионов в целом, по итогам 2016 г., являются убыточными, в Астраханской области сельхозпроизводство нерентабельно, а в Республике Калмыкия рентабельность растениеводства и животноводства составляет соответственно 35,4 и 7,2%.

Природные ограничения для ведения сельского хозяйства имеют в основном регионы, входящие в Дальневосточный, Уральский, Сибирский и Северо-Западный федеральные округа [1]. В этих федеральных округах есть регионы, где сельхозпроизводство неэффективно.

Районы с оптимальным соотношением тепла и влаги занимают около 14% территории России, на территории с теми или иными природными ограничениями функционирования сельского хозяйства приходится 86% [1].

Рассмотрим то, как по регионам России распределяются инвестиции в основной капитал сельского хозяйства. Воспользуемся данными Росстата. На Центральный федеральный округ, по данным за 2016 г., приходится 42,7% от общей суммы инвестиций, из которых лишь 16,4% – на регионы с очень высоким агроклиматическим потенциалом. На Южный федеральный округ приходится 11,8% инвестиций, в том числе на Республику Адыгея, регион с очень высоким агроклиматическим потенциалом – 0,2%. В Северо-Кавказском федеральном округе в основной капитал сельского хозяйства было инвестировано 7,2% от суммы инвестиций, а в регионы с очень высоким агроклиматическим потенциалом – 6,5%. В Республику Мордовия, входящую в Приволжский федеральный округ и имеющую очень высокий агроклиматический потенциал, было инвестировано 1,1% от общей суммы инвестиций в основной капитал сельского хозяйства. Таким образом, на регионы России с оптимальным соотношением тепла и влаги, т.е. с наилучшим агроклиматическим потенциалом, в сумме в 2016 г. приходилось лишь 24,2% инвестиций.

Такое распределение инвестиций можно признать неразумным, поскольку в случае более значительного инвестирования в регионы с высоким агроклиматическим потенциалом за счет снижения суммы инвестиций в регионы, менее пригодные для осуществления аграрного производства, совокупный результат сельхозпроизводства будет выше. Регионы, имеющие высокий агроклиматический потенциал, обладают большими возможностями для осуществления эффективного аграрного производства. В связи с этим, по мнению авторов, целесообразно с точки зрения повышения

эффективности отечественного сельхозпроизводства развитие сельхозпроизводства в регионах с благоприятными для сельского хозяйства природно-климатическими условиями.

Республика Адыгея (далее – РА) – это регион России, расположенный на юго-западе страны. Климат Адыгеи, умеренно теплый и влажный, благоприятен для развития многоотраслевого сельского хозяйства. Как было отмечено, Адыгея относится к числу регионов, имеющих очень высокий агроклиматический потенциал.

В республике возделывается обширная номенклатура сельскохозяйственных культур: пшеница, кукуруза, подсолнечник, ячмень, сахарная свекла. Выращиваются также рапс, рис, картофель и др. Уникальные природно-климатические условия республики позволяют выращивать как южные (персик, айва, кизил, груша, яблоки, виноград), так и субтропические культуры (чай). В республике также развиты скотоводство, овцеводство, племенное коневодство, промышленное птицеводство, пчеловодство.

Проанализируем, с привлечением статистических данных, современное состояние сельского хозяйства Республики Адыгея.

Основным критерием достаточности производства сельхозпродукции служит уровень обеспечения населения республики основными продуктами собственного производства. В связи с этим можно констатировать, что Адыгея обеспечивает себя полностью не по всем продуктам питания. По данным Краснодарстата, уровень самообеспечения картофелем в процентах к внутреннему объему потребления в 2016 г. составил 90,4%, мясом – 94,8%, яйцами – 73,9%.

Таким образом, в РА необходимо наращивать объемы производства продукции сельского хозяйства. Но, по данным Краснодарстата, объем произведенной в республике сельхозпродукции в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом снизился, индекс производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах составил 98,7%.

При этом обеспеченность сельхозпроизводителей республики сельскохозяйственной техникой снижается, большая ее часть эксплуатируется сверх амортизационного срока. По данным Краснодарстата, на 1 января 2016 г. в сравнении с 1 января 2007 г. площадь сельхозугодий РА снизилась на 3,1 тыс. га. В 2016 г. в сравнении с 2007 г. доля убыточных сельхозорганизаций снизилась с 33,3 до 7,3%, но величина убытка возросла с 68,1 млн. руб. до 246,0 млн руб. Уровень рентабельности продукции в 2016 г. в сравнении с 2007 г. уменьшился с 20,6 до 15,9%, рентабельность активов принимает низкие значения: в 2016 г. она составила 3,2%, тогда как в 2007 г. – 9,3%.

Проведенный анализ состояния аграрной экономики РА свидетельствует о том, что объемы производства сельхозпродукции недостаточны, показатели эффективности снижаются.

В сложившейся ситуации необходимо принятие мер, направленных на повышение эффективности и конкурентоспособности отрасли, поскольку РА – традиционно аграрный регион с очень хорошим потенциалом для

успешного осуществления сельхозпроизводства, способный обеспечить себя сельхозпродукцией в полном объеме и реализовывать свою продукцию за пределами региона.

Поскольку на республику приходится крайне незначительная часть от общей суммы инвестиций в основной капитал сельского хозяйства России, как уже было отмечено, по данным за 2016 г. – лишь 0,2%, необходим поиск дополнительных возможностей, внутренних резервов развития сельхозпроизводства региона.

Аграрное производство в республике осуществляют сельхозорганизации разных организационно-правовых форм и хозяйствующие субъекты малого агробизнеса: хозяйства населения (ХН) и крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х).

Сельхозпроизводители республики, особенно субъекты малого агробизнеса, испытывают множество сложностей в своей работе, что сказывается на результатах их деятельности и затрудняет эффективное сельхозпроизводство. По причине недостаточности финансовых ресурсов многие хозяйства не имеют возможности применения новой техники, современных технологий сельхозпроизводства. Некоторые хозяйства испытывают сложности, связанные с осуществлением своевременного и качественного ветеринарного обслуживания скота. Проблема, особенно остро стоящая перед хозяйствующими субъектами малого агробизнеса, это проблема сбыта сельхозпродукции. Деятельность ХН и К(Ф)Х, а отчасти и сельхозорганизаций осложняется недостаточной информированностью хозяйств о рыночной конъюнктуре, недостаточным уровнем знаний в области бухучета, финансов и др. [2, 3].

Для обеспечения успешной, эффективной деятельности сельхозпроизводителей республики, а в итоге эффективности и дальнейшего развития аграрной экономики РА в целом, по мнению авторов, необходимо совмещение двух тенденций: интеграции в АПК республики и развития малых форм агробизнеса.

Создание вертикально-интегрированной структуры в АПК, по мнению авторов, это возможный путь решения проблем, стоящих перед аграриями республики [4]. В Адыгее нет крупных агропромышленных объединений регионального уровня, что, на взгляд авторов, сдерживает развитие АПК республики. В связи с этим авторы считают целесообразным создание в РА регионального агрохолдинга. Вхождение в подобный агрохолдинг может позволить обособленным хозяйствующим субъектам, сельхозпроизводителям, предприятиям сферы переработки, торговым, обслуживающим и другим организациям преодолеть сложности, затрудняющие их эффективную деятельность и дальнейшее развитие.

Региональный агрохолдинг может включать следующие структурные элементы: управляющую компанию, научно-исследовательский центр, сельхозпроизводителей, обслуживающий центр, переработки и хранение продукции, реализацию конечной продукции.

Возможно использование следующей организационно-правовой формы – непубличное акционерное общество, поскольку оно позволяет моби-

лизовать материальные и финансовые ресурсы членов объединения. Кроме того, акции распространяются среди ограниченного круга лиц, и поскольку члены холдинга участвуют в едином технологическом процессе, такое объединение является более устойчивым.

Управляющая компания, являясь центральным структурным элементом холдинга, осуществляет управление его финансово-хозяйственной деятельностью, координирует деятельность участников объединения, организует единый технологический процесс, оказывает членам агрохолдинга информационно-маркетинговую поддержку. Эти функции может выполнять одна из многочисленных перерабатывающих организаций или одна из успешных сельхозорганизаций республики.

Взаимоотношения между управляющей компанией и прочими структурными элементами холдинга строятся на имущественной и договорной основе.

К задачам научно-исследовательского центра агрохолдинга относятся: производство семян сельскохозяйственных культур перспективных сортов, улучшение пород сельскохозяйственных животных, а также разработка интенсивных технологий сельхозпроизводства.

Структурный элемент агрохолдинга «сельхозпроизводители» включает сельскохозяйственные производственные кооперативы республики, поскольку, по результатам анализа, проведенного Краснодарстатом, сельхозтоваропроизводители этой формы хозяйствования являются наиболее эффективной в условиях РА формой хозяйствования.

Кроме того, целесообразным представляется сотрудничество агрохолдинга с хозяйствами населения и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами республики на договорных началах. Это позволило бы холдингу закупать те виды сельхозпродукции, которые не производятся сельхозпредприятиями республики, но необходимы для работы перерабатывающих предприятий. У хозяйств населения возможна закупка овощей, молока, яиц. Важно также отметить, что хозяйства населения, как правило, производят экологически безопасную продукцию. У крестьянских (фермерских) хозяйств холдинг может закупать зерно, если предприятия переработки будут испытывать в нем недостаток.

Закупка холдингом сельхозпродукции у населения и крестьянских (фермерских) хозяйств может осуществляться через заготовительные пункты, расположенные во всех районах республики.

Подобное сотрудничество позволило бы решить и многие проблемы, стоящие перед субъектами малого агробизнеса, что представляется авторам важным и необходимым.

Элемент агрохолдинга по переработке и хранению продукции включает предприятия сферы переработки сельхозпродукции республики, находящиеся в различных районах республики и производящие разные виды продукции.

Таким образом, сельхозпроизводители и перерабатывающие предприятия, входящие в агрохолдинг, охватывают все административные районы, т.е. всю территорию Республики Адыгея.

Обслуживающий центр агрохолдинга должен осуществлять следующие виды работ: многофункциональный технический сервис и ветеринарные услуги.

Реализация конечной продукции холдинга может осуществляться через собственные специализированные магазины и павильоны и другие каналы сбыта продукции.

Возможность создания в республике подобного объединения подтверждается наличием в Адыгее хозяйствующих субъектов – потенциальных участников агрохолдинга. В научно-исследовательский центр могут войти ФГБНУ «Адыгейский научно-исследовательский институт сельского хозяйства» и филиал ФГБУ «Россельхозцентр» по РА. В структурный элемент «сельхозпроизводители» – сельскохозяйственные производственные кооперативы, расположенные во всех административных районах республики. Кроме того, сельхозпроизводство в республике осуществляет большое число К(Ф)Х и ХН. В республике имеется множество перерабатывающих предприятий, которые осуществляют производство различных видов продукции и рассредоточены по всей территории Адыгеи, – это потенциальные члены объединения. В республике есть предприятия, которые могли бы войти в обслуживающий центр холдинга: ООО «Агротехника» и ООО «Агро-Перспектива Сервис». Реализация конечной продукции агрохолдинга, как было отмечено, может осуществляться через специализированные магазины и павильоны, которыми располагают некоторые организации – перспективные участники объединения.

Предложенная модель агрохолдинга обеспечивает полную вертикальную интеграцию производственного процесса, включает все звенья производственной цепочки: от собственной кормовой базы и производства семян до переработки сельхозпродукции и реализации конечной продукции.

В создании подобной вертикально-интегрированной структуры в республике заинтересовано как государство, поскольку в этом случае можно достичь обозначенной цели – повышение эффективности и конкурентоспособности АПК, так и потенциальные ее члены, в том числе и сельхозпроизводители.

Как было отмечено, позиция авторов заключается в том, что в республике, помимо содействия интеграции, необходимо также предпринимать меры, направленные на развитие малых форм хозяйствования в аграрной экономике, поскольку ХН и К(Ф)Х являются важнейшими производителями сельскохозяйственной продукции в РА. По данным Краснодарстата, на долю этих хозяйств ежегодно приходится около 70% от общего объема продукции сельского хозяйства республики.

Кроме того, велика социальная значимость этих хозяйств. Они играют важную роль в решении остро стоящей проблемы занятости сельских жителей, способствуют повышению их семейных доходов. Для определенной части селян личное хозяйство перестало быть подсобным, стало основной формой занятости и из дополнительного превратилось в главный источник дохода семьи.

В современных условиях хозяйства этих категорий выполняют важную функцию сохранения в сельской местности традиционного образа жизни крестьян, культуры и исторических традиций сельского населения, рецептуры переработки сельхозпродукции.

Важно и то, что сегодня существует спрос на продовольствие высокого качества, произведенное без использования химикатов. Это дает дополнительные возможности хозяйствам населения.

Необходимость содействия в развитии малых форм хозяйствования определяется также тем, что в современной многоукладной аграрной экономике, как уже отмечалось, между крупными и мелкими хозяйствующими субъектами существует определенное отраслевое разделение труда [5].

Крупные сельхозпредприятия имеют преимущество там, где необходимо использование сложной техники и технологии, т.е. в отраслях, требующих повышенной механизации и крупномасштабности производства. В связи с этим в растениеводстве они специализируются на производстве зерна и семян подсолнечника. По данным Краснодарстата, их доля в общем объеме производства этих видов сельхозпродукции в республике в 2016 г. составила соответственно 42,4 и 33,6%. По данным за этот же год, на их долю приходилось 70,1% от общего объема производства мяса и 21,2% производства яиц. Производство зерна и семян подсолнечника в значительной степени осуществляют и крестьянские (фермерские) хозяйства республики. Они имеют самый высокий удельный вес в производстве зерна – 56,9%, а также семян подсолнечника – 66,3%. Но производство некоторых видов продукции не поддается механизации, требует больших затрат ручного труда. К таким отраслям относятся прежде всего овощеводство и картофелеводство. Здесь преобладают хозяйства населения. Они лидируют в производстве овощей – 95,6% от общего объема производства, картофеля – 97,2%, молока – 88,1%, яиц – 70,1%, шерсти – 68,9%. На долю крестьянских (фермерских) хозяйств республики в 2016 г. приходилось соответственно 1,5; 2,8; 7,5; 8,7; 27,8% от общего объема производства этих видов сельхозпродукции.

Таким образом, еще одним фактором значимости сельхозпроизводителей малых форм хозяйствования в аграрной экономике республики служит то, что они специализируются на тех видах сельхозпродукции, многие из которых в крупных сельхозорганизациях не производятся.

Поэтому, по мнению авторов, органам исполнительной власти РА следует усилить меры государственной поддержки хозяйств малого агробизнеса, меры по содействию в решении стоящих перед ними проблем. Решение этой задачи имеет большое значение для развития отрасли.

В настоящее время существуют определенные формы государственной поддержки хозяйств малого агробизнеса: грантовая поддержка начинающих фермеров из средств федерального и региональных бюджетов; грантовая поддержка семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств; оформление земельных участков в собственность крестьянских (фермерских) хозяйств; кредитование на основе субсидиро-

вания за счет средств федерального бюджета процентных ставок по кредитам, привлеченным сельхозтоваропроизводителями в коммерческих банках; система страхования с господдержкой; несвязанная поддержка сельхозпроизводителей в области растениеводства.

Однако эти меры господдержки не обеспечивают решения всех проблем субъектов малого агробизнеса республики.

Сотрудничество ХН и К(Ф)Х с агрохолдингом, использование ими его сбытовых возможностей – это одно из направлений решения поставленной задачи. Помимо этого, для преодоления трудностей со сбытом продукции возможно создание сбытовых кооперативов, объединяющих К(Ф)Х и ХН товарного типа [6].

Как отмечалось, одной из причин, препятствующих росту сельхозпроизводства в хозяйствах малого агробизнеса, является проблема недостаточности финансовых ресурсов. Решению этой проблемы может способствовать стимулирование развития сельской кредитной кооперации в РА. Членами сельскохозяйственных кредитных кооперативов являются крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйства населения, сельхозорганизации и др.

В Адыгее в рамках национального проекта «Развитие АПК» было запланировано создание обширной сети кредитных, перерабатывающих и снабженческо-сбытовых кооперативов. Но если, по данным Краснодарста, в начале 2011 г. в республике было зарегистрировано 27 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, то в начале 2016 г. их численность составила лишь 18. Таким образом, в Адыгее необходимо развивать сеть сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Поскольку в настоящее время остро стоит проблема неудовлетворительной технической оснащенности сельхозпроизводителей, в частности субъектов малого агробизнеса, своевременным представляется развитие в республике сети машинно-технологических станций. Эта задача ставилась правительством республики, но решена не была. При условии содействия и финансовой поддержки со стороны государства создание в Адыгее региональной сети машинно-технологических станций может способствовать выходу из сложившейся неблагоприятной ситуации.

Следует сказать о существующей проблеме недостаточной информированности хозяйств малого агробизнеса республики о рыночной конъюнктуре. К решению этой проблемы можно привлечь ГУ РА «Информационно-консультационная служба агропромышленного комплекса», организацию, подведомственную Министерству сельского хозяйства РА. В числе функций, выполняемых этой организацией: сбор, систематизация и анализ данных о результатах хозяйственной деятельности субъектов АПК республики; информационно-консультационное обслуживание сельхозпроизводителей и доведение до хозяйствующих субъектов научной, технологической и рыночной информации.

Еще одна причина, препятствующая осуществлению эффективного сельхозпроизводства в хозяйствах малого агробизнеса республики, – это

недостаточный уровень знаний работников в области бухучета, финансов и др., а также низкая правовая грамотность многих фермеров и владельцев личных хозяйств. Решить эту проблему можно путем регулярного проведения семинаров с привлечением специалистов учебных и научных учреждений Адыгеи в области аграрной экономики, периодического консультирования по правовым, бухгалтерским, финансовым и другим вопросам, организации подготовки и переобучения персонала. Привлечь к этой работе можно также АУ РА «Республиканский бизнес-инкубатор», организацию, подведомственную Министерству экономического развития и торговли РА, поскольку одна из ее целей – обучение субъектов предпринимательской деятельности, консультации по вопросам юриспруденции, бухгалтерии, господдержки.

Реализация описанных мероприятий может способствовать решению проблем, которые стоят сегодня перед сельхозпроизводителями республики и затрудняют их работу, позволит повысить эффективность и конкурентоспособность сельхозпроизводства в Республике Адыгея.

Литература

1. Лобковский В.А., Кочуров Б.И., Лобковская Л.Г., Хазиахметова Ю.А. Оценка природно-ресурсного и социально-экономического потенциалов Российской Федерации с позиции регионального природопользования // Проблемы региональной экологии. 2014. № 1. С. 149–169.
2. Воитлева З.А. Роль хозяйствующих субъектов малого агробизнеса в решении задачи импортозамещения в сельском хозяйстве России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2016. № 6(140). С. 101–105.
3. Серова Е.В. Аграрная экономика. М. : ГУ ВШЭ, 1999. 478 с.
4. Ярлыкапов А.Б., Шутьков А.А., Воитлева З.А. Внутренние резервы развития многоукладной сельской экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 1, № 4 (76). С. 55–61.
5. Узун В.Я. Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М. : Росинформагротех, 2006. 184 с.
6. Янбых Р.Г. Потенциал сельскохозяйственной кооперации в развитии малых форм хозяйствования на селе // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 11. С. 73–77.

Shutkov A.A., Institute for Market Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.a.shutkov@yandex.ru

Yarlykapov A.B., Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: ab.yarlykapov@migsu.ru

Voitleva Z.A., Branch of the Adyge State University in Belorechensk (Maikop, Russian Federation). E-mail: agat11@list.ru

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE REGION: FEASIBILITY AND OPPORTUNITIES

Keywords: agricultural production, region, agroclimatic potential, efficiency, integration, small agribusinesses.

References

1. Lobkovsky, V.A., Kochurov, B.I., Lobkovskaya, L.G., Khaziahmetova, Yu.A. (2014) *Ocenka prirodno-resursnogo i socialno-ekonomicheskogo potencialov Rossiyskoy Federacii s pozicii regionalnogo prirodopolzovaniya* [Evaluation of the natural-resource and socio-economic potentials of the Russian Federation from the position of regional nature management]. *Problemy regionalnoy ekologii*. 1. pp. 149-169. (In Russian).
2. Voitleva, Z.A. (2016) *Rol hozyaystvuyuschih subektov malogo agrobiznesa v reshenii zadachi importozamescheniya v sel'skom hozyaystve Rossii* [Role of economic entities of small agribusiness in solving the problem of import substitution in agriculture in Russia]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 6(140). pp. 101-105. (In Russian).
3. Serova, E.V. (1999) *Agrarnaya ekonomika* [Agrarian economy]. M.: GU VShE. 478 p. (In Russian).
4. Yarlykapov, A.B., Shutkov, A.A., Voitleva, Z.A. (2018) *Vnutrennie rezervy razvitiya mnogoukladnoy sel'skoy ekonomiki* [Domestic reserves for the development of a multistructural rural economy]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 4. 1 (76). pp. 55-61. (In Russian).
5. Uzun, V.Y. (2006) *Krupnyy i malyy biznes v sel'skom hozyaystve Rossii: adaptaciya k rynku i effektivnost* [Large and small business in Russia's agriculture: adaptation to the market and efficiency]. M.: FGNU «Rosinformagrotekh». 184 p. (In Russian).
6. Yanbyh, R. G. (2009) *Potencial sel'skohozyaystvennoy kooperacii v razvitiy malyyh form hozyaystvovaniya na sele* [Potential of agricultural cooperation in the development of small forms of farming in rural areas]. *Ekonomika sel'skohozyaystvennyh i pererabatyvayuschih predpriyatiy*. 11. pp. 73-77. (In Russian).

For referencing:

Shutkov A.A., Yarlykapov A.B., Voitleva Z.A. Razvitie sel'hozproduktstva regiona: cel'soobraznost' i vozmozhnosti [Development of agricultural production in the region: feasibility and opportunities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, no 44, pp. 58–69.

УДК 338.012

DOI: 10.17223/19988648/44/4

С.А. Жиронкин, Е.А. Таран, М.А. Гасанов, А.В. Жаворонок

ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ КОНВЕРГЕНТНО-ИНДУЦИРОВАННОГО СТРУКТУРНОГО СДВИГА

В настоящее время экономика России, до конца не преодолевшая деиндустриальный тренд в своем развитии, встречает новый вызов, формируемый глобальной экономикой, в которой разворачивается комплекс воспроизводственных, институциональных, рыночных условий структурного сдвига, инициированного экспансией конвергентных технологий. Результатом этой экспансии должно стать формирование новых секторов и отраслей экономики, многократный рост производительности труда, становление связей между государством и бизнесом нового типа, социальная реструктуризация. Все это неизбежно результирует в прорыве в международной конкурентоспособности, к которому уже сегодня подошли технологически передовые страны и за которыми последует окончательный отрыв в уровне социально-экономического развития и потеря технологической идентичности промышленно развитых стран, чья структурная политика индифферентна к технологической конвергенции. Для того чтобы реализовать имеющийся в российской экономике научно-производственный потенциал экономической политики, стимулирующей положительный конвергентно-индуцированный структурный сдвиг, необходимо проанализировать его принципы и условия.

Ключевые слова: технологии, конвергенция, воспроизводство, бизнес, государство, структурный сдвиг, технологические уклады, инвестиции, инновации.

Анализ принципов и условий воздействия конвергентных технологий на структурные сдвиги необходим для формирования их теоретических положений, поиска путей и средств регулирования.

В целом принципиальную основу анализа воспроизводственной и структурной динамики экономики можно разделить на три составляющие: принципы исследования экономической системы (структура производительных сил, разделения труда, классовая структура [1. Т. 24. С. 445; 2. С. 181; 3. С. 166]); принципы регулирования экономики (классические [4. С. 102; 5. С. 203; 6. С. 81], неоклассические [7. Т. 2. С. 247; 8. Т. 1. С. 308], кейнсианские [9–11], институциональные [12–14]); принципы воздействия на структуру экономики [15–17]. К последним относятся: сложность и изоморфизм; стремление к сокращению энтропии; наличие аттрактора, к которому тяготеет открытая система (для российской экономики аттрактором является эксплуатация природных ресурсов и извлечение ресурсной ренты), принцип катализатора изменений, благодаря которым возможна смена аттрактора. Так, в пользу возможной смены аттрактора для российской экономики с сырьевого на высокотехнологичный свидетельствует достаточно высокий уровень урбанизации, научно-интеллектуальное

наследие СССР, значительный внутренний спрос. Также принципы структурного регулирования экономики включают в себя иницилирующую и регулирующую роль государства, влияние нового технологического уклада, учет факторов внешней среды [18. С. 50]. Влияние научно-технического прогресса на структуру экономики рассматривалось Н.Д. Кондратьевым [19], Д.С. Львовым [20], М.А. Гасановым [21].

Первоначально технологическая конвергенция стала объектом социологических исследований в 1990-х гг., позже стала рассматриваться с позиций технократического подхода к исследованию роли конвергентных технологий в развитии технологически передовых и многоукладных экономик – как синергетический результат взаимодействия представителей четырех сфер отраслевой науки – нано- и вычислительных технологий, генной инженерии, нейронауки [22–24].

Мы определяем развитие конвергентных технологий как важное технологическое условие неоиндустриализации российской экономики в процессе ее структурных преобразований (наряду с выделенными нами выше модернизацией и инновационным развитием базовых отраслей и высокотехнологичных производств). Содержание конвергенции технологий заключается во взаимопроникновении и сочетании различных технологических инноваций, объединяемых общей цифровой формой проектирования, тиражирования и диффузии. Также технологическая конвергенция означает развитие в существующих кластерах мультиплатформенных инноваций, разрабатываемых в разных технологических платформах, но способных дать общий продукт.

Мы полагаем целесообразным рассматривать конвергенцию технологий как релокацию производительных сил, формирование кластеров нового типа, в которых производители благ, характерных для современного витка научно-технического прогресса (таких как новейшие лекарства, средства глобального информационного доступа, экологически чистые энергоносители и пр.), самоорганизуются и координируют свою деятельность для достижения синергетического эффекта в технологической эффективности. Такая релокация происходит в виде формирования глобальных кластеров конвергентных технологий сетевого типа. Сетевая сущность кластеров конвергентных технологий объясняется их диффузной сущностью, что делает невозможным создание единого центра. Напротив, такие кластеры образуют собой полицентричную сеть, в которой происходит постоянный обмен ноу-хау и совместное патентование прорывных инноваций, внедрение которых постепенно принимает повсеместный характер.

Таким образом, развитие конвергентных технологий неизбежно вызовет глубокий сдвиг не только в структуре отраслей через смену доминирующих технологий, но и в структуре общественного воспроизводства, рынков. Такой структурный сдвиг, по сути, является конвергентно-индуцированным, т.е. представляет собой трансформацию отраслевой, рыночно-конкурентной, социальной структуры экономики, вызванную изменениями в ее воспроизводственной и технологической структуре, прежде

всего ростом производительности труда и добавленной стоимости, создаваемой при помощи конвергентных технологий.

Среди технологий, объединенных в конвергентный тип, сложно выделить доминирующую. Вследствие самого явления конвергенции каждая из технологий активно использует другую для создания продуктов и средств производства, что подтверждается формированием смежных кластеров «нано-био», «инфо-когно».

Технологическая конвергенция выравнивает неравномерности развития специализированных высокотехнологичных отраслей. В результате расширяются границы отраслевых производств и закладываются рыночные основы будущей релокации инвестиционных потоков, отраслевых производств, территориального размещения производительных сил – факторов, в конечном итоге определяющих структурный сдвиг. При этом самоиндуцирование конвергентных технологий, их способность быстро капитализоваться и расширять долю использующих их отраслей в структуре ВВП связаны с взаимопроникновением и рекомбинированием различных технологических инноваций, объединяемых общей цифровой формой проектирования, тиражирования и диффузии. Также технологическая конвергенция означает развитие в существующих кластерах мультиплатформенных инноваций, разрабатываемых в разных технологических платформах, но способных дать общий продукт.

Для описания процесса и результатов реализации данного принципа мы полагаем целесообразным использовать методологию технологических укладов, разрабатываемую в различные периоды С.Ю. Глазьевым [25], Ф. Перру [26], Й. Шумпетером [27], Н.Д. Кондратьевым [19], Р. Рейчем [28], Д. Беллом [29] и К. Кларком [30]. Сам технологический прогресс в экономике рассматривается авторами теории технологических укладов вне связи с его экономическими источниками – инвестированием инноваций, развитием рынка новых технологий, стимулированием высокорисковых инвестиций, появлением новых институтов в сфере рынка интеллектуальной собственности и пр.

Обобщив работы указанных выше авторов, можно выделить пять сформировавшихся к настоящему моменту технологических укладов и один грядущий, призванный доминировать в конце следующего промышленного супер-цикла (его становление пришлось на начало 2010-х гг., конец – середина XXI в.).

Воспроизводственная особенность структурного сдвига при замещении пятого технологического уклада шестым заключается в модификации длинной кондратьевской волны, с ускорением глубоких изменений отраслевой структуры ВВП – 30–40 лет в сравнении со 100–80 годами для ранних укладов. В результате экономическое развитие технологически передовых стран все больше будет определяться инвестициями в научно-исследовательском (сциентарном) секторе, инспирируемыми научно-инновационной политикой государства и качеством ее институтов.

В период перехода от пятого техноуклада к шестому (первая половина XXI в.) ожидается кризис базовых отраслей экономики (добыча ископае-

мых энергоносителей, черная металлургия, тепловая и атомная энергетика, железнодорожный транспорт). Вместе с тем мы считаем, что именно конвергенция современных технологий на основе нарастающей информатизации экономики и создания новых материалов на основе нано-технологий общества способна сгладить резкий спад производства в традиционных отраслях (неоиндустриальное развитие экономики с характерной глубокой технологической модернизацией базовых отраслей, с учетом потребностей в ресурсах нового типа).

Таким образом, с позиции теории технологических укладов конвергентно-индуцированный структурный сдвиг будет иметь место по мере развития шестого уклада, когда прорывные высокотехнологичные производства будут интегрироваться, создавая новые сектора экономики со сверхвысокой производительностью труда и добавленной стоимостью, с новыми формами партнерства государства и бизнеса, с сокращением длины промышленных циклов.

Реализация имеющегося в российской экономике задела по развитию конвергентных технологий сдерживается замкнутым кругом проблем, когда бизнес не имеет эффективной технологической основы инвестирования инноваций, а ее развитие сдерживается отсутствием стратегического взаимодействия государства и бизнеса, нескоординированностью инвестиций в фундаментальные исследования, НИОКР и производство, неучастием банков и инвестиционных фирм в финансировании инноваций. В связи с этим принципы влияния конвергентных технологий на структурные сдвиги должны отражать, во-первых, генерируемые ими изменения в системе общественного воспроизводства; во-вторых системные изменения в структуре экономики, первоначально инициируемые на мезоуровне, затем проявляющиеся на макроуровне. Совокупность данных принципов включает в себя следующие:

1. *Принцип ускорения воспроизводственного процесса* по мере экспансии конвергентных технологий, согласно которому слияние технологий сопровождается соединением инвестиционных потоков разных отраслей и, соответственно, сокращением перехода к новому технологическому укладу. При этом происходит стирание границ между отдельными отраслями, возникновение новых ориентиров роста производительности труда в процессе переплетения инвестиционных потоков, генерируемых инвесторами-партнерами из разных отраслей.

2. *Принцип неоиндустриального развития конвергентных технологий*, согласно которому отрыв части промышленного комплекса, инициирующему их активное внедрение (отрасли шестого технологического уклада), от инновационного развития базовых отраслей недопустим. Это означает комплексное регулирование инвестирования инноваций в отраслях пятого и шестого техноукладов, системное использование «принуждения к инновациям» и протекционизма, индикативного планирования и программно-целевого регулирования, рыночного саморегулирования, научно-производственной интеграции, сетевой платформизации и кластеризации экономики.

3. *Принцип модификации экономических отношений* в системе общественного воспроизводства, связанных с инвестированием инноваций и их внедрением, с созданием налоговых, финансово-кредитных стимулов технологической конвергенции, с ускорением обновления основного капитала, с формированием новых социальных связей и моделей экономического поведения. В ходе такой модификации должны получить становление новые субъекты инвестиционных, кредитных, налоговых отношений (например, сетевые кластеры и конвергентные технологии, межотраслевые центры инвестирования инноваций, государственно-частные конвергентно-технологические партнерства), а также сформироваться их новые функции (например, функция государства как инвестиционно-инновационного партнера бизнеса).

4. *Принцип целевого программирования* развития конвергентных технологий и инвестирования их массового производства, диффузии в базовом секторе экономики. Как структурообразующий фактор экономического развития, технологическая конвергенция должна осуществляться системно и регулируемо, в системе национальной промышленной, научно-инновационной, денежно-кредитной, бюджетно-налоговой, внешнеэкономической, социальной политики. Поэтому сегодня велика потребность в разработке и реализации целевых программ по созданию, коммерциализации и повсеместной диффузии конвергентных технологий, согласования интересов государства и частных инвесторов, разработчиков высоких технологий и сырьевых, обрабатывающих корпораций, различных социальных групп.

5. *Принцип социализации технологической конвергенции* и сглаживания негативных последствий обусловленного ими структурного сдвига. Прогнозы расширения доли шестого технологического уклада в мировом ВВП означают высвобождение рабочей силы из традиционных отраслей, расширение отраслей со сверхвысокой производительностью труда. Все это кардинально изменит структуру рынка труда, распределение доходов и социальное благополучие уже занятого в настоящее время поколения. Следовательно, необходима синхронизация социальной политики государства с трендом экспансии конвергентно-технологических отраслей в структуре экономики, развитие адаптационных механизмов в регулировании рынка труда, совершенствование распределения интеллектуальной ренты.

Таким образом, принципы воздействия конвергентных технологий на структурные сдвиги отражают такие императивы развития экономических отношений, как адаптация их субъектов к ускорению научно-технического прогресса, к сетевизации инновационной деятельности, к изменению роли государства в условиях ускорения воспроизводственных процессов.

Такие движущие силы технологической конвергенции, как модификация интеллектуального капитала и изменение характера труда в процессе развития фундаментальных исследований в областях NBIC, определяют комплекс условий влияния конвергентных технологий на структурные сдвиги:

а) воспроизводственно-кластерные условия, которые заключаются в ускорении воспроизводства основного капитала отраслей пятого технологического уклада с тем, чтобы создать инвестиционные, материально-ресурсные потоки, необходимые для экспансии производств шестого техноуклада. Для российской экономики это означает рост нормы накопления до 35–40% от ВВП (в 2017 г. – порядка 20%), рост доли частных и государственно-частных инвестиций в отрасли шестого технологического уклада до 15% от их общего объема (в 2017 г. – порядка 0,5%), сокращение физического износа средств производства четвертого и пятого техноукладов до 15–20% (сегодня – 50–55%) [31].

Кластеризация технологической конвергенции означает релокационные изменения в размещении производительных сил, его отдаление от условия близости к природным ресурсам и центрам их переработки, децентрализацию и становление сетевой формы. Сетевизация кластеров конвергентных технологий определяется не принципом абсолютных преимуществ в обеспеченности ресурсами, а эффективностью научно-инновационной политики государства, степенью вовлеченности бизнеса в деятельность технологических платформ;

б) инновационно-инвестиционные условия воздействия конвергентных технологий на структурные сдвиги, связанные с неоиндустриальным развитием и модернизацией промышленности в рамках четвертого и пятого техноукладов. Это должно гарантировать спрос на продукты NBIC-конвергенции в процессе становления постнефтяной энергетики (сверхмощные источники питания, биогенераторы и пр.), технологий сверхпроводимости, рециркуляционной и энерго-минимизированной промышленности, биохимических материалов, нано-компьютеров;

в) институциональные условия, включающие в себя целенаправленное формирование институтов государства и бизнеса, способных переориентировать инвестиционные, трудовые, интеллектуальные ресурсы из добывающих и обрабатывающих отраслей в те отрасли, в которых конвергентные технологии создаются и находят спрос. Это означает, что инновации, генерируемые в отраслях информационных, био-, нано-, когнитивных технологий, должны быть востребованы в ставших сегодня традиционными производствах – биохимии, радиоэлектронике, легкой, пищевой промышленности, производстве полимеров и др. Для этого необходимо целенаправленное формирование государством благоприятной среды развития экономических отношений на рынке интеллектуального капитала, высокопроизводительного труда, современных ресурсов, информации. Такая среда не должна подменять собой рынок, но быть гораздо менее энтропийной, не ассоциироваться с грюндерством, сложившимся с начала рыночных реформ и не преодоленным по настоящее время в российской экономике. Именно во многом благодаря этому высокотехнологичные отрасли выходят сегодня в лидеры инвестиционной привлекательности в технологически передовых странах;

г) социальные условия воздействия технологической конвергенции на структурные сдвиги, подразумевающие целенаправленное формирование

устойчивой социальной группы разработчиков конвергентных технологий, инновационных предпринимателей и менеджеров стартапов. Реализация социальных условий связана с модификацией экономических отношений на рынке труда, при которой при ускорении научно-технического прогресса связи работников и работодателей принимают сетевую форму, а характер труда становится более творческим, информационным. Для того чтобы данная социальная группа была устойчива, требуется трансформация государственной политики занятости, стимулирующая рост доходов работников в зависимости от интеллектуализации труда.

Опираясь на выделенные нами принципы и условия влияния технологической конвергенции на структурные сдвиги, мы отмечаем, что в российской экономике они не находят реализации. Мы связываем это, прежде всего, с затянувшимся адаптационным процессом в условиях рыночных реформ, с низкой нормой накопления капитала и замедлением его воспроизводства, с медленным ростом производительности труда, с технологической деградацией промышленности, иначе говоря, с комплексом деиндустриальных проблем. Важно, что эти проблемы антагонистичны выделенным нами условиям экспансии конвергентных технологий.

Кроме того, в российской экономике на всем протяжении рыночных реформ не соблюдаются основные принципы конвергентно-технологического развития: ускорения воспроизводственного процесса, неоиндустриальной базы, целевого программирования и государственно-частного высокотехнологического партнерства. В результате в экономике России сохраняются и углубляются проблемы, сдерживающие развитие высокотехнологического сектора на основе конвергентных технологий и их диффузию в обрабатывающий сектор:

– несовершенство институтов рынка интеллектуального капитала и высоких технологий, с сохраняющейся неопределенностью «правил игры» для субъектов инновационной сферы, в результате чего основная часть доходов государства и крупнейших национальных корпораций базируется на извлечении и перераспределении сырьевой ренты;

– деградация сегмента фундаментальных исследований, игнорирования потребности в них как базы технологической модернизации промышленности до уровня шестого техноуклада негосударственными компаниями. В частности, в России государственные ассигнования на развитие фундаментальной и прикладной науки в 2013–2017 гг. равнялись 0,2% от ВВП, в США – 3,1%, во Франции – 3,9% [32];

– высокие риски коммерциализации инноваций и в особенности их межотраслевой диффузии. Если в 2010–2015 гг. в России инновации внедряло каждое 21-е промышленное предприятие, то в США – семь из десяти, в Китае – каждое второе, в Германии – восемь из десяти предприятий. Действующие в России технологические платформы генерируют технологии для отраслей четвертого и пятого технологических укладов, при этом российский НИОКР финансируется государством на 85%, тогда как в Китае – на 55%, в США – на 20%, в ЕС – на 25%; оставшаяся часть финанси-

руется венчурными фондами и компаниями-производителями напрямую. В результате доля субъектов российского малого бизнеса, создающих и реализующих инновации, составила в 2015 г. 1%, тогда как во Франции этот показатель равен 8%, в США – 9% [31];

– в российской экономике отсутствуют специфические налоговые льготы, привлекающие частных инвесторов в разработку и коммерциализацию инноваций, аналогичные безналоговому периоду для инновационных стартапов в Китае в 5–8 лет, освобождению от налогов фонда оплаты труда резидентов технопарков в Германии и Франции. Компании-производители также не имеют стимулов производства и продвижения прорывной инновационной продукции на внутреннем и внешнем рынках (лоббирование интересов, субсидированные процентные ставки по кредитам госбанков, внешнеэкономические гарантии).

Для решения данных проблем реализации принципов и условий конвергентно-индуцированного структурного сдвига в российской экономике необходимо активизировать структуру, преобразующую роль государства, в процессе развития высокотехнологичного государственно-частного партнерства. С этой целью важно выделить ряд направлений структурной политики, максимально интегрирующей императив конвергентного технологического развития:

1. «Выращивание» формальных и неформальных институтов, обеспечивающих генерацию конвергентных технологий, их коммерциализацию и диффузию. Такие институты инновационного развития современной высокотехнологичной промышленности должны включать государственно-частные партнерства в сфере конвергентных технологий, долгосрочные межотраслевые союзы, инвестиционные альянсы и контракты, позволяющие гарантировать окупаемость инвестиций в фундаментальные исследования, пулы их заказчиков, максимальные налоговые льготы экспортерам конвергентно-технологической продукции.

2. Интеграция ныне разрозненной системы финансирования фундаментальной науки и прикладных стартапов государством и крупными компаниями, соединение научно-производственного потенциала оборонно-промышленного комплекса и гражданских высокотехнологичных отраслей в единую систему максимально привлекательного для частных инвесторов институционального режима, особенно в сфере прорывных и критических технологий.

3. Дефинансиаризация развития российской экономики, заключающаяся в перенаправлении спекулятивного капитала в технологическую модернизацию обрабатывающей промышленности, в процессе вертикальной научно-производственной интеграции, сетевой кластеризации создания и коммерциализации конвергентных технологий, использование эмиссионного механизма для финансирования наиболее конкурентоспособных технологически передовых производств.

4. Снижение инвестиционных рисков в обрабатывающей промышленности, в сфере высоких технологий в процессе развития системы государ-

ственных гарантий и льготного кредитования, опережающего импорта технологий и подготовки высококвалифицированных специалистов, формирования высокотехнологичного лобби. Все это предполагает смену роли государственной собственности в российской экономике с постепенным выходом государства из сырьевого и финансового секторов и переориентации на конвергентно-технологические производства.

5. Развитие импортозамещения конвергентных технологий, первоначально в процессе опережающего импорта фрагментов высокотехнологичных цепочек производства, затем – в ходе научно-производственной интеграции. Это, в свою очередь, невозможно без стимулирования платежеспособного спроса на продукцию, полученную при помощи конвергентных технологий, без содействия ее международной конкурентоспособности за счет льготного кредитования и субсидий.

Таким образом, в российской экономике реализация таких принципов воздействия технологической конвергенции на структурный сдвиг, как ускорение воспроизводственного процесса, модификация экономических отношений, целевое программирование, неоиндустриальное развитие и социализация конвергентных технологий, сдерживается несформированностью необходимых условий: воспроизводственно-кластерных, инновационно-инвестиционных, институциональных, социальных. Причины этого во многом заключаются в ограничениях инновационного развития российской экономики, кроющихся в несовершенствах ее воспроизводственной системы. Для их преодоления требуется системная и планомерная структурная политика, ориентированная на создание воспроизводственных и институциональных условий конвергентно-индуцированного структурного сдвига, сглаживания его негативных последствий.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 438 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М. : Просвещение, 1990. 982 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1962. 665 с.
5. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии. М. : Дело, 2000.
6. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М. : Политическая литература, 1955.
7. Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. М. : Прогресс, 1984.
8. Пигу А. Экономическая теория благосостояния : в 2 т. М. : Прогресс, 1985.
9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
10. Domar E.D. A Theoretical Analysis of Economic Growth. Utha : Kalligan Pub., 1982. 322 p.
11. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М. : Прогресс, 1988. 190 с.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 198 с.
13. Эмар-Дювернье Ф. Конвенции качества и множественность форм координации // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 104–116.

14. *Модернизация* экономики и выращивание институтов. Кн. 1 / под ред. Е. Ясина. М. : ГУ ВШЭ, 2005. 248 с.
15. *Ивлева Г.Ю.* Трансформация экономической системы: обзор концепций и контуры общей теории // *Общество и экономика*. 2003. № 10. С. 54–63.
16. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии*. 2008. № 7. С. 6175–6186.
17. *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. М. : Знание – сила, 1995. 452 с.
18. *Жиронкин С.А.* Неоиндустриально-ориентированные преобразования российской экономики : дис. ... д-ра экон. наук. Томск, 2015. 346 с.
19. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002. 767 с.
20. *Львов Д.С.* Эффективное управление техническим развитием. М. : Экономика, 1990. 368 с.
21. *Гасанов М.А.* Структурные сдвиги в условиях трансформации экономики России и становления инновационного типа развития : дис. ... д-ра экон. наук. Томск, 2012. 364 с.
22. *Roco M.C., Bainbridge W.S.* Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. New York : Kluwer Academic Publishers, 2003. 488 p.
23. *Ветлуги К.* Что такое НБИК? // *В мире нано*. 2010. № 3. С. 11–12.
24. *Ковальчук М.* Будущее за конвергентными технологиями // *Nano News Net*. 2009. 14 апреля. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/budushchee-za-konvergentnyimi-tekhnologiyami-mikhail-kovalchuk> (дата обращения: 02.11.2018).
25. *Глазьев С.Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // *Экономическая наука современной России*. 2012. № 2. С. 26–38.
26. *Perroux F.* A New Concept of Development: Basic Tenets. London : Taylor & Francis, 1983. 426 p.
27. *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. London ; New York : Routledge, 2012. 584 p.
28. *Reich R.* The work of nations. Preparing ourselves for 21st Century capitalism. N.Y. : Univ. of N.Y. Pub., 1992. 590 p.
29. *Bell D.* The coming of postindustrial society. Venture in social forecasting. N.Y. : Collman Pub., 1973. 408 p.
30. *Clark C.* The conditions of economic progress. London : Logan Pub., 1991. 326 p.
31. *Официальный сайт Росстата.* URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 02.11.2018).
32. *Беляева Е.В.* Проблемы развития инноваций в России: мотивационный аспект // *Гуманизация образования*. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-innovatsiy-v-rossii-motivatsionnyy-aspekt> (дата обращения: 08.11.2018).

Zhironkin S.A., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhironkin@tpu.ru

Taran E.A., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ektaran@tpu.ru

Gasanov M.A., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hur-sud1@yandex.ru

Zhavoronok A.V., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: zhavoronok@tpu.ru

PRINCIPLES AND CONDITIONS OF CONVERGENT-INDUCED STRUCTURAL SHIFT

Keywords: technologies, convergence, reproduction, business, state, structural shift, technological structures, investments, innovations.

The article considers the formation of principles and conditions for a structural shift caused by the development of convergent technologies, and the Russian problems of the economic sector in which they are commercialized and diffused. In the Russian economy, there are no prerequisites for initiating a convergent-initiated structural shift, both in the framework of the catch-up industrialization model and due to re-industrialization as well, since the necessary reproductive, institutional, social conditions for technological modernization of the economy in the sixth, convergent-technological layer lack.

The authors argue that at present there is a need for a detailed study of the theoretical foundations of the structural shift induced by interpenetration of technologies, network clustering of manufacturing industries, formation of large industrial structures of a new type in which technological convergence will build new production chains with sufficiently higher surplus value. Therefore, the analysis of principles and conditions for the implementation of a convergent-induced structural shift is of particular importance in the context of growing danger for Russia to lose its technological identity and deepen the gap in the level of social-and-economic development of advanced countries, in which economy structure has an expansion of convergent-technological industries. The result of this expansion should be the formation of new sectors and branches of economy, the major increase in labor productivity, the establishment of relations between the state and business of a new type, social restructuring.

The article deals with the directions of structural policy, integrating the imperative of convergent technological development that implements the institute of high-tech public-and-private partnership. These include the following: "cultivation" of formal and informal institutions that provide generation of convergent technologies, their commercialization and diffusion; integration of the system of financing fundamental science and applied start-ups in the framework of high-tech public-and-private partnerships; implementation of measures to reduce the risks of long-term investment in innovative projects in the framework of scientific and industrial integration.

References

1. Marks K., EHngel's F. Soch. 2e izd. M: Politizdat, 1961.
2. Dyurkgejm EH. O razdelenii obshchestvennogo truda. M.: Kanon, 1996. 438 s.
3. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Prosveshchenie, 1990. 982 s.
4. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Izdatel'stvo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1962. 665 s.
5. Sehj ZH.B. Traktat po politicheskoy ehkonomii. M.: Delo, 2000. S.203.
6. Rikardo D. Nachala politicheskoy ehkonomii i nalogovogo oblozheniya. M: Politicheskaya literatura, 1955. S. 81.
7. Marshall A. Principy politicheskoy ehkonomii: V 3h tom. M.: Pro-gress, 1984.
8. Pigu A. EHkonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya. V 2h t. M.: Progress, 1985.
9. Kejns Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg. Izbrannoe. M.: EHksmo, 2007. 960 s.
10. Domar E.D. A Theoretical Analysis of Economic Growth". Utha: Kalli-gan Pub., 1982. 322 p.
11. Hiks Dzh.R. Stoimost' i kapital. M.: Progress, 1988. 190 s.
12. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirova-nie ehkonomiki. M.: Nachala, 1997. 198 s.
13. EHmar-Dyuvern'e F. Konvencii kachestva i mnozhestvennost' form koor-dinacii // Voprosy ehkonomiki. 1997. №3. S.104116.
14. Modernizaciya ehkonomiki i vyrashchivanie institutov. Kn.1 / Pod red. E. YAsina. M.: GU VSHEH, 2005. 248 s.
15. Ivleva G.YU. Transformaciya ehkonomicheskoy sistemy: obzor koncepcij i kontury obshchej teorii // Obshchestvo i ehkonomika. 2003. №10. S.5463.

16. Nazarchuk A.V. Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie // *Vo-prosy filosofii*. 2008. № 7. S. 6175-6186.
17. SHCHedrovickij G.P. Principy i obshchaya skhema metodologicheskoy orga-nizacii sistemno-strukturnyh issledovanij i razrabotok. M.: Znanie - si-la, 1995. 452 s.
18. Zhironkin S.A. Neoindustrial'no-orientirovannye preobrazovaniya rossijskoj ehkonomiki: Diss. d-ra ehkon. nauk: 08.00.01. Tomsk: TGU, 2015. 346 s.
19. Kondrat'ev N.D. Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. M.: EHkonomika, 2002. 767 s.
20. L'vov D.S. EHffektivnoe upravlenie tekhnicheskim razvitiem. — M.: EHkonomika, 1990. 368 s.
21. Gasanov M.A. Strukturnye sdvigi v usloviyah transformacii ehkonomiki Rossii i stanovleniya innovacionnogo tipa razvitiya: Diss. d-ra ehkon. nauk: 08.00.01. Tomsk: TGU, 2012. 364 s.
22. Roco M.C., Bainbridge W.S. Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. New York: Kluwer Academic Publishers, 2003. 488 r.
23. Vetlugi K. CHto takoe NBIK? // *V mire nano*. 2010. №3. S. 1112.
24. Koval'chuk M. Budushchee za konvergentnymi tekhnologiyami // *Nano News Net*. 2009. 14 aprelya. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/budushchee-za-konvergentnymi-tekhnologiyami-mikhail-kovalchuk> (data obrashcheniya: 02.11.2018).
25. Glaz'ev S. YU. Sovremennaya teoriya dlennyh voln v razvitii ehkonomiki // *EHkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. 2012. №2. S. 26-38
26. Perroux F. A New Concept of Development: Basic Tenets. London: Tay-lor & Francis, 1983. 426 r.
27. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. London and NY: Routledge. 2012. 584 r.
28. Reich R. The work of nations. Preparing ourselves for 21st Century capitalism. N.Y.: Univ. of N.Y. Pub., 1992. 590 r.
29. Bell D. The coming of postindustrial society. Venture in social forecasting. N.Y.: Collman Pub., 1973. 408 r.
30. Clark C. The conditions of economic progress. London, Logan Pub., 1991. 326 r.
31. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya: 02.11.2018).
32. Belyaeva E.V. Problemy razvitiya innovacij v Rossii: motivacionnyj aspekt // *Gumanizaciya obrazovaniya*. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-innovatsiy-v-rossii-motivatsionnyy-aspekt> (data obrashcheniya: 08.11.2018).

For referencing:

Zhironkin S.A., Taran E.A., Gasanov M.A., Zhavoronok A.V. Principy i usloviya konvergentno-inducirovannogo strukturnogo sdviga [Principles and conditions of convergent-induced structural shift]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, no 44, pp. 70–81.

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 331

DOI: 10.17223/19988648/44/5

С.Н. Апенько, Е.И. Еременко, Ю.А. Фомина

КОМПЕТЕНЦИИ МЕНЕДЖЕРА УСПЕШНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹

Успех предпринимательских проектов как формы реализации инновационных идей зависит от многих факторов, ключевую роль среди которых играют компетенции менеджеров данных проектов. Авторы обобщают теоретические основы критериев успешности предпринимательских проектов и компетенций менеджеров проектов. Результатом анализа теоретических и прикладных аспектов является постановка исследовательского вопроса о влиянии компетенций менеджера на успешность реализуемого им проекта. Для ответа на этот вопрос проведено эмпирическое исследование методом интервью и анкетирования выпускников Центра делового образования ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в Омской области. Анализ полученных результатов позволил разделить проекты на успешные и неуспешные, а затем определить наличие конкретных компетенций у менеджеров этих двух групп проектов. Авторы делают вывод о важности для успешности проектов таких компетенций, как стратегическое мышление, делегирование полномочий, принятие решений, способность работать в команде. Авторы выдвигают предположение, что сегодня время не лидеров-индивидуалов, а командных лидеров, способных сформировать вокруг своего проекта команду, вовлечь в проект различных людей, действовать не самостоятельно, а совместно с командой. Полученные результаты исследования представляют пользу для разработки программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации менеджеров проектов, для разработки индивидуальных планов личностного и профессионального роста лидеров проектных команд.

Ключевые слова: мониторинг проектов, успешность проектов, предпринимательство, компетенции менеджера проекта.

Введение

Предпринимательские инициативы реализуются в форме проектов. Практика показывает, что не все предпринимательские проекты можно признать успешными. В мировом опыте лишь около 30–40% иницируемых проектов заканчивается достижением запланированных показателей успеха.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-01140.

На успешность предпринимательских проектов влияет множество факторов. Среди основных факторов следует назвать компетенции менеджеров проектов. Для обеспечения успешности своего проекта менеджер должен обладать набором определенных знаний, навыков, умений, мотивации, способностей. Ключевым исследовательским вопросом является установление конкретных компетенций, определяющих успех предпринимательского проекта. В целях поиска ответа на этот вопрос можно обратиться к стандартному набору компетенций менеджеров проектов, которые наглядно и развернуто представлены в профессиональных стандартах по управлению проектами и в различного рода публикациях. Однако этот набор компетенций имеет укрупненный и обобщенный характер, он не отражает приоритетность компетенций как факторов успеха определенного вида проектов и в определенных территориальных границах. Поэтому актуальными являются исследования, посвященные установлению связей между наличием тех или иных компетенций у менеджеров проектов и достигнутыми показателями успешности предпринимательских проектов в рамках определенных регионов с их спецификой. Данное исследование предлагает ответ на поставленный нами актуальный исследовательский вопрос.

Теоретические основания

Успех предпринимательского проекта представляет собой комплексный феномен и обсуждается в современной литературе с различных точек зрения. Сами критерии успеха могут быть как объективными, так и субъективными. Какой же проект можно считать успешным?

В теории и практике проектного менеджмента имеются наиболее общие критерии успешности любого проекта. К ним относят достижение поставленных проектных целей с соблюдением сроков, бюджета и показателей качества результатов проекта [1–4]. Однако в последние годы критерии успешности проектов расширяются и к ним стали добавлять следующие: достижение ценностей для разных групп стейкхолдеров, получение бенефитов в разных их проявлениях – социальных, экономических и иных выгод, достижение критериев устойчивости, а именно экономичности, социальнойности и экологичности проекта [5].

Выше приведены общие критерии успешности любого проекта независимо от его вида. Для предпринимательских проектов критерии могут быть уточнены и конкретизированы.

Uwe Cantner, Sarah Köster в качестве основных показателей, характеризующих успешность предпринимательского проекта, выделяют рост занятости и количество новых патентов как результат инновационной деятельности [6. С. 17].

Christian Helmers, Mark Rogers считают, что среднегодовой темп роста активов как нельзя лучше характеризует успех проекта, а патенты относят к факторам, ведущим к успеху [7. P. 1020].

Peter Witt выделяет следующие критерии успешного стартапа: завершение фазы разработки идеи и планирования; субъективную оценку пред-

принимательского успеха учредителем; выживание новой компании; темпы роста компании (индикаторами роста являются продажи, количество занятых, итог бухгалтерского баланса); прибыль и окупаемость инвестиций (ROI) (для более поздних этапов развития стартапа) [8. Р. 397–398].

Esther Hormiga Pérez, Rosa M. Batista Canino разделяют критерии успеха на объективные и субъективные. К объективным критериям успеха стартапа относятся прибыльность, ликвидность, выручка, человеческий капитал, доля на рынке. К субъективным факторам, измеряющим успех, относится удовлетворенность предпринимателя продажами, ростом компании, достижением бизнес-целей, успехом компании в целом и по сравнению с конкурентами [9. Р. 998–999].

Fardous Alom и группа ученых из Малайзии выделяют следующие показатели, характеризующие успех предпринимательства: товарооборот, выручка, прирост прибыли и занятых [10. Р. 5].

Говоря об успешности проектов, многие исследователи сходятся во мнении, что среди факторов достижения успеха ключевую роль играют компетенции менеджеров проектов.

Компетенции в общепризнанном понимании – это совокупность знаний, навыков, умений, способностей и личностных качеств, мотивации и ценностей сотрудника, проявляющаяся в поведении сотрудника и определяющая успех, эффективность, нормативность или демонстрацию наилучших показателей деятельности [11–13].

Применительно к проектам компетенция – это продемонстрированная способность выполнять работы в среде проекта, которые приводят к ожидаемым результатам, на основе определенных и принятых стандартов.

Какие компетенции важны для менеджера проектов и кто определяет эти компетенции? Обратимся к профессиональным стандартам по управлению проектами, в которых имеется ответ на этот вопрос.

Существует международное объединение по разработке стандартов управления проектами – Global Alliance for Project Performance Standards (стандарт GAPPS) [14]. Организация занимается разработкой квалификационных стандартов для проектных менеджеров (Global Performance Based Standards for Project Managers). Разработанный данной организацией базовый стандарт определяет два уровня компетентности: Global Level 1 (GL1) – «Руководитель проектов» и Global Level 2 (GL2) – «Руководитель проектов высокой сложности». В стандарте GAPPS дается подробное описание шести областей компетенции, соответствующих определенным областям профессиональной деятельности руководителя проекта. Каждая область компетенций содержит от трех до шести элементов, определяющих ключевые требования к работе и описывающих, что именно должно делаться менеджером в данной области. Каждому элементу компетенции стандарт сопоставляет несколько критериев выполнения, подтверждение реализации каждого из которых представляет собой необходимое условие сертификации руководителя проекта.

Во всем мире известен американский институт управления проектами PMI (Project Management Institute) – это старейшая некоммерческая про-

фессиональная ассоциация, занимается разработкой стандартов в различных областях управления проектами, в том числе в области компетенций проектных менеджеров, например Project manager competency development framework (PMCDF). Стандарты сгруппированы в рамках библиотеки стандартов по управлению проектами в три категории: базовые стандарты; практические, рамочные стандарты; расширения к стандартам PMI.

Австралийский институт управления проектами (AIPM) разработал стандарт CPPM (Certified Practicing Project Manager). Стандарт определяет восемь компетенций для сертифицированного специалиста по управлению проектами, а для сертифицированного руководителя проекта – девять.

Еще один стандарт – ГОСТ 53892 – 2010 «Руководство по оценке компетентности менеджеров проектов» – гармонизован со стандартом GPBSPMP (Global Performance Based Standards for Global Level 1 and 2 Project Managers – рамочным стандартом практической компетентности проектных менеджеров категорий GL1 и GL2, разработанным международной инициативой GAPPS). Этот стандарт предназначен для проведения оценки компетентности менеджеров проектов и является основополагающим документом для применения различными государственными и негосударственными предприятиями, в том числе научными институтами, профессиональными ассоциациями и правительственными организациями.

Имеются и другие стандарты, задающие требования к компетенциям менеджеров проектов. Мировые стандарты в области проектных компетенций обобщают опыт, накопленный при реализации проектов в различных отраслях, и устанавливают требования к составу и уровню владения компетенциями сотрудников, участвующих в проектной деятельности компании.

Всю совокупность компетенций менеджера проектов делят на определенные виды или группы компетенций. Для нашего исследования важно понятие ключевых или корневых компетенций. Обратимся к известной статье «Корневые компетенции Корпорации» Г. Хамела и К. Прахалада [15]. Главная идея этих авторов заключается в том, что продукты компании и ее конкурентоспособность «вырастают» из конкретных «корневых» компетенций. Это особые компетенции, у которых есть прямая и очень тесная связь с получаемыми результатами деятельности. По мнению данных ученых, трудновоспроизводимые для конкурентов уникальные корневые компетенции – это одна из важнейших основ стратегически устойчивой конкурентоспособности данной конкретной компании. Поэтому современным компаниям при разработке и реализации своих общих стратегий следует приоритетным образом ориентироваться на выявление, усиление и развитие своих корневых компетенций, причем в первую очередь – уникальных корневых компетенций.

Постановка исследовательского вопроса

В предлагаемом исследовании ключевым вопросом стало выяснение того, какие компетенции менеджера предпринимательского проекта сего-

дня наиболее актуальны и насколько выраженность этих компетенций связана с успехом или неудачей проекта. Какими компетенциями обладает менеджер успешного предпринимательского проекта? Понимание ответа на этот вопрос подскажет пути развития компетенций менеджеров проектов, укажет на ориентиры в выстраивании программ подготовки менеджеров проектов и программ личного профессионального роста.

Методы исследования

Основным методом сбора данных стал мониторинг, проведенный с помощью анкетирования. Мониторинг проводился в 2017 г. на базе Центра делового образования ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, осуществляющего подготовку слушателей в рамках Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в Омской области (далее – Президентской программы). Выпускники Президентской программы были выбраны для проведения исследования, так как, во-первых, данная программа является проектно-ориентированной; во-вторых, задачи программы включают подготовку для региона управленческих кадров, которые бы могли добиваться успеха в реализации проектов.

Мы провели полуструктурированный анкетный опрос выпускников Президентской программы. Все респонденты работали в организациях г. Омска и Омской области на момент создания своего проекта. Прежде чем проводить опрос, мы провели 5 интервью по 1,5 часа каждое, в ходе которых апробировали анкету, что позволило доработать ее. Для опроса респондентов мы использовали онлайн Google-анкетирование. Весной 2017 г. по телефону или через e-mail мы попросили выпускников Президентской программы заполнить Google-анкету.

В мониторинге было предложено принять участие выпускникам Президентской программы 2015, 2016 гг. За данный период на Президентской программе прошло обучение 144 слушателя, инициировано 119 проектов, в том числе 90 проектов в 2015 г. и 29 проектов в 2016 г. В результате мониторинга 2017 г. было собрано 83 анкеты (от 83 выпускников). То есть около 58% слушателей приняли участие в анкетировании.

Надо отметить, что все слушатели Президентской программы имеют опыт работы в руководящей должности не менее 3 лет (от генерального директора до начальника отдела) и высшее образование.

Результаты мониторинга предпринимательских проектов и связей их успешности с компетенциями менеджеров данных проектов

Ниже представлены итоги мониторинга успешности предпринимательских проектов, инициированных в 2015 и 2016 гг.

Поскольку часть проектов были региональными и выполнялись слушателями в командах, то данные по 83 анкетам представлены по 71 проекту.

Опишем выборочную совокупность. Структура респондентов по размеру предприятий, на которых они работают, следующая:

- крупные предприятия (251 и более работников) – 47 человек (56,6%);
- средние предприятия (101–250 работников) – 10 человек (12%);
- малые предприятия (16–100 работников) – 18 человек (21,7%);
- микропредприятия (до 15 работников) – 8 человек (9,6%).

Респонденты выступают менеджерами следующих проектов:

– коммерческий или в чистом виде предпринимательский, направленный на решение задач во внешней среде, – основной целью является получение прибыли; 28 проектов (39,4%);

– социальный – основные цели социальные, не предполагает получение выручки, прибыли, реализуется за счет грантов, бюджетных средств, спонсорской помощи; 13 проектов (18,3%);

– социально-предпринимательский – основные цели социальные, но при этом возможно получение выручки и прибыли, сочетает характеристики коммерческих и социальных проектов; 14 проектов (19,7%);

– внутриорганизационный предпринимательский (экономика издержек, другие внутренние задачи организации); 16 проектов (22,5%).

Распределение исследуемых проектов по отраслям и сферам деятельности следующее:

- сельское хозяйство – 4 (5,6%);
- промышленность – 18 (25,4%);
- услуги – 49 (69,0%).

Для целей данного исследования нам нужно классифицировать предпринимательские проекты слушателей Президентской программы как успешные или нет. Мы использовали следующие критерии успешности:

1) внедрение данного проекта на практике и способность обеспечить текущее функционирование проекта [8. Р. 397; 16. Р. 8]. Проекты, которые не смогли перейти от стадии планирования к внедрению и эксплуатации, проекты, которые были отклонены или закрыты без внедрения, отнесены к неуспешным. Мы предложили лидерам стартапов определить фазу их проекта, а также указать размер финансирования и других привлеченных ресурсов;

2) субъективная оценка результатов предпринимательского проекта лидером проекта или его разработчиком [8. Р. 397; 9. Р. 996]. Мы предложили респондентам описать основные результаты проекта, в том числе плановые и фактические инвестиции, прибыльность, снижение затрат, увеличение доли рынка, расширение географии присутствия предприятия, увеличение объемов производства и выручки, создание новых рабочих мест. Если респондент отвечал, что результатов по перечисленным критериям нет, то проект относился нами к неуспешным.

То есть в данном исследовании к успешным проектам мы отнесли проекты, которые были реализованы или вошли в стадию реализации и руководители или разработчики которых имели четкое представление о достигнутых результатах.

Согласно данным, 29 из 71 являются успешными проектами, соответственно 36 из 83 респондентов являются представителями успешных про-

ектов. Эти данные соответствуют общемировой статистике успешности проектов.

Следующим шагом нашего исследования стало выяснение ответа респондентов на вопрос о том, какие компетенции, навыки, знания, полученные в ходе обучения в Центре делового образования на проектно-ориентированной программе, оказались наиболее актуальными в их практической деятельности и какие компетенции респонденты считают у себя развитыми. В ответах фигурировали следующие компетенции, сформированные у менеджеров и востребованные на практике:

- стратегическое мышление – 56 человек (67,5%);
- делегирование – 49 человек (59%);
- навыки эффективного руководителя (навыки в функциях управления: целеполагания, планирования, координации, контроля, мотивации) – 47 человек (57%);
- умение принимать решения – 43 человека (52%);
- умение работать в команде – 34 человека (41%);
- навыки эффективных коммуникаций – 32 человека (39%);
- лидерство – 25 человек (30%);
- целенаправленность – 25 человек (30%);
- креативность – 22 человека (26,5%);
- самостоятельность – 20 человек (24%).

Мы видим, что наиболее актуальными для практики стали три группы компетенций: умения и навыки в области управления (делегирование, принятие решений и т.д.), личные качества и способности менеджера (стратегическое мышление, целенаправленность, креативность), способности и навыки работы с людьми (работа в команде, лидерство, коммуникации).

Методом сопоставления наличия у респондентов определенных компетенций и их принадлежности к успешному или неуспешному проекту мы установили зависимости. В частности, в таблице показано влияние компетенций менеджеров проектов на успешность проекта.

Влияние компетенций на успех / неуспех проекта, %

Компетенция	Проявление компетенции у менеджера проекта	
	успешного	неуспешного
Стратегическое мышление	75	61,7
Делегирование	66,7	53,2
Навыки эффективного руководителя	58,3	55,3
Умение принимать решения	52,8	51
Умение работать в команде	44,4	38,2
Навыки эффективных коммуникаций	30,6	44,7
Лидерство	27,8	31,9
Целенаправленность	38,9	23,4
Креативность	28,8	25,5
Самостоятельность	19,4	27,7

На первый взгляд данные таблицы говорят о том, что нет больших различий между компетенциями менеджеров успешных и неуспешных проектов. Однако при анализе данных важно помнить, что все респонденты занимают руководящие должности в организациях г. Омска и Омской области, т.е. у них уже сформированы многие важнейшие компетенции менеджеров проектов.

Более внимательный взгляд на данные таблицы позволяет сформулировать следующие закономерности и выводы.

К наиболее важным на практике компетенциям менеджеры проектов относят стратегическое мышление, делегирование, навыки эффективного руководителя, умение принимать решения, умение работать в команде – все эти компетенции набрали более 40% ответов.

Менеджеры успешных проектов большее внимание уделяют стратегическому мышлению (75%) и делегированию (66,7%), чем менеджеры неуспешных проектов (против 61,7 и 53,2% соответственно).

Навыки эффективного руководителя и умение принимать решение отмечены как важные менеджерами и успешных, и неуспешных проектов (более 50%).

Для менеджеров успешных проектов ключевой компетенцией считают умение работать в команде (44,4%), тогда как для менеджеров неуспешных проектов эта компетенция имеет меньшее значение (38,2%).

В целом можно сделать вывод о том, что менеджеры неуспешных проектов задействуют свое лидерство, стараются выстраивать эффективные коммуникации, но действуют самостоятельно и их лидерство, можно предположить, реализуется как индивидуальное лидерство. Менеджеры успешных проектов задействуют в большей степени командность, позитивные эффекты делегирования полномочий, командное лидерство. То есть взаимодействие с другими людьми и их вовлечение в проект делают данный проект успешным.

Выводы

Таким образом, наше исследование показало, что имеется связь между наличием определенных компетенций и успешностью проекта. Тот факт, что у менеджеров как успешных, так и неуспешных проектов выражен одинаковый набор компетенций, свидетельствует в пользу вывода о том, что не только компетенции определяют успешность проекта. Есть множество причин провала или удачи иницируемого проекта. Также можно предположить, что менеджеры неуспешных проектов могли не в полной мере использовать сформированные у себя компетенции.

Связь между компетенциями менеджеров проектов и успешностью проектов имеется. Наиболее востребованные компетенции – это стратегическое мышление, умение принимать решения, эффективно руководить проектом, а также особое значение имеют способности к делегированию, выстраиванию командных отношений, не индивидуализированный, а командный подход к решению задач продвижения проекта в среде и поддержания его на эффективном уровне.

Дальнейшим направлением исследования может быть более детальный анализ совокупности факторов, влияющих на успех или неуспех предпринимательского проекта (например, получение субсидии, наличие патента, участие в тренингах и профильное обучение). Включение новых групп респондентов (молодежи, начинающих предпринимателей и др.) позволит сопоставить и уточнить результаты, более точно определить роль компетенций в успехе проекта.

Литература

1. *Аньшин В.М., Перцева Е.Ю., Глазовская Е.С.* Проектный подход к реализации концепции устойчивого развития в компании. М.: ИНФРА-М, 2015. 268 с.
2. *Разу М.Л., Якутин Ю.В., Разу Б.М., Бронникова Т.М., Титов С.А.* Управление проектом: Основы проектного управления / под ред. М.Л. Разу. М.: Кнорус, 2012. 760 с.
3. *A Guide to the Project Management Body of Knowledge. PMBOK® Guide. Fifth Edition.* Project Management Institute. Newtown Square, Pennsylvania, 2013. 589 p.
4. *Управление проектами: учеб. пособие / С.Н. Апенько и др.* Омск, 2014. 384 с.
5. *PRiSM. Project integrating Sustainable Methods. The GPM® Reference Guide to Sustainability in Project Management / J. Carboni, M. González, J. Hodgkinson.* GPM Global, 2013. 162 p.
6. *Cantner U., Köster S.* R&D Subsidies to Start-Ups – Effective Drivers of Patent Activity and Employment Growth? // Jena Economic Research Papers. 2009. 027. P. 1–26.
7. *Helmets Ch., Rogers M.* Does patenting help high-tech start-ups? // Research Policy. 2011. № 40. P. 1016–1027.
8. *Witt P.* Entrepreneurs' networks and the success of start-ups // Entrepreneurship & Regional Development. 2004. № 16 (5). P. 391–412.
9. *Pérez E.H., Canino R.M.B.* The Importance of the Entrepreneur's Perception of "Success" // Review of International Comparative Management. 2009. 10:5. P. 990–1010.
10. *Success factors of overall improvement of microenterprises in Malaysia: an empirical study.* Fardous Alom, Moha Asri Abdullah, Abdul Rashid Moten and S.M. Ferdous Azam // Journal of Global Entrepreneurship Research. 2016. № 6:7. P. 1–13.
11. *Пахаренко Н.В., Зольникова И.Н.* Модель определения уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 3–10.
12. *Пфанигель В.С.* Модель профессиональных компетенций эффективного консультанта // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 473–476.
13. *Уидетт С., Холлифорд С.* Руководство по компетенциям. М.: HIPPO, 2008. 443 с.
14. *Рамочные стандарты практической компетентности проектных менеджеров категорий GL1 и GL2 // Global Alliance for Project Performance Standard, 2006.* URL: http://www.pmpofy.ru/files/1668/GAPPS2006_rus.pdf (дата обращения: 22.05.2018).
15. *Prahalad C.K., Hamel G.* The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68.3. P. 79–91.
16. *Sharir M., Lerner M.* Gauging the Success of Social Ventures Initiated by Individual Social Entrepreneurs // Journal of World Business. 2006. № 41 (1). P. 6–20.

Апенко С.Н., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: apenkosn@yandex.ru

Еременко Е.И., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: director@cdo.omsu.ru

Фомина Ю.А., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru

COMPETENCE OF THE MANAGER OF THE SUCCESSFUL ENTREPRENEURIAL PROJECT (REGIONAL ASPECT)

Keywords: monitoring of projects, success of the project, entrepreneurship, competence of project manager.

The success of entrepreneurial projects as a form of implementation of innovative ideas depends on many factors, the key role of which is played by the competence of the project managers. The authors summarize the theoretical basis of the criteria for the success of business projects and the competencies of project managers. The result of the analysis of theoretical and applied aspects is the formulation of the research question about the impact of the manager's competencies on the success of the project. To answer this question we conducted an empirical study through interviews and the survey of graduates of the Center of Business Education of Dostoevsky Omsk State University of the Presidential Program for the Training of Management Personnel for the Organizations of the National Economy of the Russian Federation in the Omsk region. Analysis of the results allowed dividing the projects into successful and unsuccessful, and then to determine the presence of specific competencies of the managers of these two groups of projects. The authors conclude that such competencies as strategic thinking, delegation of authority, decision-making, ability to work in a team are important for the success of projects. The authors put forward the assumption that today is the time not for leaders-individuals but team-leaders able to form project team, to engage in the project different people, to act not alone, but together with the team. The results of the study are useful for the development of training programs, retraining and advanced training of project managers, for the development of individual plans for personal and professional growth of project team leaders.

References

1. An'shin V.M., Perceva E.Yu., Glazovskaya E.S. Proektnyj podhod k realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya v kompanii. M.: Infra-M. 2015. 268 s.
2. Razu M.L., YAkutin YU.V., Razu B.M., Bronnikova T.M., Titov S.A. Upravlenie proektom: Osnovy pro-ektnogo upravleniya. Pod red. M.L. Razu. M.: Knorus, 2012. 760 s.
3. A Guide to the Project Management Body of Knowledge. PMBOK® Guide. Fifth Edition. Project Management Institute. Newtown Square, Pennsylvania, 2013. 589 p.
4. Upravlenie proektami: uchebnoe posobie / S.N. Apen'ko i dr. Omsk, 2014. 384 s.
5. PRiSM. Project integrating Sustainable Methods. The GPM® Reference Guide to Sustainability in Project Management / J. Carboni, M. González, J. Hodgkinson. GPM Global, 2013. 162 p.
6. Cantner, U., Kösters, S. R&D Subsidies to Start-Ups – Effective Drivers of Patent Activity and Employment Growth? // Jena Economic Research Papers. 2009. 027. pp.1-26.
7. Helmers, Ch., Rogers, M. Does patenting help high-tech start-ups? // Research Policy, 2011, 40, pp.1016-1027.
8. Witt, P. Entrepreneurs' networks and the success of start-ups. // Entrepreneurship & Regional Development, 2004, 16(5), pp. 391-412.
9. Pérez, E. H., Canino, R. M. B. The Importance of the Entrepreneur's Perception of "Success". // Review of International Comparative Management, 2009, 10:5, pp. 990-1010.
10. Alom et al. Success factors of overall improvement of microenterprises in Malaysia: an empirical study. Fardous Alom, Moha Asri Abdullah, Abdul Rashid Moten and S. M. Ferdous Azam // Journal of Global Entrepreneurship Research, 2016, 6:7. pp.1-13.
11. Paharenko N.V., Zol'nikova I.N. Model' opredeleniya urovnya sformirovannosti obshchekul'turnyh i professional'nyh kompetencij // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. №. 6. S. 310.
12. Pfanshtel' V.S. Model' professional'nyh kompetencij ehffektivnogo konsul'tanta / V. S. Pfanshtel' // Molodoy uchenyj. 2014. №6. S. 473-476.

13. Uidett S., Holliford S. Rukovodstvo po kompeteniyam. M.: HIPPO, 2008. 443 s.
14. Ramochnye standarty prakticheskoy kompetentnosti proektnyh menedzherov kategorij GL1 i GL2 // Global Alliance for Project Performance Standard, 2006. URL: http://www.pmpofy.ru/files/1668/GAPPS2006_rus.pdf
15. Prahalad C.K., Hamel G. The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68.3. pp. 79-91.
16. Sharir, M., Lerner, M. Gauging the Success of Social Ventures Initiated by Individual Social Entrepreneurs. // Journal of World Business, 2006, 41(1), pp. 6-20.

For referencing:

Апенко С.Н., Еременко Е.И., Фомина Ю.А. Компетенции менеджера успешного предпринимательского проекта (региональный аспект) [Competence of the manager of the successful entrepreneurial project (regional aspect)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 82–92.

УДК 338.23

DOI: 10.17223/19988648/44/6

Т.В. Варкулевич, М.Н. Арнаут, Н.Р. Пашук

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

В современном мире система высшего образования является одним из решающих факторов развития экономики страны, наряду с материальными, финансовыми, трудовыми, природными и прочими ресурсами. Более того, от качества, а главное – корреляции целей и задач функционирования субъектов высшей школы во многом зависит эффективность программ развития отдельно взятых территорий. Ввиду этого в исследовательской среде возник новый феномен – региональный университет, под которым авторы статьи понимают высшее учебное заведение, ориентированное на поддержку развития субъекта Российской Федерации посредством обеспечения местного рынка труда высококвалифицированными специалистами, решения актуальных задач региональной экономики и реализации совместно с регионом и его предприятиями образовательных и инновационных проектов. В рамках настоящей статьи авторами будет определена роль регионального университета в социально-экономическом развитии территории.

Ключевые слова: региональный университет, социально-экономическое развитие территории, формы влияния

Интеграция России в мировую экономику приводит к коренным изменениям в жизни общества, созданию нового формата взаимоотношений между субъектами рынка, пересмотру принципов и методов управления экономикой. Сфера образовательных услуг не является исключением. Университеты сегодня – это неотъемлемая часть локальной, национальной и глобальной общественных экономических систем. Сложные региональные социально-экономические и политические контексты, в рамках которых формируется и функционирует высшая школа, обуславливают необходимость университетам выработать стратегии своего развития с учетом особенностей взаимодействия с территориальными органами власти различного уровня, местным сообществом и др.

Появление и расширение сети взаимозависимостей обуславливается рядом требующих решения региональных проблем. Первоочередной из них является то, что тенденции в экономике и высшем образовании не отражают друг друга из-за трудности прогнозирования рынка труда и рынка образовательных услуг конкретной территории. Бизнес-сообщество, как показывают многочисленные исследования, не в полной мере удовлетворено качеством образования и перечнем специальностей, по которым происходит подготовка кадров. В этой связи партнерство между бизнесом и образованием должно привести к соответствию выпускаемых специалистов потребностям экономики региона.

Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций, ряд сформированных в ее развитие межведомственных и ведомственных программ в сфере образования создали базу для решения следующих основных задач, направленных на усиление роли национальной системы образования в социально-экономическом развитии страны и ее регионов:

- приведение содержания, технологий обучения и методов оценки качества образования в соответствие с требованиями современного общества;
- разработка механизмов управления, адекватных задачам развития национальной системы образования;
- создание финансово-экономических механизмов, обеспечивающих инвестиционную привлекательность образования.

Помимо этого, государство возлагает на высшие учебные заведения социальную ответственность за развитие регионов, активизируя их взаимодействие с предпринимательским сектором экономики и органами местной власти [1. С. 10].

В масштабах региона университет можно рассматривать как организацию по производству научно-инновационных кадров, реализующую образовательные услуги, которая вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие.

С учетом последних тенденций роста инновационного потенциала субъектов страны университетам отводится ключевая роль трансфера новых технологий, требующая активного участия в инновационном обновлении региона.

Кроме этого, влияние высших учебных заведений на социально-экономическое развитие субъектов государства обуславливается осуществлением системой образования ряда функций, важнейшими из которых по-прежнему остаются образовательная и научно-исследовательская.

Для целей дальнейшего исследования введем новую экономическую категорию – «региональный университет», под которым понимается высшее учебное заведение, ориентированное на поддержку развития субъекта Российской Федерации посредством обеспечения местного рынка труда высококвалифицированными специалистами, решения актуальных задач региональной экономики и реализации совместно с регионом и его предприятиями образовательных и инновационных проектов. К региональным университетам не будут относиться федеральные университеты, а также научные и национальные исследовательские университеты ввиду их специфики и более масштабных стратегических приоритетов развития, не ограничивающихся территориальным расположением.

Университет сегодня – социально-ответственный элемент, функции и результаты деятельности которого оказывают непосредственное влияние на развитие территории, ее интеллектуального, инновационного и человеческого потенциала. Деятельность университета, продекларированная в его миссии, цели и задачи, сформулированные в ее развитие, должны напрямую зависеть от стратегических приоритетов и направлений развития региона, в котором он ведет свою деятельность.

Следует отметить, что в советской системе образования осуществление университетами своих «региональных функций» было достаточно развитым. Университеты готовили для своих городов и краев специалистов необходимых профессий и квалификаций, активно вели на предприятиях работы по хозяйственной тематике и т.д. Данную систему подготовки и развития партнерских отношений в ее отдельных частях и элементах целесообразно взять в качестве базы для построения сети стратегических партнерств университета.

По данной системе участие в жизни региона как функция современного университета может осуществляться по следующим направлениям:

- университет является крупным работодателем, он повышает уровень занятости населения региона за счет создания как рабочих мест непосредственно в самом университете, так и новых структур в результате расширения своих функций (технопарки, бизнес-инкубаторы и т.п.);

- развитие научного потенциала региона (трансфер технологий: создание научных парков, система патентования изобретений, оказание консультационных услуг и т.д.);

- удовлетворение потребностей населения региона в образовательных услугах, укрепление системы высшего образования с региональным рынком труда [2. С. 30].

Современный университет оказывает значительное влияние на развитие своего региона. В целом это влияние выражается в нескольких основных формах (табл. 1).

Таким образом, на университеты ложится колоссальная ответственность в перестроении и развитии своей деятельности в соответствии с приоритетами развития территории, на которой они расположены. Высшая школа сегодня должна выступать не просто «поставщиком» квалифицированных кадров, но и нести социальную ответственность перед своим регионом.

По этой причине приоритеты развития территории должны иметь абсолютно прозрачное отображение в приоритетах развития, миссии и целях деятельности каждого отдельного университета (института, академии и т.д.). Более того, на них образовательные организации высшего образования должны ориентироваться в построении своих повседневных задач. Только тогда «камень преткновения» в виде нецелесообразной и неэффективной деятельности образовательных организаций будет разрушен. Важно, чтобы цели и миссия деятельности каждого отдельно взятого образовательного учреждения коррелировали со стратегическими приоритетами развития территорий и областей, на которых они расположены. Данная корреляция способна обеспечить синергетический эффект и позволит региону качественно развиваться благодаря наполнению необходимыми в аспектах конкретной стратегии развития интеллектуальными, инновационными, человеческими, трудовыми ресурсами, генерируемыми образовательными организациями высшего образования.

Ввиду огромного многообразия и разнопланового состава региональных образовательных организаций высшего образования, а также особен-

ностей развития территорий РФ для целей дальнейшего исследования были выбраны организации, входящие в состав Приморского края. Данный выбор обусловлен рядом причин.

Таблица 1. Формы влияния университета на социально-экономическое развитие региона (территории)

Форма влияния	Возможные партнеры	Механизмы взаимодействия
Экспертиза социально-экономического развития региона	Главы муниципалитетов, научные фонды, институты РАН, союзы предпринимателей, общественные организации	Разработка и реализация научно-исследовательских проектов, учитывающих потребности региона
Взаимодействие с профессиональными общественными организациями	Кафедры, союзы ректоров, профессиональные союзы и ассоциации, общественные советы по различным социальным вопросам, студенческое сообщество, школы, ассоциации работодателей, общественные организации	Участие в разработке законодательных инициатив для целей регионального развития, разработка планов и программ развития, создание курсов повышения квалификации для занятого и незанятого населения
Взаимодействие в рамках воспитательной и социальной работы	Студенческое сообщество, кафедры, общественные организации, участники муниципалитетов, региональные СМИ, представители бизнес-структур	Организация благотворительных акций, творческих вечеров, развитие волонтерства, организация и проведение обучающих семинаров и конференций для студентов, проведение конкурсов, фестивалей и т.п.

В настоящее время огромное внимание со стороны федерального правительства уделяется развитию Дальнего Востока, и в частности Приморского края. Ряду государственных структур делегированы полномочия обеспечения реализации программ правительства, при этом регулярно совершенствуется законодательная база.

Однако все еще существенной проблемой для Приморского края является отток населения, особенно экономически активного, что способно стать мощным демотиватором развития территории Приморского края (рис. 1, 2).

По данным рис. 1 видно, что за последние 10 лет наблюдается негативная тенденция оттока людей из региона. Суммарный отток населения за анализируемый период составил 49 323 человека.

Стимулировать снижение оттока экономически активного населения, а также привлечь из центральных регионов России молодых специалистов призваны такие принятые важные документы в развитии Приморского края, как законы о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) (регулируется № 473-ФЗ от 29.12.14) и о «Свободном порте Владивосток» (№ 212-ФЗ от 13.06.15), в зону действия которого входят два международных транспортных коридора [4–5]. Реализация законодательных инициатив уже сегодня начала способство-

вать формированию благоприятного предпринимательского климата, привлечению инвесторов, выстраиванию взаимовыгодных партнерских отношений со странами АТР, закреплению населения и росту внутреннего валового продукта региона.

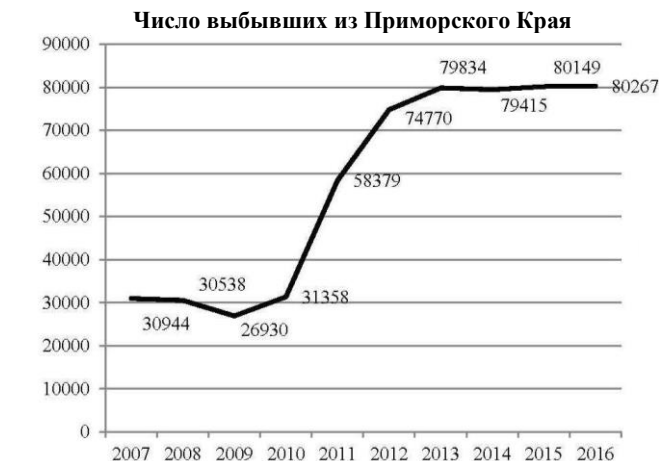

Рис. 1. Данные о миграции в Приморском крае за 2007–2016* гг. (по данным <http://primstat.gks.ru>).

* Данные за 2017 г. будут подтверждены в декабре 2018 г.

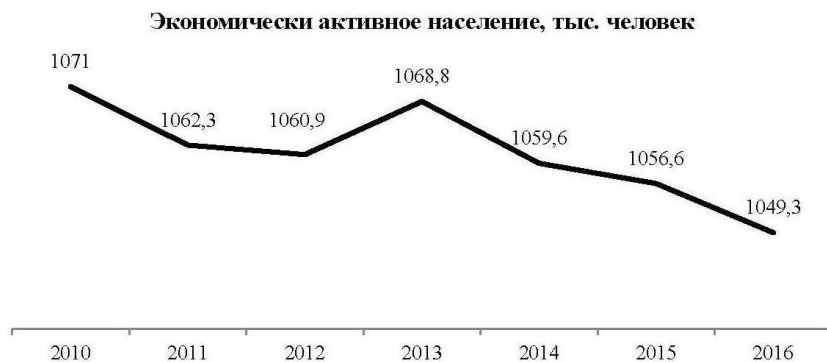

Рис. 2. Данные о динамике экономически активного населения в Приморском крае за 2010–2016* гг. [3. С. 27].

* Данные за 2017 г. будут подтверждены в декабре 2018 г.

Обозначенные направления развития Приморского края проходят под эгидой Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»», и не могут быть реализованы в полной мере без наличия необходимых интеллектуальных, инновационных, человеческих, трудовых ресур-

сов, генерируемых в том числе и в большей степени региональными образовательными организациями высшего образования [6].

Резюмируя стратегические приоритеты развития территории, изложенные в Законе Приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года» и Постановлении Администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 395-па «Об утверждении государственной программы Приморского края “Развитие образования Приморского края”» на 2013–2020 гг., отметим, что образовательным учреждениям высшего образования необходимо в своей деятельности ориентироваться на следующие приоритетные задачи развития Приморского края [7–8]:

1. Развитие партнерских отношений с учреждениями высшего образования стран АТР.
2. Мониторинг рынка труда для оптимизации планов подготовки кадров в соответствии с потребностями работодателей.
3. Развитие системы непрерывного образования на базе университета.
4. Модернизация материально-технической базы.
5. Профорientация и мотивация в получении знаний по будущей профессии среди обучающихся.
6. Ориентация на повышение качества профессорско-преподавательского состава и оплаты труда данной категории работников.

Отметим, что на территории Приморского края расположено 8 региональных образовательных учреждений высшего образования. Классифицируем их согласно одному из самых масштабных национальных рейтингов в рамках проекта «Социальный навигатор» МИА «Россия сегодня» (табл. 2) [9].

Причисление университета к одной из классификационных групп определяет его принадлежность и роль в социально-экономическом росте территории исходя из региональных особенностей и программ развития (табл. 3).

При этом заявленные в табл. 3 основные задачи деятельности университетов различных классификационных групп должны строиться на строгом соблюдении базовых принципов функционирования объектов высшей школы в современных условиях (рис. 3).

Помимо этого, региональным университетам Приморского края необходимо в своей деятельности учитывать законодательные инициативы по вопросам развития обозначенной территории, среди которых на сегодняшний момент:

- Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»;
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и многие другие.

Таблица 2. Классификация региональных университетов Приморского края

№ п/п	Классификационная группа	Университет
1	Инженерные (технические университеты)	Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Дальневосточный институт коммуникаций, Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского
2	Сельскохозяйственные университеты	Приморская государственная сельскохозяйственная академия
3	Университеты экономического, финансового и юридического профиля	Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, открытый юридический институт
4	Гуманитарные университеты	Дальневосточный государственный институт искусств
5	Медицинские университеты	Тихоокеанский государственный медицинский университет

Таблица 3. Роль региональных университетов в развитии Приморского края (исходя из специфики территории)

№ п/п	Классификационная группа	Основные задачи и роль в развитии края
1	Инженерные (технические университеты)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Участие в создании и развитии сети рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятий и отраслей. 2. Содействие в создании и развитии сети инженерно-технических коммуникаций, направленных на поддержание и обновление обеспечивающих предприятий и отраслей (тепло-электроснабжение, газоснабжение, водоснабжение и водоотведение). 3. Участие в обновлении дорожного фонда территории, развитии прилегающих коммуникаций, оптимизации логистических потоков
2	Сельскохозяйственные университеты	<ol style="list-style-type: none"> 1. Участие в развитии сельскохозяйственных территорий. 2. Продвижение и качественное обновление сельскохозяйственной продукции. 3. Участие в создании и развитии сети сельскохозяйственных коопераций
3	Университеты экономического, финансового и юридического профиля	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение финансовой, юридической и экономической грамотности населения всех областей деятельности. 2. Развитие и поддержание предпринимательских инициатив среди молодежи. 3. Участие в создании и развитии субъектов МСП (малого и среднего предпринимательства)
4	Гуманитарные университеты	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие культурной, спортивной и творческой деятельности среди населения. 2. Участие в создании, развитии и поддержании объектов социально-культурной инфраструктуры. 3. Формирование системы духовно-нравственного развития населения

№ п/п	Классификационная группа	Основные задачи и роль в развитии края
5	Медицинские университеты	1. Обеспечение населения высококвалифицированными и доступными медицинскими кадрами. 2. Участие в повышении уровня здравоохранения региона. 3. Содействие в решении актуальных демографических проблем

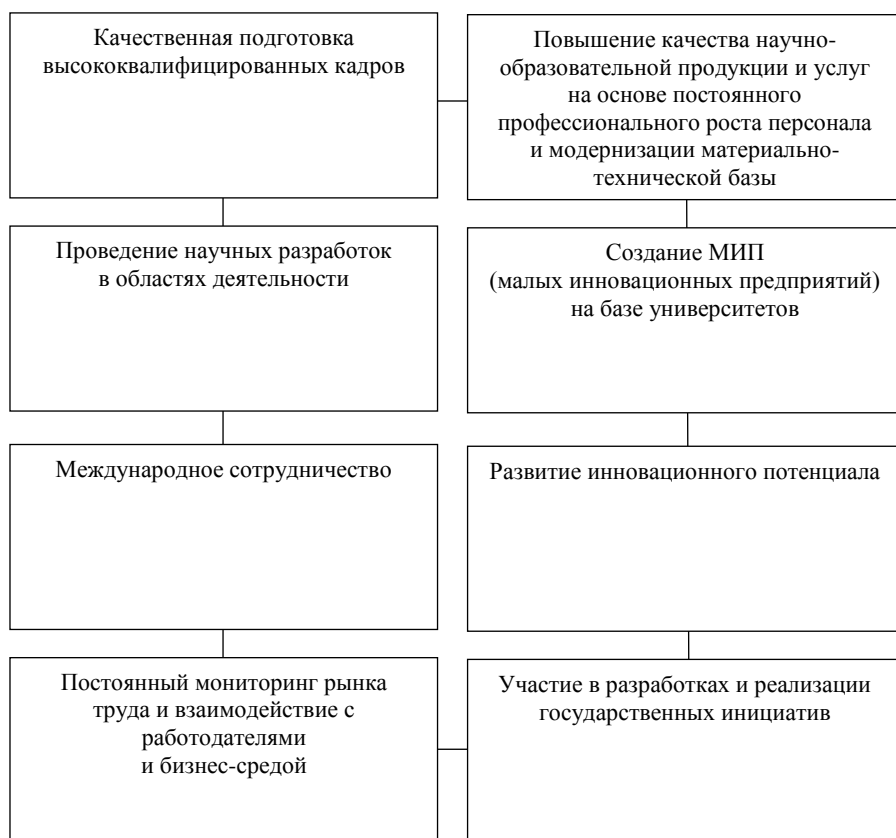

Рис. 3. Базовые принципы функционирования объектов высшей школы в современных условиях

Важно, чтобы в рамках выполняемой университетами деятельности прослеживалась четкая тенденция по соответствию приоритетам развития территорий Приморского края. При этом прописываемые как государственными программами развития территорий, так и миссии и цели деятельности отдельно взятого университета не должны обращаться в профанацию деятельности, не связанной с проблемами и перспективами развития региона. При разработке программ развития государственным органам следует ориентироваться на текущие проблемы развития территории и при необходимости их корректировать, изменять в силу ряда сложившихся условий. Также не следует прописыв-

вать программы на долгосрочный период без применения редакций, так как соответствие прописанным идеалам в программе с каждым годом может существенно отходить от сложившихся условий.

Существуют и всем известны проблемы развития территории Приморского края, которые год от года остаются нерешенными: миграция, отток населения, смертность, рыбопереработка и заготовка, логистика и дорожные сети, сельское хозяйство и реализация сельхозпродукции, трудоустройство по специальности, безработица, низкий уровень жизни и культуры и многое другое. Данные проблемы подтверждаются множеством научных и периодических статей, а также статистическими данными [10–15].

Университеты могут помочь в решении названных проблем. Но их деятельность, как и деятельность государственных органов по разработке программ развития, должна ориентироваться на решение текущих и долгосрочных проблем территории и корректироваться исходя из изменяющихся условий. Также, несомненно, отдельная роль в этом отводится и бизнес-сообществу, и населению, о чем было сказано ранее.

Определенно нельзя слепо полагать, что если отдельные моменты деятельности не прописаны в миссии, стратегических приоритетах, задачах, то это значит, что они не присутствуют в реальной деятельности. Нет. Но прописанные миссия и стратегии развития – это ориентир, к которому необходимо стремиться. И если ориентир изначально не выстроен в соответствии с приоритетами развития региона и его проблемами, то они так и останутся недостижимыми и нерешенными.

Литература

1. Милова Ю.Ю., Маркова Е.С., Терентьева В.С. Роль высших учебных заведений в развитии регионов // Актуальные вопросы экономических наук : материалы III Международной научной конференции (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа, 2014. С. 9–11.
2. Скворцов Н.Г. Роль современного университета в развитии региона: социально-гуманитарные аспекты // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 28–35.
3. Латкин А.П., Кравец А.В. Основные проблемы сохранения и развития трудового потенциала российского Приморья // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: «Экономика и управление». 2017. № 1 (28). С. 23–30.
4. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 29.06.2018).
5. О свободном порте Владивосток: федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/15/fz212-dok.html> (дата обращения: 29.06.2018).
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544078/> (дата обращения: 15.06.2018).
7. О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года: закон Приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-КЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/494219477> (дата обращения: 30.04.2018).
8. Об утверждении государственной программы Приморского края «Развитие образования Приморского края» на 2013–2020 годы: постановление Администрации

Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 395-па. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460226778> (дата обращения: 30.06.2018).

9. Социальный навигатор. МИА «Россия сегодня». URL: http://ria.ru/abitura_rus (дата обращения: 30.06.2018).

10. Жаворонкова О.Р., Бузни А.Н. Формирование партнерских отношений высшего образования в контексте социально-экономического развития региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 118–121.

11. Терещенко Д.С., Щербаков В.С. Место и роль вузов в инновационном развитии регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12. С. 165–177.

12. Слободчикова И.В., Боджаева В.В., Голденева В.С. Современный университет как субъект устойчивого развития региона в условиях инновационной экономики // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 17. С. 42–46.

13. Официальная статистика: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/sphere/ (дата обращения 30.06.2018).

14. Красова Е.В. Тенденции и проблемы развития бизнеса в Приморском крае // Фундаментальные исследования. 2016. № 11 (4). С. 823–827.

15. Терещенко Н.С., Носовский В.С. Проблемы устойчивого развития территории Приморского края // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2016. № 4 (80). С. 41–49.

Varkulevich T.V., Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Tatyana.Varkulevich@vvsu.ru

Arnaut M.N., Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Marina.Kulakova@vvsu.ru

Pashuk N.R., Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Natalya.Kravchenko@vvsu.ru

THE ROLE OF A REGIONAL UNIVERSITY IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A TERRITORY (BY THE EXAMPLE OF PRIMORSKY KRAI)

Keywords: higher education, regional University, the local labor market, the socio-economic development of the territory

In the modern world, the system of higher education is one of the decisive factors in the development of the country's economy, along with material, financial, labor, natural and other resources. Moreover, the quality, and most importantly, the correlation of the goals and objectives functioning subjects of higher education depends largely on the effectiveness of development programs individual territories. In view of this research environment, new phenomenon has arisen – regional University, by which the authors understand higher education institution, focused on supporting the development of the subject Russian Federation by providing the local labor market with highly qualified specialists, solving the urgent problems of the regional economy and the implementation educational and innovative projects together with the region and its enterprises. Within the framework of this article, the authors will determine the role of the regional University in the socio – economic development of the territory.

References

1. Milova Yu.Yu. Rol' vysshih uchebnyh zavedenij v razvitii regionov / YU.YU. Milova, E.S. Markova, V.S. Terent'eva // Aktual'nye voprosy ehko-nomicheskikh nauk: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, iyun' 2014 g.). Ufa, 2014. S. 9-11.

2. Skvorcov N.G. Rol' sovremennogo universiteta v razvitii regiona: social'no-gumanitarnye aspekty // Gumanitarij YUga Rossii. Izd-vo: Re-dakciya zhurnala "Gumanitarij YUga Rossii". Rostov-na-Donu. 2015. № 3. S. 28-35.

3. Latkin A.P. Osnovnye problemy sohraneniya i razvitiya trudovogo po-tenciala rossijskogo primor'ya / A.P. Latkin, A.V. Kravec // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstven-

nogo universiteta. Seriya: EHkonomika i upravlenie. – Izd-vo: Tol'yattinskij gosudarstvennyj universitet. Tol'yatti. 2017. № 1(28). S. 23-30.

4. O territoriyah operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29.12.2014 g. N 473-FZ. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ [Data obrashcheniya 29.06.2018].

5. O svobodnom porte Vladivostok: federal'nyj zakon ot 13.07.2015 g. №212-FZ. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2015/07/15/fz212-dok.html> [Data obrashcheniya 29.06.2018].

6. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona: postanovleniya Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544078/> [Data obrashcheniya 15.06.2018].

7. O strategii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraja do 2025 goda: zakon Primorskogo kraja ot 20 oktyabrya 2008 g. № 324-KZ. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/494219477> [Data obrashcheniya 30.04.2018].

8. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraja «Razvitiye obrazovaniya Primorskogo kraja» na 2013 – 2020 gody: postanovlenie Administracii Primorskogo kraja ot 7 dekabrya 2012 g. № 395-pa. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/460226778> [Data obrashcheniya 30.06.2018].

9. Social'nyj navigator. MIA «Rossiya segodnya» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ria.ru/abitura_rus [Data obrashcheniya 30.06.2018].

10. Zhavoronkova O.R. Formirovanie partnerskih otnoshenij vysshego obrazovaniya v kontekste social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona / O.R. Zhavoronkova, A.N. Buzni // Azimut nauchnyh issledovanij: ehkonomika i upravlenie. – Izd-vo: Nekommercheskoe Partnerstvo "Institut napravlenno-go obrazovaniya" Tol'yatti, 2018. t.7. № 1 (22). S. 118-121.

11. Tereshchenko D.S. Mesto i rol' vuzov v innovacionnom razvitiy regionov Rossii / D.S. Tereshchenko, V.S. SHCherbakov // Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika. – Izd-vo: OOO "Izdatel'skij dom FINANSY i KRE-DIT" Moskva. 2016. № 12. S. 165-177.

12. Slobodchikova I.V. Sovremennyy universitet kak sub'ekt ustojchivogo razvitiya regiona v usloviyah innovacionnoj ehkonomiki / I.V. Slobodchikova, V.V. Bodzhaeva, V.S. Goldenova // Vestnik SevKavGTI. Izd-vo: Stavro-pol'skij universitet. Stavropol'. 2014. № 17. S. 42-46.

13. Oficial'naya statistika: Territorial'nyj organ federal'noj sluzh-by gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu kraju [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/sphere/ [Data obrashcheniya 30.06.2018].

14. Krasova E.V. Tendencii i problemy razvitiya biznesa v Primorskom krae // Fundamental'nye issledovaniya. Izd-vo: Izdatel'skij Dom "Aka-demiya Estestvoznaniya". Penza. 2016. № 11(4). S. 823-827.

15. Tereshchenko N.S. Problemy ustojchivogo razvitiya territorii Primorskogo kraja / N.S. Tereshchenko, V.S. Nosovskij; D.S. // Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. EHkonomika i upravlenie. Izd-vo: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet. Vladivostok. 2016. № 4 (80). S. 41-49.

For referencing:

Varkulevich T.V., Arnaut M.N., Pashuk N.R. Rol' regional'nogo universiteta v sotsial'no-ehkonomicheskom razvitiy territorii (na primere Primorskogo kraja). [The role of a regional university in the socio-economic development of a territory (by the example of Primorsky Krai)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 93–103.

УДК 332.1

DOI: 10.17223/19988648/44/7

В.В. Стецюк

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОЕКТОВ «ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ
И СВОБОДНЫЙ ПОРТ ВЛАДИВОСТОК»
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

Статья посвящена актуальной проблеме регионального развития – оценке социально-экономической эффективности развития федеральных проектов по созданию Территорий опережающего развития и свободный порт Владивосток на Дальнем Востоке Российской Федерации. Предметом исследования выступает процесс реализации проектов «Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток» в рамках социально-экономического развития субъектов Дальнего Востока России. Подход в статье основан на гипотезе о невысокой степени влияния функционирования Территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток на социально-экономическое развитие регионов Дальнего Востока России на современном этапе. Проведен анализ существующих отечественных и зарубежных подходов к анализу функционирования Территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток и, как результат, сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода при проведении данного исследования. В статье рассмотрены статистические данные по различным показателям социально-экономического развития субъектов Дальнего Востока России за период 2000–2016 гг. для выявления степени корректировки общего тренда за счет реализации проектов «Территория опережающего развития и свободный порт Владивосток», функционирования Территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток, выполнена систематизация, анализ данных, а также определено влияние функционирования Территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток на социально-экономическое развитие регионов Дальнего Востока России. Проведена систематизация данных официальных сайтов государственных органов, учреждений за период 2015–2017 гг. и сделан вывод, на основании которого гипотеза подтверждена. Применение систематизированных данных, определенных в статье показателей позволяет в дальнейшем выявить закономерности и определить изменение динамики социально-экономического развития регионов Дальнего Востока России, рассчитать и обосновать социально-экономический эффект Территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток в развитии регионов Дальнего Востока России. Статья является первым этапом перспективного многолетнего исследования.

Ключевые слова: Территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, инфраструктура, географическое, временное распределение Территорий опережающего развития, социально-экономические показатели развития региона, инвестиции, рабочие места, резиденты, численность безработных, рабочая сила, высокотехнологичные рабочие места.

Введение

Дальний Восток России в последние годы является объектом пристального внимания со стороны федеральных органов власти как с точки зрения финансовых вливаний, порой даже в яркой диспропорции по отношению к другим регионам страны, так и с точки зрения применения наиболее передовых и инновационных инструментов развития национальных субъектов. В связи с этим особый интерес представляет проведение оценки влияния проектов «Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)» и «Свободный порт Владивосток (СПВ)» на социально-экономическое развитие субъектов Дальнего Востока России.

Теория

Прежде всего, хотелось бы отметить, что многие исследователи в рамках изучения вопроса и выделения ключевых проблем в той или иной мере придерживаются точки зрения, которая наиболее ярко отражена в работе В.И. Дьякова: «Убеждение автора заключается в том, что от публичных слушаний необходимо перейти к проработке вопросов теми методами и форматами, которые присущи науке... На сегодняшний день научный анализ, касающийся законодательной базы ТОСЭР и СПВ, сделан достаточно поверхностно...» [1]

В рамках изучения хронологии теоретических исследований рассмотрим ряд работ, которые представляют наибольший интерес. Можно проследить, что в 2015 г. многие авторы рассматривали мировой опыт, специфику, методические подходы к определению ключевых категорий, делали прогнозы и обозначали перспективы реализации ТОСЭР и СПВ.

«С понятием свободного порта в мировой практике неразрывно связаны следующие признаки:

- специальная таможенная зона или таможенная территория;
- упрощенные таможенные правила;
- отсутствие таможенных платежей;
- неконтролируемый транзит» [2].

«Общие принципы создания свободного порта: 1. Свободный порт – зона свободной торговли. 2. Свободный порт – узел глобальной логистической сети. 3. Свободный порт должен иметь локальную финансовую политику. 4. Свободный порт должен реализовать комплекс проектов обеспечения комфортной жизни на собственной территории» [2].

При этом авторами уже определялись ключевые риски и проблемы реализации ТОСЭР и СПВ.

«Сдерживающим фактором развития ТОСЭР нужно признать наличие политического, финансового и валютного рисков, в силу того, что усилилась нестабильность в ряде соседних государств – членов СНГ» [3].

«Риски и угрозы свободного порта экономической безопасности региона: 1. Минимальный таможенный контроль делает свободный порт при-

влекательным узлом для трафика наркотиков, оружия и прочей незаконной деятельности, вокруг которой начинается усиленное развитие преступных группировок, в том числе подавляющих законопослушный бизнес в свободном порту. 2. Реализация принципов свободного порта на первых этапах приводит к уменьшению налоговых поступлений. 3. Коренной принцип свободного порта – свободная торговля при почти полном отключении механизмов защиты национального экономического пространства путем регулирования внешнеэкономической деятельности» [2].

В 2016 г. исследователи анализируют результаты научных публикаций 2015 г., определяя, что сделано и наработано, чтобы, основываясь на уже сформировавшейся научно-исследовательской базе находить новые актуальные направления исследования функционирования ТОСЭР и СПВ.

Из публикаций 2015 г. по данной теме следует отметить статьи В.В. Горчакова, А.С. Сергеева, Е.Д. Лысака, вскрывшие комплекс проблем, уже сейчас препятствующих успешности проекта СПВ [4–6]. Дополнительный интерес представляют публикации М.В. Холоши и А.Н. Гаврилова, П.Ю. Самойленко, А.В. Тебекина и Т.Н. Бушуевой [7–9]. В других изданиях привлекла внимание упомянутая выше статья А.Е. Савченко – системное исследование на стыке истории, политологии и экономики, а также критические замечания и конструктивные, хотя не бесспорные, предложения [11]. Также следует отметить совместную статью Е.В. Красовой и Ма Инсинь, в которой обоснована актуальность и стратегическая целесообразность использования свободного порта Владивосток как инструмента интенсивного экономического роста дальневосточных территорий [12].

Помимо этого, в 2016 г. авторы, продолжающие свои научные исследования, определяют факторы, содействующие повышению эффективности развития территории, как ключевой аспект оценки эффективности функционирования ТОСЭР.

«В название института ТОСЭР включено словосочетание «опережающее развитие», но вопрос о том, что следует под этим понимать, остается открытым. Должны ли показатели роста быть более высокими, чем по стране, или в стратегическом долгосрочном плане ставится задача опережения в той или иной сфере мирового экономического пространства» [3].

«Таким образом, особые зоны, принятые для развития предпринимательства в Приморском крае, в перспективе должны положительно повлиять на инфраструктуру края и морской транспорт, в частности. Как следствие, экономическое развитие региона в комплексе не может не повлиять на развитие судостроительной и судоремонтной отраслей, а без их грамотной организации и поддержки может ощутимо замедлиться» [13].

При этом авторы выявляют наиболее приоритетные и перспективные направления развития, обозначая уже существующие проблемы функционирования ТОСЭР.

«Проект приграничного развития действительно мог бы обеспечить “взрывной рост экономики” Приморского края и всего Дальнего Востока.

Свободная таможенная зона, упрощенный порядок получения виз, принцип “единого окна”, круглосуточная работа пункта пропуска...

Со временем сюда могли бы зайти транснациональные финансовые и страховые компании, налажено производственно-техническое сотрудничество в сферах высоких технологий, пищевой промышленности, фармацевтике, что позволит создать устойчивые компании-производители товаров с высокой добавленной стоимостью» [11].

Также ряд авторов рассматривают перспективы влияния функционирования свободного порта Владивосток на развитие рыбопромышленного комплекса [14].

Особый интерес представляют работы, посвященные роли таможенных органов в формировании эффективной модели функционирования ТОСЭР и СПВ.

«Рассмотрев таможенное регулирование свободных экономических зон на примере Дальневосточного региона России, таможенные инновации в свободных экономических зонах, можно сделать вывод, что они направлены, прежде всего, на расширение функций таможенных органов, упрощение порядка перемещения товаров через пункты пропуска, развитие электронного межведомственного документооборота... Активизация развития таможенных инноваций в СЭЗ позволит сократить финансовые, временные и трудовые расходы резидентов, сместив акцент на обработку заранее предоставленных первичных электронных документов и совершенствование взаимодействия между заинтересованными сторонами развития СЭЗ...» [15].

«Таможня в условиях СПВ и ТОР не столько фискальный орган, сколько орган, обеспечивающий правоохранительную функцию и контроль движения товаров. Фискальная функция таможни должна быть активизирована за пределами (по границам) территории, на которую распространяется льготный режим. Вопросы льготного перемещения товаров из территорий СПВ и ТОСЭР, обложения их пошлинами и налогами относятся к числу самых сложных и деликатных. Их рассмотрение должно входить в компетенции только государственных органов с очень высоким статусом. При этом таможенно-тарифную политику не следует менять резко и часто, создавая резидентам нервозность в организации производств, требующих долговременных и капитальных вложений» [1].

И наконец, в 2017 г. исследователями проводится уточнение и корректировка подходов к оценке эффективности ТОСЭР и СПВ, первичная оценка предварительных результатов функционирования ТОСЭР и СПВ.

«...Свободный порт – это территория порта с его причалами, складами, мастерскими и подсобными помещениями плюс прилегающая акватория, не входящая в состав таможенной территории государства.

Функционирование свободного порта основывается на полном или частичном отсутствии таможенных пошлин и налогов, льготном режиме ввоза, вывоза и реэкспорта товаров...

Подход к формированию территорий опережающего развития свободному порту следует пересматривать с позиций стратегического видения

развития территории. Для смены экономической парадигмы необходимы значимые проекты, пусть не решающие всех проблем региона, но привлекающие международных инвесторов, притягивающие новые технологии и создающие атмосферу широких возможностей» [16].

Как результат, в статье Д.А. Изотова представлен критический взгляд на результативность текущих решений государственной власти России по отношению к Дальнему Востоку [17].

«Одна из задач реализации проектов по созданию ТОР и СПВ – поступление налоговых отчислений в региональные и местные бюджеты субъектов РФ и муниципальных образований, входящих в состав ДФО. Анализ сведений из ЕГРЮЛ о налоговом органе резидента позволяет понять направление его будущих налоговых выплат как налогоплательщика – какие регионы получают налоговые отчисления от реализации инвестиционных проектов резидентами ТОР и СПВ.

Исследование показало, что указанная задача выполняется. 100% резидентов зарегистрировано в субъектах РФ, где созданы соответствующие территории с особыми режимами осуществления предпринимательской деятельности» [18].

Но далее при более детальном рассмотрении авторы определяют ключевые структурные диспропорции.

«...Организационно-правовые формы резидентов ТОР и СПВ распределились относительно однообразно. В форме “общество с ограниченной ответственностью” (далее – ООО) зарегистрировано 89 и 95% резидентов ТОР и СПВ соответственно. Анализ региональной структуры не выявил особенностей – 94,3% резидентов ТОР и 96,4% резидентов СПВ, зарегистрированных в форме ООО, действует в Приморском крае. На втором месте Хабаровский край по числу резидентов ТОР и Камчатский край – резидентов СПВ... Кроме того, резиденты с иностранными инвестициями зарегистрированы в форме ООО...

...Обеспечение имущественной основы деятельности резидентов ТОР уставным капиталом, гарантирующим интересы кредиторов, составляет только 5,94%, а СПВ – 1,02% от планируемой суммы инвестиций. Кроме того, уставный капитал 12 резидентов находится в залоге у кредитных организаций ПАО «Восточный экспресс банк», АО «Россельхозбанк», Государственной корпорации «Банк развития внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», АО «АЛЬФА-БАНК», АКБ «Алмазэргиэн-банк», ПАО «Находкинская база активного морского рыболовства», ПАО «Сбербанк России», последний из которых стал залогодержателем 5 из 12 резидентов» [18].

Цели как критерий эффективности проектов

Для определения эффективности следует установить, а какой результат предполагается достигнуть в ходе реализации данных проектов. Для этого обратим внимание на цели, обозначенные в Федеральном законе о СПВ.

Целями Федерального закона № 212-ФЗ от 13 июля 2015 г. (в ред. от 01.07.2017) «О свободном порте Владивосток» являются:

«1) обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, органов местного самоуправления, общественности, предпринимателей и инвесторов в целях развития свободного порта Владивосток;

2) использование географических и экономических преимуществ Приморского края как восточных морских ворот Российской Федерации для интеграции в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона;

3) развитие международной торговли с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона;

4) создание и развитие производств, основанных на применении современных технологий и ориентированных на выпуск в свободном порту Владивосток конкурентоспособной в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона продукции;

5) ускорение социально-экономического развития территории свободного порта Владивосток и повышение уровня жизни населения, проживающего на территории Дальнего Востока»¹.

Наибольший интерес представляют 3–5-я цели, результаты достижения которых можно оценить с помощью показателей.

Современные модели

Рассмотрим существующие на современном этапе разработанные и предложенные исследователями различные модели, отражающие то или иное направление развития территории.

Прежде всего, можно выделить оригинальную авторскую модель «организации осуществления образовательной деятельности на территориях ТОСЭР и СПВ». Сущность данной модели отражена в научной публикации М.В. Ниязовой: «В качестве основных факторов, оказывающих влияние на осуществление образовательной деятельности на территориях ТОСЭР и СПВ, следует рассматривать потребность в трудовых ресурсах на Дальнем Востоке, государственную социально-экономическую политику в регионе, объем преференций и других мер поддержки заинтересованных в осуществлении образовательной деятельности лиц, условия деятельности резидентов территорий, государственная регламентация образовательной деятельности в регионе, а также требования к образовательным программам профессионального обучения и дополнительного профессионального образования» [19].

---

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О свободном порте Владивосток». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 06.09.2017).

Помимо этого, анализ территории как ключевой фактор предполагает исследование транспортно-логистической модели. В этом направлении наибольший научный интерес представляет работа М.В. Холоши:

«В современных условиях для развития инфраструктуры СПВ нужна особая модель транспортной системы, способная решать новые задачи и позволяющая привлечь более широкий круг участников: стран, инвесторов, разных бизнесов, пользователей и т.д.

...Новая модель позволяет создать транспортную сеть и включать в нее новые идеи по мере их появления. Предлагаемая модель открыта для многостороннего международного сотрудничества.

Суть новой модели развития коридоров заключается в следующем. Предлагается новая и более короткая маршрутизация двух коридоров с их стыковкой в районе пос. Славянка. Есть разные варианты и место подлежит уточнению. Это даст возможность связать множество магистральных и фидерных маршрутов: как сухопутных, так и морских, как существующих, так и новых, включая Сев-морпуть и иные трансконтинентальные маршруты.

Таким образом, мы сформируем транспортно-логистическую сеть, внутри которой можно создать мультимодальный портовый ХАБ Приморья, который может быть включен в ротацию магистральных судов на маршрутах Европа–Азия и транс-тихоокеанских маршрутах... Это наиболее эффективная модель берегового оформления коридоров. Эта модель в большей степени ориентирована на формат многостороннего сотрудничества и способна согласовать идеи и проекты России, Китая, Кореи, Японии и других стран. Эта идея консолидирует все предыдущие проекты развития и наилучшим образом соответствует идее Свободного порта Владивосток.

Представленная модель позволяет повысить эффективность освоения транзитного потенциала и оптимально распределить его среди перспективных площадок портового развития, включая новые порты в Зарубино, в районе Суходола, в районе Славянки, а также среди действующих портов Владивосток, Находка и Восточный» [20].

Дополнительные корректировки и уточнения модели, представленной в работе М.В. Холоши, отражены в бизнес-модели А.Л. Абрамова и Н.Н. Матвиенко:

«В бизнес-модели предлагаются механизмы, при которых территория нового свободного порта получает статус особой экономической территории с привлекательным, облегченным таможенным режимом и специальным режимом управления...

Бизнес-модель предполагает возможность:

- создания сети портов на юге Приморского края,
- строительства нового многофункционального торгового порта в границах выделенной территории СПВ, обеспечивающего в перспективе удвоение пропускной способности портовой сети...» [21].

Помимо этого, нельзя не рассматривать социальный аспект развития территорий, на которых реализуются проекты ТОСЭР и СПВ. Данное

направление наиболее оригинально отражено в работе В.А. Останина, в которой автором предложен методический подход к оценке социальной эффективности.

«Максимум противоречивости в оценке экономической и социальной эффективности может быть представлен моделью Парето-эффективности.

Социально-экономическая система находится в состоянии наибольшей экономической и социальной эффективности, если становится невозможным повысить экономическую эффективность, не уменьшая эффективность социальную. Тем самым мы обнаруживаем, что модель Парето-эффективности не может обеспечить адекватного отражения реальной практики управления на территориях не только ОЭЗ, но и в принципе.

Так как интересы граждан, работающих и проживающих на особых экономических территориях, и интересы резидентов противоположны, то решать социальные задачи можно только за счет социальных интересов территории. Если перенести данную проблему на модель Амартии Сен [22], то можно сделать вывод: состояние социально-экономической среды может находиться в состоянии Парето-оптимальности, однако повышение экономической эффективности резидентов невозможно без снижения уровня социальной защищенности» [23].

И наконец, модель по решению ключевой проблемы управления территорией отражена в работе М.А. Салтыкова и В.Ю. Сипачевой: «Проблема, которую нельзя игнорировать, заключается в том, что перечень поставленных целей резко отличается от перечня инструментов, которые используют органы публичной власти для достижения целей. В результате обнаруживаются сложности управляемости систем, к которым принадлежит и территория опережающего социально-экономического развития. Таким образом, стратегия развития территорий опережающего развития должна предусмотреть переход от модели управления ресурсами к моделям управления сложностью систем, к созданию институтов, обладающих как устойчивостью, так и гибкостью, что обеспечит рыночную свободу и самостоятельность без помощи непосредственно государства» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что модель социально-экономического развития территории, на которой реализуются проекты ТОСЭР и СПВ, является комплексной и должна включать различные ключевые направления. Только при реализации такого системного подхода в полной мере будет использован потенциал социально-экономического развития территорий.

Результаты и их обсуждение

Для сужения поля исследования и для более точного результата сделаем сразу оговорку: ТОСЭР функционируют с различных дат, начиная с июня 2015 г. и заканчивая апрелем 2017 г., поэтому в оценке следует учитывать столь существенный временной разброс, а также география ТОСЭР включает в себя 8 из 9 субъектов Дальневосточного федерального округа, за исключением Магаданской области.

При анализе структуры проектов ТОСЭР можно сделать следующие выводы.

Из 18 ТОСЭР 9 было запущено в 2015 г., при этом было создано по 2 в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях и по 1 в Чукотском автономном округе, Республике Саха (Якутия) и в Камчатском крае. Таким образом, в 2015 г. ТОСЭР были созданы в 6 субъектах ДВФО из 9.

В 2016 г. вышли еще 5 постановлений Правительства РФ о создании ТОСЭР: 2 в Сахалинской области и по 1 в Еврейской автономной области, Приморском крае, Республике Саха (Якутия).

И наконец, в 2017 г. были созданы еще по 1 ТОСЭР в Приморском, Хабаровском крае, Сахалинской и Амурской областях.

Как результат, в 2015–2017 гг. были созданы 4 ТОСЭР в Приморском крае, по 3 – в Хабаровском крае, Сахалинской области, Амурской области, 2 в Республике Саха (Якутия) и по 1 в Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе и Камчатском крае (табл. 1).

Таблица 1. Проекты ТОСЭР, 2015–2017 гг.

№ п/п	Проект ТОСЭР	Начало реализации, год	Регион
1	Постановление Правительства Российской Федерации № 875 от 21 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Белогорск”»	2015	Амурская область
2	Постановление Правительства Российской Федерации № 879 от 21 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Приамурская”»	2015	Амурская область
3	Постановление Правительства Российской Федерации № 899 от 28 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Камчатка”»	2015	Камчатский край
4	Постановление Правительства Российской Федерации № 629 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Надеждинская”»	2015	Приморский край
5	Постановление Правительства Российской Федерации № 878 от 21 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Михайловский”»	2015	Приморский край
6	Постановление Правительства Российской Федерации № 877 от 21 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Индустриальный парк “Кангалассы”»	2015	Республика Саха (Якутия)
7	Постановление Правительства Российской Федерации № 628 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Комсомольск”»	2015	Хабаровский край

№ п/п	Проект ТОСЭР	Начало реализации, год	Регион
8	Постановление Правительства Российской Федерации № 630 от 25 июня 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Хабаровск”»	2015	Хабаровский край
9	Постановление Правительства Российской Федерации № 876 от 21 августа 2015 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Беринговский”»	2015	Чукотский автономный округ
10	Постановление Правительства Российской Федерации № 847 от 27 августа 2016 г. «О создании территории опережающего развития “Амуро-Хинганская”»	2016	Еврейская автономная область
11	Постановление Правительства Российской Федерации № 43 от 28 января 2016 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Большой Камень”»	2016	Приморский край
12	Постановление Правительства Российской Федерации № 1524 от 28 декабря 2016 г. «О создании территории опережающего развития “Южная Якутия”»	2016	Республика Саха (Якутия)
13	Постановление Правительства Российской Федерации № 200 от 17 марта 2016 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Горный воздух”»	2016	Сахалинская область
14	Постановление Правительства Российской Федерации № 201 от 17 марта 2016 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития “Южная”»	2016	Сахалинская область
15	Постановление Правительства Российской Федерации № 272 от 7 марта 2017 г. «О создании территории опережающего развития “Нефтехимический”»	2017	Приморский край
16	Постановление Правительства РФ № 464 от 19 апреля 2017 г. «О создании территории социально-экономического развития “Николаевск”»	2017	Хабаровский край
17	Постановление Правительства РФ N 673 от 3 июня 2017 г. «О создании территории социально-экономического развития “Свободный”»	2017	Амурская область
18	Постановление Правительства РФ N 992 от 23 августа 2017 г. «О создании территории социально-экономического развития “Курилы”»	2017	Сахалинская область

Источник: Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/> (дата обращения: 09.09.2017).

Таким образом, учитывая количество и продолжительность реализуемых проектов на территориях регионов Дальнего Востока России, можно сделать вывод о том, что реализация проектов ТОСЭР, при прочих равных условиях, будет оказывать наибольшее влияние на развитие Приморского и Хабаровского краев, менее существенное – на развитие Сахалинской области, Республики Саха (Якутия) и Амурской области, наименее существенное – Еврейской автономной области, Чукотского автономного окру-

га и Камчатского края и практически полное отсутствие – на развитие Магаданской области.

Начало реализации свободного порта Владивосток можно считать с октября 2015 г.¹ География СПВ включает в себя 4 субъекта ДВФО: Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Чукотский АО, Сахалинскую область.

Теперь попробуем отследить, внесли ли проекты СПВ и ТОСЭР, от 2 лет существования до совсем молодых, существенные изменения в социально-экономическое развитие субъектов ДВФО.

Нельзя, конечно, не согласиться с авторами, изучающими данную проблематику, такими как В.А. Останин, М.Ю. Андреева, Л.И. Вотинцева, Чэнь Лэй, что «за основу расчетов социальной и экономической эффективности деятельности резидентов на территориях ОЭЗ следует принимать время выхода резидента на проектную мощность. Этот период у основных резидентов может доходить до 10–15 лет» [24, 25].

Тем не менее попробуем систематизировать официальные данные и провести по ним экономический анализ динамики реализации ТОСЭР, СПВ. Ведь на этапе запуска или в предынвестиционный период реализации инвестиционного проекта оказывается существенное влияние на социально-экономическое развитие субъекта, в котором идет реализация, помимо этого, вложения федерального бюджета в инфраструктуру регионов ТОСЭР начались с 2015 г.

Ссылаясь на сводную статистику, по состоянию на 1 августа 2017 г., на официальном сайте Корпорации развития Дальнего Востока можно отметить оценочную и прогнозную положительную динамику 2016–2020 гг.:

1. В 2016 г. подано 206 заявок на получение статуса резидента ТОСЭР с суммой инвестиций 518,68 млрд руб., по оценке корпорации по результатам 2017 г. подано 315 заявок с суммарным объемом инвестиций 601,4 млрд руб., прогнозное же значение на 2020 г. – 566 заявок с инвестициями 682,6 млрд руб.

2. В 2016 г. определено 30,2 тыс. создаваемых в рамках заявок рабочих мест, оценочное значение за 2017 г. – 39 тыс., прогнозное значение 2020 г. – 53,6 тыс.

3. Как результат, в 2016 г. зарегистрировано 169 резидентов ТОСЭР, по оценке Корпорации, в 2017 г. зарегистрировано 268 резидентов, в 2020 г. прогнозное значение составит 484 резидента.

4. Объем инвестиций составил 498 млрд руб.

5. Создано 28 тыс. рабочих мест.

6. Иностранные инвестиции по странам-инвесторам составили: КНР – 140 млрд руб.; Австралия – 10,6 млрд руб.; Япония – 1,8 млрд руб.; Италия – 2,7 млрд руб.; Казахстан – 2,5 млрд руб.; Сингапур – 0,7 млрд руб.¹

---

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О свободном порте Владивосток». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 06.09.2017).

В свою очередь, к результатам реализации проекта СПВ можно отнести следующее:

1. На получение статуса резидента СПВ в 2016 г. было подано 150 заявок.
2. Декларируемый объем инвестиций 180 млрд руб.
3. Предположительно будет создано 23 тыс. рабочих мест. В 2016 г. как результат, статус резидента СПВ получили 100 заявок.
4. Объем вложенных инвестиций 140 млрд руб.
5. Создано 18,5 тыс. рабочих мест.
6. Был вложен 1 млрд руб. инвестиций КНР и 10 млн руб. инвестиций из Японии² (табл. 2).

Таблица 2. Сводная статистика показателей ТОСЭР и СПВ 2016–2020 гг.

Дата	2016 г.		2017 г.		2020 г.	
Показатель	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента
<i>ТОСЭР</i>						
Количество заявок, ед.	206	169	315	268	566	484
Объем инвестиций, млрд руб.	518,68	498	601,4	555,7	682,6	642,9
Количество рабочих мест, тыс. ед.	30,2	28	39	34,8	53,6	48,8
<i>СПВ</i>						
Количество заявок, ед.	150	100	290	150	600	420
Объем инвестиций, млрд руб.	180	140	230	210	350	300
Количество рабочих мест, тыс. ед.	23	18,5	31	20,5	51	23

Источник: Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/> (дата обращения: 09.09.2017).

И если оценить данные Минвостокразвития на 22.09.2017 г., то можно сделать вывод, что по количеству резидентов в целом все в рамках прогнозно-оценочных значений, представленных на сайте Корпорации развития Дальнего Востока. А по СПВ на 22.09.2017 г. количество резидентов уже в 2 раза больше прогнозно-оценочного значения Корпорации развития Дальнего Востока на весь 2017 г. (табл. 3).

¹ Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/> (дата обращения: 09.09.2017).

² Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/> (дата обращения: 09.09.2017).

Таблица 3. Показатели реализации ТОСЭР и СПВ

Дата	2016 г.		11.09.2017 г.		22.09.2017	
Показатель	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента	Подано на рассмотрение	Получен статус резидента
<i>ТОСЭР</i>						
Количество заявок, ед.	206	169	350 шт.	175 шт.	356	178
Объем инвестиций, млрд руб.	518,68	498	1 632	1 176	2481	1175
Количество рабочих мест, тыс. ед.	30,2	28	56,29	34,85	56,395	34,908
<i>СПВ</i>						
Количество заявок	150	100	471	306	482	312
Объем инвестиций, млрд руб.	180	140	401,4	346,9	406	347,5
Количество рабочих мест, тыс. ед.	23	18,5	40,1 тыс.	31,1 тыс.	40,23	31,314

Источник: Данные Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/press-center/mediagallery/5667/> (дата обращения: 13.09.2017).

При этом следует отметить, что государство принимает активное участие по проектам ТОСЭР. Из федерального бюджета РФ в 2015 г. на строительство инфраструктуры было выделено, законтрактовано и оплачено 315,97 млн руб., в 2016 г. выделено и законтрактовано уже 4,269 млрд руб. а оплачено 4,262 млрд руб. Более того на 2017 г. выделено 7,507 млрд руб., по данным Корпорации, на начало августа законтрактовано 2,167 млрд руб. (табл. 4).

Но вышеперечисленные показатели являются абсолютными и, несмотря на столь внушительные значения и суммы, они не могут дать нам полного представления. Рассмотрим значения обозначенных коэффициентов относительно других величин, характеризующих социально-экономическое положение субъектов РФ.

Как результат, в 2016 г. 1 рубль вложенных федеральным бюджетом (ФБ) инвестиций привлек в 2016 г. 116 руб. инвестиций резидентов ТОСЭР в 2017 г. данный показатель составил 74 руб., снижение обусловлено тем, что, несмотря на рост вложенных резидентами ТОСЭР инвестиций в 2017 г., наблюдалось существенное увеличение инвестиций ФБ до с 7,5 млрд руб. по сравнению с 4,27 млрд 2016 г. Этот показатель по результатам 2017 г. существенно вырос, так как на 1 августа 2017 г. из выделенных 7,5 млрд руб. было законтрактовано 2,166 млрд, а оплачено только лишь 307 млн руб. (табл. 5).

Таблица 4. Финансирование строительства инфраструктуры ТОСЭР из федерального бюджета, 2015–2020 гг., млн руб.

Показатель	2015	2016	2017	2020
Выделено	315,97	4268,7	7507,02	3480
Законтрактовано	315,97	4268,7	2166,53	392,97
Оплачено	315,97	4262,06	307,68	–

Источник: Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <http://www.erdc.ru/> (дата обращения: 09.09.2017).

Таблица 5. Показатели бюджетной эффективности ТОСЭР, 2015–2020 гг.*

Показатель	2016 г.	2017 г.	2020 г.
Отношение суммы инвестиций по поданным заявкам к сумме вложений ФБ	121,51	80,11	196,15
Отношение суммы инвестиций по резидентам к сумме вложений ФБ	116,66	74,024	184,74

* Рассчитано автором по табл. 3, 4.

Далее следует отметить, что относительно числа безработных всего Дальнего Востока РФ в 2016 г., количество которых составило 196,3 тыс. человек, проекты резидентов ТОСЭР, предоставив 28 тыс. рабочих, смогли обеспечить 14,3% от общего числа незанятых на ДВ РФ, в свою очередь, СПВ, предоставив 23 тыс. вакансий, смог трудоустроить 11,7% от общего числа безработных на Дальнем Востоке РФ в 2016 г. Таким образом, обеспечив все заявленные рабочие места, резиденты ТОСЭР и СПВ позволят сократить безработицу во всем Дальневосточном федеральном округе на 26% от общего числа безработных в 2016 г. Возникает лишь необходимость учета того фактора, что есть ли соответствие между потребностями и наличием трудовых ресурсов по квалификационным и прочим требованиям, либо на рабочие места будут привлекаться специалисты из других регионов.

Рассмотрим согласно методике федеральной службы государственной статистики показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации.

При анализе официальных данных из табл. 6 можно сделать вывод, что кардинальных изменений в рамках тренда 2010–2016 гг. реализация проектов ТОСЭР и СПВ ни в 2015 г., ни в 2016 г., при потенциале создания дополнительных рабочих мест в объеме 51 тыс. ед., не внесла, тем более динамика числа безработных на ДВ идет в рамках общероссийской динамики. Особый интерес представляет выяснение того, а прошло ли снижение количества безработных за счет предоставления части ищущих работу искомым рабочим мест, соответствующих их пожеланиям и квалификации, либо были проведены мероприятия, в рамках которых смогли заполнить имеющиеся вакантные места безработными и т.д., либо просто люди уехали из региона в поисках работы в других субъектах РФ или за границей. В попытке ответить на дан-

ный вопрос рассмотрим следующие показатели, дополнительно оценивая социально-экономическую эффективность реализации ТОСЭР и СПВ.

Таблица 6. Численность безработных в ДВФО, 2010–2016 гг., тыс. чел.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ДВФО	295,0	254,3	228,2	223,7	219,0	211,3	196,3
Республика Саха (Якутия)	43,7	44,1	40,0	37,4	37,3	36,7	35,0
Камчатский край	13,3	11,7	10,9	10,8	11,5	8,4	7,6
Приморский край	101,7	85,0	72,9	75,8	72,9	73,4	62,8
Хабаровский край	65,9	49,7	47,6	42,2	43,9	38,9	36,6
Амурская область	29,6	27,0	22,7	25,7	23,5	24,0	24,6
Магаданская область	5,7	4,5	3,4	2,8	2,9	4,0	4,0
Сахалинская область	25,6	22,9	21,9	20,5	18,4	17,8	17,6
Еврейская автономная область	8,2	7,6	7,4	7,3	7,5	6,7	6,9
Чукотский автономный округ	1,5	1,8	1,4	1,1	1,1	1,3	1,1

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.09.2017).

Одним из ключевых аспектов и задач реализации проектов ТОЭСР и СПВ является удержание и привлечение нового трудоспособного населения на территории Дальнего Востока РФ. И мы можем видеть, что по предварительным итогам в данном аспекте ТОСЭР и СПВ в 2015–2016 гг. кардинальных изменений в развитие тренда уменьшения числа трудоспособного населения ДВ РФ не внесли (рис. 1).

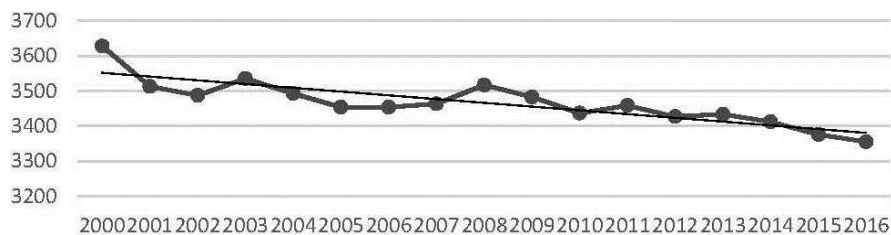

Рис. 1. Численность рабочей силы по субъектам Дальнего Востока Российской Федерации, в среднем за год, 2000–2016 гг., тыс. чел.

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.09.2017)

В 2016 г. количество продолжило тенденцию снижения 2008–2015 гг. и, составив 3,356 млн человек, уменьшилось относительно 3,376 млн человек. Несомненно, уменьшение на 20,8 тыс. человек не является существенным и составляет всего лишь снижение на 0,62% относительно значения 2015 г., но 20,8 тыс. человек, по официальным статистическим данным на 06.03.2017 г., – это практически половина населения Надеждинского муниципального района (ТОСЭР «Надеждинская», 2015 г.), городского округа города Большой Камень (ТОЭСР «Большой камень», 2016 г.), три четверти населения Михайловского муниципального района, это практически полный состав населения Пограничного муниципального района, Ханкайского муниципального района, Чугуевского муниципального района¹.

Данный аспект усугубляется явной тенденцией снижения высокопроизводительных рабочих мест в Дальневосточном федеральном округе в 2013–2016 гг. Таким образом, запуск и реализация ТОСЭР и СПВ в 2015–2016 гг. способствовали лишь увеличению высокопроизводительных рабочих мест в 2015 г. в Камчатском крае, Амурской области, и Еврейской автономной области, в 2016 г. – лишь увеличению в Сахалинской области (табл. 7).

Помимо этого, если посмотреть численность безработных в процентах от общего количества трудоспособных регионов, то видим, что существенных изменений проекты не внесли. Более того, можно утверждать, что изменение идет в рамках общероссийского тренда снижения доли безработного населения в процентах. При этом снижение в 2015–2016 гг. на Дальнем Востоке России точно совпадает с трендом 2000–2014 гг. Даже при простом построении прогнозной линии тренда видно, что прогнозируемые значения практически точно совпадают с 6,3% в 2015 г. и 5,8% в 2016 г. (рис. 2).

Таблица 7. Число высокопроизводительных рабочих мест по субъектам ДВФО за 2013–2016 гг., тыс. ед.

	2013	2014	2015	2016
Дальневосточный федеральный округ	903,3	953,7	890,5	833,4
Республика Саха (Якутия)	163,2	167,4	155,4	149,0
Камчатский край	56,1	58,7	60,8	48,3
Приморский край	264,0	282,8	251,5	227,9
Хабаровский край	193,7	208,0	184,5	183,6
Амурская область	96,8	106,0	116,2	105,3
Магаданская область	30,8	31,7	30,0	28,9
Сахалинская область	65,7	66,1	58,6	59,0
Еврейская автономная область	18,9	18,5	19,0	17,6
Чукотский автономный округ	14,0	14,6	14,5	13,9

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.09.2017).

¹ Данные Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 23.09.2017).

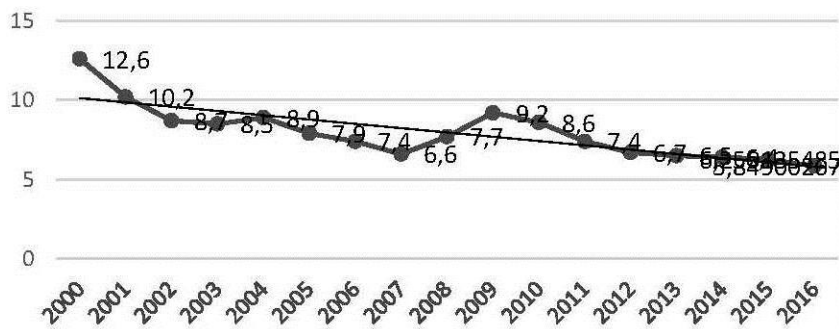

Рис. 2. Уровень безработицы населения по субъектам Дальнего Востока РФ в среднем за год, 2000–2016 гг., %.

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики.

URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.09.2017)

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что по предварительным итогам ТОСЭР и СПВ кардинальным образом не повлияли на изменение социально-экономического положения регионов Дальнего Востока России и сокращение доли безработных в большей степени обусловлено тенденцией оттока трудоспособного населения Дальнего Востока России. Так, численность населения Дальнего Востока России, по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики за период 2013–2016 гг., имеет устойчивую тенденцию снижения, и в 2016 г. составила 6,19 млн человек по сравнению с 6,24 млн человек в 2013 г. При этом данное снижение обусловлено уменьшением численности населения в 8 субъектах из 9 регионов ДВФО за период 2013–2016 гг., лишь в Республике Саха (Якутия) численность населения с 955 тыс. человек в 2013 г. выросла до 961 тыс. человек в 2016 г.

Остается выразить надежду, что когда проекты ТОСЭР и СПВ выйдут на свою проектную мощность, и в лучшем случае через 5 лет можно будет в полной мере оценить положительный эффект влияния ТОСЭР и СПВ на социально-экономическое развитие субъектов ДВФО.

Литература

1. Дьяков В.И. «Открыт закрытый порт Владивосток»? // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (74). С. 3–9.
2. Лазарев В.А. Ключевые аспекты свободного порта: азиатский опыт // Фундаментальные исследования. 2015. № 10-1. С. 185–188.
3. Салтыков М.А., Сипачева В.Ю. Дальневосточные промышленные территории с особым правовым режимом: проблемы привлечения инвестиций // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2016. № 2 (78). С. 25–36. DOI: 10.5281/zenodo.58321
4. Горчаков В.В. Свободный порт Владивосток: проблемы становления и перспективы развития // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 26–30.

5. *Сергеев А.С.* Модели управления морскими портами в условиях свободного режима коммерческой деятельности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 78–89.
6. *Лысак Е.Д.* Свободная таможенная зона морского порта Владивосток // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 29–34.
7. *Холоша М.В., Гаврилов А.Н.* Особенности формирования межпортовой конкуренции на примере портов юга Приморья (2005–2010 гг.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 90–97.
8. *Самойленко П.Ю.* Проблемы интеграции России в АТР в контексте имиджевой и инвестиционной привлекательности регионов Дальнего Востока // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 46–53.
9. *Тебекин А.В., Бушуева Т.Н.* Проблемы создания территорий опережающего социально-экономического развития на базе региональных кластеров экономики знаний // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 31–45.
10. *Савченко А.Е.* Между «желаемым» и «возможным»: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 83–91.
11. *Авдеев Ю.А.* Свободный порт // Клуб директоров. 2016. № 3. С. 4–5.
12. *Красова Е.В., Ма Инсинь.* Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски // Экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (42). С. 108–122. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.6
13. *Гриванов Р.И., Гу Ф.* К вопросу о роли высокотехнологичного производства в обеспечении ускоренного развития региона: судостроение на Дальнем Востоке России и реализация закона о свободном порте Владивосток // Фундаментальные исследования. 2016. № 11-1. С. 166–170.
14. *Vorozhbit O., Korneyko O.* Freeport of Vladivostok as the Competitiveness Increase Tool for Russian Fish Export // The Social Sciences. 2016. Vol. 11, is. 16. P. 3962–3968. DOI: 10.3923/sscience.2016.3962.3968
15. *Ниязова М.В.* Свободные экономические зоны Дальнего Востока России: актуальные вопросы таможенного регулирования // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 12. С. 43–59.
16. *Авдеев Ю.А.* Свободный порт Владивосток – за и против // ЭКО. 2017. № 2 (512). С. 5–26.
17. *Изотов Д.А.* Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
18. *Ниязова М.В., Варавенко В.Е.* Функционирование территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток в Приморье // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 8. С. 15–23.
19. *Ниязова М.В.* Институциональная поддержка образовательной деятельности на территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2016. № 4 (37). С. 152–158.
20. *Холоша М.В.* Развитие транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке России и новые идеи и проекты для Приморья // Проектирование развития региональной сети железных дорог. 2016. № 4. С. 62–72.
21. *Абрамов А.Л., Матвиенко Н.Н.* Бизнес-модель свободного порта Владивосток: идея и пути реализации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (74). С. 10–21.
22. *Сен А.* Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. М. : Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.
23. *Останин В.А.* Эффективность свободных экономических зон: на примере конкурентных преимуществ модели свободного порта Владивосток // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (77). С. 27–42.

24. *Останин В.А.* Формирование эффективной системы управления на территории опережающего развития // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 4–5. С. 12–16.

25. *Андреева М.Ю., Вотинцева Л.И., Чэнь Лэй.* Пространственные экономические системы Китая: эмпирические оценки приоритетных моделей // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 7–11.

Stetsyuk V.V., Vladivostoks Branch, Customs University (Vladivostoks, Russian Federation). E-mail: stetsyuk1983@mail.ru

ECONOMIC ANALYSIS TO ESTIMATE THE IMPACT OF THE TERRITORY OF ADVANCED DEVELOPMENT AND FREE PORT OF VLADIVOSTOK IMPLEMENTATION ON SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Keywords: Territory of Advanced Development, Free Port of Vladivostok, infrastructure, temporal geographical distribution of the territories of advanced development, social and economic development indicators of the region, investment, employment, residents, number of the unemployed, workforce, higher-productivity employment.

The article focuses on a pressing issue related with the regional development, that is the evaluation of social and economic efficiency of the development of the federal projects on creating both Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok in the Far East of the Russian Federation. The subject matter is the process of implementation of the Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok under the framework of social and economic development of constituent entities of the Russian Far East. The approach used in the article is based on the hypothesis that implementing the projects of the Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok does not contribute to considerable impact on the current social and economic development of the regions of Russia's Far East. The author gives a review of existing domestic and foreign perspectives on the analysis of the functioning of the Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok. Therefore, it is considered necessary to apply an integrated approach to this study. The author deals with statistics on various indicators of social and economic development of the constituent entities of the Russian Far East for the period of 2000-2016 in order to identify the level of adjustment to the general trend through the implementation of the analyzed projects, as well as systematizes and analyses data obtained and identifies the impact extent on social and economic development of the regions of the Far Eastern Federal District resulted from the implementation of projects of the Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok. The author provides the systematization of information from official web sites of government departments and institutions for the period of 2015-2017 and therefore comes to an agreement on the reliability of the hypothesis. The use of the systematized data and indicators identified in the article makes it possible to reveal and identify further patterns and changes in the dynamics of social and economic development of the regions of the Russian Far East, as well as to calculate and justify social and economic impact of the Territories of Advanced Social and Economic Development and Free Port of Vladivostok on the development of the Far Eastern regions. The article is the first phase of the multi-year outlook study.

References

1. D'yakov V.I. «Otkryt zakrytyj port Vladivostok»? // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2016. № 1 (74). S. 3-9.
2. Lazarev V.A. Klyucheveye aspekty svobodnogo porta: aziatskij opyt // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 10-1. S. 185-188.

3. Saltykov M.A., Sipachyova V.YU. Dal'nevostochnye promyshlennye territorii s osobym pravovym rezhimom: problemy privilecheniya investitsij // *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. EHkonomika i upravlenie*. 2016. № 2 (78). S. 25-36. DOI: 10.5281/zenodo.58321
4. Gorchakov V. V. Svobodnyj port Vladivostok: problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2015. № 4. S. 26–30.
5. Sergeev A. S. Modeli upravleniya morskimi portami v usloviyah svobodnogo rezhima kommercheskoj deyatel'nosti // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2015. № 2. S. 78–89.
6. Lysak E. D. Svobodnaya tamozhennaya zona morskogo porta Vladivostok // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2015. № 3. S. 29–34.
7. Holosha M. V., Gavrilov A. N. Osobennosti formirovaniya mezhportovoj konkurencii na primere portov yuga Primor'ya (2005-2010 gg.) // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2015. № 2. S. 90–97.
8. Samojlenko P. YU. Problemy integracii Rossii v ATR v kontekste imidzhevoj i investicionnoj privlekatel'nosti regionov Dal'nego Vostoka // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. -2015. № 4. S. 46–53.
9. Tebekin A. V., Bushueva T. N. Problemy sozdaniya territorij operezhayushchego social'no-ehkonomicheskogo razvitiya na baze regional'nyh klasterov ehkonomiki znanij // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2015. № 4. S. 31–45.
10. Savchenko A. E. Mezhdru «zhelaemym» i «vozmozhnym»: osobyje ehkonomicheskie zony na Dal'nem Vostoke v 1987-2015 gg. // *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 6. 2015. S. 83–91.
11. Avdeev YU. A. Svobodnyj port // *Klub direktorov*. 2016. №3. S. 4–5.
12. Krasova E.V., Ma Insin' Svobodnyj port Vladivostok: usloviya razvitiya, perspektivy, riski // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2015. № 6 (42). S. 108-122. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.6
13. Grivanov R.I., Gu F. K voprosu o roli vysokotekhnologichnogo proizvodstva v obespechenii uskorenno go razvitiya regiona: sudostroenie na Dal'nem Vostoke Rossii i realizaciya zakona o svobodnom porte Vladivostok // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2016. № 11-1. S. 166-170.
14. Vorozhbit O., Korneyko O. Freeport of Vladivostok as the Competitiveness Increase Tool for Russian Fish Export // *The Social Sciences*. 2016. V. 11. I. 16. Pp. 3962-3968. DOI: 10.3923/sscience.2016.3962.3968
15. Niyazova M.V. Svobodnye ehkonomicheskie zony Dal'nego Vostoka Rossii: aktual'nye voprosy tamozhennogo regulirovaniya // *Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik*. 2016. T. 2016. № 12. S. 43-59.
16. Avdeev YU.A. Svobodnyj port Vladivostok – za i protiv // *EKO*. 2017. № 2 (512). S. 5-26.
17. Izotov D.A. Dal'nij Vostok: novacii v gosudarstvennoj politike // *EHKO*. 2017. № 4. S. 27-44.
18. Niyazova M.V., Varavenko V.E. Funkcionirovanie territorij operezhayushchego razvitiya i svobodnogo porta Vladivostok v Primor'e // *Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik*. 2017. T. 2017. № 8. S. 15-23.
19. Niyazova M.V. Institucional'naya podderzhka obrazovatel'noj deyatel'nosti na territoriyah operezhayushchego razvitiya i svobodnogo porta Vladivostok // *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii*. 2016. № 4 (37). S. 152-158.
20. Holosha M.V. Razvitie transportnoj infrastruktury na Dal'nem Vostoke Rossii i novye idei i proekty dlya Primor'ya // *Proektirovanie razvitiya regional'noj seti zheleznyh dorog*. 2016. № 4. S. 62-72.
21. Abramov A.L., Matvienko N.N. Biznes-model' svobodnogo porta Vladivostok: ideya i puti realizacii // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2016. № 1 (74). S. 10-21.
22. Sen A. Ideya spravedlivosti / per. s angl. D. Kralechkina; nauch. red. perevoda V. Sofronov, A. Smirnov. M.: Izd-vo Instituta Gajdara; Fond «Liberal'naya Missiya», 2016. 520 s.

23. Ostanin V.A. EHeffektivnost' svobodnyh ehkonomicheskikh zon: na primere konkurentnyh preimushchestv modeli svobodnogo porta Vladivostok // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2016. № 4 (77). S. 27-42.

24. Ostanin V.A. Formirovanie ehffektivnoj sistemy upravleniya na territorii operezhayushchego razvitiya // Vestnik Habarovskoj gosudarstvennoj akademii ehkonomiki i prava. – 2015. № 4–5. S. 12–16.

25. Andreeva M.YU., Votinceva L.I., Chehn' Lehj. Prostranstvennye ehkonomicheskie sistemy Kitaya: ehmpiricheskie ocenki prioritetnyh modelej // Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii. 2015. № 3. S. 7–11.

For referencing:

Stetsyuk V.V. Ekonomicheskij analiz vliyaniya realizacii projektov Territorii operezhayushchego razvitiya i svobodnyj port Vladivostok na social'no-ehkonomicheskoe razvitie sub'ektov Dal'nego Vostoka Rossii [Economic Analysis to Estimate the Impact of the Territory of Advanced Development and Free Port of Vladivostok Implementation on Social and Economic Development of Constituent Entities of the Russian Far East]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 104–124.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

УДК 338.27

DOI: 10.17223/19988648/44/8

В.Н. Петрова, В.Н. Блинов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОШИБКИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПАТОЛОГИИ¹

Предпринимается попытка анализа специфики современного российского управления; дается описание основных проблем управления на материале результатов организационной диагностики сибирских компаний малого и среднего бизнеса; предлагаются рекомендации по формированию Vision и стратегии развития современной российской организации, вытекающие из специфики управления ею. Анализ специфики управления современной российской организацией проводится в рамках концепции жизненного цикла организации И.К. Адизеса, позволяющей выявлять организационные патологии и управленческие ошибки.

Ключевые слова: современное управление в России, практика управления малым и средним бизнесом, управленческие ошибки, организационные патологии, образ будущего (Vision), стратегическое управление, управление по целям и через образ будущего.

Специфика современного российского управления: подходы к исследованию

Современная модель так называемого «научного менеджмента» в ее нынешнем виде сформировалась в основном на Западе в XX в. В это же время в России система управления разрушалась неоднократно – в начале, середине и конце столетия, а в промежутке развивалась в относительной изоляции от остального мира. В результате этого, по мнению некоторых авторов [1–3], сложилась самобытная российская модель управления, обусловленная национальными, социокультурными и историческими особенностями страны.

На наш взгляд, и это основная гипотеза нашего исследования, – эта модель предполагает либо слепое копирование, либо отказ от учета мирового

---

¹ В статье также использованы материалы дипломных работ и магистерских диссертаций, выполненных на кафедре управления образованием факультета психологии Томского государственного университета под руководством В.Н. Блинова: Комаровой Т., Лебедевой Е., Мальгота Б., Марченко Ю., Старовойтова И. Пользуясь случаем, выражаем им всем благодарность.

опыта, что вносит свой значимый вклад в проблему затяжного управленческого кризиса в России и низкой конкурентоспособности национальной экономики и государства в целом.

При этом специфика управления в России описана недостаточно полно, само ее существование часто оспаривается, а поэтому научные подходы к ее описанию и оптимизации (в том числе и с целью разработки оптимальной кадровой стратегии организации) еще предстоит разработать. Большинство публикаций на эту тему содержит разрозненные описания опыта внедрения изменений в систему управления отдельных организаций [4–7]. Хотя следует отметить, что за последний год появилось несколько публикаций, посвященных взаимодействию бизнеса и власти в России [8, 9].

Современная специфика управления в России нам представляется во многом эклектичной: трудно описать ее принципиальные, основные методологические принципы и положения [10]. Для этого необходимо переходить от уровня самоуничижительных сетований на особенности российского разгильдяйства к системному выявлению как слабых, так и сильных сторон национальной специфики управления, их рациональному применению и поиску методов оптимизации.

Поэтому целью своих научных изысканий по данной проблематике мы считаем движение от уровня вербального описания впечатлений о национальных особенностях российского управления к выявлению тенденций, построению гипотез, а затем переход и к статистическому анализу больших массивов данных для их проверки, собранных одинаковыми методами и позволяющих оценить достоверность тенденций.

Настоящая статья преследует задачу привлечения внимания к описанию особенностей российского управления и вытекающей из него специфики кадровой политики в организации для консолидации усилий исследователей.

В статье рассматриваются результаты анализа опросов более 230 управленцев, проводившихся в 2007–2016 гг. Эмпирическую базу исследования составили 24 сибирских предприятия малого и среднего бизнеса сферы оптовой и розничной торговли, производства товаров и услуг. Это организации разного уровня: среднего (100–300 чел.), малого (15–100 чел.) и мелкого (до 15 чел.) бизнеса. Все эти предприятия на момент исследования находились в нормальном, платежеспособном состоянии и обратились за консультационными услугами с запросом на дальнейший рост и развитие бизнеса.

Основные понятия

Исходя из того, что целью нашего исследования являлась именно проблематизация тематики управления современной российской коммерческой организацией, анализ специфики управления проводился нами в рамках концепции жизненного цикла организации И.К. Адизеса, позволяющей выявлять организационные патологии и управленческие ошибки.

Сергей Борисович Чурюмов, директор Центра мобилизационного консалтинга «Оргстрим», говорит, что «в большинстве случаев губят бизнес

не конкуренты и не кризисы, губят бизнес ошибки руководителей. Кажется, что про это написано уже так много, что все все знают, однако... управленцы продолжают с завидным упорством наступать на одни и те же грабли...» [11].

В данном исследовании мы будем вслед за И.К. Адизесом считать организационными патологиями *причины застревания организации на каком-либо этапе жизненного цикла либо ее преждевременного старения* [12], а также вслед за А.И. Пригожиным *причины устойчивого недостижения целей* организации [13]. Соответственно в качестве диагностических инструментов мы используем концепцию жизненного цикла организации И.К. Адизеса и накопленную А.И. Пригожиным коллекцию организационных патологий и управленческих ошибок.

Рис. 1. Жизненный цикл организации, по И.К. Адизесу

Коллекция управленческих ошибок сгруппирована по их причинам: «предубеждения», «незнания», «неумения», «дисфункциональные склонности» и «управленческие иллюзии», всего 32 типичные ошибки. Коллекция организационных патологий также сгруппирована по их причинам, корнящимся в организационной структуре или организационных отношениях, всего 13 формулировок.

Под *организационными проблемами* в ходе интервью руководителей мы понимали разрыв между целями организации и реальной ситуацией. Под *организационной культурой* – совокупность «интегральных» характеристик организации (ее ценностей, паттернов поведения, способов оценки результатов деятельности), данной в языке определенной типологии, в нашем случае – типологии К. Кэмерона и Р. Куинна [14].

Формирование выборки и ход исследования

Эмпирические материалы были собраны в ходе консультационных проектов по организационной диагностике. Все эти проекты включали как минимум:

1. Проективный рисунок «образа организации», переходящий в ассоциативный эксперимент, в котором обсуждались изображения как метафоры, а также рисунок «крестовина», по четырем осям которой испытуемые отмечали преобладающие в организации векторы затрат сил и энергии.

2. Анализ управленческих решений, при котором группа экспертов наблюдала за тем, как принимаются решения, а также выявляла соотношения различных контекстов решений, зафиксированных в распорядительной документации.

3. Структурированное интервью собственников и топ-менеджеров, направленное на выяснение представлений о целях, Vision (образе будущего), конкурентных преимуществах организации, ее положении в жизненном цикле, бизнес-процессах и организационных проблемах.

4. Анонимное анкетирование управленцев с целью выявления типа организационной культуры, основных управленческих ошибок и организационных патологий. В наших анкетах по управленческим ошибкам и организационным патологиям мы просили по предложенному списку, сложившемуся из практики, отметить опасные для любой организации (в графе «Общие») и имеющиеся в данной компании (в графе «Частные»).

5. Групповой дискурс с участием собственников и топ-менеджеров с целью анализа структуры проблемного поля организации.

Ниже мы приводим самые распространенные из выявленных в разных организациях слабых сторон управления, их «верхний слой», планируя более детальный анализ в последующих публикациях.

Анализ практики управления в сибирских компаниях малого и среднего бизнеса

Типичные управленческие ошибки в организациях (по результатам организационной диагностики) следующие.

В малом (рис. 2) и среднем бизнесе (рис. 3) среди «общих проблем», свойственных всем российским организациям, чаще всего называют:

- «отношение к работе над стратегией развития организации и стратегией кадровой политики как занятию абсолютно непрактичному»;
- «демотивирующий стиль руководства...»;
- «склонность видеть проблемы вне организаций»;
- «незнание управленческих технологий и отсутствие анализа ситуаций».

Таким образом, проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что одной из основных проблем управления современной российской организацией является отсутствие анализа среднесрочной и отдаленной

временной перспективы организации и, соответственно, преобладание деятельности в рамках краткосрочной временной перспективы. К тому же в большинстве диагностированных нами организаций работа с целями не поставлена вообще, руководители не используют этот мощный организационный ресурс, причем целеполагание отсутствует даже в относительно больших организациях, как, например, торговой сети регионального значения [15].

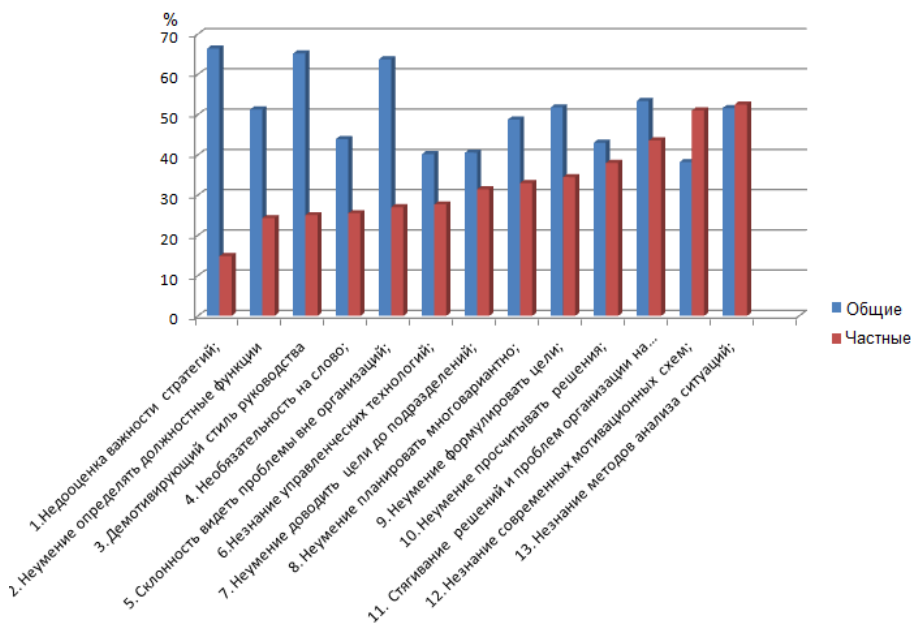

Рис. 2. Типичные управленческие ошибки в организация малого бизнеса: «общие» – опасные для любой организации и «частные» – имеющие место в диагностированной компании. По вертикальной оси отложена доля управленцев организаций, отметивших данную ошибку в анкете

Среди «частных» проблем, т.е. проблем, наличие которые управленцы признают за собой (а это всегда психологически труднее, поэтому таких проблем в среднем вдвое меньше), чаще всего указываются:

- незнание методов анализа ситуаций и современных мотивационных схем;
- боязнь делегировать полномочия.

Именно данные управленческие ошибки, на наш взгляд, приводят к формированию чрезмерно жесткой, негибкой и неэффективной кадровой политики организации, обусловленной низкой мотивацией персонала в целом и снижающей эффективностью его деятельности.

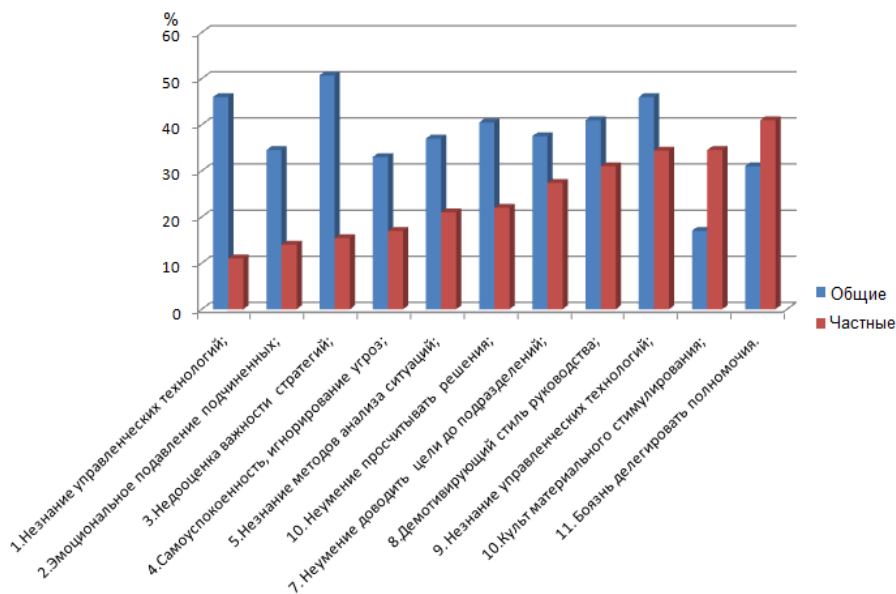

Рис. 3. Наиболее часто упоминаемые управленческие ошибки в организации среднего бизнеса

Вообще во многих формулировках управленческих ошибок, как мы видим, проявляется тенденция, которую А.И. Пригожин¹ сформулировал так: «восприятие персонала как технологического элемента» бизнеса.

Среди организационных патологий в малом и среднем бизнесе наиболее часто испытываемые отмечают:

- «стагнацию» (неспособность организации к изменениям);
- «господство структуры над функцией»;
- «инверсию» (когда результаты управленческих решений обратны ожидаемым);
- «бюрократию» (формальное отношения к делу как признак преждевременного старения организации);
- «неуправляемость», которая проявляется в низкой осуществляемости управленческих решений и рассогласованности действий;
- «бессубъектность» (когда работники не берут на себя ответственность или не желают оттого, что нет мотивации, или не могут оттого, что нет полномочий) (рис. 4, 5).

Отметим, что такая совокупность патологий означает, что в компаниях сильна внутренняя дезинтеграция. Как организации они «рыхлые», слабо сформированные – находятся на стадии групп людей, не объединенных общими целями и ценностями. Логическим следствием отмеченных патологий является стагнация – как неспособность организации к изменениям,

¹ Личное сообщение в дискуссии с В.Н. Блиновым.

к развитию, а также ранняя бюрократизация – симптом преждевременного старения.

Судя по ряду признаков, таких как сосредоточенность всей полноты реальной власти в руках первого руководителя (обычно он же и собственник), низкая осуществляемость управленческих решений, ориентации на рост продаж и др., многие компании находятся на переходе от стадии «дай-дай», где основная цель – наращивание клиентской базы и продаж, к стадии «юность», где главной целью становится прибыль. Однако диагностика обнаруживает, что признаки стабилизации, аристократизации и бюрократизации в организациях тоже присутствуют как симптомы преждевременного старения.

Это проявление феномена низкой управляемости, а поэтому низкой эффективности и конкурентоспособности отечественных компаний. Но вот причины у каждой из патологий свои, мы их уже анализировали [16].

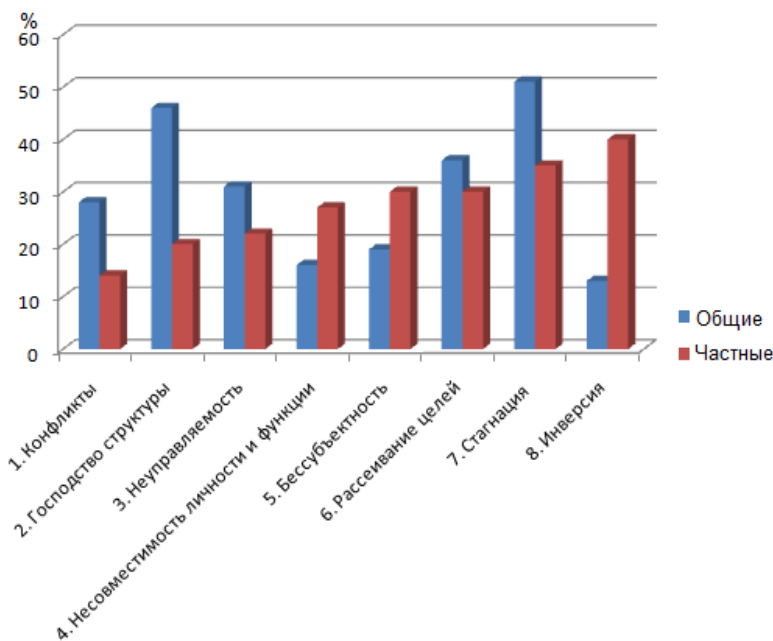

Рис. 4. Наиболее часто упоминаемые организационные патологии в организациях малого бизнеса

Те патологии, которые были отмечены у исследуемых компаний, являются признаками аномального развития организации – кризиса менеджмента, известного как феномен «ловушка основателя». Ее источники в следующем:

– боязнь собственника потерять бизнес, недоверие наемному менеджменту;

- патернализм российских руководителей;
- «бессубъектность» управленческого персонала (термин А.И. Пригожина);
- наследие эпохи командно-административного «репрессивного» управления;
- отсутствие национальной модели менеджмента, что порождает скептицизм собственника по отношению к наемным управленцам.

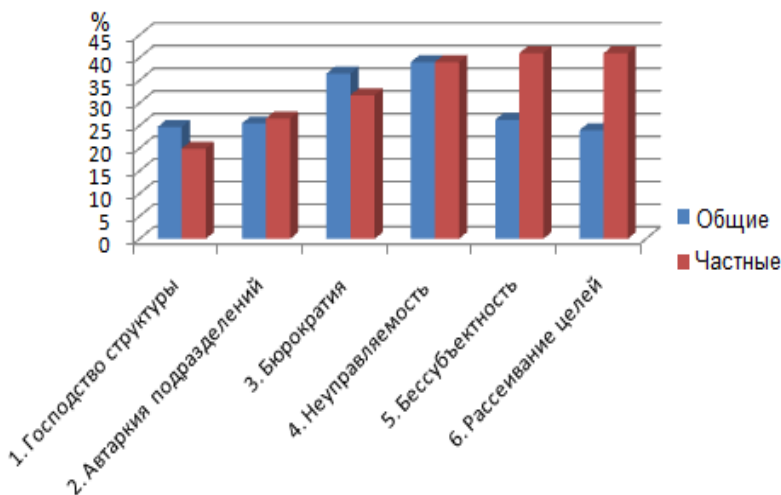

Рис. 5. Наиболее часто упоминаемые организационные патологии в организациях среднего бизнеса

Проявляется это в том, что управление всеми процессами в организации сосредоточено в одних руках – руках собственника, который по мере роста организации все хуже справляется с потоком управленческих задач (отсюда – «стагнация»). Причина – «предпринимательская» функции владения не отделена от функции административного управления, административная функция не передается наемному менеджменту. Сотрудники не могут самостоятельно принимать решения (отсюда «бессубъектность»). Наличие такого рода патологий в компании в конечном итоге приводит к невозможности гибко реагировать на изменяющиеся условия (отсюда «стагнация»).

Попав в «ловушку основателя», компания не может преодолеть внутренний кризис менеджмента и достичь мечты любого предпринимателя – стадии расцвета в своем жизненном цикле, да и расти будет все медленнее. При этом внешние шоки в виде каких-либо локальных или периодических финансово-экономических кризисов каждый раз отбрасывают компанию на один этап жизненного цикла. В итоге такие компании «болтают» между тремя этапами цикла – от «младенчества» до «юности», периоды роста чередуются с периодами спада, нередко схлопывания – вплоть до банкрот-

ства. При этом, по мнению И.К. Адизеса, основанному на его 40-летнем опыте консультирования в десятках стран мира, самостоятельно выбраться из «ловушки основателя» без помощи внешних консультантов компания, как правило, не может.

Трагично то, что многие консультанты, работающие в близком к нам методологическом пространстве, считают, что в «ловушке основателя» находится сейчас в России большинство компаний малого и среднего бизнеса, возникших в постсоветский период. Согласно исследованию Г.В. Широковой, на той стадии, на которой должна произойти передача полномочий профессиональному менеджменту, только 8% российских компаний удается избежать этой «ловушки» [17].

Здесь мы согласны с мнением А.П. Прохорова, что с управленческой точки зрения российский бизнес в настоящий момент находится еще на стадии «до революции менеджеров», до разделения функций владения и управления [1]. И это может быть одной из причин развивающейся сейчас экономической депрессии в России.

Выводы

Таким образом, в результате анализа управленческих ошибок, организационных патологий, положения в жизненном цикле, организационной культуры и проблемного поля организаций в практике управления сибирскими организациями малого и среднего бизнеса нам удалось выделить такие основные проблемы управления организациями и вытекающие из них сложности управления, как:

- Неразвитость стратегического управления и управления по целям и через образ будущего (Vision).
- Низкая управляемость.
- Авторитарно-репрессивное сознание и стиль поведения лидеров.
- Нежелание управленцев признавать свои ошибки и брать на себя ответственность.
- Сочетание низкого уровня и фрагментарности управленческого образования лидеров с представлением о его необязательности.
- Невостребованность управления по ценностям.
- Слабая клиенториентированность при «зацикленности» организации на себе.
- Неотрефлексированность причинно-следственных связей организационных проблем.
- Синдром «ловушки основателя».

Таким образом, подводя итоги, мы можем отметить следующую парадоксальную особенность современной практики управления в организациях малого и среднего бизнеса – на уровне сознания большинство собственников и топ-менеджеров демонстрируют понимание современных подходов к достижению эффективности в управлении на рациональном уровне.

На уровне же спонтанного поведения наблюдается использование малоэффективных, устаревших, не соответствующих реалиям жизни подходов. Такое противоречие затрудняет возможность быстрого изменения ситуации в управлении, делает ее ригидной.

Литература

1. Прохоров А.П. Русская модель управления. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2017. 496 с.
2. Иванов М.А., Шустерман Д.М. Организация как ваш инструмент. Российский менталитет и практика бизнеса. М.: Альпина паблишер, 2003. 379 с.
3. Лобуков В.Г. Проект «Управление в России» // Доклад «Российская модель управления» 25 июня 2012 года в Институте философии РАН. URL: <http://lobukov.ru/?p=222> (дата обращения: 12.02.2014).
4. Tchouikina S. The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s-2000s // Journal of Arts Management, Law and Society. 2010. Vol. 40. P. 76–91.
5. Dirani K.M., Ardichvili A. Human capital theory and practice in Russian enterprises / John J. Lawler, Greg Hundley (ed.) The Global Diffusion of Human Resource Practices: Institutional and Cultural Limits (Advances in International Management) // Emerald Group Publishing Limited. 2008. Vol. 21. P. 125–144.
6. Morris M., Shirokova G., Shatalov A. The Business Model and Firm Performance: The Case of Russian Food Service Ventures // Journal of Small Business Management. 2013. Vol. 51. P. 46–65.
7. Trutt A. The Essence and Main Directions of Human Resource Management in the Russian Organizations // Rossiiskii akademicheskii zhurnal. 2014. Vol. 28 (2). P. 2221–2244.
8. Бажина А.А. Модели взаимодействия государства и бизнеса в России и за рубежом // Научные достижения и открытия современной молодежи : сборник статей победителей Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 562–565.
9. Девлетов О.У. Бизнес и власть в условиях современной России: модель эффективного управления // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1, № 3(7).
10. McCarthy D., Puffer S. Corporate Governance in Russia: towards a European, US, or Russian Model? // European Management Journal. December 2002. Vol. 20, is. 6. P. 630–640.
11. Чурюмов С.Б. Типичные управленческие ошибки российских руководителей. URL: <http://www.e-xecutive.ru/career/adviser/1407292/?ID=1407292> (дата обращения: 02.07.2018).
12. Адизес И. Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 368 с.
13. Пригожин А.И. Методы развития организации. М. : МЦФЭР, 2003. С. 94–105.
14. Базаров Т.Ю. Управление персоналом : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
15. Блинов В.Н., Лебедева Е.А., Нужина Н.И. Характеристика процесса целеполагания в организации // Высшая школа. 2015. № 1. С. 14–15.
16. Блинов В.Н., Марченко Ю.А. Наиболее актуальные организационные патологии сибирских компаний среднего бизнеса (по материалам организационной диагностики) // Качество – стратегия XXI века : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 8–9 декабря 2010 г. Томск, 2010. С. 65–73.
17. Широкова Г.В. Характеристика стадий жизненного цикла российских организаций, созданных с нуля // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5, № 4. С. 22.

Petrova V.N., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: valerpsy@mail.ru

Blinov V.N., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: blinovvn@bk.ru

ACTUAL SMALL AND MEDIUM BUSINESS MANAGEMENT PRACTICES IN RUSSIA: TYPICAL MANAGEMENT MISTAKES AND ORGANIZATIONAL PATHOLOGY

Keywords: small business in Russia, management mistakes, organizational pathology, Vision, strategic management, management by objectives and Vision.

Management culture in Russia has been repeatedly destroyed at the beginning, in the middle and at the end of the 20th century and developed in isolation. The main hypothesis of this study is that there are two types of management model in Russia: blind copy or rejection of management world experience using. This is one of the main reason of protracted management crisis.

This article analyzes the results of a survey of 230 senior managers of 24 small Siberian enterprises in 2007–2013. All of these enterprises were financially solvent and asked for advisory services for the purpose of further growth and development of their businesses.

Under the organizational pathologies, we understand the reasons why organizations are stuck in a certain stage of their development or age prematurely and the reasons why organizations do not achieve their goals. The surveys were based on the questionnaires and the lists of management mistakes and organizational pathologies determined by A.I. Prigozhin during his consulting practice.

The most common management mistakes are: “regarding the work on the organizational development strategy and Vision to be ineffective”; “demotivating management style”; “tendency to see the problem outside the organization”; “ignorance of the management techniques and absence of case analysis”; • “ignorance of the case study methods and modern motivation schemes”; “fear of managers to delegate authority.” The common reason for these mistakes lies in the fact that managers consider employees to be a technological element of business. The most common organizational pathologies are: “stagnation” (inability of an organization to change); “domination of structure over function”; “inversion” (when the results of the managerial decisions become counterproductive); “bureaucracy” (formal employee moral as a sign of premature aging of the organization); “ungovernability” (when the managerial decisions are not fully complied with and corporate operations are uncoordinated); “subjectless” (when employees do not take the responsibility or do not want to take it, because of the lack of motivation, or when they cannot take it, because of the lack of authority). It is obvious that companies are strongly disintegrated inside themselves. They are sick and their sickness results in stagnation. The pathologies registered in the studied companies are representative of the crisis management, a phenomenon known as the “founder’s trap”. The sources of this phenomenon include: • The fear of losing business, distrust of the owner of hired managers; Lack of Vision and chaotic development. • Paternalism of Russian managers; “Subjectless” of the managerial staff (the term of A.I. Prigozhin); The legacy of the era of the “repressive” command-and-control management; Lack of the model of national management that generates skepticism of the owner towards the hired managers; This is proved by the fact that the organization of all the activities of the business is completely dependent on the owner’s decision. Therefore, Russian small and medium business remains at the stage preceding “the management revolution” – the division of ownership and management functions. The paradox of this is that subconsciously the majority of the owners understand modern approaches to efficient management, but in actual practice continue to use the outdated methods.

References

1. Prohorov A.P. *Russkaya model' upravleniya*. M.: Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva, 2017. 496 s.

2. Ivanov M.A., SHusterman D.M. Organizaciya kak vash instrument. Rossijskij mentalitet i praktika biznesa. M.: Al'pina publisher, 2003. 379 s.
3. Lobukov V.G. Proekt "Upravlenie v Rossii" / Doklad «Rossijskaya model' upravleniya» 25 iyunya 2012 goda v Institute Filosofii RAN [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa <http://lobukov.ru/?p=222> (data obrashcheniya: 12.02.14).
4. Tchouikina S. The Crisis in Russian Cultural Management: Western Influences and the Formation of New Professional Identities in the 1990s-2000s. // Journal of Arts Management, Law and Society. 2010. Vol. 40. P. 76–91.
5. Dirani K. M., Ardichvili A. Human capital theory and practice in Russian enterprises // John J. Lawler, Greg Hundley (ed.) The Global Diffusion of Human Resource Practices: Institutional and Cultural Limits (Advances in International Management).- Emerald Group Publishing Limited, 2008, Volume 21. P. 125–144.
6. Morris M., H, Shirokova G., Shatalov A. The Business Model and Firm Performance: The Case of Russian Food Service Ventures // Journal of Small Business Management, ISSN 0047-2778, 01/2013, Vol. 51. P. 46–65.
7. Trutt A. The Essence and Main Directions of Human Resource Management in the Russian Organizations // Rossiiskii akademicheskii zhurnal, 2014. Vol. 28 (2). P. 2221-2244.
8. Bazhina A.A. Modeli vzaimodejstviya gosudarstva i biznesa v Rossii i za rubezhom // Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodyozhi. Sbornik statej pobeditelej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2017. S. 562–565.
9. Devletov O.U. Biznes i vlast' v usloviyah sovremennoj Rossii: model' ehffektivnogo upravleniya // Biznes i dizajn revyu. 2017. T. 1. № 3(7). S. 3.
10. McCarthy D., Puffer S. Corporate Governance in Russia: towards a European, US, or Russian Model? // European Management Journal, Volume 20, Issue 6, December 2002. P. 630–640.
11. CHuryumov S.B. Tipichnye upravlencheskie oshibki rossijskih rukovoditelej. [EHlektronnyj resurs]. <http://www.e-xecutive.ru/career/adviser/1407292/?ID=1407292> (data obrashcheniya: 02.07.18).
12. Adizes I. Upravlyaya izmeneniyami. Kak ehffektivno upravlyat' izmeneniyami v obshchestve, biznese i lichnoj zhizni. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. – 368 s.
13. Prigozhin A.I. Metody razvitiya organizacii. M.: MCFEHR, 2003. S. 94-105.
14. Bazarov T.YU. Upravlenie personalom: uchebnoe posobie. M.: YUNITI-DANA, 2015. S. 67.
15. Blinov V.N., Lebedeva E.A., Nuzhina N I. Harakteristika processa celepolaganiya v organizacii. // Vysshaya shkola. 2015. № 1. S. 14-15.
16. Blinov V.N., Marchenko YU. A. Naibolee aktual'nye organizacionnye patologii sibirskih kompanij srednego biznesa (po materialam organizacionnoj diagnostiki) // Kachestvo – strategiya XXI veka: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tomsk, 8–9 dekabrya 2010 g. Tomsk, 2010. S. 65-73.
17. SHirokova G. V. Harakteristika stadij zhiznennogo cikla rossijskih organizacij, sozdannyh s nulya // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2007. Tom 5, №4. S. 22.

For referencing:

Petrova V.N., Blinov V.N. Sovremennaya rossijskaya praktika upravleniya organizაციyami malogo i srednego biznesa: upravlencheskie oshibki i organizacionnye patologii. [Actual small and medium business management practices in Russia: typical management mistakes and organizational pathology]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 125–136.

УДК 331.55

DOI: 10.17223/19988648/44/9

Н.З. Сотников

ДИАЛЕКТИКА ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРЫ БАНКОВСКИХ РАБОТНИКОВ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МОДУС

В статье рассматриваются результаты научных изысканий процессов формирования, развития и разрушения деловой карьеры в банковских организациях г. Новосибирска в период 2010–2016 гг. Гипотеза исследования состоит в том, что социально-экономический модус деловой карьеры определяет механизмы локализации и утверждения конкурентного превосходства как работника, так и банковской организации в рыночной ситуации. Познание социально-экономического модуса деловой карьеры банковских работников позволило выявить стратегические альтернативы деловой карьеры.

Ключевые слова: деловая карьера, социально-экономический модус, банковский персонал, конкурентоспособность персонала, интенсивность карьеры.

Вектор реиндустриализации российской экономики связан со сменой парадигмы развития банковского сектора: от стремления расширять банковский бизнес за счет агрессивных маркетинговых технологий к повышению качества банковских активов, от продукто- к клиентоориентированной идеологии. В условиях возрастания роли знаний в банковском бизнесе, который все больше базируется на идеях и брендах, коренная трансформация ценностей, мировоззренческих и идеологических установок выдвигает на первый план важнейшую экономическую проблему формирования конкурентоспособного персонала коммерческого банка. Без профессионально подготовленного и лояльного персонала невозможно повысить качество активов, сократить масштаб сомнительных операций проблемных банков в короткие сроки на фоне нестабильной экономической ситуации, не допустить полномасштабного кризиса доверия.

В условиях высокой сложности, неопределенности и динамичности окружающей социально-экономической среды, становления «прозрачного» мирового рынка традиционные методы повышения эффективности труда такие, как рационализация и автоматизация бизнес-процессов, поиск талантов (охота «за головами»), зачастую не приводят к повышению конкурентоспособности человеческих ресурсов. Для того чтобы быть конкурентным в этой среде, необходимо создание условий для постоянного стремления работника к осознанному формированию долгосрочного превосходства над работниками-конкурентами, преумножения его конкурентных компетенций посредством деловой карьеры.

Для теоретико-методического осмысления механизма формирования конкурентоспособности банковского персонала первостепенное значение

имеет познание параметров состояния и характеристик социально-экономического модуля деловой карьеры, который позволит сформировать стратегический потенциал рынка труда банковского сектора.

Деловая карьера работника как объект изучения находится в центре внимания советской, российской и зарубежной науки не один десяток лет. Интерес к изучению этого процесса, его масштабов, интенсивности и факторов не случаен, поскольку в нем наиболее ярко выражаются многие важные процессы социальной мобильности рабочей силы, которые происходят постоянно и отражают динамизм рынка труда.

Деловая карьера в литературе рассматривается как комплексная, открытая и целостная система, представляющая высшую степень единства взаимосвязанных между собой трех субстанций.

Во-первых, деловая карьера предстает как фактор достижения личных успехов и опережения других работников-конкурентов, стремящихся к идентичным целям [1]. Результатом достижения личных успехов и опережения работников-конкурентов в потоке социальной жизни является сохранение достигнутого работником качества трудовой жизни и возвышение его, сопряженное «с увеличением заработной платы, уровнем должностных прав и обязанностей, степенью самостоятельности и ответственности» [2. С. 54].

Во-вторых, деловая карьера предстает как функция социальной мобильности [3–7]. Социальная мобильность проявляется как «системное явление, отражающее объективную сторону процесса социализации индивида (содержание и направления социально-экономической, образовательной, культурной политики, а также функции, принципы, задачи в управлении обществом, законодательные, нормативно-правовые, организационные, поведенческие и иные условия социального бытия) и субъективную (комплекс основных личностных качеств, также определяющих содержание и направление социальной мобильности)» [8. С. 93].

В-третьих, деловая карьера предстает как деятельность по позиционированию работника в иерархической стратифицированной системе разделения труда [9; 10. С. 11–13]. Позиционирование на рынке труда может быть как личностно-профессиональным, т.е. локализация (фиксация) и закрепление определенного статуса (положения) и роли работника в профессиональной сфере деятельности в соответствии с его знаниями, умениями, навыками, установками; так и статусно-должностным, т.е. обретение социальных и материальных достижений в конкретных внеорганизационной и внутриорганизационной реальностях, воспринимаемое как объективная серия статусов и четко определенных должностей, ролей, состояний материального благополучия и т.п. [14–16]. Позиционирование позволяет работнику получить личностно-значимые выгоды в различных жизненных и трудовых ситуациях через систему социальных отношений (т.е. прав, обязанностей и ответственности) в изменяющихся условиях рыночного разделения труда.

Итак, деловая карьера представляет процесс конкурентного позиционирования работника в рыночной системе разделения труда, способствующий сохранению или улучшению качества трудовой жизни на основе социальной мобильности в изменяющихся условиях внутри- и внеорганизационной реальности.

Карьера работников коммерческого банка осуществляется в экономически, социально и психологически непростых, жестко формализованных условиях. Основанием для карьеры, перемещений в карьерном пространстве являются единые официально и неофициально принятые в конкретном банке требования для достижения определенных ступеней профессионально-должностного ряда. Содержание оснований для карьеры обусловлено необходимостью наиболее полного удовлетворения рыночной потребности в труде, преумножения интеллектуального капитала банковской организации и защиты бизнес-деятельности от стагнации.

Официальными основаниями для деловой карьеры являются требования квалификационного лицензирования профессии банковского работника, предусматривающие защиту работодателя от некомпетентных наемных работников. Они формализованы и жестко структурированы. Это официальные формальные квалификации, предполагающие наличие специфических навыков и компетенций, которые в принципе не могут быть реализованы за пределами банковского сектора; достаточные действительные квалификации, подтвержденные опытом банковской работы; специальный профессиональный язык и специфический способ восприятия реальности; обязательная последовательность в прохождении работником всех уровней служебно-должностной иерархии, предусматривающая динамику объема и роли организационных, оперативных и стратегических функций профессиональной деятельности.

Неофициальные основания для карьеры банковского работника представляют собой принятые в конкретном банке морально-этические принципы, нормы и правила человеческих взаимоотношений относительно личностно-профессионального и статусно-должностного позиционирования, согласующиеся с социокультурным этносом и кадровой политикой организации, политикой Центрального банка РФ. Эти основания формируются под влиянием, как правило, закрытого типа корпоративной культуры банка и транслируются через формирование сети филиалов и отделений по территориальному принципу.

В рамках научных изысканий процессов формирования, развития и разрушения деловой карьеры было проведено маркетинговое исследование ее социально-экономического модуса в банковских организациях г. Новосибирска в период 2010–2016 гг., результаты которого представляются репрезентативными для понимания исследуемого феномена. Целью исследования является познание социально-экономических закономерностей деловой карьеры в зависимости от конкурентной позиции банковских организаций на рынке труда. Исследование модуса деловой карьеры призвано идентифицировать и прогнозировать благоприятные возможности и опас-

ности, которые могут возникнуть при достижении конкурентного превосходства работников и банковских организаций на рынке труда в целях наиболее полного удовлетворения их социально различных интересов в качестве трудовой жизни.

Как показало проведенное исследование, осознание социально-экономического модуса деловой карьеры у каждого работника происходит через призму целей, желаний, установок, связанных с его трудовым опытом и деятельностью вне работы: оно сугубо личное, зависящее от специфики личной жизни и профессиональной деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какой смысл вы вкладываете в понятие “деловая карьера”?» (% работников, которые отметили данный ответ)*

Деловая карьера – это...	Доля ответов, %
Достижение достойного и повышение материального благополучия для себя и своих близких	67,8
Обладание комфортными условиями труда (работа в чистой здоровой обстановке, а также наличие кабинета, личного автомобиля и т.п.)	40,5
Формирование благоприятных межличностных отношений с руководителями, коллегами, подчиненными	44,7
Уважение и известность в организации	53,4
Процесс профессионального роста компетентности работника	57,8
Достижение успеха, видного положения в обществе, на служебном поприще	68,3
Достижение превосходства над другими людьми	70,1
Работа не по стандарту, творчески, создание нового	45,4
Развитие работника, которое не вступает в противоречие с его стилем жизни	43,2
Деятельность, которая в полной мере позволяет реализовать трудовой потенциал	55,6
Признание заслуг в труде	52,1
Гарантия постоянной работы, стабильность положения	44,6

* Разработано автором.

Для большинства банковских работников карьера – это процесс служебно-должностного позиционирования в организационной реальности: достижение превосходства над другими людьми (70,1%), путь к успеху, видному положению в обществе, на служебном поприще (68,3%), признание заслуг в труде (52,1%).

Не менее характерно для банковских работников восприятие карьеры как личностно-профессионального позиционирования в организационной среде: профессиональный рост компетентности работника (57,8%), который не вступает в противоречие с его стилем жизни (43,2%) с тем, чтобы осуществлять профессиональную деятельность не по стандарту, творчески, создавать новое (45,4%), в полной мере реализовывать трудовой потенциал (55,6%) и повышать свою ценность и репутацию в организации (53,4%).

Карьера для работника нередко воспринимается и как способ удовлетворения меркантильных потребностей типа достижения материального

благополучия (67,8%), улучшения условий труда (40,5%), формирования благоприятных межличностных отношений в трудовом коллективе (44,7%), гарантий постоянной работы и стабильности положения (44,6%).

Не трудно заметить, что социально-экономический модус карьеры связан с достижением неких личных успехов в виде более или менее четко определенных позиций, должностей, статусов, ролей, воспринимаемых как результат сохранения или улучшения качества трудовой жизни посредством обретения чувства превосходства над другими работниками. При этом существуют различия в понимании модуса деловой карьеры у работников в зависимости от организационной стратегии (табл. 2).

Таблица 2. Различия в понимании смысла деловой карьеры работниками банковских организаций с различными стратегиями развития (по результатам анкетирования банковских работников), % от общей численности респондентов*

Тип стратегии	Деловая карьера – это		
	служебно-должностное позиционирование	лично-профессиональное позиционирование	удовлетворение меркантильных потребностей
Предпринимательская	18	61	21
Прибыльности	28	25	47
Динамического роста	67	22	11
Циклическая	24	54	22
Ликвидационная	25	23	52

* Разработано автором.

Так, наиболее часто работниками в банках со стратегией динамического роста карьера рассматривается в контексте служебно-должностного позиционирования (67%). Для этих работников карьера предстает как серия переходов с одного рабочего места (должностной позиции) на другое, способствующих динамике влияния, власти, авторитета, статуса в организационной среде. Продвижение по службе, расширение функционала в организации гармонизируются и ускоряются посредством обучения новым технологиям, переквалификации и подготовки к старту новой карьеры.

Занятыми в банках с предпринимательской (61%) и циклической (54%) стратегиями карьера рассматривается как овладение разнообразными навыками, компетенциями, дополняющими и развивающими их, т.е. карьерная траектория напрямую связана с лично-профессиональным позиционированием. Зачастую эти работники «зацикливаются» на обучающем аспекте карьеры и совершают одну и ту же типичную ошибку, рассматривая обучение как самоцель, а не как инструмент для совершенствования внутриорганизационного позиционирования и повышения своей конкурентоспособности.

Работники в банках со стратегией прибыльности (47%) и ликвидационной стратегией (52%) нередко воспринимают карьеру как способ защитить собственный статус и доходы, связанные с выполняемой деятельностью в организации. Эти сотрудники вполне лояльны к организации, но проблема

заключается в том, что велик риск достижения ими так называемого «плато карьеры» или «карьерного дауншифтинга», когда сотрудники профессионально «перерастают» свои должностные позиции.

Итак, социально-экономический модус деловой карьеры, описывая стратегические альтернативы улучшения конкурентных позиций на рынке труда, предстает как целостная система элементов позиционирования работником себя в потоке социальной жизни, обеспечивающего ему локализацию и утверждение конкурентного превосходства посредством, во-первых, механизма профессиональной карьеры работника, создающего условия для профессионального развития и предполагающего непрерывное воспроизводство конкурентных преимуществ на протяжении рабочей жизни каждого работника. Во-вторых, механизма организационной карьеры, связанного со служебно-должностным позиционированием конкурентных преимуществ работника в стратифицированной системе разделения труда с учетом внутри- и внеорганизационной реальностей. Социально-экономический модус деловой карьеры в банках призван синхронизировать профессиональную и организационную карьеру с целью защиты банковской деятельности от застоя.

Характерной особенностью модуса деловой карьеры банковских работников является то, что интенсивность профессиональной карьеры выше интенсивности организационной при всех стратегиях развития банков, за исключением ликвидационной (табл. 3). Следует заметить, ситуация при ликвидационной стратегии развития банка оправдана, поскольку связана с постепенной утратой конкурентных позиций организацией на рынке труда, а следовательно, ухудшением важнейших социально-экономических показателей ее деятельности.

Организационная карьера представляет собой диалектическое единство межорганизационной и внутриорганизационной.

Межорганизационная карьера предполагает перемену рабочего места, сопровождаемую переходом работника из одной организации (филиала) в другую, связанным с изменением либо профессиональной позиции работника, либо его должностной позиции, либо уровня конкурентоспособности самой организации, либо ее территориального расположения [17]. Эта карьера, с одной стороны, расширяет возможности банка-работодателя в привлечении работников, овладевших разнообразными навыками, компетенциями и обладающих конкурентными преимуществами, а с другой – позволяет самим работникам в полной мере реализовать свои конкурентные преимущества не в рамках одной организационной лестницы, а путем серии перемещений между рабочими местами разных филиалов, структурных подразделений банковских организаций.

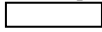

Внутриорганизационная карьера включает последовательность важнейших перемен труда работником в стратифицированной системе трудовой деятельности в банковской организации. Это серия переходов работника с одного рабочего места на другое внутри организации. Внутриорганизационное направление карьеры характеризуется неопределенностью и многообразием, связанным с различными статусами его участников, со специфически-

ми социально-экономическими интересами каждого из них, неоднозначностью их поведения, многоаспектностью их функционирования.

Таблица 3. Стратегия деловой карьеры в зависимости от ее интенсивности: матрица «стратегия – карьера» (на примере банковских организаций г. Новосибирска)*

Организационная стратегия развития	Интенсивность деловой карьеры кадров $s = (s^{out}; s^{in}; s^P)$				
	доминирующий $1 < s^P < s^O$	высокий $s^P < s^O \leq 1$	естественный $s^O = s^P$	благоприятствующий $s^O < s^P \leq 1$	благоприятный $1 < s^O < s^P$
Предпринимательская					(1,99; 0,04; 2,62)
Динамического роста					(0,2; 0,69; 1,21)
Прибыльности			(0,58; 0,23; 0,83)		
Ликвидационная	(1,02; 0,34; 0,68)				
Циклическая				(0,43; 0,42; 1,0)	

Примечание. s – интенсивность деловой карьеры; $s^O = (s^{out} + s^{in})$ – интенсивность организационной карьеры; s^{out} – интенсивность межорганизационной карьеры; s^{in} – интенсивность внутриорганизационной карьеры; s^P – интенсивность профессиональной карьеры.

- Область естественной деловой карьеры.
- Область интенсивной деловой карьеры.
- Область экстенсивной деловой карьеры.

* Разработано авторами.

Формирование, развитие и разрушение межорганизационной и внутриорганизационной карьеры, находясь во внутреннем единстве и взаимопроникновении, подчиняются разным закономерностям и поэтому не совпадают по времени и направлению изменений. Это приводит к особым ситуациям развертывания социально-экономического конфликта между этими видами организационной карьеры, способствующего изменению конкурентной позиции работников и банковских организаций на рынке труда (см. табл. 3).

Социально-экономический модус деловой карьеры при *предпринимательской стратегии* имеет ярко выраженную межорганизационную направленность и связан с переходом работника из одной банковской организации в другую с изменением либо организационного статуса, либо территориального расположения. Как правило, большинство работников (около 70%) приходят в организацию с предпринимательской стратегией развития в возрасте до 30 лет, без опыта работы в банковской сфере, но с соответствующим желанием получить этот первичный опыт, запись в тру-

довую книжку о стаже работы в кредитной организации, создать себе имя и репутацию. Иначе говоря, организационная карьера в этих организациях ориентирует сотрудника не столько на движение по административной лестнице, сколько на приобретение некоего субъективного профессионального опыта, расширение границ собственного восприятия мира и действительности, более полное удовлетворение потребностей в накоплении человеческого капитала и совершенствование своего профессионализма.

В этой связи внутриорганизационная карьера в таких организациях достаточно редка – всего около 10–15% сотрудников имеют возможность ее реализовать, при этом преимущественно в дивизиональной форме. Для занятия более высокой должности в таких организациях в среднем необходимо отработать в организации 6–10 лет. Однако сотрудники не готовы ждать продвижения по службе такой срок. По этой причине они находятся в ожидании более значимой личностной выгоды, например получения перспективной работы с более высокой материальной компенсацией в другой организации, с более высоким статусом и т.п. Пик кривой выживаемости сотрудников в этих организациях приходится на 1,8 года работы в организации: 1/4 принятых увольняются в первые три месяца работы и спустя 3 года работы в организации их остается менее 5%.

Уровень межорганизационной карьеры при *циклической стратегии* самый низкий (15,9–25,5%) в сравнении с масштабами при других организационных стратегиях развития. Этим видом карьеры охвачены, как правило, работники средней квалификации, в частности работники фронт-офиса. Профессионалы бэк-офиса из-за риска потерять достигнутый статус экспертной власти, полагаясь на возможности централизованного регулирования деловой ситуации, не спешат менять организацию, поскольку внутри своей организации они чувствуют себя более защищенными вследствие привычки, боязни потерять в зарплате, не найти лучшей работы и надеются на улучшение организационно-экономической ситуации.

В какой-то мере внутриорганизационная карьера в организациях с циклической стратегией, находясь в диапазоне 14,0–25,5%, компенсирует негативные последствия низкой межорганизационной активности, способствуя «очищению» должностных позиций от неэффективных работников, открывая возможности для горизонтальной (7,2–14,7%) и вертикальной (6,8–11,9%) карьеры лояльных профессионалов. Работникам предоставляются возможности сменить подразделение, сферу профессиональной деятельности, осваивать новые профессиональные знания и навыки с тем, чтобы повысить их удовлетворенность трудом и лояльность к организации, а следовательно, максимизировать их вклад в достижение организационных целей. На фоне возникающих трудностей в заполнении вакантных должностей происходит снижение требований к компетенциям работников, увеличение риска экономических потерь.

Относительно более высокие, чем при циклической стратегии, возможности для карьерной активности имеются в банковских организациях со *стратегией прибыльности* (43,1–87,5%). Карьерная активность банковско-

го персонала в этих организациях характеризуется высокими возможностями для межорганизационной карьеры (29,6–50,3%) и ограниченными для внутриорганизационной (13,5–25,7%).

Другими словами, банковские организации со стратегией прибыльности имеют ограниченные возможности гарантировать всем квалифицированным работникам движение в организационной иерархии. Средний срок пребывания работника в одной должности находится в диапазоне 7,9–13,3 года, в одном подразделении – 7,6–16,6 года. Как следствие, 67% сотрудников, имеющих стаж работы в организации более 5 лет, при низкой скорости внутриорганизационной карьеры профессионально «перерастают» свои должности (рабочие места), но перспектив роста нет, более высокие позиции заняты. В связи с этим усиливается влияние латентных негативных процессов деловой карьеры (плата карьеры, карьерный дауншифтинг).

Высокий уровень межорганизационной карьеры наблюдается при *ликвидационной стратегии* (50,3–67,0%). Это объективно обусловлено необходимостью реорганизации трудового потенциала персонала в связи предстоящим прекращением деятельности банка.

Наиболее широкие возможности для внутриорганизационной карьерной активности существуют в организациях со стратегией *динамического роста* (44,5–93,9%). Общая модель внутриорганизационной карьеры в таком банке представляет собой лестницу, где подчеркнуто поступательное движение вверх в одной строго определенной функциональной сфере внутри конкретной организации в целом. Иначе говоря, банковский сотрудник имеет возможность развиваться преимущественно в рамках своего подразделения посредством выбора такой карьерной позиции, где его должность будет иметь более «высокое» название, чем название предыдущей должности. Долговременная занятость внутри такого банка выступает в качестве основного принципа управленческого и карьерного успеха.

Характерной особенностью внутриорганизационной карьерной активности в организациях со стратегией динамического роста является то, что в них с вертикальной и горизонтальной карьерой тесно сопряжена дивизиональная. Необходимость и возможность такой карьерной активности обусловлены тем, что банки, зачастую расположенные в крупных городах, имеют разветвленную сеть филиалов, разбросанных по территории страны.

Итак, деловая карьера выступает как диалектическая система, движущей силой и источником развития которой является возникновение, становление и разрешение внутренне присущего ей конфликта между профессиональной карьерой и организационной, межорганизационной и внутриорганизационной. Модус деловой карьеры описывает способ разрешения этого конфликта и ориентирован на сохранение или улучшение конкурентной позиции на рынке труда. При этом он ограничен и задан объективно существующими правилами и статусно-должностными предписаниями, характеризующими рыночную стратифицированную систему разделения банковского труда. Для банков с разными стратегиями развития он различен.

Маркетинговый модус деловой карьеры характерен для банков со стратегией динамического роста. Этот модус ориентирован на диалектическое согласование возможностей для профессиональной и организационной карьеры: работник получает уникальную возможность реализовать свой потенциал и обогатить свой опыт и тем самым ускорить свое движение вверх по карьерной лестнице, а организация-работодатель минимизирует риск с назначением специалиста, который является носителем корпоративной культуры, успел себя зарекомендовать как ответственного и успешного, а следовательно, получить прогнозируемый результат от карьеры работника. Карьера рационально связана со стратегией бизнеса и строится при высокой значимости объективных критериев оценки профессионализма, качества образования работника, креативности и коммуникабельности.

Технократический модус деловой карьеры характерен для банков, придерживающихся ликвидационной стратегии развития. Он исходит из ориентации на интересы работодателя и предусматривает активность работника, направленную на достижение социально-профессионального статуса ради самого статуса или на процесс движения в организационной системе разделения труда ради самого процесса, т.е. функцию цели здесь выполняет либо определенная должность, либо сама деятельность по получению этой должности. Эта ориентация связана с жесткой конкуренцией за более выгодные условия профессиональной деятельности. Карьера в технократической модели делается благодаря не только профессиональному опыту и активности работника, но и протекционизму.

Адаптивный модус деловой карьеры характерен для банков с предпринимательской стратегией. Этот модус деловой карьеры позволяет банкам реагировать на процессы, происходящие во внешней среде, достигая компромисса между личностно-профессиональным позиционированием работников и статусно-должностным для удовлетворения потребительского спроса на труд. Это предполагает создание условий для овладения работником смежных профессий, освоения работы, выполнявшейся его коллегами, стоящими выше или ниже по иерархической лестнице, а следовательно, для механического перемещения работников с одних рабочих мест на другие внутри и вовне организации с учетом требований изменяющейся трудовой нагрузки.

Гуманистический модус деловой карьеры получил распространение в банках, придерживающихся стратегии прибыльности и циклической стратегии. Гуманистическая ориентация выражается в рассмотрении социально-профессионального окружения с точки зрения пользы, прежде всего для работников, что проявляется в их стремлении удовлетворять личные потребности (в том числе в сохранении здоровья, обеспечении своей материальной стабильности) через самосовершенствование, обучение новым технологиям, переподготовку, приобретение жизненного опыта, осуществляемого за счет профессионально-квалификационной и географической мобильности, смены круга общения, образа жизни в целом. Интересы отдельных работников преобладают над интересами организации.

Исходя из сказанного выше, деловая карьера, наполняясь в современных условиях новым социально-экономическим содержанием, предстает как механизм взаимодействия профессиональной и организационной карьеры, а следовательно, личностно-профессионального и статусно-должностного видов позиционирования работников на рынке труда, обеспечивающих изменение конкурентной позиции экономических субъектов в целях наиболее эффективного удовлетворения интересов в качестве трудовой жизни. Познание социально-экономического модуса деловой карьеры позволяет выявить специфические функции и регулятивные возможности каждого из видов карьерного позиционирования для достижения конкурентного превосходства на внутреннем и внешнем рынках труда, их связи с иными кадровыми явлениями и процессами, обосновать целесообразность определенных стратегических альтернатив деловой карьеры, провести мониторинг динамики взаимосвязи вида карьеры и конкурентоспособности каждого отдельного работника, персонала организации в целом.

Литература

1. Сотников Н.З. Деловая карьера как метамодель управления конкурентоспособностью наемного персонала // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 190–200.
2. Миляева Л.Г. Диагностика развития профессиональной карьеры персонала в условиях реализации компетентностного подхода // Управление человеческим потенциалом. 2016. № 1. С. 52–58.
3. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения. М. : Флинта: Наука, 1998.
4. Зайцев Г.Г., Черкасская Г.В. Управление деловой карьерой. М. : Академия, 2007. 256 с.
5. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. М. : ИНФРА-М, 2015.
6. Силласте Г.Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–133.
7. Hall D.T., Mirvis P.H. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond // Journal of Vocational Behavior. 1995. Vol. 35. P. 64–75.
8. Шнекторенко И.В. Социальные лифты в структуре социальной мобильности индивида // Управленческое консультирование. 2013. № 6 (54). С. 93–103.
9. Беляцкий Н.П. Методическое обеспечение карьерной политики предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 108–114.
10. Еремина И.Ю., Тодераш В.А. Управление карьерой в России и за рубежом // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2016. № 2. С. 12–15.
11. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб. : Речь, 2007.
12. London M., Moon E.M. Career management and survival in the workplace. San Francisco: CA : Jossey-Bass, 1987.
13. Noe R.A., Noe A.W., Bachuber J.A. An investigation of the correlates of career motivation // Journal of Vocational Behavior. 1990. Vol. 37, № 3. P. 340–356.
14. Сотникова С. Карьерная систематика: от личной конкурентоспособности к конкурентоспособности бизнеса // Кадровик: Кадровый менеджмент. 2010. № 9. С. 10–17.
15. Сотникова С.И. О карьерном пространстве в российском обществе // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 3. С. 46–52.
16. Сотникова С.И. Управление карьерой персонала в системе менеджмента современной организации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2014. № 3. С. 60–67.

17. Сотникова С.И. Методологические подходы к исследованию карьеры работника: возможности и ограничения // Вестник НГУЭУ. 2014. № 2. С. 142–154.

Sotnikov N.Z., Novosibirsk State University of Economy and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: n.z.sotnikov@edu.nsuem.ru

DIALECTICS OF BUSINESS CAREER OF BANK PERSONNEL: SOCIAL AND ECONOMIC MODE

Keywords: Business career; social and economic mode; bank personnel; competitiveness of personnel; intensity of career.

In article results of scientific researches of processes of formation, development and destruction of business career in the bank organizations of Novosibirsk during 2010-2016 are considered. Business career, representing the complex, open and complete system of three substances (qualities of labor life of the worker, labor mobility and positioning in labor market), is backbone in modeling of competitiveness of human resources. As an object of research the way of functioning, a look and the nature of business career in commercial banks makes different development strategies. The research objective consists in identification of the social and economic regularities of a mode of business career caused by differences in a competitive position of the bank organizations. The hypothesis of a research consists that the social and economic mode of business career defines mechanisms of localization and the approval of competitive superiority both the worker, and the bank organization in a market situation. Knowledge of a social and economic mode of business career of bank workers has allowed to reveal existence of the social and economic conflict between professional career and organizational. Ways of resolution of conflict of business career form strategic alternatives of interaction of professional career and organizational, directed to maintenance and increase in competitiveness of human resources of the bank organization.

The business career acts as dialectic system which driving force and a source of development is emergence, formation and permission immanent to her the conflict between professional career and organizational, interorganizational and intra organizational. The mode of business career describes a way of permission of this conflict and is focused on preservation or improvement of a competitive position in labor market. In article it is proved that strategic alternatives of business career are limited and objectively set by the existing rules and status and role instructions characterizing the market stratified system of division of bank work. The mode of business career for banks with different development strategies is various. The author's typologization of a social and economic mode of business career of workers depending on a way of resolution of conflict of business career is offered. Typologization of a mode of business career creates a basis for identification and updating of specific functions and regulatory opportunities of each of types of career for improvement of a competitive position of the worker and the bank organization in labor market in interrelation with other personnel phenomena and processes.

References

1. Sotnikov N. Z. Delovaya kar'era kak metamodel' upravleniya konkurentosposobnost'yu nayomnogo personala // Vestnik NGUEHU. 2015. № 1. S. 190-200.
2. Milyaeva L. G. Diagnostika razvitiya professional'noj kar'ery personala v usloviyah realizacii kompetentnostnogo podhoda // Upravlenie chelovecheskim potencialom. 2016. № 1. S. 52-58.
3. Bodalev A. A. Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka, harakteristiki i usloviya dostizheniya. M.: Flinta; Nauka. 1998.
4. Zajcev G. G., CHerkasskaya G.V. Upravlenie delovoj kar'eroy. M.: Akademiya, 2007. 256 s.
5. Kibanov A. YA. Osnovy upravleniya personalom. M.: INFRA-M, 2015.

6. Sillaste G. G. Gendernaya asimmetriya kak faktor kar'ernogo rosta zhenshchin // Vysshee obrazovanie v Rossii, 2004. № 3. S. 122-133.
7. Hall D. T., Mirvis P. H. The new career contract developing the whole person at mid-life and beyond. *Journal of Vocational Behavior*, 1995 V. 35. pp. 64–75.
8. SHpektorenko I. V. Social'nye lifty v strukture social'noj mobil'nosti individa // Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2013. №6 (54). S. 93-103.
9. Belyackij N. P. Metodicheskoe obespechenie kar'ernoj politiki predpriyatiya. // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2010. №3 . S. 108-114.
10. Eremina I. YU., Toderash V. A. Upravlenie kar'eroy v Rossii i za rubezhom // Problemy ehkonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom. 2016. № 2. S. 12-15.
11. Mogilevkin E. A. Kar'ernyj rost: diagnostika, tekhnologii, trening: monogr. SPb.: Rech', 2007.
12. London M., Moon E. M. Career management and survival in the workplase. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1987.
13. Noe R. A., Noe A. W., Bachuber J. A.. An investigation of the correlates of career motivation. *Journal of Vocational Behavior*. 1990. V. 37. 3. pp. 340-356.
14. Sotnikova S. Kar'ernaya sistematika: ot lichnoj konkurentosposobnosti k konkurentosposobnosti biznesa // Kadrovik: Kadrovyy menedzhment, 2010. № 9. S. 10-17
15. Sotnikova S.I. O kar'ernom prostranstve v rossijskom obshchestve //Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii. 2014. № 3. S. 46-52.
16. Sotnikova S.I. Upravlenie kar'eroy personala v sisteme menedzhmenta sovremennoj organizacii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: EHkonomika, 2014. № 3. S. 60-67.
17. Sotnikova S.I. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu kar'ery rabotnika: vozmozhnosti i ogranicheniya // Vestnik NGUEHU. 2014. № 2. S. 142-154.

For referencing:

Sotnikov N.Z. Dialektika delovoy kar'ery bankovskih rabotnikov: social'no-ehkonomicheskij modus [Dialectics of business career of bank personnel: social and economic mode]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, no 44, pp. 137–149.

ФИНАНСЫ

УДК 336.763.3

DOI: 10.17223/19988648/44/10

Н.И. Берзон, Т.М. Ерофеева

РОССИЙСКИЙ РЫНОК КОРПОРАТИВНЫХ ОБЛИГАЦИЙ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ, ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время экономика страны остро нуждается в стимулировании инвестиционного спроса для обеспечения экономического роста. Одним из драйверов роста является российский фондовый рынок в целом и корпоративных облигаций в частности. В статье рассматриваются основные этапы развития российского долгового рынка, представлен анализ основных характеристик текущего состояния рынка корпоративных облигаций, обозначены основные тренды и проблемы. По результатам анализа выявлен ряд негативных факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие рынка, и определены важнейшие предпосылки, способствующие дальнейшему его развитию.

Ключевые слова: российский долговой рынок, корпоративные облигации, доходность корпоративных облигаций, объем эмиссии.

Российская экономика за последние 20 лет перенесла воздействия трех кризисов. Истоки причин и последствия были различны. Но так или иначе фондовому рынку России также пришлось столкнуться с определенными вызовами, поскольку состояние экономики напрямую оказывает воздействие на финансовые рынки. В то же время финансовые рынки в целом и фондовый рынок в частности могут влиять на темпы экономического роста страны.

Основная роль современного фондового рынка, как механизма, позволяющего привлекать, перераспределять свободные финансовые ресурсы, способствуя не только росту экономической эффективности, но и оказывая существенное влияние на макроэкономические процессы в целом, обеспечивать рост экономики.

Корпоративные облигации являются одним из инструментов, с помощью которого функционирует данный рынок. С одной стороны, корпорации решают задачи по обеспечению деятельности компании финансовыми ресурсами (как в инвестиционных целях, так и для обеспечения операционной деятельности), с другой – инвесторы решают свои задачи по сохранению и преумножению своего капитала. Текущие тенденции в мировой и отечественной экономике, нестабильность на финансовых рынках, связанная как с экономическими, так и с политическими факторами, все усложняющиеся условия и конъюнктура инструментов финансового рынка обу-

словливают дальнейший интерес к изучению данной темы. Несмотря на достаточно большое внимание исследователей к этой теме как в России, так и за рубежом, она остается актуальной для изучения.

История развития

Если обратиться к истории развития российского рынка корпоративных облигаций, который насчитывает немногим более 15 лет, мы можем отметить несколько этапов развития.

Первый этап. Возникновение облигационного рынка в России берет свое начало в 1993 г., когда выходит Постановление Правительства РФ № 107 «О выпуске государственных краткосрочных бескупонных облигаций (ГКО)». Период с 1992 по 1993 г. можно отметить как период зарождения и становление рынка корпоративных облигаций, характеризующийся еще незначительными объемами выпуска и доли корпоративных облигаций в общем объеме бумаг, обращающихся на рынке ценных бумаг. За этот период осуществлено 260 выпусков корпоративных облигаций номинальной стоимостью порядка 6 трлн неденоминированных рублей, а в 1998 г. было зарегистрировано 93 выпуска на сумму 7,9 млрд деноминированных рублей [1]. Последовавший вскоре мировой финансовый кризис прервал наметившееся развитие фондового рынка и негативно отразился в целом на экономике страны, что еще раз подтвердило факт тесной взаимосвязи рынков капитала в процессе глобализации мировой экономики.

Второй этап. Дальнейшее развитие российского рынка корпоративных облигаций продолжилось в начале 2000-х, когда уже полностью были преодолены последствия кризиса 1998 г. Объемы выпуска корпоративных облигаций прирастали из года в год: 2001 г. – 28 млрд руб., 2002 г. – 56 млрд руб., 2003 г. – 83 млрд руб., 2004 г. – 142 млрд руб., 2005 г. – 270 млрд руб., 2006 г. – 481 млрд руб., 2007 г. – 486 млрд руб. [1]. Данный этап развития рынка корпоративных облигаций характеризуется значительным увеличением объема эмиссии в целом, увеличением размера эмиссии на одного эмитента, расширением списка отраслевой принадлежности эмитентов. В этот период наметилась тенденция к росту доли финансирования предприятий за счет облигационных займов в общей структуре долгового финансирования. Последующее развитие российского фондового рынка вновь было прервано очередным мировым финансовым кризисом 2008 г. Истоки его возникновения берут свое начало в США и связаны с ипотечным кризисом в стране и падением цен на недвижимость. Он сопровождался рядом негативных тенденций, обусловленных в первую очередь с кризисными явлениями в мировой экономике, падением цен на нефть, выводом капитала иностранных инвесторов из России и последующим снижением котировок акций, падением индекса РТС, который колебался в начале 2008 г. в диапазоне 2000–2100 пунктов. В результате мирового финансового кризис привнес негативные тенденции и на долговой рынок России: объемы эмиссии всех видов облигаций резко сократились, произошел

спад и на рынке корпоративных облигаций. Многим корпоративным заемщикам пришлось не только отказаться от ряда инвестиционных программ для своего бизнеса, но и от уже запланированных ранее выпусков облигаций. Также последовал в 2008–2009 гг. шквал дефолтов, когда эмитенты по облигационным займам не способны были произвести купонные выплаты и платежи по основному долгу. Внутренний рынок корпоративных облигаций испытал первый шок.

Третий этап. Началом следующего этапа и восстановления долгового рынка России можно считать 2009 г. Последствия мирового кризиса 2008–2009 гг. имели некоторое влияние на экономику России, в том числе в части снижения темпов роста ВВП, реальных доходов населения, но данные показатели относительно быстро в последующем восстановились. Во многом этому способствовали и государственные меры: на поддержку российских компаний и рефинансирования их внешних долгов в тот год было выделено \$50 млрд, на поддержку российских банков – 1,3 трлн руб. Далее последовал этап активного развития облигационного рынка России. Во многом этому способствовали и законодательные инициативы (ФЗ № 138 от 27.07.2006 г. «О рынке ценных бумаг» с послед. изменениями), приведшие к упрощению процедуры выпуска облигаций и допуска на биржу эмитентов. Биржевые облигации можно было выпускать любому хозяйствующему субъекту, чьи акции или облигации были включены в котировальный список фондовой биржи. При этом срок увеличился с одного года до трех лет. Было положено начало формированию рынка биржевых облигаций. В этот период идет бурный рост и развитие облигационного рынка России (рис. 1). Наиболее интенсивно развивается рынок корпоративных облигаций, как рублевых, так и еврооблигаций. Последние востребованы эмитентами в первую очередь по причине увеличения сроков привлечения финансирования корпорациями, также немаловажно снижение цены заемного капитала из внешних источников (в среднем ниже на 2 процентных пункта). Активный рост и развитие рынка корпоративных облигаций продолжается вплоть до середины 2014 г., когда очередные кризисные явления стали оказывать давление на долговой рынок России.

Этот период характеризуется целым рядом негативных факторов: падением цен на нефть на мировых рынках, девальвацией национальной валюты, обострением геополитических отношений России со странами Европы и США, приведшим к ограничению внешнего заимствования и бегству инвестиционного капитала из страны, а также структурными проблемами в экономике страны и дефицитом государственного бюджета. Вслед за вынужденным увеличением Центральным банком России в декабре 2014 г. ключевой ставки до 17% взметнулась вверх и доходность по инструментам на долговом рынке России. Так, доходность рублевых корпоративных облигаций в составе индекса MICEX CBI TR достигла в октябре 2014 г. 11%, а в декабре 2014 г. увеличилась до 16% [2]. Такая ситуация в экономике и на долговом рынке России несколько прервала поступательное развитие рынка корпоративных облигаций. Российский рынок корпоративных облигаций испытал второй шок.

Четвертый – современный этап. Происходит восстановление после кризисных явлений 2014–2016 гг. С закрытием внешнего рынка финансирования для корпоративных эмитентов активно начал развиваться внутренний облигационный рынок. На протяжении периода 2015–2017 гг. вслед за постепенным снижением ключевой ставки Центральным банком РФ стали снижаться ставки доходности по корпоративным облигациям. Российский рынок корпоративных облигаций продолжил свой стремительный рост в абсолютном выражении, увеличивая также свою долю в ВВП, достигнув в 2017 г. 11,5 трлн руб., что составляет 12,5% от ВВП, в противовес аналогичным показателям 2014 г.: 6,6 трлн руб., 8,3% от ВВП.

Далее мы более подробно рассмотрим данные по динамике и текущему состоянию российского рынка корпоративных облигаций в различных аналитических срезах, сделав определенную оценку и аналитические выводы.

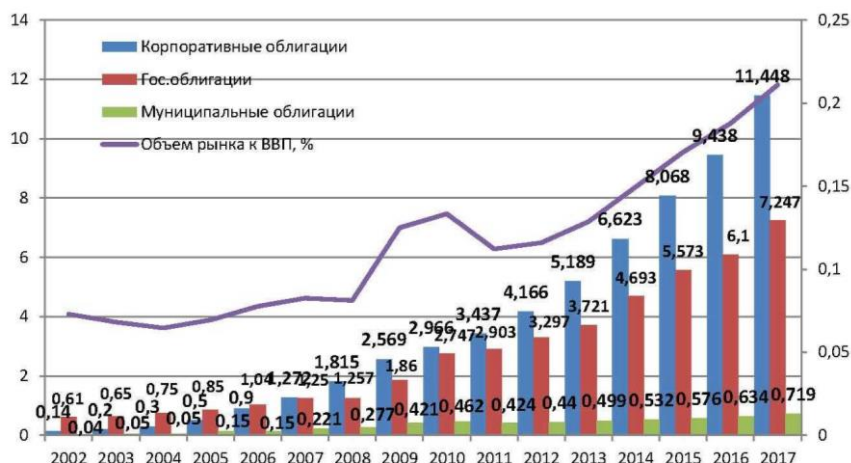

Рис. 1. Динамика, объем и структура внутреннего долгового рынка России, трлн руб.

Источники: информационные сайты cbonds.ru, naufor.ru,
информационный ресурс гос.статистики gks.ru

Из приведенных выше данных видно, что на протяжении обозначенного периода объем всего внутреннего облигационного рынка растет непрерывными темпами, увеличивая свой вес в ВВП с 7,3% в 2002 г. до 21,1% в 2017 г. Объем рынка корпоративных облигаций на конец 2017 г. достиг отметки в 11,5 трлн руб., что составило 12,5% от ВВП. Отличительной особенностью национального облигационного рынка является опережающий рост корпоративных облигаций: ежегодный рост на протяжении периода составил порядка 20%, доля в общем объеме облигаций увеличивается и в течение последних десяти лет составляет от 48 до 59%. На развитых рынках капитала преобладают государственные облигации, их доля составляет более 60% всего облигационного рынка. Доля российского рынка облигаций в соотношении с ВВП остается еще довольно скромной в сравнении с развитыми рынками, но уже

приближается к значениям доли из числа развивающихся стран: Бразилия, Индия, Китай.

Из графика также видно, что не происходило существенных падений в динамике роста корпоративных облигаций даже в период кризисных явлений. Драйверы роста на различных этапах развития рынка корпоративных облигаций были различны, но присутствовали также и негативные факторы, оказывающие сдерживающее влияние на рост.

Рост в посткризисный период 2015 г. отчасти объясняется структурой состава эмитентов российских облигаций, где преобладают представители финансовой сферы: банки и финансовые институты. То же самое можно сказать и о держателях корпоративных облигаций на российском рынке: по большей части это финансовые институты, значительно меньшая доля других инвесторов и ничтожно малое число (в пределах 5%) – доля частных инвесторов. В начале 2015 г. в период резкого повышения процентных ставок на долговом рынке именно банки обеспечили высокий спрос на бумаги корпоративных эмитентов, что для них являлось некой альтернативой вложения средств в кредитный портфель. Кризисные явления 2014–2015 гг. выявили, что лишь немногие из корпоративных заемщиков способны обеспечить в своем бизнесе рентабельность, покрывающую возросшие процентные ставки в банковском секторе, и сохранить должную финансовую устойчивость. На фоне все повышающихся требований регулятора к оценке финансовых рисков и достаточности капитала кредитных организаций (введение Базеля 3), активных процессов по очистке российского банковского сектора от недобросовестных и «нежизнеспособных» игроков тема перетока финансовых ресурсов кредитных организаций на рынок капитала стала актуальной. В последующем такая ситуация «закольцованности» [2] в банковском секторе эмитентов и держателей облигаций закончилась плачевно: в конце 2017 г. один за другим три из числа крупных системообразующих банков (ФК «Открытие», Бинбанк, Промсвязьбанк), несущих этот риск, были объявлены несостоятельными, начался процесс санации с участием регулятора и с привлечением средств государственного бюджета.

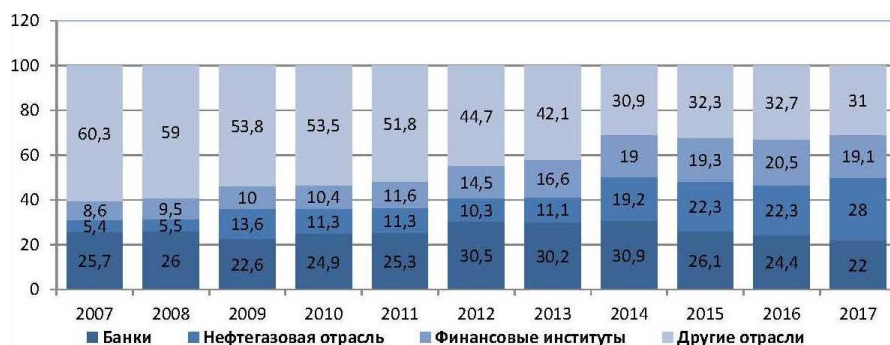

Рис. 2. Отраслевая структура эмитентов на долговом рынке России, %.

Источник: информационный сайт naufog.ru

Традиционно на протяжении периода последних лет отмечается преобладание доли банковского сектора в отраслевой структуре долгового рынка. С 2013 г. наблюдается тенденция снижения доли эмитентов банковского сектора и одновременное увеличение доли нефтегазового сектора. Впервые в 2017 г. произошел перелом, когда объем выпуска эмитентов нефтегазового сектора, составивший долю в 28%, превысил долю банковского сектора с удельным весом в общем объеме 22%.

Рис. 3. Динамика дефолтов по корпоративным облигациям за период 2008–2017 гг.
Источник: информационный сайт naufog.ru

Ярким показателем, характеризующим шоки на финансовых рынках, является количество и объем дефолтов. Из графика видно, как волнообразно изменялись показатели по дефолтам в период кризисных явлений в экономике. Так, в 2009 г. было зарегистрировано максимальное за период количество нарушений – 322 в объеме неисполненных обязательств заемщиков 124,2 млрд руб. Также отмечается текущая тенденция к возрастанию уровня дефолтов в последние три года, максимальное количество из которых достигнуто в 2017 г. 41 эмитент допустил 133 нарушения в объеме 36 млрд руб., что в 4,5 раза превосходит объем неисполненных обязательств эмитентов предкризисного 2013 г.

Как видно из графика, максимальные ставки доходности по индексу IFX-Cbonds¹ за представленный период на внутреннем облигационном рынке были достигнуты в момент пика кризисной волны 2014–2015 гг., после установления ЦБ в декабре 2014 г. значения ключевой ставки 17%.

¹ Индекс IFX-Cbonds – взвешенный по эффективной рыночной капитализации индекс рынка наиболее ликвидных рублевых облигаций российских эмитентов, допущенных к обращению на фондовой бирже. Он рассчитывается на основе цен сделок, совершенных на бирже, включает 30 бумаг, рыночная капитализация которых составляет не менее 5% общей рыночной стоимости облигаций, числящихся в котировальных листах.

Максимальное значение показатель IFX-Cbonds YTM eff в феврале 2015 г. достигает 16,63, далее идет плавное снижение в течение двух последующих лет по мере нормализации ситуации на рынке и последовательного снижения ключевой ставки. Минимальное значение показателя за период – в апреле 2018 г. – 7,23, далее снова идет повышательный тренд, вызванный в большей степени беспокойством на финансовых рынках и обострений геополитической обстановки с обсуждением летом 2018 г. перспектив ввода новых санкции США в отношении России.

Рис. 4. Средняя доходность к погашению рублевых корпоративных облигаций по портфелю IFX-Cbonds за период 2011–2018 гг.

Источники: информационный сайт cbonds.ru, cbr.ru

Внешний и внутренний рынок корпоративных облигаций

Особенностью российского облигационного рынка является значительное преобладание внешних заимствований (еврооблигаций) над внутренними рублевыми корпоративными облигациями. Привлекательность таких облигаций для заемщика в первую очередь объясняется возможностью привлечения большего объема ресурсов и на более длительный срок, а также более низкими ставками привлечения средств из внешних источников. Однако, как показала история, в период политической и экономической нестабильности и волатильности курса национальной валюты неоспоримые плюсы могут превратиться в минусы. В 2014 г. в период обострения геополитической ситуации и значительного снижения курса национальной валюты возникли проблемы с финансированием российских корпораций, имеющих большой объем внешних заимствований. В таких условиях внушительный внешний долг сложно обслуживать или рефинансировать. Так, на конец 2014 г. внешний долг российских компаний соста-

вил порядка \$168 млрд, из них \$50 млрд – еврооблигации; внешний долг государственных банков составил \$138 млрд, из них \$35 млрд – еврооблигации [3]. Принятые на правительственном уровне меры по выделению части средств на рефинансирование данных долгов отчасти решили на тот момент проблему. С этого периода начинается перелом ситуации по превалированию внешних заимствований по корпоративным облигациям. И уже к 2016 г. мы видим превышение объема внутренних корпоративных облигаций над внешними, хотя те еще сохраняют свой значительный удельный вес в общем объеме. В 2017 г. тренд по увеличению доли рублевых корпоративных облигаций над еврооблигациями в общем объеме усилился: на конец года внутренний рынок составлял 196,4 млрд руб., внешний – 132,4 млрд руб., что фактически привело к отношению 60% / 40% (рис. 5).

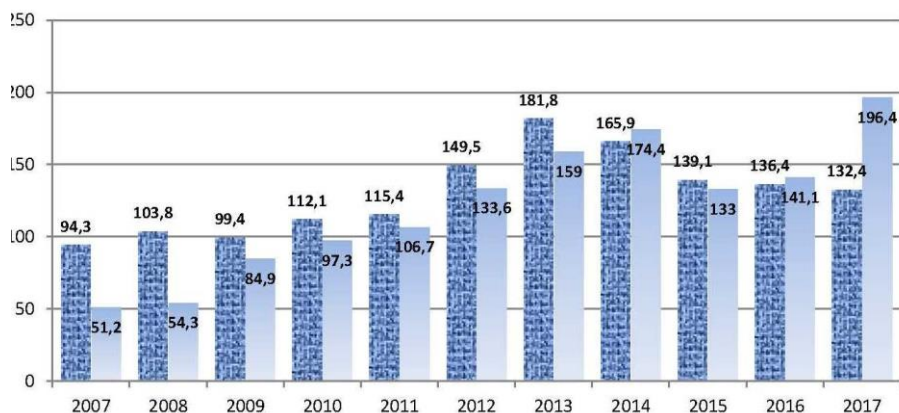

Рис. 5. Динамика, объем внешнего и внутреннего рынков российских корпоративных облигаций, млрд руб.

Источники: информационные сайты cbonds.ru, naufor.ru

Биржевой характер сделок на российском рынке корпоративных облигаций

Еще одной особенностью российского рынка корпоративных облигаций является его преимущественно биржевой характер как на первичном рынке, так и на вторичном. Суть преимущества биржевых облигаций в том, что средства можно привлечь быстро, дешево, но на короткий срок. Выпускаются они по упрощенной схеме, регистрируются самой биржей, не имеют залогового обеспечения. Их аналогом являются коммерческие облигации, выпускаются с закрытой подпиской и регистрируются Центральным депозитарием. В настоящий момент на рынке облигаций складывается тенденция к увеличению доли внебиржевых сделок.

Таблица 1. Динамика объема рынка корпоративных облигаций российских эмитентов за период 2007–2017 гг.

Организованный рынок корпоративных облигаций Российских эмитентов						
период	Количество эмитентов	в т.ч. эмитентов котировальных списках I и II уровня и их доля		количество выпусков облигаций	в т.ч. выпуски в котировальных списках I и II уровня и их доля	
2007	524	149	28,4%	697	207	29,7%
2008	529	200	37,8%	730	282	38,6%
2009	475	170	35,8%	780	320	41,0%
2010	400	168	42,0%	700	332	47,4%
2011	309	177	57,3%	673	410	60,9%
2012	308	185	60,1%	793	495	62,4%
2013	328	187	57,0%	937	548	58,5%
2014	323	194	60,1%	950	536	56,4%
2015	349	160	45,8%	1042	467	44,8%
2016	337	132	39,2%	1100	460	41,8%
2017	335	142	42,4%	1175	536	45,6%

Источники: информационные сайты cbonds.ru, naufor.ru

Анализ данных показал, что в период с 2015 по 2017 г. происходит снижение доли биржевых сделок в общем объеме до уровня 40–45% в сопоставлении с максимально достигнутым уровнем 2012–2014 гг. (57–60%). Причины могут быть связаны как с увеличением стоимости заимствования на биржевом рынке, так и с ужесточением требований к эмитентам по допуску на биржевой рынок.

Низкий уровень конкуренции среди андеррайтеров по размещению облигаций

На рынке андеррайтеров и услуг по размещению корпоративных облигаций отмечается слабый уровень конкуренции, о чем свидетельствует значение индекса Херфиндаля–Хиршмана НН¹, составивший в 2017 г. 1009, что в соответствии с диапазоном шкалы соответствует умеренной концентрации [4].

Из данных видно, как складывался рынок андеррайтеров на протяжении периода с 2001 по 2017 г. (аналитические срезы на 3 года), с течением периода уровень концентрации усиливается. Если в 2001 г. десять крупнейших андеррайтеров разместили порядка 65% от всего объема эмиссии по корпоративным облигациям, то в 2010 г. эта доля составила почти 77%, а в 2017 г. – 83%.

¹ Индекс концентрации рынка Херфиндаля–Хиршмана НН¹ рассчитывается путем возведения в квадрат процентной доли в объемах биржевых торгов каждого участника и суммирования полученных результатов: $НН^1 = (D_1)^2 + (D_2)^2 + \dots + (D_i)^2$, где D_i – доля на рынке i -го участника, выраженная в процентах, $i = 1, 2, \dots, m$. Диапазон шкалы: $НН^1 < 800$ – низкая концентрация; $800 < НН^1 < 1800$ – умеренная концентрация; $НН^1 > 1800$ – высокая концентрация.

Таблица 2. Рэнкинг организаторов и андеррайтеров корпоративных облигаций России, 2001, 2010, 2017 гг.

2001				2010				2017			
Компания	Количество эмитентов	Объем размещенных выпусков (млн.руб)	Доля размещенных в общем объеме	Компания	Количество эмитентов	Объем размещенных выпусков (млн.руб)	Доля размещенных в общем объеме	Компания	Количество эмитентов	Объем размещенных выпусков (млн.руб)	Доля размещенных в общем объеме
1 Банк "Кредит Свисс Ферст Бостон"	2	3,35	9,63%	1 ВТБ Капитал/ВТБ	21	172,42	20,16%	1 Газпромбанк	38	338 996,60	19,15%
2 Альфа-Банк	5	3,05	8,76%	2 ИК Тройка Диалог	20	125,58	14,69%	2 ВТБ Капитал	32	271 626,62	15,34%
3 ИГ Русские Фонды	5	2,99	8,60%	3 Газпромбанк	13	86,38	10,10%	3 Sberbank CIB	30	233 613,33	13,20%
4 Инвестиционный Банк	6	2,58	7,40%	4 Райффайзенбанк	14	75,15	8,79%	4 Банк «ФК Открытие»	11	145 350,14	8,21%
5 Внешторгбанк	2	2,35	6,76%	5 ТранскредитБанк	18	50,40	5,89%	5 Совкомбанк	34	141 424,38	7,99%
6 МДМ-Банк	7	2,00	5,75%	6 Ренессанс Капитал	7	34,26	4,01%	6 Россельхозбанк	17	85 944,67	4,85%
7 Банк Зенит	7	1,80	5,18%	7 Сбербанк России ОАО	13	32,93	3,85%	7 АТОН	4	84 789,73	4,79%
8 ИК Тройка Диалог	4	1,80	5,18%	8 ФК УРАЛСИБ	8	29,90	3,50%	8 БК Регион	15	65 666,67	3,71%
9 ИНГ БАНК ЕВРАЗИЯ	1	1,35	3,88%	9 КБ Ситибанк	5	28,55	3,34%	9 РОСБАНК	16	60 666,67	3,43%
10 Австрия	3	1,30	3,74%	10 Банк Зенит	5	22,25	2,60%	10 Райффайзенбанк	19	45 141,67	2,55%
Прочие эмитенты	55	12,22	35,12%	Прочие эмитенты	97	197,21	23,07%	Прочие эмитенты	105	297 208,68	16,79%
ВСЕГО	97	34,78	100,00%	ВСЕГО	221	855,03	100,00%	ВСЕГО	321	1 770 429,16	100,00%

Источники: информационные сайты cbonds.ru, расчеты авторов.

Среди участников за последнее десятилетие лидируют Газпромбанк с долей 10–13%, «ВТБ Капитал» с долей 20–15%, Сбербанк и вошедшая в его состав ИК «Тройка Диалог» с долей 19–13%. Слабый уровень конкуренции, как известно, оказывает негативное влияние на процесс ценообразования на рынке долгового капитала и на возможный спектр, качество услуг.

Особенности текущего состояния российского рынка корпоративных облигаций

На текущий момент на российском рынке корпоративных облигаций сложилась ситуация, имеющая как ряд позитивных предпосылок, способствующих дальнейшему росту и развитию рынка, так и ряд негативных факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие рынка.

К позитивным, с точки зрения интересов эмитентов, можно отнести существенное снижение уровня процентных ставок: средняя доходность к погашению рублевых корпоративных облигаций по портфелю IFX-Cbonds в августе 2018 г. достигла 7,84%, что оказалось ниже последнего предкризисного периода 2013 г. (до момента ввода секторальных санкций 2014 г.), и этот показатель в августе 2013 г. составлял 8,15%. Тому способствовали как внешние факторы: восстановление цен на нефть на мировых рынках, возобновление интереса западных инвесторов к развивающемуся рынку России, так и внутренние: умеренно жесткая политика, проводимая регулятором, снижение ключевой ставки до 7,25%, снижение уровня инфляции

до исторического минимума 2,5% (на конец 2017 г.), относительная стабилизация курса национальной валюты, некоторые регуляторные меры последних двух лет, проводимые с целью развития инфраструктуры ответственного финансового рынка.

Интерес к российскому облигационному рынку иностранных инвесторов на фоне низких ставок на европейских рынках продиктован приемлемостью соотношения риска – доходности по облигационным инструментам, а также имеющимся потенциалом для роста российского рынка. Обострение геополитических отношений между Россией и странами Европы и США, введение пакета санкций – контрсанкций вызывают значительную волатильность на рынках капитала и оттоки средств инвесторов. Поэтому основным источником фондирования и потенциалом для роста облигационного рынка в большей степени рассматриваются внутренние ресурсы страны.

Проведенный анализ текущего состояния российского облигационного рынка показал следующее. Структура инвесторов облигационного рынка России последних лет отражает высокую долю банковского сектора – порядка 40–45%, доля нерезидентов – порядка 10–15%, средства в доверительном управлении – 14–17%, юридических лиц – 17–25%, на долю частных инвесторов приходится не более 5%, что ничтожно мало в сравнении с долей домохозяйств на развитых рынках и в сопоставлении с имеющимися в распоряжении у населения накопленными ресурсами [3. С. 56] По данным сайта Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на июль 2018 г. сумма накопленных средств населения составляет 32,3 трлн руб., что в 1,7 раза превышает текущий объем внутреннего облигационного рынка. При этом, несмотря на определенные усилия со стороны регулятора и властей по созданию благоприятных условия для инвестирования частных лиц, розничных инвесторов не удалось в достаточной мере привлечь к инвестированию ни на бирже, ни через ПИФы (паевые инвестиционные фонды). Для российского фондового рынка остается характерной проблема неразвитости структуры внутренних инвесторов (как институциональных, так и розничных), что является сдерживающим развитие отечественного рынка фактором [5].

Одной из главных проблем на российском фондовом рынке в целом и на облигационном в частности является низкий уровень ликвидности ценных бумаг, по сути – отсутствие рыночных цен. По оценке Национального расчетного депозитария, более 60% выпусков облигаций являются неликвидными [6]. Низкая ликвидность характерна для большинства рынков развивающихся стран. Отличие биржевого рынка России в том, что спад ликвидности является более значительным, объем биржевых торгов на Московской бирже составил в 2017 г. 26% от уровня 2007 г. [4]. Обострение проблем с ликвидностью на российском и мировом фондовых рынках во многом было вызвано геополитическими рисками, а в России еще и девальвацией рубля и недостатками в сфере регулирования, тормозящими развитие системы внутренних институциональных инвесторов.

Не менее важной проблемой является отсутствие долгосрочных ресурсов на рынке капитала, которые необходимы реальному сектору экономики для реализации инвестиционных программ, что, собственно, и должно обеспечить экономический рост экономики. Сейчас в большей степени ресурсы привлекаются для пополнения оборотного капитала и рефинансирования уже имеющихся займов. В период усиления геополитических рисков отечественный рынок оказался отрезан от длинных и дешевых денег Запада. Однако есть возможность мобилизовать внутренние долгосрочные ресурсы при условии улучшения инвестиционного климата, принятия ряда регуляторных мер, способствующих становлению среды институциональных финансовых инвесторов (ПИФов, пенсионных фондов, страховых компаний).

Отмечается высокая доля концентрации среди эмитентов. Как было показано выше, преобладают крупные эмитенты финансового, нефтегазового и топливно-энергетического отраслевого секторов, в том числе компании с государственным участием. Вымывание с рынка частного сектора влечет за собой снижение конкуренции и нарушение рыночных условий деятельности, что не может не сказаться на эффективности экономических процессов. Высокая доля банковского сектора, когда эмитентами и держателями облигаций выступают те же банки, рождает риски системного характера как в банковском секторе, так и в финансовой системе страны.

В последние годы – 2016–2017 – сокращается количество эмитентов при одновременном росте объемов заимствования на рынке долгового капитала (см. рис. 1, табл. 1), при этом на долю 10 крупнейших эмитентов приходится свыше 63% объема выпущенных облигаций, еще год назад их доля составляла 42,6% [4]. Это свидетельствует о повышении риска концентрации, что также рассматривается в качестве негативного фактора. Отмечается и негативный тренд по снижению числа новых эмитентов.

Вторичный биржевой оборот снижается второй год подряд, на 4,7% в 2017 г. и на 6,5% в 2016 г., составив в 2017 г. 4,4 трлн руб. При этом возрастает концентрация биржевого оборота: на долю первых десяти ликвидных эмитентов корпоративных облигаций в общем объеме биржевых сделок в 2017 г. приходится 61% оборота против 56% годом ранее, что также является негативным фактором на рынке [7].

Помимо вышеперечисленных негативных факторов и диспропорций, на облигационном рынке отмечены новые тренды. С 2016 г. на первичном рынке корпоративных облигаций наблюдается процесс в сфере инноваций с выпуском новых финансовых инструментов, среди которых можно выделить размещение бессрочных субординированных облигаций Россельхозбанка, выпуск однодневных облигаций ВТБ. С 2017 г. крупнейшие банки – Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк – начали активную продажу своих облигаций населению. В 2018 г. «Альфа-Банк» разместил вечные облигации, ориентированные на физических лиц [4].

Кроме того, на облигационном рынке все больше стали появляться новые инструменты с плавающими ставками или индексируемым номиналом

(флоатеры), цель которых привлечь средства инвесторов с максимальным учетом всех предпочтений эмитентов и инвесторов по конкретным условиям сделки. При этом сегмент флоатеров отличается крайним разнообразием базовых ставок и способов привязки к ним. Но пока такие инструменты имеют крайне низкую ликвидность [8].

Выводы

Российский рынок корпоративных облигаций представляет собой активно развивающийся, имеющий потенциал для дальнейшего роста и перспективный сектор отечественного фондового рынка. Основные перспективы видятся прежде всего в возможности включения механизма трансформации финансовых ресурсов для запуска модели экономического роста. Наряду с другими секторами отечественного облигационного рынка, муниципальными и государственными облигациями, корпоративные облигации рассматриваются как инструмент привлечения внутренних свободных финансовых ресурсов с целью перенаправления их в реальный сектор экономики и более эффективного их использования для инвестиционного роста. В этой связи в ходе выработки мер с целью активизации экономического роста в стране важно учесть ряд факторов и особенностей, характерных для текущего состояния российского облигационного рынка.

Дисбалансы и негативные факторы, сдерживающие развитие рынка:

– Геополитические риски, влекущие обострение проблем с ликвидностью, как на российском рынке, так и на мировых рынках. В большей степени дефицит долгосрочных ресурсов.

– Недостатки в сфере регулирования, тормозящие развитие системы внутренних институциональных инвесторов (заморозка пенсионных накоплений, недостаточная защищенность инвесторов аналогично вкладчикам в банковской системе).

– Нестабильность инвестиционного климата.

– Низкая доля частных инвесторов как на первичном, так и на вторичном рынке.

– Доминирование доли эмитентов финансового и нефтегазового секторов, в том числе компаний с гос. участием, что снижает конкуренцию, приводит к ухудшению конкурентной среды.

– Высокая доля банковского сектора, когда эмитентами и держателями облигаций выступают те же банки, что влечет риски системного характера.

– Низкий уровень ликвидности ценных бумаг.

– Увеличение риска концентрации среди эмитентов, когда количество эмитентов снижается, а суммарные объемы размещений растут. Возросшие риски концентрации биржевого оборота.

– Низкий уровень конкуренции на рынке андеррайтинговых услуг.

– Снижение на рынке доли новых эмитентов с новыми выпусками.

Предпосылки и факторы, способствующие развитию рынка:

– Значительное снижение процентных ставок на долговом рынке и улучшение макроэкономических показателей, что должно послужить драйвером для развития долгового рынка.

– Значительный потенциал для роста рынка облигаций российских эмитентов (необходимо учесть возможности вхождения на рынок капитала не только крупных корпораций, но и предприятий среднего и малого бизнеса).

– Наличие внутренних ресурсов в виде денежных сбережений населения и институциональных инвесторов, мобилизация средств которых может обеспечить потребности эмитентов, способствуя росту рынка.

– Дальнейшее улучшение регуляторной среды, оптимизирующее инвестиционный климат, финансовую грамотность частных инвесторов.

– Активное развитие внебиржевого рынка, способствующее расширению круга потенциальных эмитентов при сохранении приемлемого уровня риска – доходности для инвесторов.

В заключение стоит отметить, что для успешной реализации поставленной задачи необходим комплекс совместных организационных мер с участием регулятора и всего профессионального сообщества на отечественном финансовом рынке, чтобы облигационный и фондовый рынки России в целом, действительно стали тем эффективным механизмом, который позволяет привлекать и направлять свободные финансовые ресурсы в реальный сектор экономики, на инвестиции в основные средства, в развитие инфраструктурных проектов, способствуя росту экономики.

Литература

1. Лялин В.А. Становление и развитие российского рынка облигаций // Проблемы современной экономики. 2014. № 1.

2. Берзон Н.И., Столяров А.И., Теплова Т.В. Российский фондовый рынок: вызовы, проблемы и перспективы // Доклад на XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества М. : НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.

3. Облигационный рынок: анализ тенденций и перспектив / под ред. Т.В. Тепловой. М. : Инфра-М, 2016.

4. Российская экономика в 2017 году. Тенденции и перспективы / под ред. С.Г. Синельникова-Мурyleва, А.Д. Радыгина. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 572 с.

5. Теплова Т.В., Столяров А.И. Российский небанковский финансовый рынок: тормоз или импульс для экономического роста // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 1.

6. Теплова Т.В., Столяров А.И. Особенности развития основных сегментов фондового рынка РФ (облигации и акции) на современном этапе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6.

7. Российский фондовый рынок: 2017 год. События и факты. Аналитический обзор Национальной Ассоциации участников фондового рынка. М., 2018.

8. Терёшков Ф.А. Закон эволюции. Базовые ставки в российских облигациях с плавающим купоном или индексируемым номиналом // Cbonds review. 2017. № 3.

9. Алексеева И.А., Макарова Е.В. Российский рынок корпоративных облигаций: тенденции и перспективы развития // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 3.

10. *Бернштам Б.Е.* Особенности «бегства капитала» из России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3.

11. *Данилов Ю.А., Абрамов А.Е., Буклемишев О.Е.* Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. М., 2017. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/07/Report-Financial-markets-v2-web.pdf>

12. *Сайт* Информационного агентства Cbonds. URL: <http://cbonds.ru>

13. *Сайт* Банка России. URL: <http://cbr.ru>

14. *Сайт* Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://gks.ru>

15. *Сайт* Московской Биржи. URL: <http://moex.ru>

16. *Сайт* Национальной Ассоциации участников фондового рынка. URL: <http://naufor.ru>

Berzon N.I., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: NBerzon@hse.ru

Erofeeva T.M., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: TErofeeva@hse.ru

THE RUSSIAN CORPORATE BOND MARKET: THE HISTORY OF DEVELOPMENT, CURRENT TRENDS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Keywords: Russian debt market, corporate bonds, yield of corporate bonds, volume of emissions.

At present time, the economics of country is badly in need investment demand stimulation to ensure economic growth. The main role of the modern stock market as a mechanism that allows to attract, redistribute and effectively use free financial resources is to promote investment growth. The Russian corporate bond market is one of the segments of the domestic debt market, which is actively developing and has the potential for further growth. In this regard, the topic of studying the main trends and problems in financial markets is relevant. In the article the main stages of development of the Russian corporate bond market from the moment of origin till today are considered. The main characteristics and determinants that contribute to its development are identified. Macroeconomic factors, which caused shock situations on the Russian corporate bonds market twice: in early 2009, and December 2014, when the rates of return on the debt market reached historic highs, are considered. Further, an analysis of the main characteristics of the current state of the corporate bond market was made and the main problems are indicated.

The analysis revealed the following negative factors that have a deterrent effect on market development: geopolitical risks and instability of the investment environment, which lead to aggravation of problems with liquidity; inaccessibility of long-term resources; extremely low liquidity of securities; shortcomings in the regulation of the domestic stock market, inhibitory the development of the system of internal institutional investors. The following disproportions were also revealed: a low share of private investors in the market; dominance of the share of issuers of the financial and oil and gas sectors, including companies with state participation, which reduces competition and leads to a deterioration of the competitive environment; a large share of the banking sector, while the issuers and bondholders are the also banks, is entails systemic risks; increasing the risk of concentration among issuers, when the number of issuers is decreasing, and the total volume of placements is growing; increased risk of concentration of the exchange's turnover; low level of competition in the market of underwriting services. The main prerequisites for further development are indicated: a significant reduction in interest rates on the debt market and improvement of macroeconomic indicators, which should serve as a driver for the development of the debt market; availability of internal resources in the form of money savings of the population and institutional investors, whose mobilization can meet the needs of emitters, ensuring market growth; active development of the off-the-board market and further improvement of the regulatory environment. In order to

successfully solve the set problem of activation economic growth during the development of measures of impact, made the analysis and conclusions drawn can be useful.

References

1. Lyalin V.A. Stanovlenie i razvitie rossijskogo rynka obligacij // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2014. № 1.
2. Berzon N.I., Stolyarov A.I., Teplova T.V. Rossijskij fondovyj rynek: vyzovy, problemy i perspektivy // Doklad na HVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva M. NIU VSHEH. 2016. 32 s.
3. Obligacionnyj rynek: analiz tendencij i perspektiv, pod red. Teplovoj T.V. M.: Infra-M, 2016.
4. Rossijskaya ehkonomika v 2017 godu. Tendencii i perspektivy. Pod red. S.G. Sinel'nikova-Muryleva, A.D. Radygina. M.: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2018. 572 s.
5. Teplova T.V., Stolyarov A.I. Rossijskij nebankovskij finansovyj rynek: tormoz ili impul's dlya ehkonomicheskogo rosta// Vestnik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 1.
6. Teplova T.V., Stolyarov A.I. Osobennosti razvitiya osnovnyh segmentov fondovogo rynka RF (obligacii i akcii) na sovremennom ehstape// Vestnik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 6.
7. Rossijskij fondovyj rynek: 2017 god. Sobytiya i fakty. Analiticheskij obzor Nacional'noj Associacii uchastnikov fondovogo rynka, M., 2018
8. Terebkov F.A. Zakon ehvolucii. Bazovye stavki v rossijskih obligacijah s plavayushchim kuponom ili indeksiruemym nominalom// Ezhemesyachnyj analiticheskij zhurnal Cbonds review. 2017. № 3.
9. Alekseeva I.A., Makarova E.V. Rossijskij rynek korporativnyh obligacij: tendencii i perspektivy razvitiya// Izvestiya Bajkal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2017 №3.
10. Bernshtam B.E. Osobennosti «begstva kapitala» iz Rossii // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. EHkonomika, 2013 №3
11. Danilov YU.A., Abramov A.E., Buklemishev O.E. Reforma finansovyh rynkov i nebankovskogo finansovogo sektora. Moskva. CSR, iyul' 2017g. Opublikovano: URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/07/Report-Financial-markets-v2-web.pdf>
12. Sajt Informacionnogo agentstva Cbonds: <http://cbonds.ru>
13. Sajt Banka Rossii: <http://cbr.ru>
14. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki: <http://gks.ru>
15. Sajt Moskovskoj Birzhi: <http://moex.ru>.
16. Sajt Nacional'noj Associacii uchastnikov fondovogo rynka: <http://naufor.ru>

For referencing:

Berzon N.I., Erofeeva T.M. Rossijskij rynek korporativnyh obligacij: istoriya razvitiya, tekushchie tendencii, problemy i perspektivy [The Russian corporate bond market: the history of development, current trends, problems and prospects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 150–165.

УДК 336.6

DOI: 10.17223/19988648/44/11

Л.С. Гринкевич, Н.Г. Набеева

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Рассматриваются проблемы нормативного регулирования института банкротства граждан в России. Анализируются практические аспекты процедуры реализации имущества физических лиц в современных условиях.

Ключевые слова: банкротство физических лиц.

С 1 октября 2015 г. вступили в силу поправки к закону о банкротстве относительно банкротства граждан. За это время банкротами признаны 59 000 граждан. В I квартале 2017 г. арбитражными судами зарегистрировано 7 966 исков, а в первые три месяца 2018 г. – уже 11 131. Рост составил 28,5%. При этом количество граждан, физических лиц и индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами в январе–марте 2018 г., выросло в 1,5 раза по отношению к I кварталу 2017 г. – до 8 966 человек [1].

Банкротства российских предприятий можно подразделить на естественные, ставшие результатом неэффективной коммерческой деятельности, и преднамеренные, к которым можно отнести прежде всего банкротства процветающих предприятий. Из-за отсутствия механизма, отделяющего эффективно функционирующую структуру от несостоятельного должника, действующая процедура банкротства превратилась в экономически выгодную процедуру, посредством которой недобросовестные граждане уходят от исполнения обязательств перед кредиторами.

Гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов только после признания банкротом. Освобождение от долговых обязательств невозможно в случае привлечения к уголовной или административной ответственности за незаконные действия в процедурах банкротства либо при предоставлении заведомо недостоверных сведений в адрес финансового управляющего или арбитражного суда. Освобождение от долгов не происходит и в том случае, если гражданин совершил мошенничество, например, предоставил ложные сведения при получении кредита, уничтожил имущество и др.

В делах о банкротстве гражданина участвует финансовый управляющий, в обязанности которого входит выявление признаков преднамеренного банкротства в действиях гражданина. В случае выявления таких признаков финансовый управляющий обязан направить соответствующее заключение в органы внутренних дел для возбуждения административного или

уголовного дела [2]. Установление сделок, которые привели к преднамеренному банкротству организации, дает дополнительную возможность арбитражному управляющему обратиться в суд для признания данных сделок недействительными и, следовательно, вернуть незаконно выведенные активы, увеличить конкурсную массу и в большей мере удовлетворить требования кредиторов.

Таким образом, существенным моментом при признании гражданина банкротом и освобождении от требований кредиторов является своевременное установление признаков преднамеренного банкротства.

Однако до сих пор нет официальной методики диагностики преднамеренного банкротства именно граждан. Финансовыми управляющими проводится анализ в соответствии с «Временными правилами проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства», утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855, использование которых в отношении граждан является крайне затруднительным. Согласно этим правилам определяются коэффициенты, характеризующие платежеспособность должника, и проводится анализ сделок, приведших к снижению платежеспособности [3].

Указанные временные правила имеют ряд серьезных недостатков. Например, не учитывается наличие недостоверной информации в показателях бухгалтерского баланса должника в виде несуществующих активов или фиктивной кредиторской задолженности, что может не только исказить результаты анализа, но и привести к противоположным выводам. Весьма расплывчато прописаны критерии установления сделок, которые привели к банкротству. Более того, не представляется возможным оценить количественное влияние этих сделок на финансовое состояние, что дает возможность интерпретировать результаты проведенных операций в интересах определенного круга лиц. Кроме того, гражданин, в отличие от юридического лица, не ведет бухгалтерский учет, не всегда обязан сдавать налоговую декларацию, не имеет обязанности сообщать об открытых счетах, а также заявлять об имеющейся собственности. Отсюда возникают серьезные проблемы при установлении его финансовой возможности погашения долгов, а также сделок, которые привели к потере платежеспособности [4].

В качестве примеров приведем практику Арбитражного суда Томской области. Так, 08.02.2016 г. в Арбитражный суд Томской области поступило заявление ПАО «Сбербанк» о признании гражданина Кормашова А.Б. несостоятельным (банкротом) и включении в реестр требований кредиторов должника в сумме более 141 млн руб., из которых 137 млн руб. просроченная задолженность по основному долгу. Данная кредиторская задолженность образовалась в связи с поручительством Кормашова А.Б. по исполнению обязательств ООО «УАТ СТХМ» по кредитным договорам перед ПАО «Сбербанк России», АО «Газпромбанк» и ПАО «Банк ВТБ». Должник является безработным, ему принадлежит 26 331 обыкновенных

акций АО «Спецтеплохиммонтаж» номинальной стоимостью 1 руб. (32,91% уставного капитала), акции находятся в залоге у ПАО «Банк ВТБ». Исходя из пояснений представителя должника, иные активы у должника отсутствуют [5].

Финансовым управляющим проведен анализ в соответствии с «Временными правилами проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства». Однако признаки преднамеренного банкротства не были установлены, поскольку не выявлены сделки, которые привели к снижению платежеспособности должника.

Полнота сведений может быть установлена финансовым управляющим только при проведении мероприятий по выявлению имущества. В процессе реализации процедур банкротства гражданина на практике появляются некоторые трудности. Существует проблема доказательства «придуманных» должником требований взаимозависимых кредиторов. Это позволяет установить в реестре требований значительный перевес «своих» долгов и лишить реальных кредиторов права на самостоятельное обжалование сделок и других полномочий в процессе банкротства.

Так, арбитражные управляющие сталкиваются с необходимостью доступа к иностранным активам должников, например, недвижимого имущества, расположенного на побережьях Кипра, Болгарии и других государств, где высока доля российских собственников. В Российской Федерации нет закона о трансграничном банкротстве. Отсутствуют специальные правила определения международной подсудности таких дел, и не решен важнейший вопрос о возможности банкротства иностранных лиц в случае, если у них есть активы и имущество в Российской Федерации.

Нет в отечественном законодательстве и правил сотрудничества арбитражных управляющих и судов различных государств на случай, если в разных юрисдикциях идут параллельные дела о банкротстве в отношении одного и того же должника, а также в вопросах защиты прав российских кредиторов при трансграничной несостоятельности. Указанные недостатки являются причинами, способствующими созданию условий для преднамеренного банкротства, в том числе и физических лиц.

Важным моментом при решении данных проблем будет развитие комплекса мер по дальнейшему усовершенствованию налогового администрирования. В частности, применение контрольных процедур налоговыми органами в отношении гражданина в соответствии с моделью его поведения: внедрение института «предварительного налогового разъяснения», введение института «налогового мониторинга», анализ формирования налоговых баз и их отражение в отчетности, что позволит получать дополнительную информацию о ранее проведенных сделках физического лица [6].

Учитывая, что в настоящее время не существует разработанных методик диагностики преднамеренного банкротства граждан, предложена моделирующая методика диагностики преднамеренного банкротства граждан [4].

В рамках модуля № 1 устанавливаются косвенные признаки преднамеренного банкротства гражданина посредством заполнения опросного листа.

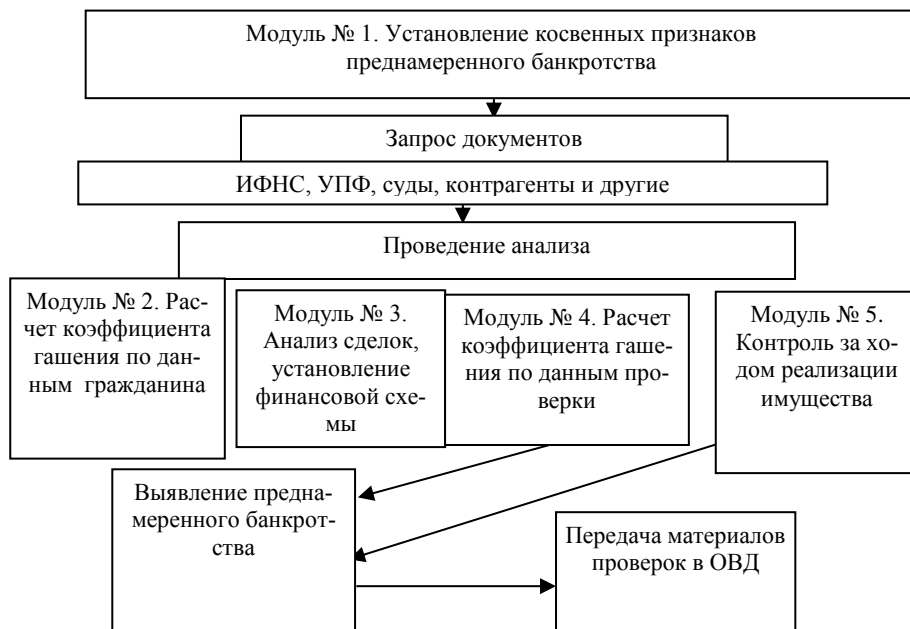

Рис. 1. Моделирующая методика диагностики преднамеренного банкротства граждан

Опросный лист для установления косвенных признаков преднамеренного банкротства граждан

Показатель	Да/нет
1. Гражданин-должник является инициатором обращения в суд для признания банкротства	
2. Наличие информации о приобретенных или выданных векселях, долговых расписках	
3. Установлены факты отчуждения имущества перед подачей заявления в суд	
4. При анализе счетов и вкладов установлены перечисления крупных сумм в адрес взаимозависимых фирм	
5. Основными кредиторами являются родственники либо взаимозависимые лица	
6. Наличие прибыли в деятельности фирм, в которых гражданин-банкрот имел вклад в уставный капитал (или в период деятельности как ИП)	
7. Присутствие долговых обязательств перед банками, бюджетом, фондами	
8. Увеличение кредиторской задолженности при снижении дебиторской	
9. Заключение брачного контракта перед обращением в арбитражный суд	
10. Факт прекращения предпринимательской деятельности перед подачей заявления в суд	
11. Установлены значительные суммы списания не востребовавшей дебиторской задолженности перед гражданином-банкротом	

В случае наличия положительных ответов более 50% следует предположить присутствие признаков преднамеренного банкротства.

Модуль № 2 включает анализ документов, представленных в арбитражный суд; расчет коэффициента гашения как отношения кредиторской задолженности к стоимости имущества, заявленного должником.

Расчет коэффициента гашения производится на основании данных, представленных в арбитражный суд по формуле [4]:

$$K_g = \text{кредиторская задолженность} / \text{стоимость имущества.}$$

При этом стоимость имущества учитывается по рыночной оценке.

Основная задача модуля № 3 методики заключается в выявлении финансовой схемы преднамеренного банкротства, где приоритетное значение придается экономическому содержанию, а не юридической форме сделок. Для этого анализируются сведения, полученные из контролирующих органов: ИФНС, ГИБДД, Управления службы государственной регистрации, кадастра и картографии; анализ аудиторского заключения (при наличии) и других документов. Устанавливается рыночная цена реализованного имущества, а также взаимозависимость покупателей, одаряемых, кредиторов и дебиторов.

Модуль № 4 предполагает проведение сравнительного анализа полученных данных с представленной информацией в арбитражный суд гражданином-должником, расчет коэффициента гашения с учетом моделирования результатов сделок; делается вывод о наличии или отсутствии признаков преднамеренного банкротства.

В случае установления экономически нецелесообразных сделок, направленных на уменьшение активов гражданина, необходимо провести моделирование имущественных показателей с расчетом коэффициента гашения с учетом новых данных. Для этой цели устанавливается отклонение между данными гражданина-банкрота и данными, полученными по результатам проверки по позициям:

- имущество, реализованное в процедуре банкротства (движимое, недвижимое);
- неучтенное имущество;
- денежные средства на расчетных счетах и вкладах;
- ценные бумаги;
- наличие кредиторской задолженности по распискам и векселям, в том числе перед взаимозависимыми лицами, сторонними лицами;
- кредиторская задолженность по судебным решениям, в том числе перед взаимозависимыми лицами и перед сторонними лицами;
- наличие имущества, вкладов за рубежом;
- наличие вкладов в уставный капитал организаций;
- наличие дебиторской задолженности, в том числе перед взаимозависимыми лицами и перед сторонними лицами;
- имущество, реализованное взаимозависимым лицам, в том числе до подачи заявления и в процедурах банкротства и др.

Производится расчет коэффициента гашения с учетом моделирования результатов сделок. После проведенного анализа делается вывод о наличии

или отсутствию признаков преднамеренного банкротства. Для более объективной характеристики создавшегося положения целесообразно проводить контроль за ходом реализации имущества гражданина-должника.

Итак, приводим последовательность действий при установлении признаков преднамеренного банкротства граждан:

1) анализ документов, представленных в арбитражный суд; расчет коэффициента гашения по данным, представленным гражданином-банкротом;

2) установление наличия активов гражданина-должника;

3) запрос данных о наличии у гражданина-должника движимого и недвижимого имущества за исследуемый период в контролирующие органы: ИФНС, ГИБДД, Управление службы государственной регистрации, кадастра и картографии; анализ аудиторского заключения (при наличии), который предоставляется вместе с бухгалтерской отчетностью в органы государственной статистики;

4) установление реализованного имущества за период 3 финансовых лет подряд, предшествующих дате подачи заявления о банкротстве;

5) установление рыночной цены реализованного имущества;

6) получение сведений о личных вкладах гражданина в кредитных организациях, ценных бумагах, а также получение сведений о наличии имущества за рубежом;

7) установление взаимозависимых кредиторов и дебиторов;

8) проведение сравнительного анализа полученных данных с представленной информацией в арбитражный суд гражданином-должником и расчет коэффициента гашения;

9) вывод об установлении признаков преднамеренного банкротства.

Разработанная моделирующая методика диагностики преднамеренного банкротства граждан позволяет установить наличие финансовой схемы преднамеренного банкротства, количественно оценить возможности гражданина в погашении долговых обязательств, а также определить регламент действий арбитражного управляющего и контролирующих органов по установлению признаков преднамеренного банкротства.

Таким образом, законодательство о банкротстве граждан требует неперменного совершенствования в области финансового анализа состояния должника. Для этой цели должны быть разработаны в том числе и новые методики диагностики преднамеренных банкротств граждан.

Литература

1. Борзенкова Е., Вараксин М. Банкротство на миллиард: как работает институт несостоятельности в 2018 году. URL: <https://pravo.ru/news/201492/> (дата обращения: 01.10.2018).

2. *Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».*

3. *Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и*

преднамеренного банкротства». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=51004> (дата обращения: 14.06.2018).

4. Набеева Н.Г. Развитие методических подходов диагностики и нейтрализации преднамеренных банкротств : дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2017. 203 с.

5. Решение Арбитражного суда Томской области от 11.04.2016 г. по делу № А67-489-2016_20160411. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2018).

6. Гринкевич Л.С., Набеева Н.Г. Методика диагностики преднамеренного банкротства путем моделирования баланса расчетно-редукционным способом // Сибирская финансовая школа. 2015. № 6 (113). С. 180–184.

Grinkevich L.S., Doctor of Economics, Head of the Department of Finance and Accounting of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "National Research Tomsk State University" (TSU). E-mail: nasty_saturn@mail.ru

Nabeeva N.G., Candidate of Science in Economics, Head of Documentary Research Department of the Department for Economic Security and Anti-Corruption of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Tomsk Region (UEB & PK of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Tomsk Oblast). E-mail: nadiana@sibmail.com

INTENTIONAL BANKRUPTCY OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION: METHODOLOGICAL APPROACHES TO IDENTIFYING AND PROBLEMS OF PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURE AT THE PRESENT STAGE

Keywords: bankruptcy of individuals.

The article deals with the problems of regulatory regulation of the institution of bankruptcy of citizens in Russia. Practical aspects of the procedure for realizing the property of individuals in modern conditions are analyzed.

References

1. Borzenkova Ye., Varaksin M. Bankrotstvo na milliard: kak rabotayet institut nesostoyatel'nosti v 2018 godu [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa [<https://pravo.ru/news/201492/>] (data obrashcheniya: 01.10.2018).

2. Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 N 127-FZ "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)"

3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 27.12.2004 № 855 «Ob utverzhdenii Vremennykh pravil proverki arbitrazhnym upravlyayushchim nalichiya priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=51004> (data obrashcheniya: 14.06.2018).

4. Nabeeva N. G. Razvitiye metodicheskikh podkhodov diagnostiki i neytralizatsii prednamerennykh bankrotstv: dis...kan.ekon. nauk /N.G.Nabeyeva. Tomsk, 2017. 203 s.

5. Resheniye Arbitrazhnogo suda Tomskoy oblasti ot 11.04.2016 po delu №A67-489-2016_20160411[Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa[<http://ras.arbitr.ru/>] (data obrashcheniya: 01.10.2018).

6. Grinkevich L.S., Nabeyeva N.G. Metodika diagnostiki prednamerennogo bankrotstva putem modelirovaniya balansa raschetno-reduktsionnym sposobom//Sibirskaya finansovaya shkola. 2015. № 6 (113). s. 180-184.

For referencing:

Grinkevich L.S., Nabeyeva N.G. Prednamerennoye bankrotstvo grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: metodicheskiye podkhody k vyyavleniyu i problemy prakticheskoy realizatsii protsedury na sovremennom etape [Intentional bankruptcy of citizens in the Russian Federation: methodical approaches to identifying and problems of practical implementation of the procedure at the present stage]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 166–172.

УДК 004.89

DOI: 10.17223/19988648/44/12

А.Л. Богданов, И.С. Дуля

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ КРЕДИТНОГО СКОРИНГА

В статье рассматривается применение нейронных сетей в решении задачи кредитного скоринга и демонстрируется эффективность их применения для построения модели оценки рейтинга кредитоспособности заемщика на основе реальных данных платформы взаимного кредитования Lending Club. Показано применение многослойного перцептрона в решении задачи скоринга заявителя. В ходе работы была осуществлена подготовка данных, построена модель классификации заемщиков и проведена оценка ее точности.

Ключевые слова: кредитный скоринг, классификация, многослойный перцептрон, нейронная сеть, машинное обучение, анализ данных.

По данным Росстата [1], за последние четыре года в банковском секторе объем размещенных денежных средств вырос с 38767,9 до 52816 млрд руб., или на 36%. Помимо роста объемов кредитования, наблюдался значительный рост конкуренции между финансовыми организациями, проявляющийся в предложении новых продуктов, увеличении скорости обработки запросов, заключении сделок и т.д. Одной из нетривиальных проблем финансовых организаций является кредитный скоринг – задача оценки кредитоспособности заемщика по имеющимся данным о самом заемщике и исторических сведениях о поведении других заемщиков. Имея такой инструмент, банки могут значительно повысить отдачу от своих вложений и свести к минимуму риск финансовых операций. Одним из подходов к решению таких задач являются искусственные нейронные сети.

Постановка задачи

Объектом данного исследования является решение задачи кредитного скоринга с помощью аппарата нейронных сетей, целью – построение и реализация модели, способной выявить заемщиков, которые с высокой долей вероятности выполняют условия договора. В ходе решения данной задачи были использованы реальные данные, полученные с платформы p2p-кредитования Lending Club [2] – места встречи кредиторов и заемщиков, являющихся физическими лицами. Данный выбор был обусловлен тем, что данные находятся в свободном доступе, в отличие от банковских данных. Результаты работы могут быть применены к банковскому скорингу после соответствующей корректировки.

Кредитный скоринг

Под *кредитным скорингом* (*credit scoring*) понимают процедуру оценки вероятности банкротства потенциального заемщика при рассмотрении возможности его кредитования. По сути скоринг представляет собой инструмент классификации потенциальных заемщиков на различные группы по уровню кредитоспособности [3]. В основе скоринга лежит математическая модель, основывающаяся на целостной системе показателей, по значениям которых принимается решение об отнесении заемщика к определенному классу, отражающему уровень риска его банкротства.

Скоринговые модели применяются банковскими организациями для кредитования как физических, так и юридических лиц. На практике большее распространение получило потребительское кредитование – кредитование физических лиц на небольшие суммы. Обычно данный вид кредитования осуществляется в сжатые сроки, поэтому имеется необходимость в методах оценки кредитоспособности заемщиков, способных быстро и с высокой точностью выполнить данную задачу.

В настоящий момент в международной банковской практике принято выделять несколько разновидностей кредитного скоринга (табл. 1) [4]. Особый интерес представляют скоринговые модели оценки заемщика и его поведения. Технологии построения данных моделей являются практически идентичными. Остальные виды скоринга опираются на специализированные методики. В терминах табл. 1 цель данной работы может быть сформулирована как построение скоринговой модели заявителя.

В банковской практике предварительная скоринговая оценка и поведенческая скоринговая оценка обычно проводятся по одной и той же модели.

Таблица 1. Виды кредитного скоринга

Вид кредитного скоринга	Направление деятельности
Скоринг заявителя (Application scoring)	Определение уровня кредитоспособности заявителя
Поведенческий скоринг (Behavioral scoring)	Определение уровня риска существующих должников на основе имеющихся данных о их поведении
Скоринг по работе с просроченной задолженностью (Collection)	Определение методов воздействия в отношении неплательщиков
Скоринг мошенничества (Fraud scoring)	Оценка вероятности того, что новый клиент является мошенником
Скоринг отклика (Response scoring)	Оценивание возможной реакции потребителя на направленное ему предложение
Скоринг потерь (Attrition scoring)	Прогнозирование оттока клиентов

Кредитный скоринг является основой для решения возникающих задач по управлению кредитной деятельностью в банковской организации. При этом решаются следующие задачи: создание модели принятия решений о выдаче кредита, максимизация эффективности взаимодействия с клиентом,

построение централизованной системы управления кредитной политикой, а также прогнозирование качества кредитных активов банка.

Очистка и предобработка данных

В качестве исходных использовались данные компании Lending Club по ссудам, выданным за 2014 г. Указанный период был выбран по причине того, что у большинства ссуд, выданных позднее, еще не наступил срок погашения. Статистическая совокупность содержала 235 629 записей о выданных ссудах. Каждая запись включала 135 признаков (134 входных и один целевой – оценку заемщика). Признаки были представлены как числовыми, так и атрибутивными (нечисловыми) значениями. Подробное описание признаков доступно по адресу https://github.com/dulyaivan/credit_scoring/description.pdf.

Первичный анализ показал, что загруженные данные требуют предобработки, так как содержат многочисленные пропуски, пустые признаки, а атрибутивные признаки представлены в строчном формате. С этой целью были проделаны следующие шаги:

Во-первых, были удалены 29 признаков, которые не содержали ни одного значения, и признаки, которыми не мог располагать инвестор на момент рассмотрения заявки. Описательная статистика оставшихся признаков доступна по адресу https://github.com/dulyaivan/credit_scoring/blob/master/statistics.pdf. По указанной ссылке представлено описание каждого признака в формате: тип переменной, количество пропусков, доля пропусков, количество уникальных элементов, доля уникальных элементов, среднее значение, медиана, стандартное отклонение, максимум и минимум.

Во-вторых, были удалены признаки, доля пропусков в которых составляла более 70%, и атрибутивные признаки, количество уникальных элементов которых было более 300. Данное решение было продиктовано тем, что менее строгое правило приводило к существенному увеличению объема данных и сложностям в процессе обучения нейронной сети.

В-третьих, был отделен от общей совокупности интересующий признак `grade`, представляющий класс кредитоспособности заемщика, и удален признак `sub_grade`, являющийся уточнением к признаку `grade`. Также был удален признак `loan_status` (статус ссуды), имеющий прямую связь с целевым признаком. В результате выполненных шагов были получены матрица входных переменных и вектор-столбец значений выходного признака.

В полученной матрице входных переменных все значения были переведены в числовой формат, атрибутивные признаки переведены в булево пространство, причем отсутствие данных интерпретировалось как дополнительное значение признака. Целевой признак `grade`, принимающий значения A, B, C, D, E, F и G, был представлен в числовом формате. Пропуски в количественных признаках были заполнены выборочным средним соответствующего признака.

На последнем шаге была выполнена стандартизация значений числовых признаков, так как это является важным условием успешного обучения нейронной сети. В результате среднее значение каждого числового признака стало равно 0, а стандартное отклонение – 1.

Построение модели

Для решения задачи классификации заемщиков на классы по платежеспособности (А, В, С, D, Е, F и G) была использована нейронная сеть. *Нейронная сеть* – это распределенный параллельный процессор, состоящий из элементарных единиц обработки информации, накапливающих экспериментальные знания и предоставляющих их для последующей обработки [5. С. 30]. Искусственные нейронные сети представляют собой обширный класс методов машинного обучения, позволяющих эффективно решать задачи классификации, кластеризации и регрессии. Объединяющей основой данных методов является то, что алгоритмы из данного класса построены по аналогии с мозгом живого существа.

При построении нейронной сети необходимо определить ее параметры (скорость обучения сети, количество эпох обучения, размер батчи (batch), значение параметра регуляризации), выбрать количество скрытых слоев и количество нейронов в них, произвести настройку весов нейронов. Построение нейросетевых алгоритмов не предполагает четких требований при выборе конфигурации и архитектуры сети, зачастую выбор конкретной структуры и настройка параметров осуществляются на основании многочисленных тестов, в результате которых делается оптимальный выбор.

Для решения задачи классификации был выбран *многослойный перцептрон* (multilayer perceptron, MLP) с двумя скрытыми слоями. *Многослойным перцептроном* называется любая нейронная сеть прямого распространения, которая имеет хотя бы один скрытый слой. На рис. 1 представлена архитектура многослойного перцептрона, имеющего два скрытых слоя.

Обозначим веса как w_{ij}^k , где i – номер нейрона из предыдущего слоя; j – номер нейрона, на который поступает сигнал, а k – номер слоя.

Сеть работает следующим образом: на вход поступает входной вектор $\bar{x} = [x_1, x_2, \dots, x_n]^T$, а сеть формирует отклик в виде выходного вектора $\bar{y} = [y_1, y_2, \dots, y_m]^T$. Каждый нейрон вычисляет сумму входных значений, умноженных на соответствующие веса, а затем передает значение сумматора на активационную функцию, т.е.

$$u_j^k = \sum_{i=1}^n w_{ij}^k x_i + b_j^k, \quad (1)$$

$$y_j^k = \varphi(u_j^k), \quad (2)$$

где u_j^k – значение сумматора j -го нейрона в k -м слое; y_j^k – соответствующий выход данного нейрона; x_i – выходное значение i -го нейрона в предыдущем слое; b_j^k – порог i -го нейрона в k -м слое; $\varphi(\cdot)$ – активационная функция.

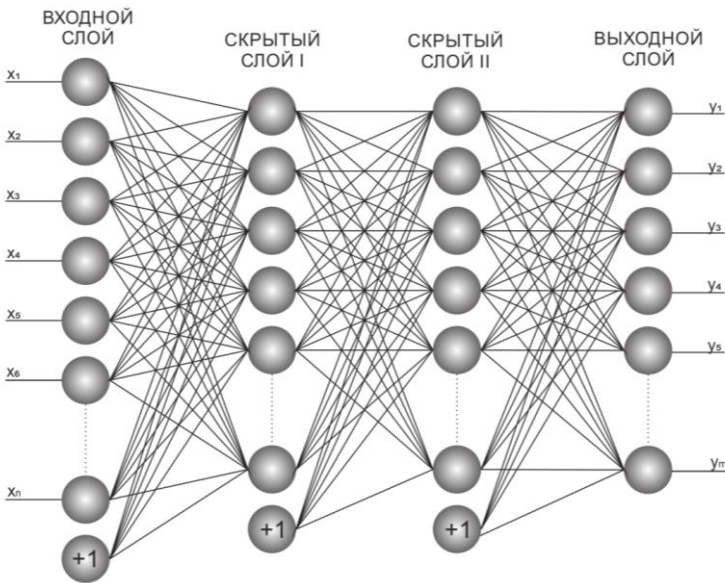

Рис. 1. Многослойный персептрон с двумя скрытыми слоями

Нейронная сеть осуществляет нелинейное преобразование входного вектора $\vec{x} = [x_1, x_2, \dots, x_n]^T$ в выходной вектор $\vec{y} = [y_1, y_2, \dots, y_m]^T$, при этом данное преобразование зависит от значений свободных параметров сети (весов синаптических связей и смещений). Для того чтобы сеть могла решать поставленную задачу, необходимо настроить эти параметры так, чтобы выходные значения соответствовали желаемому результату. Процесс настройки свободных параметров нейронной сети называется *обучением*.

В качестве метода обучения использовался *метод обратного распространения ошибки*, являющийся наиболее популярным методом обучения многослойных нейронных сетей. Метод обратного распространения ошибки позволяет вычислять ошибки нейронов в скрытых слоях, что является ключевой проблемой при построении многослойных нейронных сетей. В методе обратного распространения ошибки применяется следующий прием: ошибка скрытого нейрона рассчитывается как вклад этого нейрона в ошибку на следующем слое, отсюда и название – алгоритм обратного распространения ошибки. То есть сначала считается ошибка на выходном слое, а затем слой за слоем вычисляются ошибки для скрытых нейронов.

Согласно методу ошибки в скрытых и выходных слоях рассчитываются по следующим формулам [6. С. 510]:

$$\delta_j^{hidden} = \varphi'(Z_j) \sum_k \delta_k w_{jk}, \tag{3}$$

$$\delta_j^{out} = \varphi'(Z_j) (y_j - a_j), \tag{4}$$

где δ_j^{hidden} – ошибка j -го нейрона в скрытом слое; δ_j^{out} – ошибка j -го нейрона в выходном слое; $\varphi'(\cdot)$ – производная активационной функции;

Z_j – сумма произведений входных значений j -го нейрона и соответствующих весов; δ_k – ошибка k -го нейрона; w_{jk} – вес, соединяющий j -й нейрон и k -й нейрон из следующего слоя; a_j – предсказанное значение на j -ом нейроне, y_j – соответствующее фактическое значение; k – номер нейрона в слое, по которому рассчитывается ошибка нейрона в предыдущем слое.

Величина коррекции w_{ij} нейрона определяется следующим образом:

$$\Delta w_{ij} = \lambda \delta_j x_i, \quad (5)$$

где x_i – i -е входное значение j -го нейрона; δ_j – величина ошибки j -го нейрона; λ – параметр скорости обучения.

В качестве активационных функций на выходном слое была использована функция Softmax, которая на выходе позволяет получить вектор с вероятностями принадлежности записи к конкретному классу. Функция Softmax представляет собой обобщение логистической функции для многомерного случая. Листинг описанного многослойного перцептрона доступен по адресу https://github.com/dulyaivan/credit_scoring/blob/master/mlp.py.

В работе был применен следующий метод регуляризации: к вычисленной величине коррекции Δw_{ij} весового коэффициента прибавляется текущее значение w_{ij} этого весового коэффициента, умноженное на значение регуляризации, после чего полученное значение становится величиной коррекции Δw_{ij} .

Скорость обучения нейронной сети может задаваться либо константой, либо убывающей функцией от количества эпох обучения. Задание скорости обучения с помощью убывающей функции, например линейной, позволяет подстраивать скорость обучения. В данной работе скорость обучения была задана константой, равной 0,005, так как такая скорость обучения считается эталонной для выбранной архитектуры сети. Она обеспечивает высокую точность настройки весов. Значение регуляризации также было задано константой, равной 0,005.

Количество эпох обучения нейронной сети может задаваться в зависимости от желаемой точности или определяться заранее. В данной работе использовалось фиксированное количество эпох обучения. Тесты показали, что для обучения достаточно одной эпохи, т.е. сети достаточно один раз обучиться на каждом примере, а последующее обучение приводит лишь к переобучению. Это обусловлено большим количеством записей в обучающем множестве (более 200 тыс.).

Для достижения наибольшей точности было решено передавать сети данные не пакетами (батчами), а отдельными записями. Это привело к значительному увеличению времени обучения, но позволило добиться более высокой точности.

Для рассматриваемой задачи было решено использовать сеть с двумя скрытыми слоями. Количество нейронов на входном слое всегда равно количеству входных признаков, а количество нейронов на выходном слое – количеству возможных значений целевого признака (классов). В скрытых слоях количество нейронов необходимо подбирать самостоятельно. В ра-

боте был использован метод перебора. Количество нейронов в первом и втором скрытых слоях варьировалось в диапазоне от 85 до 115 с шагом 3. Для каждой конфигурации была посчитана *cross-validation точность* сети (*CV-точность*).

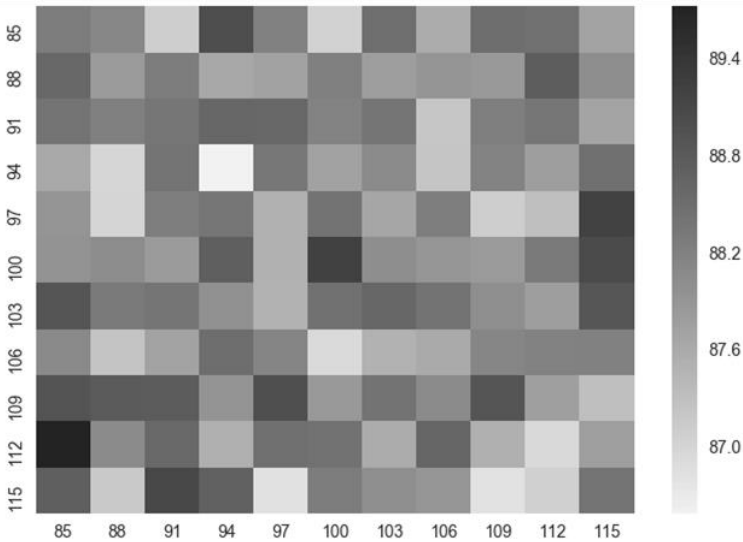

Рис. 2. Тепловая карта *cross-validation* точности различных конфигураций нейронной сети (OSR)

На рис. 2 представлена тепловая карта CV-точности для каждой конфигурации. Согласно данным карты была выбрана конфигурация, обеспечивающая наивысшую точность (112 нейронов в первом скрытом слое и 85 нейронов во втором).

Оценка точности модели

Одним из важнейших этапов построения классификационных моделей является оценка ошибки, именно на данном этапе подтверждается значимость модели и ее эффективность. В качестве показателя точности использовался *общий показатель успеха* (overall success rate, OSR) – отношение правильно классифицированных наблюдений к их общему числу.

Процесс оценки качества модели сводится к тестированию предикативной способности на тестовом множестве, т.е. на тех данных, которые модель еще не видела. В связи с этим обычно исходные данные разделяют на три множества: *обучающее*, *валидационное* и *тестовое*.

После того как модель прошла тестирование и показала хороший результат, тестовое множество может быть использовано для повышения качества модели. При этом считается, что дополнительное обучение не может снизить точность модели.

Для оценки точности была использована *матрица классификации*. Матрица классификации содержит две оси: фактический класс и предсказанный. Обычно вдоль строк располагаются значения фактического класса, а вдоль столбцов – значения предсказанного класса. То есть элемент матрицы, находящийся на пересечении i -й строки и j -го столбца, показывает количество результатов классификаций, которые имели фактически i -й класс, а модель поставила данным наблюдениям в соответствие j -й класс. Значения, находящиеся на главной диагонали, означают правильные классификации, а сумма значений главной диагонали (след матрицы) отражает количество правильно классифицированных записей.

Была рассмотрена динамика обучения модели (рис. 3). В результате анализа было выявлено, что для обучения нейронной сети достаточно показать 40 тыс. записей, потери на обучающей выборке и на тестовой примерно одинаковы на протяжении всего процесса обучения, отсутствует эффект переобучения.

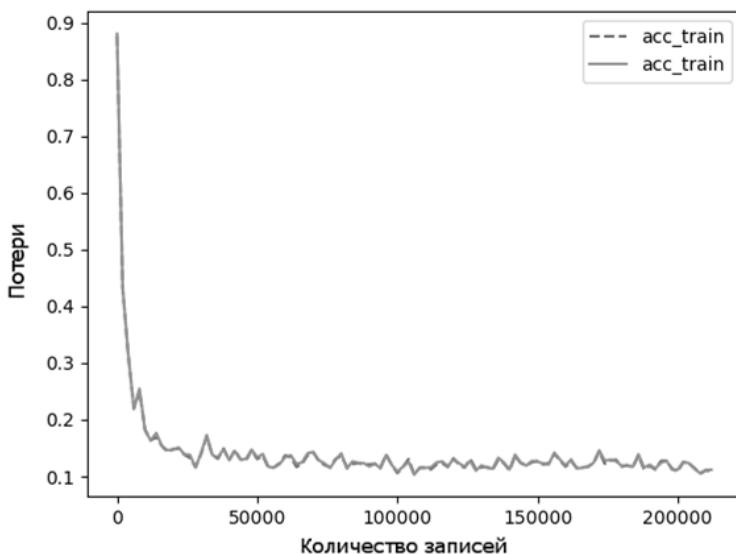

Рис. 3. Потери обучения на обучающем и тестовом множествах

Таблица 2. Матрица классификации

Фактический класс	Предсказанный класс							
	A	B	C	D	E	F	G	
A	3028	0	0	576	0	0	0	
B	1	6059	204	318	5	2	0	
C	1	340	3773	1	219	5	0	
D	72	550	0	5661	0	0	0	
E	1	1	173	0	1794	26	0	
F	0	0	0	0	104	502	0	
G	1	0	0	0	6	140	0	

На тестовом множестве модель смогла определить 20 817 из 23 563 элементов, т.е. точность составила 88,35% (табл. 2). Большая часть ошибочных классификаций сосредоточена вдоль главной диагонали, т.е. если модель и ошибается, то в основном она относит элемент одного класса к соседнему, что для многоклассовой классификации не столь критично. Низкие результаты для класса G обусловлены относительно малым количеством записей данного класса в исходной выборке. С практической точки зрения наибольший интерес представляют элементы матрицы классификации, расположенные ниже главной диагонали, т.е. эти исходы обладают высокими издержками классификации. Точность построенного классификатора, вычисленная методом 10-блочной кросс-валидации [7. С. 172], равна 88,23%.

Заключение

В работе показано применение нейронной сети в решении задачи кредитного скоринга. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что многоклассовая классификация заемщиков по рейтингу кредитоспособности может быть эффективно решена простым многослойным персептроном.

В ходе решения задачи использовалось программное обеспечение с открытым исходным кодом. Подготовка данных, построение модели и ее оценка были осуществлены на языке Python в среде разработки PyCharm. Для работы были использованы базовые библиотеки NumPy [8] и Pandas [9]. Стандартизация распределения признаков, разбиение набора данных на обучающее и тестовое множества, построение матрицы классификации осуществлялись с помощью библиотеки Scikit-learn [10]. Листинг многослойного персептрона был написан самостоятельно.

Нейронные сети могут выявлять сложные, нетривиальные связи между входными и выходными переменными, что позволяет существенно повысить эффективность принимаемых решений, сократить время рассмотрения заявок, снизить влияние человеческого фактора. Автоматизация такой рутинной процедуры, как скоринг, позволяет банкам сократить затраты на соответствующие операции, а освободившиеся трудовые и финансовые ресурсы направить на решение иных задач.

Применение нейронных сетей банками не ограничивается одним скорингом заявителя, но также используется для выявления случаев мошенничества, при работе с должниками и в маркетинге. Это обусловлено высокой универсальностью нейронных сетей.

Литература

1. *Официальная статистика*. Финансы / Росстат. М., 1999–2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance (дата обращения: 01.11.2017).
2. *LendingClub*: официальный сайт. San Francisco, 2006–2018. URL: <https://www.lendingclub.com> (дата обращения: 10.10.2017).
3. *Глинкина Е.В.* Кредитный скоринг как инструмент повышения эффективной оценки кредитоспособности // Банковское дело. 2011. № 16. С. 43–47.

4. Аleshin В.А., Рудаяева О.О. Кредитный скоринг как инструмент повышения качества банковского риск-менеджмента в современных условиях // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 2 (3). С. 27–30.

5. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. 2-е изд. / пер. с англ. М. : Вильямс, 2006. 1104 с.

6. Паклин Н.Б., Орешков В.И. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям. СПб. : Питер, 2013. 704 с.

7. Рашка С. Python и машинное обучение / пер. с англ. А.В. Логунова. М. : ДМК Пресс, 2017. 418 с.

8. NumPy // NumPy developer. 2005–2018. URL: <http://www.numpy.org> (Accessed: 29.04.2018).

9. Pandas // AQR Capital Management. 2008–2018. URL: <http://pandas.pydata.org> (Accessed: 29.04.2018).

10. Scikit-learn // Scikit-learn developer. 2007–2018. URL: <http://scikit-learn.org> (Accessed: 29.04.2018).

Bogdanov A.L., Department of Information Technologies and Business Analytics, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bogdanov.al@mail.tsu.ru

Dulya I.S., Department of Information Technologies and Business Analytics, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: idulya7@gmail.com

AN APPLICATION OF NEURAL NETWORKS TO SOLUTION OF THE CREDIT SCORING TASK

Keywords: classification, multilayer perceptron, neural network, machine learning, data analysis.

The article describes the application of neural networks to solve the task of credit scoring. Also shows the effectiveness of their application to real tasks in example of building model determines the rating of borrower creditworthiness. The statistic data received from platform of mutual crediting Lending Club was used as an initial data. Application of multilayer perceptron was shown in the task of application scoring. The article contains a detailed description of process of knowledge extraction from data: from data preprocessing to building a model and assessing its accuracy.

References

1. Official statistics. Finance: [Electronic resource] // Rosstat. electronic data. Moscow, 1999-2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance (circulation date: 01.11.2017)/

2. LendingClub [Electronic resource] // Official site - Electronic. San Francisco, 2006-2018 - URL: <https://www.lendingclub.com> (circulation date: 10.10.2017)/

3. Glinkina E.V. Kreditnyy skoring kak instrument povysheniya effektivnoy otsenki kreditosposobnosti // Bankovskoye delo. 2011. № 16. P. 43–47.

4. Aleshin V.A. Kreditnyy skoring kak instrument povysheniya kachestva bankovskogo risk-menedzhmenta v sovremennykh usloviyakh / V.A. Aleshin, O.O. Rudayeva // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 2 (3). P. 27-30.

5. Khaykin S. Neyronnyye seti: polnyy kurs, 2-ye izdaniye. M. : Williams Publishing House, 2006. 1104 p.

6. Paklin N.B. Biznes-analitika: ot dannykh k znaniyam / N. B. Paklin, V. I. Oreshkov. - SPb.: Piter, 2013. 704 p.

7. Rashka S. Python i mashinnoye obucheniye / S. Rashka. M.: DMK Press, 2017. 418 p.

8. NumPy: [Electronic resource] // NumPy developer, Electronic data, 2005-2018. URL: <http://www.numpy.org> (circulation date: 29.04.2018).

9. Pandas: [Electronic resource] // AQR Capital Management, Electronic data, 2008-2018 URL: <http://pandas.pydata.org> (circulation date: 29.04.2018).

10. Scikit-learn: [Electronic resource] // Scikit-learn developer, Electronic data, 2007-2018. URL: <http://scikit-learn.org> (circulation date: 29.04.2018).

For referencing:

Bogdanov A.L., Dulya I.S. *Применение нейронных сетей в решении задачи кредитного скоринга [An application of neural networks to solution of the credit scoring task]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 173–183.*

УДК 338.1

DOI: 10.17223/19988648/44/13

С.В. Чернявский, Д.А. Фирсов

**ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ С ПОМОЩЬЮ
ПРОИЗВОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ
КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ¹**

В статье исследуются причины наблюдаемой в 2003–2004 и 2010–2011 гг. динамики спада валового внутреннего продукта при одновременном росте инвестиций в основной капитал. Выявлено, что главным источником финансирования инвестиций в основной капитал выступает природная рента. Однако по факту в процессе реализации инвестиций в основной капитал часть природной ренты трансформируется и нелегально изымается в сверхдоходы исполнителей проектов. Ключевыми исполнителями являются предприятия строительной отрасли, а инструментом трансформации и изъятия природной ренты – производные от основных инвестиционные проекты.

Ключевые слова: природная рента, инвестиции, производные инвестиционные проекты, строительство, теневая экономика.

За последние десять лет в России наблюдалась разнонаправленная динамика валового внутреннего продукта (ВВП). Неустойчивые тенденции роста сменялись регулярными падениями. Декларируемый переход отечественной экономики на импортозамещение пока не получил должного распространения на практике. Качественный промышленный рывок, ожидаемый за счет развития высокотехнологичных отраслей, не наступает в условиях существующих структурных диспропорций, обусловленных асимметричностью информации. В данном случае интерес для исследования представляют динамика и структура инвестиций в основной капитал, обладающих соответствующим потенциалом для экономического роста.

По данным Росстата с 2002 по 2016 г. динамика ВВП и инвестиций в основной капитал была не однотипной, а на временных отрезках 2003–2004 гг. и 2010–2011 гг. – разнонаправленной (табл. 1).

Исходя из постулатов экономической науки, динамика ВВП должна зависеть от динамики инвестиций в основной капитал. Однако представленные на рис. 1 диаграммы наглядно демонстрируют различную амплитуду колебаний графиков.

Приведенные графики свидетельствуют о слабой зависимости динамики ВВП от динамики инвестиций. А ситуация, представленная на временных отрезках 2003–2004 и 2010–2011 гг., требует отдельного исследования

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Моделирование механизма изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России» № 16-06-00513а.

и объяснения, поскольку здесь прослеживается обратная зависимость, при которой рост объема инвестиций в основной капитал сопровождается снижением ВВП.

Для дальнейшего исследования целесообразно рассмотреть данные Росстата о структуре инвестиций в основной капитал, для анализа которой потребуются также показатель рентабельности проданной продукции и структура выпуска (табл. 2).

Таблица 1. Динамика ВВП и инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)

	Год														
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Динамика ВВП	104,7	107,3	107,2	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,7	101,8	100,7	97,2	99,8
Динамика инвестиции в основной капитал	102,9	112,7	116,8	110,2	117,8	123,8	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,8

Источник: По данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

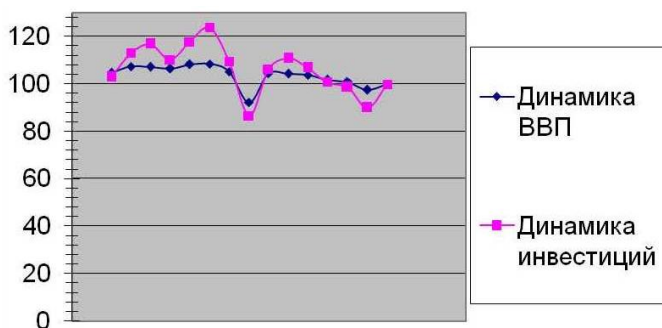

Рис. 1. Диаграмма зависимости динамики ВВП от динамики инвестиций

Таблица 2. Основные макроэкономические показатели России за 2017 г.

Вид экономической деятельности	Инвестиции в основной капитал, в % к итогу	Рентабельность проданной продукции	Структура выпуска, в % к итогу
Всего в экономике	100	7,5	100
В том числе по видам экономической деятельности:			
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,4	17,3	4,2

Вид экономической деятельности	Инвестиции в основной капитал, в % к итогу	Рентабельность проданной продукции	Структура выпуска, в % к итогу
добыча полезных ископаемых	25,1	25,9	8,0
обрабатывающие производства	16,0	11,5	24,7
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6,8	8,3	4,8
строительство	2,3	7,2	6,9
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	3,0	4,6	12,9
транспортировка и хранение	18,1	9,7	7,8
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,4	7,0	0,9
деятельность в области информации и связи	3,6	14,2	2,3
деятельность финансовая и страховая	2,6	0,4	3,1
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	6,7	15,5	6,4
деятельность профессиональная, научная и техническая	3,0	12,3	4,1
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,5	12,3	1,6
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	2,2	1,6	5,8

Источник: Россия в цифрах. 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm

Исходя из табл. 2, основной объем инвестиций в основной капитал осуществляют отрасли, связанные с добычей полезных ископаемых, их неглубокой переработкой и транспортировкой.

Инвестиционная привлекательность представленных в табл. 2 отраслей может быть определена на основании расчета выпуска продукции в денежном эквиваленте на один рубль инвестиций в основной капитал. В отраслях добычи полезных ископаемых одному вложенному рублю инвестиций в основной капитал соответствует 3,33 руб. готовой продукции, транспортировка и связь – 4,50 руб. готовой продукции, обрабатывающие отрасли – 16,12 руб. готовой продукции на один рубль инвестиций в основной капитал. На основе показателя рентабельности проданной продукции можно вычислить величину валовой прибыли на один рубль инвестиций в основной капитал. В отраслях добычи полезных ископаемых данный показатель составляет 0,86 руб. на один рубль инвестиций в основной капитал, в отраслях транспортировки и связи – 0,43 руб. на один рубль инвестиций в основной капитал, в обрабатывающих отраслях – 1,85 руб. на один рубль инвестиций в основной капитал. Значение показателя рентабельности активов в обрабатывающих отраслях ниже, чем в добывающих. Однако они более привлекательны для инвесторов. Следует отметить, что

все три вышеперечисленные отрасли испытывают острую нехватку инвестиций ввиду высокой степени износа основных фондов (от 50 до 57,5%) по сравнению со средним значением по экономике (48,1%).

Представленные выше группы отраслей обладают относительно высокой стоимостью основных фондов. Так, у отраслей добычи полезных ископаемых основные фонды на конец 2016 г. имеют полную учетную стоимость 21 527 млрд руб., у обрабатывающих отраслей – 16 438 млрд руб., у отраслей транспортировки и хранения – 47 611 млрд рублей. С данными отраслями по показателю полной учетной стоимости основных фондов можно сопоставить деятельность по операциям с недвижимым имуществом, где данная величина составила на конец 2016 г. 43 713 млрд руб., что даже выше, чем у добывающих и обрабатывающих отраслей, вместе взятых. Однако уровень износа основных фондов здесь значительно ниже среднего значения по экономике и составляет 37%. Данный факт свидетельствует о большей нехватке инвестиций в основной капитал у ранее перечисленных трех отраслей, нежели деятельности по операциям с недвижимым имуществом. Кроме того, величина выпущенной продукции на один рубль инвестиций в основной капитал здесь составляет 9,98 руб., а величина валовой прибыли – 1,54 руб. на один рубль инвестиций в основной капитал. По совокупности перечисленных характеристик деятельность по операциям с недвижимым имуществом имеет большую привлекательность для инвесторов, чем перечисленные выше отрасли, у которых объем инвестиций в основной капитал составляет почти две трети от совокупного объема инвестиций в основной капитал.

Сделки, связанные с куплей-продажей и использованием недвижимого имущества, представляются в настоящий момент для инвесторов самыми прогнозируемыми. Наиболее достоверная оценка проекта и высокая вероятность достижения ожидаемого результата являются в существующих условиях асимметричности информации основными для привлечения инвесторов. Приобретая недвижимое имущество, инвесторы также ориентируются на возможность сохранения капитала. Обладание недвижимым имуществом дает возможность сохранения сбережений и получения гарантированного дохода с аренды. В реальном секторе аналогичные альтернативы вложений отсутствуют. При этом деятельность по операциям с недвижимым имуществом в структуре выпуска составляет 6,4%, в то время как занято здесь менее 3% трудоспособного населения, что свидетельствует о слабой зависимости отрасли от трудовых ресурсов и повышает инвестиционную привлекательность.

К негативным экономическим характеристикам деятельности по операциям с недвижимым имуществом можно отнести некоторые сходства с финансовыми пирамидами. Значительный приток денежных средств здесь стимулируется спекулятивными мотивами. При этом предел снижения доходов и сбережений инвесторов у финансовых пирамид измеряется нулевой отметкой, а в деятельности по операциям с недвижимым имуществом может достигать и отрицательных значений в связи с тем, что необходимо

финансировать затраты на эксплуатацию и техническое обслуживание объектов независимо от рыночной конъюнктуры, а также производить оплату налогов и сборов, что, безусловно, свидетельствует о высоких рисках. Вложения в деятельность по операциям с недвижимым имуществом в подавляющем большинстве зависят от потребительского, а зачастую спекулятивного спроса, поэтому нацеленность на синергетический эффект здесь отсутствует. Перспектив развития промышленного спроса в настоящее время не наблюдается. По данным Росстата (табл. 3), количество введенных в действие промышленных зданий (4,8 млн кв. м) составляет лишь 3,4% от общего объема введенных зданий.

Таблица 3. Ввод в действие зданий

	Число зданий		Общий строительный объем зданий, млн м ³		Общая площадь зданий, млн м ²	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Введено в действие зданий всего	278 295	272615	608,5	599,4	135,8	137,3
В том числе:						
жилого назначения	259 518	253 806	400,4	401,3	103,4	104,6
нежилого назначения	18 777	18 809	208,1	198,1	32,4	32,7
Из них:						
промышленные	2 861	2 684	45,5	46,3	4,6	4,8
сельскохозяйственные	2 734	2 740	34,7	42,0	5,8	7,7
коммерческие	6 067	6 275	65,4	53,3	10,2	9,0
административные	1 191	1 164	9,6	7,6	1,9	1,6
учебные	752	639	14,8	15,6	3,3	3,3
системы здравоохранения	672	567	4,7	4,7	1,1	1,3
другие	4 500	4 740	33,4	28,6	5,5	5,0

Источник: Россия в цифрах. 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm

Более 90% инвестиций в основной капитал реализуется посредством работы строительной отрасли и машиностроительного комплекса. Так, в табл. 4 представлены данные Росстата о структуре инвестиций в основной капитал в зависимости от видов основных фондов. В строительстве жилых зданий и помещений, прочих зданий и сооружений, а также в улучшении земель большей частью участвуют предприятия строительной отрасли, а в производстве машин, оборудования, транспортных средств – предприятия машиностроительного комплекса.

Исходя из табл. 3 и 4, очевидно, что основной объем средств инвесторов приходится на сооружения. Учитывая, что основными инвесторами являются добывающие отрасли, транспорт и обрабатывающие отрасли неглубокой переработки, можно сделать вывод, что основная часть сооружений возводится с целью добычи и транспортировки полезных ископаемых. Созданием сооружений занимаются предприятия строительной отрасли.

Таблица 4. Инвестиции в основной капитал по видам основных фондов в 2017 г.

	Млрд руб.	В % к итогу
Инвестиции в основной капитал	15 966,8	100
В том числе:		
жилые здания и помещения	2 282,8	14,3
здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	7 215,1	45,2
машины, оборудование, транспортные средства	5 083,3	31,8
объекты интеллектуальной собственности	478,7	3,0
прочие	906,9	5,7

Источник: Россия в цифрах. 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm

Машины, оборудование и транспортные средства изготавливаются предприятиями машиностроительного комплекса. Доля машиностроительных предприятий в общем объеме отгруженных товаров обрабатывающих отраслей составляет незначительную часть (табл. 5).

Таблица 5. Структура объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, %

	2016 г.	2017 г.
Обрабатывающие производства	100	100
В том числе:		
производство пищевых продуктов	15,3	14,1
производство кокса и нефтепродуктов	20,1	22,1
производство химических веществ и химических продуктов	7,4	7,1
производство металлургическое	13,5	13,7
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	6,1	6,0
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	3,5	3,3
производство электрического оборудования	2,4	2,3
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	3,0	2,9
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	4,8	5,6
производство прочих транспортных средств и оборудования	4,4	4,8
ремонт и монтаж машин и оборудования	2,2	2,2

Источник: Россия в цифрах. 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm

Соответственно, продукция отечественных предприятий машиностроительного комплекса не покрывает инвестиционную потребность в оборудовании. Значительная часть оборудования поступает из-за рубежа (табл. 6).

Таким образом, можно сделать вывод, что предприятия строительной отрасли исполняют больший объем инвестиций, чем предприятия машиностроительного комплекса. Строительная отрасль имеет на 2017 г. одни из самых высоких показателей, свидетельствующие о привлекательности отрасли для инвесторов.

Таблица 6. Товарная структура импорта Российской Федерации
(в фактически действовавших ценах)

	Год							
	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Миллиардов долларов США</i>								
Импорт всего	33,9	98,7	229	315	287	183	182	228
В том числе:								
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	7,4	17,4	36,4	43,3	40,0	26,7	25,1	28,8
минеральные продукты	2,1	3,0	5,2	6,9	7,3	5,0	3,2	4,4
продукция химической промышленности, каучук	6,1	16,3	37,0	50,0	46,5	34,0	33,8	40,3
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,3	1,2	1,5	1,3	0,8	0,8	1,1
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,3	3,3	5,9	6,6	5,9	3,6	3,4	3,6
текстиль, текстильные изделия и обувь	2,0	3,6	14,1	18,0	16,3	10,8	11,0	13,5
металлы, драгоценные камни и изделия из них	2,8	7,7	16,8	22,6	20,6	12,4	11,9	16,2
машины, оборудование и транспортные средства	10,7	43,4	102	153	137	81,9	86,1	110
прочие	1,4	3,7	...	13,5	12,7	7,7	7,1	8,7
<i>В процентах к итогу</i>								
Импорт всего	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:								
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	21,8	17,7	15,9	13,7	13,9	14,6	13,7	12,7
минеральные продукты	6,3	3,1	2,3	2,2	2,6	2,7	1,8	2,0
продукция химической промышленности, каучук	18,0	16,5	16,1	15,9	16,2	18,6	18,6	17,7
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,4	0,3	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,8	3,3	2,6	2,1	2,1	2,0	1,9	1,6
текстиль, текстильные изделия и обувь	5,9	3,7	6,2	5,7	5,7	5,9	6,0	6,0
металлы, драгоценные камни и изделия из них	8,3	7,7	7,3	7,2	7,1	6,7	6,5	7,2
машины, оборудование и транспортные средства	31,4	44,0	44,4	48,5	47,6	44,8	47,2	48,6
прочие	4,1	3,7	...	4,3	4,4	4,3	3,9	3,8

Несмотря на то, что рентабельность строительной отрасли близка к средней по экономике, величина валовой прибыли на один рубль инвестиций в основной капитал составляет в строительстве 2,54 руб. Показатель валовой прибыли на один рубль инвестиций в основной капитал почти в три раза выше аналогичного показателя в отраслях добычи полезных иско-

паемых, являющихся ключевым заказчиком и способным влиять на цены контрактов.

Инвестирование в сферу недвижимости также опосредует развитие строительной отрасли, но только частично и по остаточному принципу, существенно не влияя на параметры отрасли.

Строительная отрасль в современных условиях оказывает самое существенное влияние на инвестиционный процесс, получая больше половины всего инвестиционного финансирования. Соответственно, финансы строительной отрасли являются в настоящее время главным фактором формирования и исполнения инвестиционных расходов в процессе непосредственного производства инвестиционной продукции.

Результаты деятельности строительной отрасли можно оценить, рассматривая ее работу в рамках реализации бюджетных инвестиций, представляющих собой один из самых проверяемых источников финансирования инвестиций в основной капитал.

Так, согласно отчетам Счетной палаты Российской Федерации зафиксирован масштабный сбой в процессе реализации бюджетных инвестиций.

«По состоянию на 1 января 2015 года, по данным ведомств с учетом подведомственных учреждений и ФГУП, количество объектов незавершенного строительства составило порядка 9 тыс. объектов. По данным Минэкономразвития России, из 1394 объектов, предусмотренных к вводу в эксплуатацию в 2012 г., в установленные сроки введено 1080, или 77,5% общего количества предусмотренных к вводу. В 2013 г. введено 528 объектов из 897, или 58,9%; в 2014 г. – 365 из 772, или 47,3%. За 2011–2014 гг. доля объектов, введенных в эксплуатацию, снизилась более чем на 30 процентных пунктов, в то время как уровень кассовых расходов на ФАИП (без учета расходов в рамках гособоронзаказа) снизился лишь на 3,1 процентного пункта, освоения средств – на 17,4 процентного пункта»¹. Установлены факты оплаты некачественно выполненных или вообще невыполненных работ.

Строительная отрасль имеет существенные отличия от машиностроительного комплекса. К ним можно отнести:

- высокую зависимость от проектных организаций и поставщиков материалов;
- индивидуальность продукции и множество различных технологических операций, затрудняющих сравнительную стоимостную оценку;
- длительные сроки производства продукции;
- высокую долю ручного труда, увеличивающую зависимость от человеческого фактора;
- допустимость замены дорогостоящих высококачественных материалов простыми аналогами с низкой ценой, не ухудшающую характеристики объектов в обозримой перспективе;

---

¹ По данным Счетной палаты Российской Федерации. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/23518

- дорогостоящий контроль;
- возможность скорейшей подготовки рабочего персонала прямо на объекте, обусловленную отсутствием технической сложности ряда работ, осуществляемых вручную и позволяющих избежать требуемой нормативно квалификации;
- допустимость экономии затрат за счет вытеснения квалифицированного труда неквалифицированным;
- возможность экономии затрат за счет выстраивания неоптимальной технологической последовательности работ, значительно увеличивающей сроки строительства и позволяющей обосновать дополнительные работы;
- дискретность финансовых потоков, нацеливающую исполнителей на формирование максимальных резервов.

Данные характеристики позволяют сделать вывод о возможности использования строительной отрасли для формирования и реализации проектов, приносящих максимально возможный доход строительной отрасли. Источником такого дохода являются средства предприятий и отраслей, осуществляющих инвестиции в основной капитал с привлечением строительной отрасли. Учитывая, что большинство инвесторов относится к предприятиям добычи природных ресурсов и их транспортировки, можно сделать вывод, что ключевым источником данного дохода выступает природная рента.

Посредством осуществления инвестиций в основной капитал, в процессе которых отрасли добычи природных ресурсов аккумулируют природную ренту, а затем используют ее в качестве источника инвестиций и направляют в строительную отрасль, природная рента трансформируется в доходы, ориентировочный размер которых можно исчислить за счет разницы в показателях валовой прибыли на один рубль инвестиций в основной капитал между строительством и отраслями добычи полезных ископаемых.

Трансформация природной ренты осуществляется за счет производных инвестиционных проектов. Производный инвестиционный проект можно представить как действия субъектов, направленные на присвоение финансовых ресурсов, генерируемых в процессе формирования и реализации основного инвестиционного проекта, декларируемой целью которого является в том числе обоснование доходов, по факту отчуждаемых от первоначального источника инвестиций в основной капитал. В данном случае таким источником выступает природная рента.

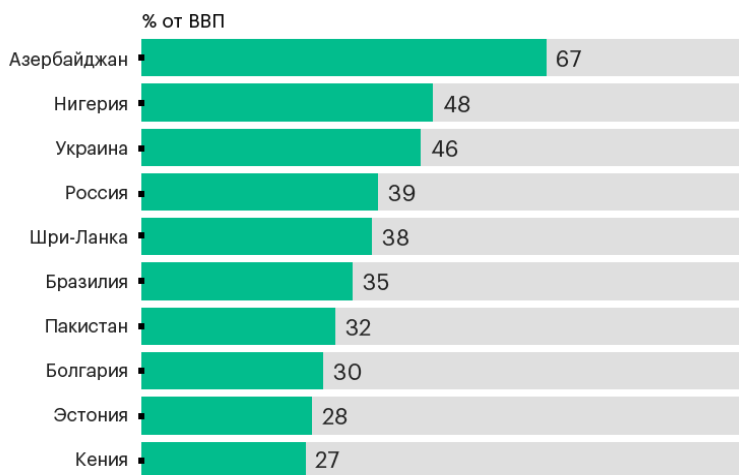
Проблема трансформации природной ренты посредством производных инвестиционных проектов имеет серьезные макроэкономические масштабы. Глубина рассматриваемой проблемы проявляется на примере данных Росстата, по которым *«расчеты показателей скрытой и неформальной экономики ведутся на основании косвенной информации, применения балансовых и других специфических методов и экспертных оценок. Поправки на скрытую и неформальную деятельность делаются как для показателей производства ВВП, так и для показателей состава ВВП с точки зрения*

доходов и расходов. Суммарная поправка на различные виды скрытой и неформальной деятельности и не учитываемые в обычном порядке экономические операции составляла в последние годы от одной пятой до одной четвертой ВВП России»¹. По данным представленных таблиц, поправка на неформальную и теневую деятельность в 2017 г. составила от 18 до 23 трлн руб.

По экспертным оценкам международной ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА) данный параметр отечественной экономики выше и является одним из самых высоких в мире (рис. 2).

При этом в большинстве стран мира доля строительства в составе теневых процессов остается на самом высоком уровне и составляет порядка 35% от теневого оборота [1. С. 37]. Данный факт свидетельствует об однотипном влиянии строительной отрасли на развитие данных процессов во всех странах мира. Так, на протяжении истории развития производительных сил, с момента возникновения капиталистического способа производства, строительство использовалось в том числе в качестве механизма хищения бюджетных субсидий в силу определенной финансовой специфики [3. С. 65].

Источник: АССА

© РБК, 2017

Рис. 2. Доля теневой экономики в странах мира

Серьезной проблемой современной строительной отрасли является смещение и разрушение центров финансовой ответственности ввиду нацеленности на сверхдоходы не только инвесторов, которые входят в состав субъектов производных инвестиционных проектов, но и значительного количества занятых на предприятиях строительной отрасли.

В настоящее время в данной отрасли сформировался четко отлаженный механизм вывода денежных средств из оборота под прикрытием стройки.

¹ По данным Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm

Кроме нелегального вывода денежных средств из оборота, в строительной отрасли наблюдаются их прямые потери за счет неоптимальной схемы работы и низкой производительности труда.

Так, значительная часть занятых в строительной отрасли не относит необоснованное обогащение к преступлениям и считает это способом в отстаивании прав на дополнительные доходы. Например:

- рабочие могут присваивать себе инструменты, инвентарь, прочие изделия и материалы, умышленно сокращать производительность труда с целью шантажа руководителей;

- начальники участков и прорабы могут брать на себя функции посредников для выплаты заработной платы подчиненным, а при ужесточении контроля саботировать поручения вышестоящих;

- сотрудники, занимающиеся снабжением, могут быть нацелены на получение личной выгоды от поставщиков изделий, материалов и инвентаря;

- инженерно-технические работники могут переключать свои должностные обязанности на аффилированные компании или получать дополнительные незаконные гонорары с субподрядных организаций за согласования документации;

- менеджеры могут привлекать аффилированные компании с целью хищений средств, которые могут бытькратно увеличены в случае сговора с должностными лицами организаций заказчика и (или) инвестора.

Данный факт, безусловно, не может относиться ко всем представителям отрасли, но процессы принимают системный характер.

Поскольку на этапе первоначального накопления капитала в сфере строительства центры финансовой ответственности не были смещены и разделены, существовало множество способов противодействия данным процессам посредством влияния на указанные центры. Таким образом проблема купировалась и не получала такого масштабного распространения, как в настоящее время, когда строительство стало одним из ключевых факторов развития теневой экономики в мире. Однако степень проявления данного фактора зависит от масштаба госсектора в экономике и уровня налогообложения [2. С. 334].

В России действие данных факторов выше, чем в странах с развитой рыночной экономикой, по ряду ранее перечисленных причин, что объясняет распространенность теневых процессов в строительстве именно в аспекте трансформации природной ренты с целью ее присвоения и сокрытия.

Принимая во внимание выявленные Счетной палатой Российской Федерации нарушения и развитие производных инвестиционных проектов, необходимо отметить проецирование данных явлений на другие отрасли. Представленная масштабность явления подтверждает влияние механизма сокрытия информации в инвестиционной сфере на финансовые системы остальных отраслей и снижение производительности труда.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что возможность трансформации природной ренты в доходы отдельных экономических субъектов обеспечивается за счет реализации производных инвестиционных проектов к основным инвестиционным проектам отраслей

добычи и транспортировки природных ресурсов. Причиной являются теневые процессы строительной отрасли, распространяющиеся по факту на всю экономику и блокирующие инвестиционный потенциал. Этим и объясняется возможность падения ВВП при одновременном росте инвестиций в основной капитал. Изменение ситуации возможно только после разработки инструментов повышения прозрачности финансовой информации в строительстве, и, как следствие, нивелирования процессов сокрытия теневых доходов.

Литература

1. Авдеева И.А., Юнева Е.А. Методы борьбы с теневой экономикой в странах ЕС // СГСЭУ. 2018. № 2 (71). С. 36–39.

2. Кокин А.С., Яснев О.В., Яснев В.Н. Теневая экономика в мировом экономическом пространстве // Экономические науки. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 333–337.

3. Латов Ю.В. Функции теневой экономики как институциональной подсистемы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4, № 1.

Cherniavskiy S.V., Institute for Market Problems Russian Academy of Sciences (IPR RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vols85-85@mail.ru.

Firsov D.A., Institute for Market Problems Russian Academy of Sciences (IPR RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: firsov_d@mail.ru

TRANSFORMATION AND REDISTRIBUTION OF NATURAL RENT THROUGH DERIVATIVE INVESTMENT PROJECTS AS A THREAT TO THE COUNTRY'S ECONOMIC SECURITY

Keywords: natural rent, investments, derivative investment projects, construction, shadow economy.

This article explores the reasons observed in 2003–2004 and 2010–2011, the dynamics of decline in gross domestic product, while the growth of investment in fixed capital. It is revealed that the main source of financing of investments in fixed capital is natural rent. However, in fact, in the process of investment in fixed capital, part of the natural rent is transformed and illegally withdrawn into excess profits of project implementers. The key performers are enterprises of the construction industry, and the tool of transformation and withdrawal of natural rent – derived from the main investment projects.

References

1. Avdeeva I.A., Yuneva E.A. Metody bor'by s tenevoj ehkonomikoj v stranah ES // SGSEHU. 2018. № 2 (71). P. 36–39.

2. Kokin A.S., YAsenev O.V., YAsenev V.N. Tenevaya ehkonomika v mirovom ehkonomicheskom prostranstve // Ekonomicheskie nauki. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 1 (1). P. 333–337.

3. Latov YU.V. Funkcii tenevoj ehkonomiki kak institucional'noj podsistemy // Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. Tom 4. № 1. P. 65.

For referencing:

Cherniavskiy S.V., Firsov D.A. Transformaciya i pereraspredelenie prirodnoj renty s pomoshch'yu proizvodnyh investicionnyh proektov kak ugroza ehkonomicheskoj bezopasnosti strany [Transformation and redistribution of natural rent through derivative investment projects as a threat to the country's economic security]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 184–195.

УДК 338.001.38

DOI: 10.17223/19988648/44/14

Л.М. Волощенко, А.С. Довгань

АНАЛИЗ КУРСОВОЙ СТОИМОСТИ ВАЛЮТНЫХ ПАР В КОНТЕКСТЕ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ВАЛЮТЫ

Рассмотрен вопрос барьеров развития паритетного состояния покупательной способности валютных средств в экономической системе. Проведен сравнительный анализ факторов экономического роста исследуемой группы государств. Выявлены пути повышения уровня покупательной способности финансовых средств с реальной стоимостью товарной продукции.

Ключевые слова: паритет покупательной способности, финансовые средства, экономика, финансовый анализ, рынок.

Основой существования паритета покупательной способности валютных средств в экономической системе любого государства, без сомнения, является крепкий и устойчивый курс национальной валюты по отношению к другим валютным номиналам. Данное правило – это аксиома, которая не требует доказательств.

Но зачастую ситуация в экономическом (особенно в финансовом) поле деятельности государства имеет динамическую природу, иными словами, постоянно меняется. Изменчивая природа экономического состояния современного государства влечет за собой изменение всех показателей экономической деятельности. Для того чтобы понять плохо это или хорошо, необходимо провести простейший анализ ситуации и зафиксировать положительное или отрицательное отклонение экономических показателей деятельности от заранее установленного норматива.

На первый взгляд все достаточно просто, но в действительности все может оказаться немного сложнее, чем предполагалось.

Понятие крепкого и устойчивого курса национальной валюты в номинале предполагает сохранение текущего национального богатства (которое было ранее накоплено нацией) государства в прежних количествах. Но, учитывая стремление общества развиваться, а мировой экономики постоянно расти, удерживать курс национальной валюты государства на основе заслуг прошлых лет просто невозможно. Только непрерывное поддержание процессов производства и обновления продукции может сохранить накопленные ранее богатства нации, на основе которых и формируется курс национальной валюты. Иными словами, чем эффективнее работает экономика государства, тем крепче и устойчивее курс национальной валюты [1].

Существование такой ситуации в экономике любого государства автоматически создает предпосылки для формирования стабильной финансо-

вой, экономической, социальной систем, способных обеспечить текущие потребности населения в комфортной жизни.

Соблюдение паритета покупательной способности между национальной валютой и валютами других государств может обеспечивать стабильность развития экономики государства [2].

Практически все сказанное ранее имеет воплощение в конкретных примерах. Так, некоторые государства Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Италия, Австрия, Бельгия, Голландия, Дания и пр.) имеют в основе своих экономик развитый финансовый регулятор экономической системы, представленный в виде банковского сегмента. Анализировать эффективность функционирования и стабильность развития экономики каждой из представленных стран бессмысленно, поскольку наглядный пример распространения продукции данных государств в товарной сети государств группы ОЭП (общего экономического пространства) уже обеспечивает стабильный рост экономической системы данных государств. Стабильность развития экономики способствует выработке границ колебания для финансового регулятора экономики. Чем развитее экономика, тем уже эти границы. Таким образом, с учетом пределов роста и падения финансового сектора экономики государства в процессе функционирования самой экономики формируется определенная экономическая среда, которая способствует выработке конкретных правил и законов функционирования, в том числе банковского сегмента экономики.

Все вышесказанное доказывает, что государство, имеющее стабильно развивающуюся экономику, обладает развитым банковским сектором экономики, который способствует дальнейшему ее развитию посредством кредитования и финансирования различных проектов физических и юридических лиц. Причем условия кредитования и иного финансирования в таком государстве будут намного мягче, чем в государстве со слабо развивающейся экономикой за счет финансовой подушки, формируемой из более ранних накоплений в результате деятельности экономики государства.

Именно благодаря данному явлению страны Западной Европы имеют хорошо развитый банковский сектор экономики, на котором завязано не менее 70% населения этих государств, осуществляющих различные финансовые операции с помощью банковского сегмента (ипотечное кредитование, автокредитование, залоговые операции, страхование и т.д.).

Ситуация в США сильно отличается от европейской, поскольку состояние экономики данного государства имеет значительные отклонения от номинальных показателей эффективности, преимущественно, в отрицательную сторону. Дело в том, что производственный сегмент в экономике США в последнее время был перемещен в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, что лишило американскую экономику огромного количества рабочих мест, а главное – возможности правильного репродуцирования финансовых средств [3].

Однако основным преимуществом американской экономической системы является главный финансовый институт страны – Федеральный резерв

США, обладающий монополией на выпуск международной валюты. Отсутствие контроля над выпуском международных валютных средств позволяет Федеральному резерву проводить политику финансовой эмиссии без реального золотого или товарного обеспечения [4].

Таким образом, стабильность развития экономической системы США достигнута за счет постоянной эмиссии международной валюты, которая и обеспечивает функционирование всех институтов власти, организаций, предприятий и различных обществ. Однако это не означает, что Федеральный резерв бесконтрольно раздает напечатанные деньги. Как и в любой другой экономической системе, деньги в данном случае, выступают лишь стимулом к производству продукции и предоставлению услуг. Стоимость же труда в США одна из самых высоких, искусственно установлена и призвана обеспечить высокий уровень жизни для населения. Отличия лишь в том, что количество данных валютных средств в экономике США значительно превышает золотые запасы страны, а также стоимость всей производимой продукции и услуг в стране. Единственным обеспечением постоянной валютной эмиссии США является долговое обязательство будущей деятельности населения США.

Бесконтрольная финансовая эмиссия Федеральным резервом создала огромное количество наличных финансовых средств в стране и за ее пределами, однако экономическая система США искусственно лишена инфляционных процессов в пользу формирования имиджа стабильной и успешной экономической модели управления государством. В основу имиджа также входит поддержание паритетного состояния покупательной способности доллара к другим валютным номиналам, при этом паритетное положение доллара демонстрирует гиперстабильность на протяжении нескольких десятилетий [5].

Недостатком ведения такой политики является формирование долговых обязательств перед странами – поставщиками производимых благ, что в конце концов однозначно приведет к дефолту всей экономической системы США и разрушению всей международной экономической системы в целом.

Однако сформированная финансовая подушка безопасности в экономической системе США также присутствует, что способствует формированию лояльных условий для потребителей банковских продуктов.

Для того чтобы оценить эффект продолжительного паритетного состояния одной валюты к другой, достаточно взглянуть на график валютных котировок за продолжительный период времени, а также сравнить стоимость нескольких валют по отношению друг к другу и оценить валютный коридор стоимостного отклонения.

На рис. 1 и 2 представлены графики валютных торгов по парам евро / доллар США (EUR/USD) и доллар США / евро (USD/EUR) на основе данных ОАО «Московская биржа».

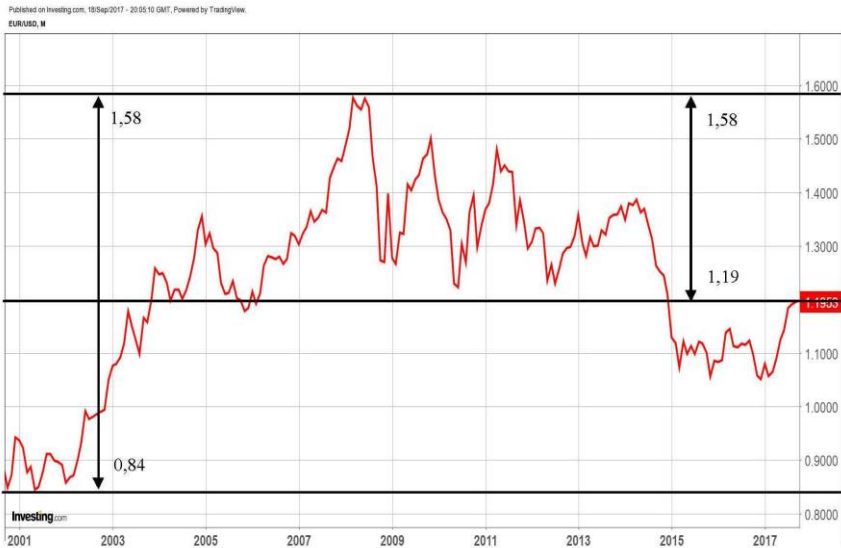

Рис. 1. График валютных торгов пары EUR/USD, 2002–2017 гг. [6, 23]

Рис. 2. График валютных торгов пары USD/EUR, 2001–2017 гг. [7, 24]

На представленных графиках видно, что валютный коридор стоимостного отклонения в обоих случаях достаточно узкий. В обоих случаях он не превышает номинальной единицы стоимости валюты, что свидетельствует о наличии у страны финансовых резервов, способных смягчить стреми-

тельное падение или рост валюты для создания эффекта относительной стабильности стоимости валюты. Паритет покупательной способности в таких условиях может сохраняться в номинальном положении, без каких-либо отклонений. Соблюдение паритета покупательной способности данных валют, как отмечалось ранее, позитивно влияет на развитие взаиморасчетной политики, а также на долгосрочное планирование в области привлечения инвестиционных средств, развития производства и в целом на развитие экономик государств. Стоит заметить, что за последние 10 лет валютный коридор стоимостного отклонения стал еще меньше, что свидетельствует об эффективности управления ситуацией в данном поле деятельности.

Однако ситуация в зоне ЕС до введения региональной европейской валюты была совершенно иной. Валютные отношения доллара США и национальных валютных единиц стран ЕС имели ряд негативных факторов, свидетельствующих о серьезных экономических проблемах в Еврозоне. Ситуацию частично удалось побороть благодаря введению евро, что позволило контролировать не только эмиссию валютных средств, но и эффективность их расходования на стратегические направления. Ключевым фактором, позволившим переломить проблемы функционирования прежних валютных систем, являлся механизм контроля концентрации валютной массы.

Валютные отношения между долларом США, евро и валютами группы стран ОЭП несколько отличаются от валютных отношений доллара США и евро. Стоимость каждой из валют группы стран ОЭП по отношению к международной валюте не имеет такого сдержанного валютного коридора. Почти каждая из данных валют значительно теряет в своей стоимости на протяжении последних 20 лет. Объяснить такую тенденцию можно экономическими аспектами перехода единой экономической системы группы стран ОЭП к рыночным принципам функционирования.

Конечно, в современном мире не существует технологии безболезненной смены политической и экономической систем на другую (что, собственно, и произошло). Однако в современном мире ситуацию со сменой экономической и политической систем в странах бывшего Советского Союза не с чем сравнивать, поскольку ничего подобного ни с одной страной в мире до сих пор не происходило.

Словом, в большинстве стран группы ОЭП переход к рыночной экономике привел к значительному отклонению курсов валют к стоимости международной валюты от номинального положения. Большинство из этих валют значительно потеряло в своей первоначальной стоимости и продолжает стремительно дешеветь.

Так, целесообразно отдельно рассмотреть ситуацию по кросс-курсу валют каждой из стран группы ОЭП (за исключением тех стран, которые отказались от национальной валюты в пользу евро – EUR).

На рис. 3–16 представлены графики валютного коридора стоимостного отклонения по каждой из валют группы стран ОЭП относительно стоимости международных валютных средств. По каждому из таких графиков

можно относительно судить об эффективности ведения экономической политики в каждой из стран группы.

Так, рис. 3 содержит данные стоимости российского рубля относительно доллара США за определенный период времени.

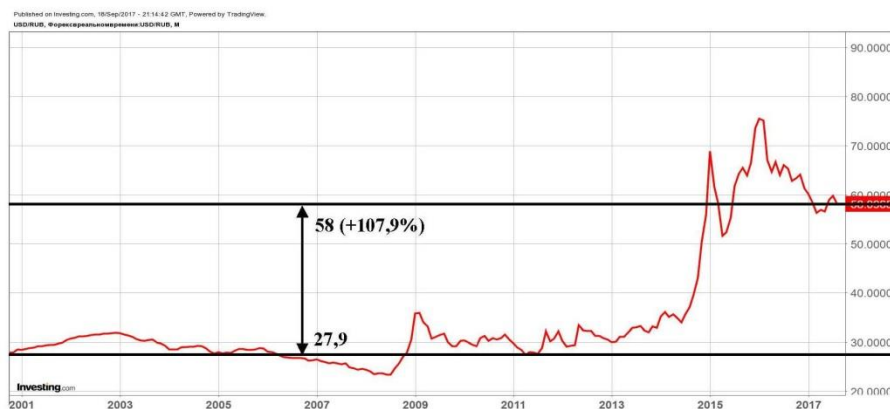

Рис. 3. График валютных торгов пары доллар США и российский рубль (USD/RUB), 2001–2017 гг. [8, 25]

Из графика видно, что за период 2001–2017 гг. российский рубль потерял (подешевел) в своей стоимости к международной валюте 107,9%. Это достаточно сильный темп монетарной инфляции. Исходя из соображений номинальности финансовых средств, каждый гражданин России теперь может гораздо меньше себе позволить приобретать международной продукции, что автоматически его толкает на более эффективную трудовую деятельность для восстановления прежнего уровня жизни. Однако эта ситуация была сглажена за счет дополнительной контролируемой эмиссии рубля в экономике РФ, что позволило не просто сохранить прежний достаток каждого гражданина РФ, а в некотором смысле и повысить его путем индексирования доходов населения во всех сферах экономики государства.

Паритет покупательной способности российского рубля в данном случае не имеет твердых позиций и постоянно плавает. Это происходит главным образом за счет достаточно широкого валютного коридора стоимостного отклонения.

Соответственно, при существовании подобного слишком широкого стоимостного коридора удержать паритетное положение национальной валюты к международной в товарном соотношении практически невозможно. Паритет покупательной способности в данном случае будет существовать исключительно в банковском сегменте экономики (т.е. исключительно в финансовом секторе экономики), а производственный и торговый сегменты просто не будут поспевать за изменением курса национальной валюты.

Следует также заметить, что динамика стоимости российской валюты до 2008 г. (очевидно, вплоть до начала всемирного экономического кризиса) стабильно положительная, что свидетельствует о реальном росте ВВП Российской Федерации по отношению к предыдущему состоянию экономики РФ, а также к мировой экономике. Но даже при положительной динамике национальной валюты паритетного ее состояния к международной валюте достичь крайне тяжело ввиду широкого валютного коридора стоимостного отклонения.

Данные стоимости украинской гривны относительно доллара США за определенный период времени приведены на рис. 4.

Из рисунка видно, что стоимость украинской валюты девальвировала за период 2001–2017 гг. на 416,8%, это в значительной степени оказало существенное влияние на состояние экономики данного государства. Естественно, девальвация национальной валюты была необходимым шагом для сдерживания внутреннего потребления импортируемой продукции и уменьшения торгового дефицита, вызванного разницей в потреблении и производстве. Основополагающих причин столь сильной девальвации украинской валюты всего две: первая – падение уровня промышленного производства, доставшегося по наследству от СССР, по причине неспособности эффективно управлять столь сложными промышленными узлами национальной экономики; вторая – долгосрочная ориентация государства на сближение и плотное сотрудничество со странами ЕС, предполагающее переход к стандартам производства и техническим регламентам ЕС.

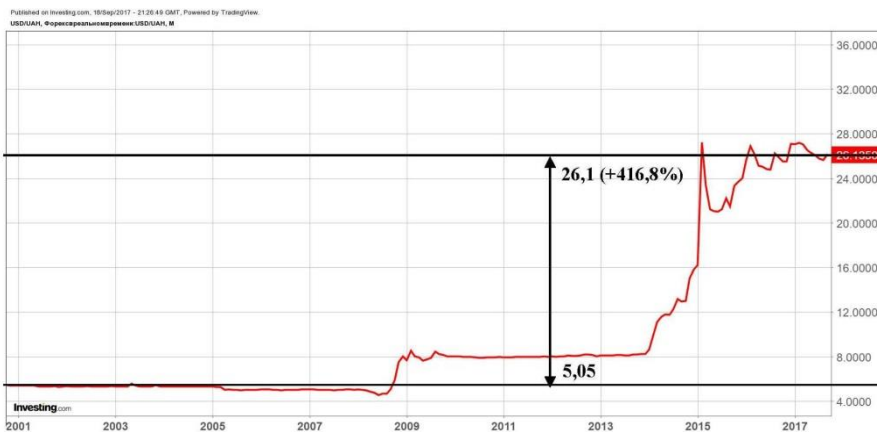

Рис. 4. График валютных торгов пары доллар США и украинская гривна (USD/UAH), 2001–2017 гг. [9, 26]

Также на девальвацию украинской валюты повлияла организация ВТО, чьи нормы обязало соблюдать украинское государство. Иными словами, товарное давление стран – участников ВТО (по большей мере ЕС, США, Китай и т.д.) способствовало нарушению баланса производства – потреб-

ления, увеличивая последним поставками дешевой и качественной продукции на внутренний рынок государства. При этом скорость девальвации национальной валюты существенно выше скорости индексирования доходов населения, что в последнее время уверенно сокращает доходы населения в международной валюте.

Однако, несмотря на стремительно девальвирующую украинскую гривну за период 2001–2017 гг., правительством государства были применены меры к стабилизации курса национальной валюты к международной за счет финансовых интервенций Национального банка Украины. Таким образом, на протяжении значительного времени валютный коридор стоимостного отклонения имел достаточно узкие границы, что способствовало возникновению абсолютного паритета покупательной способности между национальной валютой и международной с полным отражением в товарном эквиваленте.

Именно данное явление, существовавшее на протяжении продолжительного периода времени, способствовало приросту количества субъектов мелкого и среднего бизнеса в экономике, из которых, собственно, и состоит большая часть мировой экономики. Существование абсолютного паритета покупательной способности, в том числе в товарном эквиваленте, позволило экономике Украины значительно сократить темп падения промышленного производства и избежать ряда негативных последствий в социальном секторе экономики государства.

Таким образом, украинская экономическая система и управленческий аппарат, в целом показывая отрицательный результат управления экономикой, имеют успешный опыт поддержки национальной валюты, который можно поставить в пример большинству стран группы ОЭП.

Из представленных данных рис. 5 можно увидеть, что белорусская валюта подверглась значительной девальвации за короткий промежуток времени. Объяснять такое поведение валютного регулятора Белоруссии можно очевидными проблемами в экономике, вызванными скорее всего ошибками в качестве ведения менеджмента в промышленных отраслях экономики. Иными словами, Белоруссия страдает от постоянно растущего торгового дефицита, вызванного постоянно повышающимся уровнем потребления импортируемой продукции (очевидно, ввиду развития общества и роста общественного сознания).

На рис. 5 содержатся данные стоимости белорусского рубля относительно доллара США за период 2001–2017 гг.

Текущий уровень развития производства продукции и предоставления услуг не способен перекрыть импорт международной продукции, поставляемой на основе международного законодательства о торговле, даже ввиду того, что данное государство не состоит в ВТО.

О паритетном состоянии национальной валюты к международной в данном случае не может быть и речи, поскольку национальная валюта данного государства девальвирует скачками, а в интервалах между ними медленным, но уверенным нисходящим темпом. Также следует отметить,

что девальвация белорусского рубля одна из самых больших (1106% только за последние несколько лет), это в сумме с государственной политикой притеснения развития частной собственности отпугивает международных инвесторов.

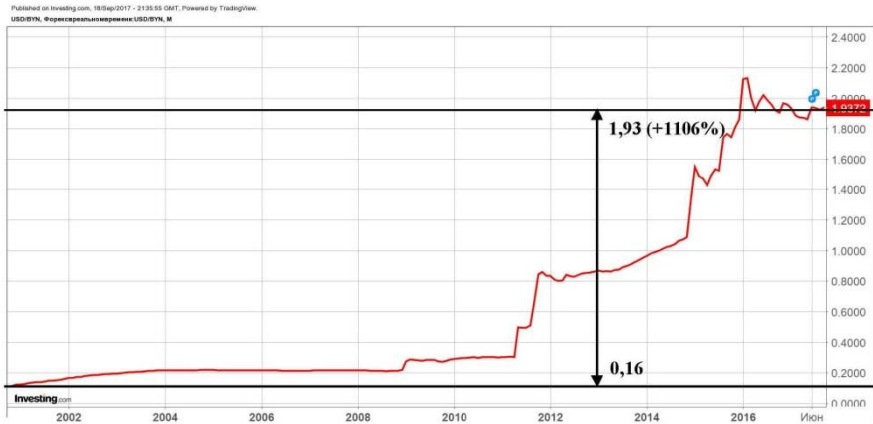

Рис. 5. График валютных торгов пары доллар США и белорусский рубль (USD/BYR), 2001–2017 гг. [10, 27]

Таким образом, вышеперечисленные проблемы в экономике Белоруссии способствуют развитию всевозможных препятствий перед стабильным развитием экономики государства. Поэтому достичь паритета покупательной способности валютных средств в товарном эквиваленте природным способом не представляется возможным. Искусственное же его поддержание приведет к постоянным огромным финансовым затратам правительства, которые лягут лишним грузом на и без того буксующую экономику. Однако достижение паритета покупательной способности валюты в товарном эквиваленте является одним из главных факторов развития экономики естественным способом.

На рис. 6 приведены данные стоимости казахстанского тенге относительно доллара США за период 2001–2017 гг.

Данные показывают, что финансовая система Казахстана подвержена значительному давлению со стороны международной экономики. Курс стоимости казахстанской национальной валюты к международной валюте падает резкими скачками, затем фиксируется на приблизительно одном уровне в так называемой зоне стабильности. Подобное поведение национальной валюты имеет искусственную природу, целью которой является формирование стабильного курса национальной валюты государства к международной валюте для создания базы привлекательного инвестиционного фонда, а также развития мелкого и среднего предпринимательства.

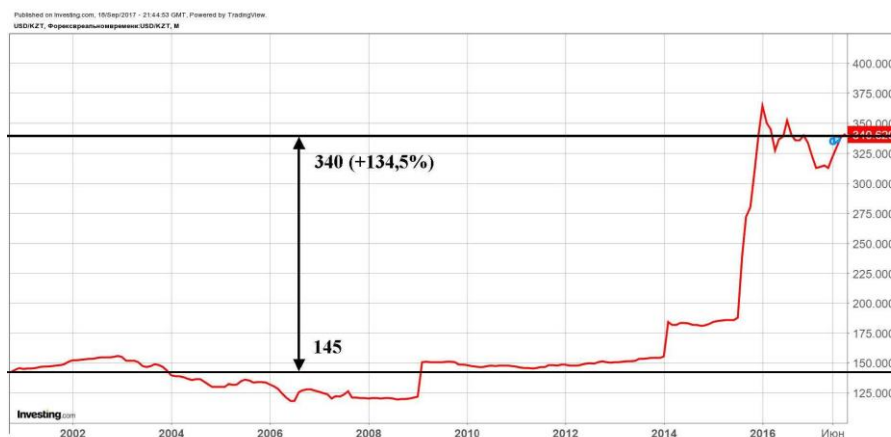

Рис. 6. График валютных торгов пары доллар США и казахстанский тенге (USD/KZT), 2001–2017 гг. [11, 28]

За период относительной стабильности стоимости казахстанского тенге к доллару США в экономике государства был достигнут паритет покупательной способности двух валют в товарном эквиваленте. При формировании данного экономического явления большую роль играет психологический фактор, поскольку населению периодически приходится привыкать к новой стоимости международной валюты на национальном рынке. Однако такой подход к сопротивлению политики товарного давления международной экономики на государство более соответствует плавной девальвации национальной валюты. Данный подход позволяет избежать постоянных негативных (гнетущих) настроений в обществе, способствующих зарождению социальных движений по выражению протеста существующим правилам ведения экономической деятельности. Наоборот, такой подход позволяет сохранять целостность общественного мнения относительно правильности экономического курса государства.

Также следует заметить, что девальвация казахстанского тенге за период 2001–2017 гг. составила 134,5% и является высокой.

Данные стоимости молдавской и туркменской валюты относительно доллара США за период 2001–2017 гг. соответственно приведены на рис. 7 и 8.

Судя по графикам рисунков, можно сделать вывод, что молдавская финансовая система подвержена внешнему экономическому давлению, это способствует формированию лихорадочной курсовой стоимости национальной валюты. Обеспечить установление паритета покупательной способности в товарном эквиваленте молдавская экономика не в состоянии (в силу некоторых экономических проблем), что негативно отражается на большинстве отраслей экономики государства.

Туркменская финансовая система, наоборот, демонстрирует признаки устойчивости стоимостного курса национальной валюты относительно доллара США, что способствует привлечению дополнительных инвести-

ций в экономику. На протяжении представленного периода можно с уверенностью сказать, что финансовый регулятор системы функционирует достаточно успешно. Паритет покупательной способности в товарном эквиваленте достигнут за счет экономических и финансовых рычагов государственного механизма, а также благодаря финансовым резервам государства, накопленным в более ранних периодах (в случае с Туркменистаном финансовой подушкой безопасности является деятельность государства, связанная с нефте- и газодобычей, а также их реализацией), что может служить примером для большинства развивающихся государств.

Рис. 7. График валютных торгов пары доллар США и молдавская лея (USD/MDL), 2001–2017 гг. [12, 29]

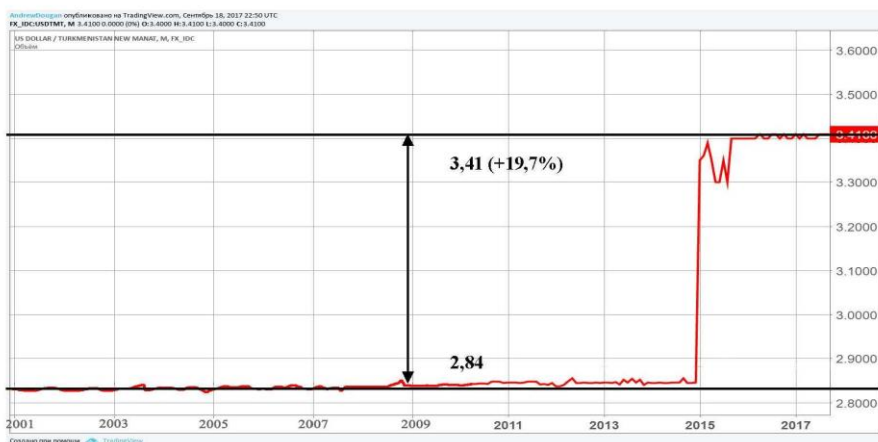

Рис. 8. График валютных торгов пары доллар США и туркменский манат (USD/TMT), 2001–2017 гг. [13, 30]

Однако, несмотря на разные финансовые и экономические условия, в которых работают Молдавия и Туркменистан, следует заметить, что валютный коридор стоимостного отклонения в обоих случаях достаточно узкий, а темп изменения (удешевления) курсовой стоимости национальной валюты к международной составляет 44,3,2 и 19,7% соответственно, это являет собой достаточно неплохой результат деятельности экономики двух государств, невзирая на экономические трудности, с которыми пришлось столкнуться всем государствам группы ОЭП.

Данные стоимости армянского драма и азербайджанского маната относительно доллара США за период 2001–2017 гг. приведены на рис. 9 и 10.

Валютный коридор стоимостного отклонения для армянского драма достаточно узкий, что свидетельствует об определенной эффективности управления финансовой системой государства. Удорожание армянской национальной валюты относительно доллара США за представленный период составляет 16%, что можно классифицировать как умеренный темп роста стоимости. Из графика также можно видеть, что курсовая стоимость драма постоянно меняется, в результате чего достичь становления паритета покупательной способности в товарном эквиваленте практически невозможно. Следствием такой финансовой политики является замедленный процесс развития экономики из-за нежелания потенциальных инвесторов сталкиваться с рисками нестабильности развития экономики Армении.

Валютный коридор стоимостного отклонения для азербайджанского маната также достаточно узкий, однако данная валюта имеет отрицательную динамику стоимости по отношению к доллару США, которая составляет 61,5%. Достигнута такая ситуация была за счет слабоэффективной экономической деятельности государства, а также слабоэффективного управления экономикой.

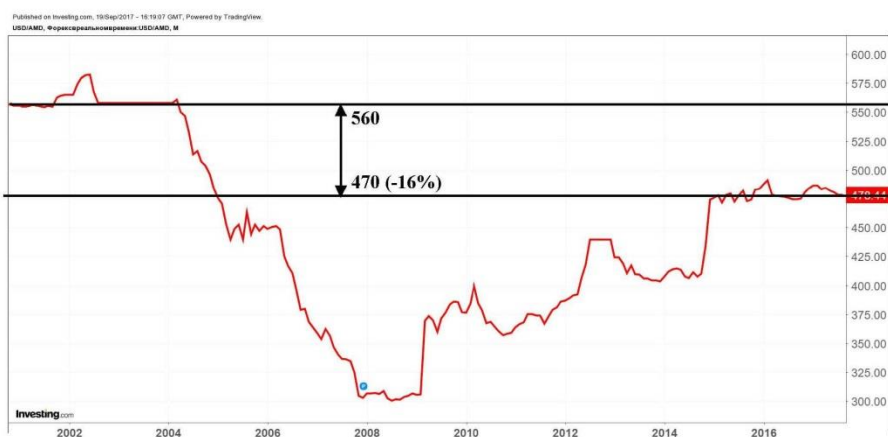

Рис. 9. График валютных торгов пары доллар США и армянский драм (USD/AMD), 2001–2017 гг. [14, 31]

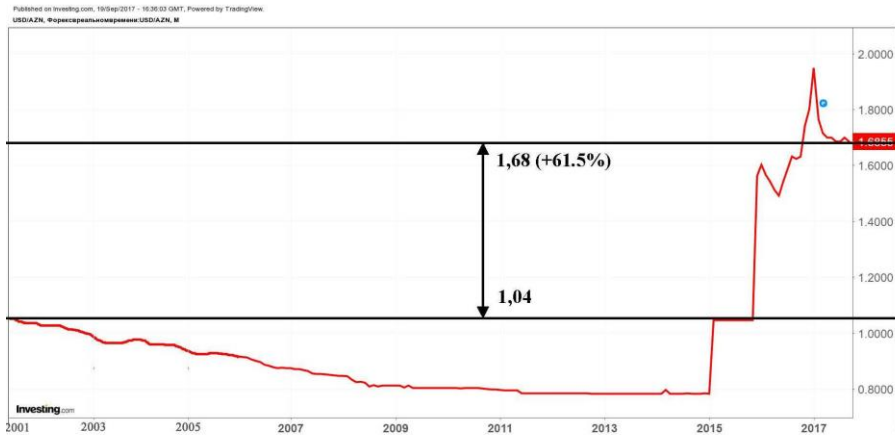

Рис. 10. График валютных торгов пары доллар США и азербайджанский манат (USD/AZN), 2001–2017 гг. [15, 32]

Паритет покупательной способности в экономике данного государства можно считать частично успешно функционирующим за последнее время, несмотря на отсутствие стабильного курса стоимости национальной валюты (преимущественно за счет очень узкого валютного коридора стоимостного отклонения маната). Наличие паритета для валюты и его продолжительное существование позволяют достигать высокого экономического роста Республики Азербайджан. Все это, собственно, и происходит с данным государством на протяжении последних 15 лет (государство уже более 15 лет является лидером среди стран СНГ по скорости роста ВВП и экономики в целом).

Данные стоимости киргизской и узбекской национальных валют относительно доллара США за период 2001–2017 гг. приведены на рис. 11 и 12.

Рис. 11. График валютных торгов пары доллар США и киргизский сом (USD/KGS), 2001–2017 гг. [16, 33]

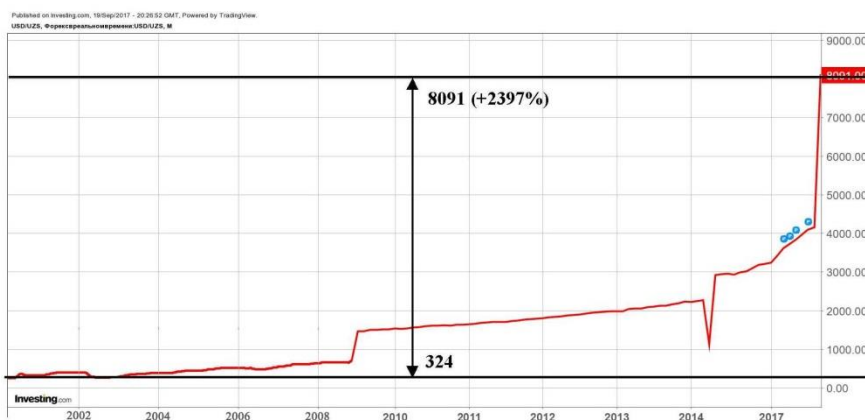

Рис. 12. График валютных торгов пары доллар США и узбекский сум (USD/UZS), 2001–2017 гг. [17, 34]

В обоих случаях наблюдается обесценивание национальной валюты государства к международной. Негативное финансовое состояние национальных валют (т.е. обесценивание национальной валюты) происходит вследствие попытки сокращения бюджетного дефицита, вызванного, в свою очередь, торговым дефицитом. Обесценивание киргизского сома за представленный период составляет 56,2%, а узбекского сума 2397%, что свидетельствует о попытке финансового регулятора этих стран исправить ситуацию с международным товарным давлением на экономику данных государств.

Валютный коридор стоимостного отклонения в обоих случаях достаточно широкий, что значительно затрудняет формирование благоприятных условий для возникновения паритета покупательной способности в товарном эквиваленте.

За представленный период данные графиков показывают, что паритет покупательной способности в товарном эквиваленте был очень редким и очень непродолжительным явлением, это существенным образом отразилось на развитии всех отраслей экономики. Отсутствие стабильности в вопросах ценообразования на товары и услуги отпугивает потенциальных инвесторов, готовых инвестировать в экономику любых развивающихся государств, способных приносить прибыль больше развитых государств. Именно к категории развивающихся и можно отнести Киргизию и Узбекистан.

Таким образом, представленные государства нуждаются в обновлении своих производственных фондов и реформировании системы управления экономикой для наращивания процессов производства конкурентоспособной продукции и услуг, что способствовало бы сокращению (или ликвидации) торгового дефицита, а также накоплению свободных средств для дальнейшего развития экономики.

Данные стоимости таджикской и грузинской национальных валют относительно доллара США за периоды 2001–2017 гг. представлены на рис. 13 и 14.

Валютный коридор стоимостного отклонения для таджикского сомони достаточно узкий, что свидетельствует об эффективности ведения экономической политики правительством данного государства. За представленный период стоимость национальной валюты Таджикистана относительно доллара США падает (доллар США дорожает), что является свидетельством экономической борьбы против нарастающего торгового дефицита, вызванного постоянно растущим импортом и потреблением международной продукции.

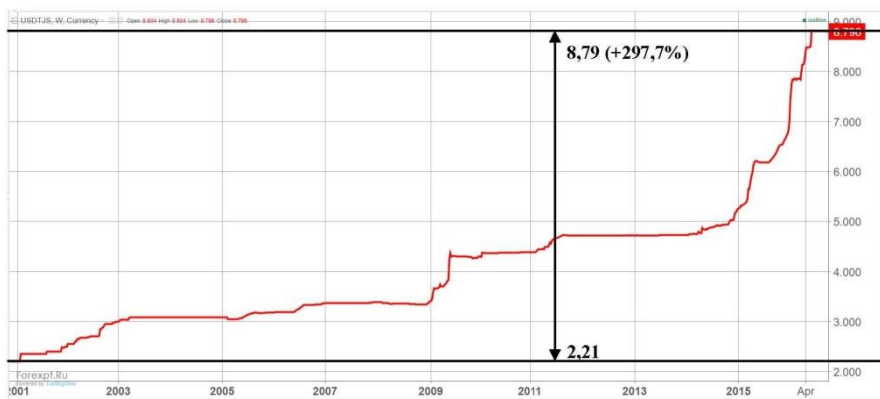

Рис. 13. График валютных торгов пары доллар США и таджикский сомони (USD/TJS), 2001–2017 гг. [18, 35]

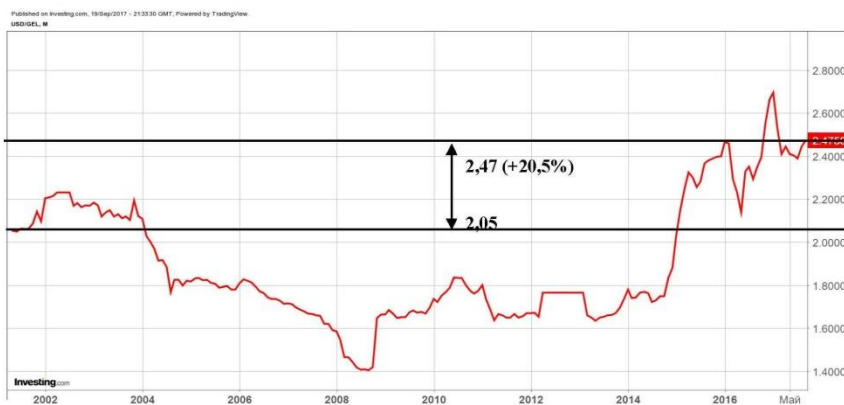

Рис. 14. График валютных торгов пары доллар США и грузинский лари (USD/GEL), 2001–2017 гг. [19, 36]

Однако, несмотря на экономическую ситуацию государства, по представленному стоимостному графику можно сделать вывод о том, что правительство Таджикистана с помощью финансового регулятора пытается держать финансовую систему государства в паритетном состоянии к доллару США с учетом товарного эквивалента паритета стоимости. Похоже, что именно благодаря ведению подобной политики таджикский сомони при всех негативных явлениях в экономике Таджикистана подешевел на 297,7% за представленный период, что в общем является плохим показателем.

Ситуация с грузинским лари похожа на предыдущую, однако в данном случае видно, что паритет покупательной способности грузинской национальной валюты достигается менее эффективно, хотя попытки к этому, похоже, прилагаются значительные. Грузинский лари подешевел к международной валюте за представленный период всего на 20,5%, что является, безусловно, неплохим показателем динамики стоимостного отклонения.

Очевидно, Грузия располагает определенными экономическими резервами, которые помогают данному государству эффективно противодействовать международному товарному давлению и при этом сохранять прежний уровень потребления международной продукции.

Данные стоимости литовской и латвийской национальной валюты относительно доллара США за период 2001–2017 гг. приведены на рис. 15 и 16.

Из представленных рисунков видно, что данные государства относятся к той большей части группы государств ОЭП, которые за продолжительный период времени смогли добиться удорожания своей национальной валюты относительно доллара США (в первом случае доллар США подешевел на 40,4%, во втором – на 17,6%). Данная ситуация сформировалась за счет накопленных ранее финансовых резервов, направленных на развитие экономики Литвы и Латвии (стоит заметить, что упомянутые финансовые резервы скорее всего сформированы благодаря кредитным ассигнованиям от МВФ, ВБ и ЕБРР, которые подлежат возврату).

В целом финансовая и экономическая политика Литвы и Латвии по своему принципу почти не отличается от политики предыдущих государств, поскольку представленные графики имеют сходную тенденцию к стоимости своей национальной валюты.

Исходя из представленных графиков, можно увидеть, что паритет покупательной способности в товарном эквиваленте достигнут не был, это лишило экономики данных государств возможности привлечения дополнительных инвестиционных средств. Также на фоне удешевления международной валюты к национальной могла сойти на нет внутренняя инфляция, превратившись даже в дефляцию, что могло способствовать замедлению развития экономики данных государств, а также отпугнуть потенциальный инвестиционный капитал.

Займствование больших финансовых средств данными государствами (ввиду миниатюрности их экономики) ставит под сомнение последующий их возврат, что может являться основанием предоставления каких-либо уступок заемщику. Одной из таких уступок (например, взамен на списание

задолженностей) может быть отказ от производства и обращения национальной валюты и переход на региональную.

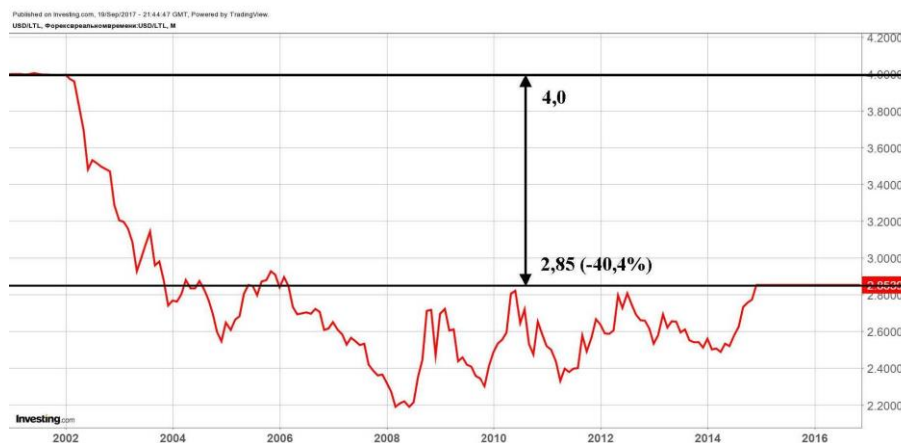

Рис. 15. График валютных торгов пары доллар США и литовский лит (USD/LTL), 2001–2017 гг. [20]

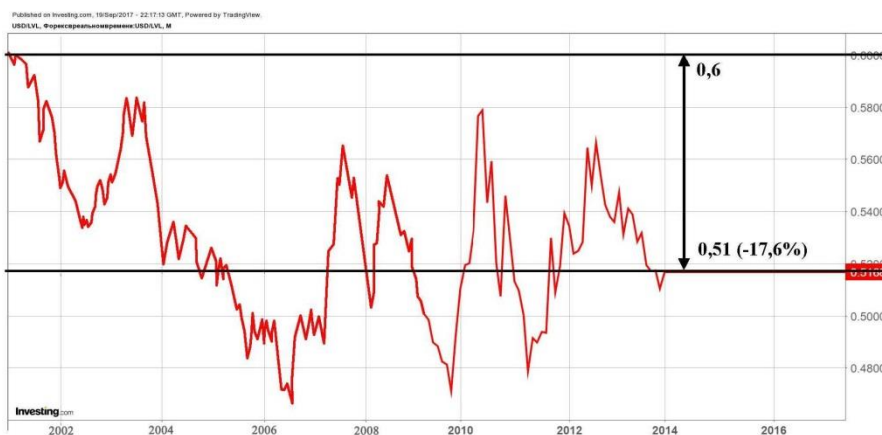

Рис. 16. График валютных торгов пары доллар США и латвийский лат (USD/LVL), 2001–2017 гг. [21, 37]

Несмотря на эффективную работу литовского и латвийского финансовых регуляторов, данными странами принято решение перейти в зону европейской финансовой системы, отказаться от национальной валюты в пользу денежной единицы ЕС. Данный переход, несомненно, принесет большое количество процессуальных рассогласований в экономике этих государств и в конечном счете приведет к падению уровня производства. Однако, несмотря на всю негативность ситуации, решение об ее одобрении все же было принято.

Анализировать стоимость эстонской национальной валюты на данный момент не представляется целесообразным, поскольку Эстония отказалась от собственной денежной единицы в пользу евро, что лишило данное государство значительного количества рычагов в собственной экономике. Однако взамен ЕС может предоставить значительные преимущества для экономики государства, что ускорит процесс ее роста.

Стремление большинства стран Восточной Европы (в том числе некоторых стран группы ОЭП) войти в состав ЕС продиктовано относительной стабильностью стоимости европейской валюты, которая основывается на огромном производственном потенциале ЕС. Долговременный бизнес-климат, существующий в ЕС, сформирован в том числе за счет паритетного состояния евро к доллару США в товарном эквиваленте, а также к большинству валют развитых государств и производимых ими товаров. По сути, такая стабильность является общей платформой для привлечения международных инвестиций, которую можно использовать в целях развития экономики государства, не входящего в ЕС. Однако ценой использования «платформы» является признание системы патентного производства, практикующегося в ЕС.

Следует также заметить, что патентное производство не единственное ограничение стратегического производственного потенциала для каждого последующего государства – члена ЕС. По сути, подобных ограничителей несколько сотен, однако наиболее важные из них – это система квотированного потребления, единый эмиссионный центр, управляемый лишь некоторыми государствами, а также система распределения ролевого товарного производства.

Наличие всего лишь перечисленных выше ограничений стратегического производственного потенциала ставит под вопрос процесс развития развивающихся государств в экономическом пространстве ЕС, замедляя его максимально возможным образом и одновременно маскируя под программу инвестиционного развития экономики [22].

Настоящие процессы интенсивного и экстенсивного развития не будут воплощены в границах развивающихся государств ЕС до тех пор, пока не будет ликвидирована система квотированного потребления. Невозможно развивать экономику государства, ограничивая производство продукции квотами потребления на внутреннем рынке ЕС и международные рынки сбыта недобросовестной конкурентной политикой развитых государств.

В любом случае паритет покупательной способности валют в товарном эквиваленте является следствием стабильного производства и потребления производимой продукции и залогом развития экономики государства на перспективу. На данном этапе ключевым понятием является не само развитие экономики, а скорость такого развития.

Литература

1. Макаrenchко С.А. Валютный механизм // Новый мир. М. : Реал, 2012. С. 202–203.
2. Мерица Ю.В. Экономика. Киев : Юг, 2007. 299 с.

3. *Абдуланов И.Е.* Политическая экономика. Казань: ЛИ, 2010. 414 с.
4. *Федина А.Л.* Федеральный резерв. М. : Велл, 2014. 510 с.
5. *Кононов П.П.* Экономическая составляющая мира. Белгород : Аста, 2012. 319 с.
6. *Динамика* курса EUR/USD // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/eur-usd-chart>.
7. *Динамика* курса USD/EUR // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-eur>.
8. *Динамика* курса EUR/RUB // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-rub>.
9. *Динамика* курса EUR/UAH // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/uah-usd>.
10. *Динамика* курса EUR/BYR // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/etfs/vanguard-global-value-factor-l>.
11. *Динамика* курса EUR/KZT // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-kzt>.
12. *Динамика* курса EUR/MDL // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-mdl>.
13. *Динамика* курса EUR/TMT // TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/chart/2Eu5r0FA/>.
14. *Динамика* курса EUR/AMD // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-amd>.
15. *Динамика* курса EUR/AZN // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-azn>.
16. *Динамика* курса EUR/KGS // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-kgs>.
17. *Динамика* курса EUR/UZS // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-uzs>.
18. *Динамика* курса EUR/TJS // Pro Finance Service, Inc.. URL: <http://www.forexpf.ru/usdtjs/>.
19. *Динамика* курса EUR/GEL // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-gel>.
20. *Динамика* курса EUR/LTL // Fusion Media Limited. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-ltl-chart>.
21. *Динамика* курса EUR/LVL // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdlvl&ei=9xJMVJjgB-WewAPR14DYCw>.
22. *Довгань А.С.* Влияние стабильности развития экономической системы на существование явления паритета покупательной способности валюты // Путь науки. 2016. № 2 (24). С. 71–74.
23. *Динамика* курса EUR/USD // ООО «Яндекс». URL: <http://news.yandex.ua/quotes/6.html>.
24. *Динамика* курса USD/EUR // ООО «Яндекс». URL: <http://news.yandex.ua/quotes/30.html>.
25. *Динамика* курса EUR/RUB // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdrub>.
26. *Динамика* курса EUR/UAH // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usduah&ei=xg5MVKihNpTXwAOth4G4CQ>.
27. *Динамика* курса EUR/BYR // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdbyr&ei=oxBMVIDuBZDCwAOiuICwAg>.
28. *Динамика* курса EUR/KZT // Google Finance. URL: https://www.google.com/finance?q=usdkzt&ei=rhBMVICgH-GfwWPY_oGoBA.
29. *Динамика* курса EUR/MDL // Google Finance. URL: https://www.google.com/finance?q=usdmdl&ei=7BBMVKi3BeeAwAP_i4HQCg.

30. Динамика курса EUR/TMT // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdtmt&ei=QhFMVMCsBsT3wAOGqIG4Dg>.
31. Динамика курса EUR/AMD // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdamd&ei=hRFMVJjWKNmgwwOu1YDACg>.
32. Динамика курса EUR/AZN // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdazn&ei=vRFMVKjOJ5TXwAOth4G4CQ>.
33. Динамика курса EUR/KGS // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdkgs&ei=6RFMVNiQBJTXwAOth4G4CQ>.
34. Динамика курса EUR/UZS // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usduzs&ei=GBJMVMiUG4GLwAP7moHIAQ>.
35. Динамика курса EUR/TJS // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdtjs&ei=WBJMVPGGN7HDwAOjnIAI>.
36. Динамика курса EUR/GEL // Google Finance. URL: <https://www.google.com/finance?q=usdgel&ei=gxJMVJJoLpDCwAOiulCwAg>.
37. Динамика курса EUR/TL // Google Finance. URL: https://www.google.com/finance?q=usdltl&ei=xxJMVOjmCuGfwwPY_oGoBA.

Voloschenko L.M., doctor of Economics, associate Professor, head of the Department, Professor, SEI HPE «Donetsk Academy of management and public service at the Head of the Donetsk people's Republic» (Donetsk, DPR). E-mail: 22021965@inbox.ru

Dovgan A.S., candidate of Sciences in public administration, associate Professor, SEI HPE «Donetsk Academy of management and public service at the Head of the Donetsk people's Republic» (Donetsk, DPR). E-mail: ifather@outlook.com

ANALYSIS OF THE FOREIGN EXCHANGE VALUE OF THE CURRENCY PAIRS IN THE CONTEXT OF THE PURCHASING POWER OF THE CURRENCY

Key words: purchasing power parity, financial means, economy, financial analysis, market.

The issue of barriers to the development of the parity state of purchasing power of foreign currency in the economic system is considered. The problems hindering the establishment of the purchasing power parity regime of financial assets with commodity production mass are shown. Shortcomings of economic management of national economic system from the financial side are revealed. The comparative analysis of factors of economic growth of the investigated group of States is carried out. The analysis is carried out on a comparative database of currency pairs provided by specialized sources of analytical information. The analysis involved data of the world's largest financial instruments that reflect and provide the world's economic and industrial base. Ways of increase of level of purchasing power of financial means with the real cost of commodity production are revealed. Specific steps are envisaged to change the value of the national currency in the structure of commodity security of national products.

References

1. Makarchenko S.A. Currency mechanism. / S. A. Makarchenko // New World, Moscow: Real, 2012. P. 202-203.
2. Merina Yu.V. Economy. / U.V. Merina // Kiev: South, 2007. 299 p.
3. Abdulanov I.E. Political economy / I.E. Abdulanov // Kazan: LI, 2010.- 414 s .
4. Fedina A.L. Federal Reserve. / A.L. Fedina // M.: Well, 2014.- 510 p.
5. Kononov P.P. The economic component of the world. / P. Kononov // Belgorod: Asta, 2012.- 319 with.
6. Dynamics of the EUR / USD. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/eur-usd-chart>.
7. Dynamics of the USD / EUR. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-eur>.

8. Dynamics of the EUR / RUB rate. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-rub>.
9. Dynamics of EUR / UAH. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/uah-usd>.
10. Dynamics of the EUR / BYR. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/etfs/vanguard-global-value-factor-l>.
11. Dynamics of rate EUR / KZT. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-kzt>.
12. Dynamics of the EUR / MDL. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-mdl>.
13. Dynamics of the EUR / TMT. [Electronic resource] / TradingView // - URL: <https://ru.tradingview.com/chart/2Eu5r0FA/>.
14. Dynamics of the exchange rate EUR / AMD. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-amd>.
15. Dynamics of exchange rate EUR / AZN. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-azn>.
16. Dynamics of exchange rate EUR / KGS. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-kgs>.
17. Dynamics of EUR / UZS. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-uzs>.
18. Dynamics of the EUR / TJS. [Electronic resource] / Pro Finance Service, Inc. // - URL: <http://www.forexpf.ru/usdtjs/>.
19. Dynamics of exchange rate EUR / GEL. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-gel>.
20. Dynamics of EUR / LTL. [Electronic resource] / Fusion Media Limited // - URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-ltl-chart>.
21. Dynamics of exchange rate EUR / LVL. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdlvl&ei=9xJMVJjgB-WewAPR14DYCw>.
22. Dovgan A.S. The influence of the stability of the economic system on the existence of the purchasing power parity of currency / A.C. Dovgan // International Scientific Journal "Path of Science" No. 2 (24) 2016, Publisher Scientific Review (RISC), (ISSN 2311-2158). - Volgograd, Volgograd Region, Russian Federation. P.71-74.
23. Dynamics of rate EUR / USD. [Electronic resource] / Yandex LLC // - URL: <http://news.yandex.ua/quotes/6.html>.
24. Dynamics of exchange rate USD / EUR. [Electronic resource] / Yandex LLC // - URL: <http://news.yandex.ua/quotes/30.html>.
25. Dynamics of exchange rate EUR / RUB. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdrub>.
26. Dynamics of EUR / UAH. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usduah&ei=xg5MVKihNpTXwAOth4G4CQ>.
27. Dynamics of the rate of EUR / BYR. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdbyr&ei=oxBMVIDuBZDCwAOiucwAg>.
28. Dynamics of EUR / KZT. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: https://www.google.com/finance?q=usdkzt&ei=rhBMVICgH-GfwwPY_oGoBA.
29. Dynamics of EUR / MDL. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: https://www.google.com/finance?q=usdmdl&ei=7BBMVki3BeeAwAP_i4HQcg.
30. Dynamics of exchange rate EUR / TMT. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdtmt&ei=QhFMVMcBsT3wAOGqIG4Dg>.
31. Dynamics of exchange rate EUR / AMD. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdamd&ei=hRFMVjJWNKmgwwOu1YDACg>.
32. Dynamics of exchange rate EUR / AZN. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdazn&ei=vRFMVkjOJ5TXwAOth4G4CQ>.

33. Dynamics of EUR / KGS. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdkgs&ei=6RFMVNiQBJTXwAOth4G4CQ>.
34. Dynamics of EUR / UZS. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usduzs&ei=GBJMVMiUG4GLwAP7moHIAQ>
35. Dynamics of EUR / TJS. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdtjs&ei=WBJMVPGGN7HDwAOjnIAI>.
36. Dynamics of exchange rate EUR / GEL. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: <https://www.google.com/finance?q=usdgel&ei=gxJMVJjoLpDCwAOiuICwAg>.
37. Dynamics of EUR / LTL. [Electronic resource] / Google Finance // - URL: https://www.google.com/finance?q=usdltl&ei=xxJMVOjmCuGfwwPY_oGoBA.

For referencing:

Voloschenko L.M., Dovgan A.S. Analiz kursovoj stoimosti valyutnyh par v kontekste pokupatel'noj sposobnosti valyuty [Analysis of the foreign exchange value of the currency pairs in the context of the purchasing power of the currency]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 196–217.

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 657.6.012.16

DOI: 10.17223/19988648/44/15

Б.А. Аманжолова, Л.П. Наговицина

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО АУДИТА

В статье рассмотрены и обобщены на уровне идентификационного аудита процедуры внутреннего контроля и социального аудита применительно к организациям, которые в соответствии с законодательством или корпоративной политикой реализуют принципы социальной ответственности. Авторами доказана необходимость включения процедур идентификационного аудита в методику аудита социальной ответственности экономических субъектов. В статье раскрыто содержание процедур идентификационного аудита применительно к социальной ответственности кооперативов и акционерных обществ работников (народных предприятий), предлагается система критериев и показателей, которые могут быть использованы для характеристики соответствия фактической деятельности декларируемому статусу во внешней среде и понятны целевым группам заинтересованных сторон.

Ключевые слова: социальный аудит, идентификационный аудит, социальная ответственность, самоидентификация, публичная отчетность, кооперативы, народные предприятия.

В монографии «Социальный аудит в системе учетно-аналитического обеспечения деятельности субъектов предпринимательства» [1] авторы статьи рассмотрели социальный аудит как объективную потребность социально ответственного бизнеса, расширяющего свое присутствие в экономическом пространстве всех стран, в том числе и в России. Определили роль социального аудита в качестве инструмента оценки эффекта и эффективности экономических отношений в бизнесе между всеми участниками (собственниками, менеджерами, работниками) в процессе повышения производительности труда, увеличения объемных и качественных результатов деятельности.

Авторы убеждены, что социальный аудит трансформируется в самостоятельную отрасль знаний. Такое понимание социального аудита произошло под воздействием современных тенденций развития социально ответственного бизнеса, из которых можно выделить:

– восприятие социально ответственного бизнеса как объективно необходимой модели поведения, обеспечивающей повышение персональной и общественной производительности труда;

– расширение институциональных границ, означающее вовлечение в идеологию социальной ответственности субъектов экономики различных форм собственности (государственных, муниципальных, частных, кооперативных) и различных организационно-правовых форм (предприятий и учреждений, акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, кооперативов и их союзов, ассоциаций и др.);

– увеличение количества субъектов социально ответственного бизнеса во всех группах по масштабу деятельности (от гигантов индустрии до среднего и малого предпринимательства).

Авторы систематизировали процедуры внутреннего контроля и социального аудита для любого типа организаций социальной ответственности, народного предпринимательства, любой формы самоорганизации населения, а также демонстрировали результаты теоретических и методологических положений для самой представительной системы российского социально ответственного бизнеса – потребительской кооперации. Значительное место в составе процедур внутреннего контроля и социального аудита авторы отводят процедурам идентификации, оценки соответствия или несоответствия социально-экономической деятельности кооперативов принципам международного кооперативного движения. Апробация процедур идентификации позволила обосновать состав процедур внутреннего контроля и социального аудита в специфическом кооперативном секторе экономики.

В данной статье рассмотрены и обобщены на новом, более высоком уровне – *уровне идентификационного аудита* процедуры внутреннего контроля и социального аудита применительно к организациям и предприятиям любой организационно-правовой среды, которые в соответствии с законодательством или корпоративной политикой реализуют принципы социальной ответственности.

«Социально ответственный бизнес определяется нами как модель поведения, совмещающая интересы общества, юридических и физических субъектов экономики с целью достижения прироста доходов в долгосрочной перспективе за счет формирования устойчивой репутации, известности, имиджа, поведения персонала, его достойной мотивации, создания благоприятного инновационного климата, социализации миссии, системы лояльности» [1. С. 5]. Следует отметить, что социальная ответственность не исключает и не повторяет благотворительную деятельность, осуществляемую организациями. Российское законодательство определяет благотворительность следующим образом: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [2].

Таким образом, социально ответственный бизнес представляет собой экономические отношения, в то время как благотворительность выражает

морально-этические отношения. Очевидно, что различаются и их цели. *Главная цель социально ответственного бизнеса* – достижение максимальных доходов, но не прибыли, поскольку их часть (большая, чем фонд оплаты труда) идет на мотивацию персонала к высокопроизводительному труду. *Цели благотворительной деятельности* многогранны, состоят в социальной поддержке и защите граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы [2].

Благотворительная деятельность не распространяется на экономические отношения (формирование целевого капитала, управление имуществом, доходами, прибылью). Учредителями благотворительных организаций выступают как физические, так и юридические лица. Благотворительные организации в соответствии с законом могут создаваться в формах: общественных организаций (объединений), фондов, учреждений, а также неправительственных (негосударственные и немунципальные) некоммерческих организаций.

Чтобы иметь материальные ресурсы, благотворительная организация может учреждать хозяйственные общества, однако в таких обществах не допускается участие других юридических и физических лиц.

В социально ответственном бизнесе и благотворительности тем не менее содержится нечто общее – государственная идеология. В ст. 7 Конституции страны определено: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [3].

Развитие социально ориентированного бизнеса и благотворительности свидетельствует о социализации производственных отношений, о том, что коммерческие и некоммерческие организации дополняют государственные и совместно с государственными структурами берут на себя часть ответственности за материальное, физическое и культурное благосостояние социума, что мы рассматриваем как положительную тенденцию общественного развития.

Социализация производственных отношений характерна для большинства стран мира, она проявляется, в частности, в появлении нового формата организаций – *народных предприятий*. Нами выявлены признаки, которые уже можно расценивать в качестве принципов функционирования таких субъектов экономики. Перечислим важнейшие из них [4. С. 229]:

– многомерность цели, приоритет целевой установки на удовлетворение материальных и иных потребностей участников при соблюдении баланса

интересов народного предприятия как юридического лица, так и его участников;

- преобладание среди участников работников;
- наличие у участников хотя бы одного правомочия собственников (владение, пользование, распоряжение);
- фиксированное членство участников;
- управление отношениями на основе экономики участия;
- демократические основы управления по формуле «один участник – один голос»;
- демократический контроль снизу.

Народное предприятие, в нашей формулировке, это субъект рынка любой организационно-правовой формы, ориентированный на повышение материального благосостояния своих участников путем мотивации их непосредственного вклада: в формирование материальных, финансовых, информационных ресурсов, обеспечивающих оптимальную автономность в рыночной среде; в производственный процесс; в хозяйственную деятельность; в управление и демократический контроль за финансово-хозяйственной деятельностью, распределением доходов и прибыли организации, находящейся в их совместном владении или под их совместным контролем [4. С. 230].

В России к формату народных можно отнести акционерные общества работников, функционирующие на основе Федерального закона «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» [6], все виды кооперативов, их союзов, в первую очередь системы потребительской кооперации. Отдельные признаки народных предприятий свойственны ПАО – публичным акционерным обществам и другим рыночным хозяйственным моделям управления экономикой. Идеология народных предприятий находит своих последователей среди всех бизнес-систем, начиная с гигантов индустрии до субъектов малого и среднего бизнеса.

Возникла объективная потребность в интегральных оценочных показателях и специальной отчетности, характеризующей социальную составляющую деятельности организации, позиционирующей себя субъектом социально ответственного бизнеса. Данная проблематика все чаще становится предметом исследования. Нам близка позиция авторов, которая предполагает свой вариант отчетности по корпоративной социальной ответственности и процедур аудиторской проверки, основанная на базовых концепциях аудита. Процедуры формирования отчетности и аудита должны обеспечивать верифицируемость и транспарентность отчетности, представляемой заинтересованным сторонам.

По аналогии с определением аудита экономической деятельности, сформулированным американской ассоциацией бухгалтеров, *социальный аудит* можно определить как *системный процесс получения и оценки объективных данных о социальной деятельности, событий, устанавливающих уровень их соответствия определенным критериям и представляющий интерес для заинтересованного пользователя.*

Предметная область социального аудита широка, процедуры включают оценку социальной ответственности организаций по множеству параметров, в первую очередь гарантированный объем и качество продукции, производимой и реализуемой; потенциал сотрудников; влияние на окружающую среду; демократию как фундаментальную ценность.

Социальный аудит должен заканчиваться формулированием суждения аудиторов о соответствии или несоответствии деятельности организации, позиционирующей себя субъектом социально ответственного бизнеса, имиджу социальной корпоративной организации.

Мы выделяем в самостоятельный раздел *идентификационный аудит* и даем ему следующее определение: *идентификационный аудит в организации социально ответственного бизнеса – это комплекс контрольно-аналитических процедур, обеспечивающих выявление соответствия или несоответствия фактических организационно-правовых и экономических решений заявленным в миссии и программах социального развития (поддержки) участников.*

Понятно, что процедуры идентификационного аудита предопределяют новые требования к формированию и анализу отчетности. В международной практике важным критерием результативности деятельности компании признается соблюдение общепризнанных стандартов Глобальной инициативы по отчетности (GRI), ИСО 9001-2008, ИСО 26000. Однако для применения перечисленных стандартов в практику формирования отчетности российскими хозяйствующими субъектами необходимо решение актуальных вопросов, имеющих отношение к развитию целостной системы отчетности, отражающей финансовые и нефинансовые показатели деятельности компаний. При сопоставлении нефинансовых показателей с финансовыми возможно получение полной картины о всесторонне раскрытых результатах деятельности организации, состоянии и ее развитии в сравнении с изменением показателей внешней среды. Показатели финансовой отчетности сходны для организаций, различающихся по масштабам и видам экономической деятельности, формам собственности, а состав социальных показателей будет индивидуальным.

Важно отметить, что комплексного подхода к представлению информации в российской практике придерживаются лишь отдельные экономические субъекты. Так, за период 2010–2016 гг. наблюдаются одновременно рост и снижение числа компаний, публикующих сведения о различных сторонах своей деятельности (рис. 1).

При этом в 2016 г. процедуру верификации отчетности прошли лишь 37 компаний. Такая ситуация объясняется различными факторами, в том числе отсутствием реальных выгод от публикации заверенной отчетности. Однако лицам, ответственным за корпоративное управление, необходимо понимать преимущества открытости и прозрачности, которые компании получают в большинстве случаев в перспективе. В связи с этим авторы считают необходимым исследование различных аспектов социальной ответственности во взаимосвязи с правовыми предпосылками формирования и представления публичной отчетности.

Рис. 1. Динамика количества компаний, публикующих нефинансовые отчеты, и количества опубликованных нефинансовых отчетов, представленных в Национальном регистре корпоративных нефинансовых отчетов¹

Исследование различных аспектов корпоративной социальной ответственности во взаимосвязи с правовыми предпосылками формирования публичной отчетности социально ответственных организаций возможно осуществить на основе метода морфологического анализа, разработанного швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки. В центре морфологического анализа находится оценка уровня представления и раскрытия информации о социальной ответственности на основе данных публичной отчетности. Метод предполагает выделение основных параметров исследуемого объекта и вариантов реализации параметров с последующим анализом их возможных комбинаций для решения поставленной задачи.

На рис. 2 представлен «морфологический куб», позволяющий выделить наиболее значимые для целей анализа параметры публичной отчетности, вариативность которых обусловлена видами отчетности (X), правовыми предпосылками ее формирования (Y) и сферами корпоративной социальной ответственности предприятий (Z). По оси X представлены виды публичной отчетности:

- X1 – бухгалтерская (финансовая) отчетность;
- X2 – годовой отчет;
- X3 – отчет об устойчивом развитии.

¹ Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов 2015–2016 гг. выпуска, подготовленный Российским союзом промышленников и предпринимателей.

По оси Y – правовые предпосылки формирования отчетности:
 Y1 – законодательно закрепленные обязательства компании;
 Y2 – добровольно принятые обязательства в рамках соглашений со стейкхолдерами;
 Y3 – чистая филантропия.
 По оси Z – сферы корпоративной социальной ответственности:
 Z1 – экономическая;
 Z2 – экологическая;
 Z3 – социальная.

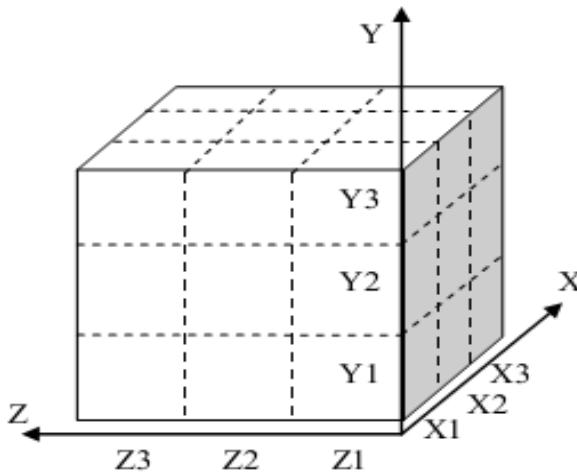

Рис. 2. «Морфологический куб», используемый в анализе социальной ответственности [7. С. 205]

Авторы считают, что взаимное сочетание этих факторов предопределяет возможность всестороннего анализа содержания финансовой и нефинансовой информации с позиции представления информации о социальной ответственности. Этот подход применим для оценки социальной ответственности любых субъектов экономики, но при формировании системы показателей следует учитывать приоритетность параметров социальной ответственности. Так, применительно к народным предприятиям идентификационный аудит должен удостоверить:

- наличие или отсутствие за счет организации роста доходов работников во всех формах (оплата труда, дивиденды, кооперативные выплаты, проценты, социальный пакет, премии, льготы и т.д.);
- соответствие доходов трудовому и экономическому участию, зависимость доходов от трудового и экономического участия;
- соблюдение баланса интересов организации и участников.

Таким образом, идентификационный аудит должен, с одной стороны, содержать общую методологию для всех форматов социально ответственного бизнеса, а с другой – учитывать особенности каждого из них.

Общая методология обеспечивается, если идентификация основывается на принципах и ценностях, принятых в конкретном формате организации. Особенности методологии для каждого формата выявляются в процессе идентификации, так как в каждом из них принципы и ценности различаются.

Далее остановимся на идентификационном аудите кооперативов, который имеет определенную степень методологической завершенности, затем акционерных обществ работников (народных предприятий) в качестве первой попытки идентификации.

Идентификационный аудит кооперативных организаций. Для всех видов кооперативных организаций идентификация остро необходима, так как практика показывает, что имеется расхождение, и оно существенно, между количеством организаций, зарегистрированных кооперативными, и теми, которые реально исповедуют принципы и ценности международного кооперативного движения. Недвижимость многих субъектов рынка позиционируется как кооперативная, но, по сути, является частной.

По инициативе Международного кооперативного альянса (МКА) национальные кооперативные организации стали изучать и предлагать методы, способы и критерии оценивания идентичности организаций кооперативным.

Авторы с 2005 г. включились в этот процесс и разработали свою методику, положив в основу суждения соответствие или несоответствие действующих кооперативов принципам и ценностям кооперативного движения. Ее особенность состоит в базировании на критериях МКА – семи признаках, отраженных в Декларации о кооперативной идентичности [8], способных продемонстрировать отличие кооперативов от любых других субъектов рынка.

Второе отличие авторской методики состоит в единообразии подхода к идентификации различных форматов, что очень важно для внутреннего контроля и аудита.

Третье отличие авторской методики заключается в предпочтении количественной формы выражения показателей, удостоверяющих или не удостоверяющих отнесение организации к кооперации.

Соответствие первому признаку – *добровольность и открытое членство* – устанавливается такими показателями: численность и движение численности членов кооператива; размер паевого фонда и его изменение во времени. Сокращение численности, отсутствие лицевых счетов членов, уменьшение паевого капитала означают, что организация теряет признаки кооператива.

О виде кооператива (потребительский или производственный) свидетельствует соотношение работников – членов кооператива и членов кооператива, не связанных с ним трудовыми отношениями. Если преобладают среди членов работники, такой кооператив относится к производственным. Если среди членов преобладают граждане, не связанные трудовыми отношениями с кооперативом, то он относится к потребительским.

Демократический членский контроль (второй принцип) характеризуется уровнем социальной активности членов с помощью таких показателей:

численность и доля членов кооператива, участвующих в управлении и контроле в качестве членов советов всех уровней, членов комиссий (культурно-массовой, кооперативного контроля, спортивной и др.). Демократический членский контроль подтверждается при сохранении равных прав при голосовании на собраниях всех уровней: один член – один голос.

Для идентификации кооператива особую роль играет следование третьему принципу – *экономическое участие членов*, поскольку означает мотивацию членов кооператива к участию в финансово-хозяйственной деятельности.

Участие членов создает гарантированную инвестиционную среду, саморегулируемый источник формирования оборотных средств, товарных ресурсов, надежную клиентскую базу во всех отраслях (торговле, общественном питании, сфере услуг). Экономическое участие пайщиков, даже не связанных трудовыми отношениями с кооперативом, – одно из главных конкурентных преимуществ кооперативной модели хозяйствования. Участие членов отслеживается показателями масштаба такого участия и размером кооперативных выплат. При игнорировании экономического участия, отсутствии механизма кооперативных выплат организация не может идентифицироваться как кооператив.

Автономия и независимость кооператива (четвертый принцип) обеспечивается созданием фондов, специфических для кооперации.

Констатация идентичности организации статусу кооперативной подтверждается, если в ее уставе отражаются и в реальности формируются:

- неделимый фонд, сохраняющий основное недвижимое имущество, накопленное предыдущими поколениями членов кооператива, выражает его материальную независимость;
- паевой фонд как источник формирования первоначального имущества и его пополнение для осуществления хозяйственной деятельности, способствующий экономической независимости;
- фонд развития – объективная основа для инновационных преобразований, внедрения новых технологий и современной техники, обеспечивающий динамичное развитие кооператива;
- фонд поддержки социальных программ – источник кооперативных выплат, создающий кооперативу привлекательность не только у пайщиков, но и у потенциальных членов;
- резервный фонд, поддерживающий стабильность кооператива;
- фонд подготовки кадров, который позволяет повышать компетенции персонала путем обучения новейшим технологиям управления и труда.

Этот принцип и его реализацию мы излагаем по данным монографии [9. С. 262–265]. Все фонды количественно характеризуются их стоимостным размером, динамикой и долей каждого фонда в капитале. В уставе желательно стандартизировать минимальный размер этих фондов. Например, в неделимом фонде закрепить не менее 50% стоимости наиболее значимых объектов недвижимости. При управлении паевым фондом и заемными средствами членов кооператива целесообразно установить, что их капитал должен покрывать, например, не менее 10% оборотных средств.

Пятый принцип: *образование, повышение квалификации и информация*. Реальное соответствие деятельности кооператива этому принципу фиксируется по наличию и размеру расходов на образование и повышение квалификации, профессиональное развитие, информацию, их динамику, удельный вес в бюджете организации.

Шестой принцип: *сотрудничество между кооперативами*. Количественно выражается наличием и стоимостным объемом совместных проектов, договоров о сотрудничестве, взаимодействии.

Смысл седьмого принципа – *забота об обществе* – состоит в достижении баланса интересов кооператива в целом как ассоциации членов и отдельного члена кооператива. Вступая в кооператив, члены, получая преимущества для себя, в то же время должны заботиться о постоянном развитии кооператива в целом, а также в определенной степени быть причастными и ответственными за экономическое, социальное, культурное развитие региона, сохранение окружающей среды, территории, на которой они проживают. Забота об общественных интересах тем не менее должна проявляться в пределах соглашений кооператива с органами власти и управления на взаимовыгодных условиях.

В расширенном понимании заботу об обществе можно охарактеризовать такими показателями: сумма налога, уплачиваемая кооперативом в местный бюджет; количество созданных рабочих мест; численность граждан, привлеченных на сезонные и временные работы; расходы на благотворительные акции, проводимые кооперативом, на поддержку категорий населения, нуждающегося в социальной защите.

Таким образом, идентификационный аудит кооперативных организаций осуществляется на основе выявления соответствия или несоответствия их деятельности принципам и ценностям международного кооперативного движения, прописанным в Декларации о кооперативной идентичности.

Идентификационный аудит акционерных обществ работников (народных предприятий). В 90-е гг. XX в., когда осуществлялась массовая приватизация государственной и муниципальной собственности с использованием ваучеров, некоторые рабочие коллективы выкупили основные фонды своих организаций (фабрик, заводов, сельскохозяйственных, строительных и иных предприятий). Этот процесс наиболее полно представлен в одном из докладов Г.А. Зюганова [10], где приведены примеры народных предприятий в США, Испании, Финляндии, Бельгии, Аргентине, Китае и других странах. Особый интерес представляет обобщение опыта создания и функционирования народных предприятий в России (комбинат «Знамя» в Свердловской области, Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова, агрохолдинг «Звенигородский» в Республике Марий Эл, ЗАО «Совхоз им. В.И. Ленина» в Московской области, колхоз «Терновский» в Ставропольском крае, Усольский свинокомплекс в Восточной Сибири).

Г.А. Зюганов выделяет следующие признаки, общие для всех народных предприятий: экономическая эффективность, главный источник финанси-

рования – средства акционеров, целенаправленное инвестирование в развитие производства, повышенная социальная ответственность, преодоление отчуждения, свойственного капитализму.

Акционерные общества работников функционируют на основе Федерального закона РФ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» [6].

Показатели идентификационного аудита

Целевая группа заинтересованных сторон	Ключевые интересы	Показатели	Виды отчетности		
			бухгалтерская (финансовая) отчетность	годовой отчет	отчет об устойчивом развитии
Собственники и инвесторы, участники (акционеры, пайщики)	Повышение эффективности вложения капитала	Прибыль на инвестированный капитал (ROI)	+	+	
Потребители	Стабильность поставок, цена, качество, рост потребительской ценности продукции, товаров, услуг	Динамика выручки, выполнение договорных обязательств	+	+	
Поставщики	Прозрачность системы закупок, стабильность заказов	Объем поставок, своевременность и качество поставок			+
Персонал	Стабильная занятость и оплата труда, профессиональное развитие	Повышение производительности труда, снижение текучести кадров, рост заработной платы		+	+
Государственные органы	Социально-экономическое развитие регионов, занятость населения, защита экологии, налоговые доходы	Средняя заработная плата, уровень налоговой нагрузки		+	+

По принятой авторами методологии идентификационный аудит акционерных обществ работников должен представлять совокупность суждений о соответствии или несоответствии фактической социальной деятельности принципам народных предприятий. Дело в том, что в составе акционеров

основную численность и долю должны составлять работники и им должно принадлежать основное количество акций.

Работникам в соответствии с законом должно принадлежать количество акций народного предприятия, номинальная стоимость которых составляет более 75% его уставного капитала. Естественно, что лица, не связанные трудовыми отношениями с народным предприятием, могут иметь акции, составляющие менее 25% уставного капитала.

Один акционер – работник народного предприятия может владеть количеством акций, номинальная стоимость которых не превышает 5% уставного капитала народного предприятия.

Устанавливается количество разрешенных к продаже акций в конце года по договорной цене для акционеров, но только самому народному предприятию, а в случае отказа – работникам народного предприятия, пока еще не являющимися акционерами.

Идентификационный аудит устанавливает реальную численность работников и акционеров, долю работников в их численности. Также вычисляется доля стоимости акций работников в уставном капитале. Определяется средняя стоимость акций, приходящаяся на одного работника-акционера. Сумма средств акционеров характеризует масштаб их участия в финансовой деятельности кооператива.

Очевидно, что данные о реальной социальной ответственности бизнеса прежде всего необходимы для самоидентификации компании, но и имеют особую важность для формирования имиджа компании во внешней среде. Поэтому авторы предлагают систему критериев и показателей, которые могут быть использованы для характеристики соответствия фактической деятельности декларируемому статусу во внешней среде и понятны целевым группам заинтересованных сторон. При формировании системы показателей авторы исходили из потенциала информации, представляемой в публичной отчетности, и ключевых интересов сторон, заинтересованных в результатах идентификации (таблица).

По результатам реализации процедур идентификационного аудита на основе оценки степени раскрытия информации в публичной отчетности и наблюдений аудитора возникает возможность сформулировать следующие варианты заключений:

- информация, представленная в отчетности, обеспечивает комплексную согласованную оценку с непосредственным участием экспертов и заинтересованных сторон, которая позволяет выявить факторы неопределенности и четко обозначить пути реализации стратегических приоритетов для экономического субъекта;

- информация, представленная в отчетности, обеспечивает принятие решений исключительно на основе субъективных представлений и видения заинтересованных сторон в отношении вариантов развития экономического субъекта;

- информация, представленная в отчетности, обеспечивает комплексную, многостороннюю оценку, учитывающую противоречивые мнения

экспертов и заинтересованных сторон, согласованные на основе принятой политики;

– информация, представленная в отчетности, обеспечивает анализ «затраты-выгоды», учитывающий только финансовые показатели, или выборочный анализ бизнес-процессов, который позволяет обосновать отдельные управленческие решения, но главное – позволяет сформулировать суждение аудитора о соответствии или несоответствии организации, позиционирующей себя субъектом социально ответственного бизнеса, таковой в действительности.

Литература

1. Наговицина Л.П., Аманжолова Б.А., Максимова Г.В. Социальный аудит в системе учетно-аналитического обеспечения деятельности субъектов предпринимательства. Новосибирск : НГУЭУ, 2016. 192 с.

2. *Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»* от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

3. *Конституция Российской Федерации* от 12.12.1993 года (в ред. Законов РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

4. Наговицина Л.П. Социально ответственный бизнес, формы его проявления: новый взгляд на организации потребительской кооперации. Образование и кооперация : материалы Международного форума, посвященного 25-летию юбилею Программы УНИТВИН/кафедры Юнеско. 15–16 марта 2017 года. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2017. 396 с.

5. Сапрыкина О.А. Корпоративная социальная ответственность: оценка результатов в ходе аудита : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

6. *Федеральный закон* от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» с дополнениями и изменениями от 21.03.2002 № 31-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

7. Amanzholova B., Fribus N., Khomenko E. Disclosure of information on ecological activity as a factor of sustainable development of manufacturing enterprises // Actual problems of electronic instrument engineering (APEIE–2016) : тр. 13 междунар. науч.-техн. конф., Новосибирск, 3–6 окт. 2016 г. : в 12 т. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. Т. 1, ч. 3. С. 202–206.

8. *Декларация о кооперативной идентичности*. Международный кооперативный альянс // Отд. изд. материалы ICI-ICU MEETINGS. Будапешт, 1996.

9. *Потребительская кооперация России* / науч. ред. Л.П. Наговицина, Е.Е. Тарасова. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2016. 657 с.

10. Зюганов Г.А. Развитие народных предприятий – важнейший приоритет антикризисной программы КПРФ // Доклад на мартовском 2016 года Пленуме ЦК КПРФ. URL: <http://kprf.ru/node/8730>

Amanzholova B.A., Doctor of Science in Economics, Head of Department of Audit, Accounting and Finance, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: amanzholova@corp.nstu.ru

Nagovitsyna L.P., Doctor of Science in Economics, Professor, Professor in the Chair of Economics, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: amanzholova@corp.nstu.ru

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: BASIC PROVISIONS OF IDENTIFICATION AUDIT

Keywords: social audit, identity audit, social responsibility, self-identification, public reporting, cooperative, national enterprise.

In article the procedures of internal control and social audit relating to the organizations and the enterprises of any organizational and legal environment, which according to the legislation or corporate policy implement social responsibility principles, are considered and generalized at the new, higher level (in comparison with compliance audit) – the level of identification audit. Authors have proved necessity and have investigated the possibility of inclusion of the identification audit procedures in methods of economic subjects' social responsibility audit. Authors allocate identification audit in the independent section due to the following reasons. First, tasks of identification audit significantly differ from traditional problems of the reporting reliability confirmation and assessment of compliance of its indicators calculation methods to the legislation. Secondly, the specifics of solving problems define character of the applied procedures and information base of audit evidences. Thirdly, results of identification audit may be considered as a base for planning of social audit procedures as they provide diagnostics of level of economic subject social responsibility.

In article the content of procedures of identification audit in relation to social responsibility of cooperatives and joint-stock companies of workers (employee-owned enterprise) is disclosed. The choice of cooperatives is determined by the fact that the theory and practice of internal and external control of their activity is characterized by certain degree of methodological completeness. At the same time, there are no theoretical and practical developments, concerning to joint-stock companies of workers (employee-owned enterprise), and results revealed in this article represent the first attempt of identification.

According to authors, assessment of real social responsibility of business is necessary firstly for self-identification of the company, but also it is very important for the company public image strengthening in the external environment. So authors developed the system of criteria and indicators used for the characteristic of compliance of the current activity to the declared status in the external environment and are clear to target groups of interested parties. When forming system of indicators authors proceeded from the potential of information provided in the public reporting and the key interests of the parties interested in results of identification. Use of system of indicators will allow define a judgment of the auditor on compliance or noncompliance of activity of the organization positioning itself as the subject of socially responsible business to the declared goals.

References

1. Nagovicina L.P. Social'nyj audit v sisteme uchyotno-analiticheskogo obespecheniya deyatel'nosti ob"ektov predprinimatel'stva: monografiya / L.P. Nagovicina, B.A. Amanzholova, G.V. Maksimova; Novosib. Gos. Un-t ehkonomiki i upravleniya. – Novosibirsk: NGUEHU, 2016. - 192 s.
2. Federal'nyj Zakon «O blagotvoritel'noj deyatel'nosti i dobrovol'chestve (volonterstve)» ot 11.08.1995 g. N 135-FZ (red. ot 05.02.2018). [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 goda (v red. Zakonov RF o popravke k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ). [Elektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema.
4. Nagovicina L.P. Social'no otvetstvennyj biznes, formy ego proyavleniya: novyj vzglyad na organizacii potrebitel'skoj kooperacii. Obrazovanie i kooperaciya: Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 25-letnemu yubileyu Programmy UNITVIN/kafedry YUnesko. 15-16 marta 2017 goda. - Belgorod: Izdatel'stvo BUKEHP, 2017 g. - 396 s.

5. Saprykina O.A. Korporativnaya social'naya otvetstvennost': ocenka rezul'tatov v hode audita: avtoref. dis. na soiskanie uchyonoy stepeni k.eh.n. – Novosibirsk, 2012. – 24 s.

6. Federal'nyj Zakon ot 19 iyulya 1998 g. № 115-FZ «Ob osobennostyah pravovogo polozheniya akcioneryh obshchestv rabotnikov (narodnyh predpriyatij)» s dopolneniyami i izmeneniyami ot 21.03.2002 № 31-FZ [Ehlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema.

7. Amanzholova B., Fribus N., Khomenko E. Disclosure of information on ecological activity as a factor of sustainable development of manufacturing enterprises // Actual problems of electronic instrument engineering (APEIE–2016) : tr. 13 mezhdunar. nauch.-tekhn. konf., Novosibirsk, 3–6 okt. 2016 g. : v 12 t. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2016. T. 1, ch. 3. S. 202–206.

8. Deklaraciya o kooperativnoj identichnosti. Mezhdunarodnyj kooperativnyj al'yans // otd. izd. materialy ICI-ICU MEETINGS, Budapesht, 1996.

9. Potrebitel'skaya kooperaciya Rossii: Monografiya / Nauchn. Red. L.P. Nagovicina, E.E. Tarasova. – Belgorod: Izdatel'stvo BUKEHP, 2016. – 657 s.

10. Zyuganov G.A. Razvitie narodnyh predpriyatij – vazhnejshij prioritet antikrizisnoj programmy KPRF / Doklad na martovskom 2016 goda Plenumе CK KPRF [ehlektronnyj resurs]. – URL: <http://kprf.ru/node/8730>.

Amanzholova B.A., Nagovitsyna L.P. Social'naya otvetstvennost' biznesa: osnovnye polozheniya identifikacionnogo audita [Social responsibility of business: basic provisions of identification audit]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 218–232.

УДК 338.27

DOI: 10.17223/19988648/44/16

Т.В. Александрова, С.Л. Жуковская

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Анализ теоретических исследований по вопросам оценки эффективности инновационных проектов показал, что в преобладающем числе случаев авторы пытаются использовать для оценки инноваций различные критерии экономической эффективности инвестиций. На практике, как правило, инновационные проекты характеризуются более широким спектром эффектов, которые не учитываются в процессе принятия решения о целесообразности финансирования инновации. Такая ситуация приводит к необоснованным отказам от реализации выгодных инновационных проектов и нарастанию риска упущенной выгоды на предприятиях. В данной статье понятие «эффективность инновационного проекта» рассматривается с позиций многокритериального подхода. Цель исследования – разработка принципиально новой методики оценки эффективности инновационных проектов, которая не только будет учитывать финансово-экономическую состоятельность инновации, но и оценивать ее социальный, рыночный, научно-технический и общественный потенциал. Сформулирован вывод о том, что многокритериальный подход к оценке эффективности инновационных проектов и их отбору для финансирования является более целесообразным и обоснованным, чем существующие традиционные методики.

Ключевые слова: инновационный проект, эффективность, критерий эффективности, методика, оценка.

Это можно сделать лучше – найди как!

Томас Эдисон

Создание и коммерциализация инноваций является ключевым фактором развития современной экономики и необходимым условием повышения конкурентоспособности организаций. В силу эффектов диффузии и синергии инноваций результаты реализации инновационных проектов на отдельных предприятиях влияют на протекание инновационных процессов в отраслях, регионах, национальной и мировой экономике.

Как отмечает Л. Ленгран [1. Р. 82], оценка реального потенциала инновационного проекта имеет существенное влияние на процессы разработки региональной и государственной инновационной политики, выбор приоритетов развития национальной инновационной системы. Следовательно, повышается ответственность участников инновационной деятельности за результаты обоснования и выбора проектов для финансирования и последующей реализации. Результаты оценки инновационного проекта влияют на выбор инвесторов, источников финансирования инноваций, определяют перспективы использования инновационных продуктов и технологий.

Следует отметить, что в практике менеджмента большая часть организаций и инвесторов проводит анализ эффективности инновационного про-

екта по стандартным показателям. Обычно для принятия решения о целесообразности реализации инновационного проекта анализируют финансовое состояние предприятия – реципиента проекта, рассчитывают общеизвестные показатели коммерческой и экономической эффективности инвестиций и определяют уровень соответствия требованиям банка по критерию оценки кредитоспособности клиента [2. С. 30–33; 3. С. 110–141; 4. S. 245–310].

В теории на сегодняшний день представлено большое количество публикаций по вопросам оценки эффективности инновационных проектов.

Классическим подходом к оценке инновационной деятельности признается использование преимущественно финансовых показателей, отражающих отдачу на инвестиции, вложенные в создание и коммерциализацию инноваций. Здесь принято определять интегральные показатели, характеризующие эффективность инновационного проекта в целом, и частные показатели, отражающие результативность использования отдельных ресурсов в процессе осуществления инновационной деятельности. Именно на таком подходе основываются «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования», которые регламентируют процедуру анализа эффективности инвестиционных и инновационных проектов в Российской Федерации [5. С. 120–186].

Вместе с тем в зарубежной и отечественной экономической литературе описаны и более современные модели по оценке эффективности инновационной деятельности. Данные модели, появившиеся в конце XX в., были основаны на оценке более широкого круга параметров инновационного проекта, увязывали между собой различные аспекты инновационного процесса, обеспечивали взаимодействие между показателями инновационной деятельности и стратегическими целями развития предприятия. К ним относятся модели, в основу которых заложено применение многокритериального и интегрированного подходов к оценке эффективности инновационных проектов [6. С. 122–126; 7. С. 114–156; 8. С. 198–243; 9. С. 1689–1693; 10. С. 43–47; 11. P. 90–110; 12. P. 510–512].

Многопараметрический подход заложен в основу разработки «Руководства Осло» [13. P. 18–20], где содержатся рекомендации по сбору и измерению данных в области инноваций для стран – участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Однако в этом документе не приводится перечень конкретных индикаторов с эталонными значениями, который можно было бы использовать при оценке эффективности инновационных проектов.

Глобальный тренд общественного развития, связанный с переориентацией мировой и национальной экономики преимущественно на инновационный путь развития, требует дальнейшего продолжения исследований в рассматриваемом научном направлении. По-прежнему актуальной остается проблема обеспечения комплексной оценки эффективности инновационного проекта с учетом его специфических особенностей.

В частности, требуется:

1) более полное использование в практике инновационной деятельности теоретического потенциала многокритериального подхода к оценке эффективности проектов;

2) расширение состава индикаторов по группам критериев эффективности инноваций;

3) конкретизация интервала приемлемых значений по каждому критерию для определения суммарной количественной оценки эффективности проекта;

4) разработка рекомендаций по отбору проектов для финансирования на основе итоговых оценок, полученных по заданному перечню критериев.

Все вышеперечисленное определяет актуальность выбранной темы исследования, а также цель и задачи данного исследования.

Целью исследования является разработка принципиально новой методики оценки эффективности инновационных проектов, которая будет комплексно учитывать риск и потенциал инновации, что позволит принимать более обоснованные инвестиционные решения. Для достижения указанной цели потребовалось решить следующие четыре задачи:

1) выбрать комбинацию методов оценки эффективности проекта, повышающую степень обоснованности принятия решений при использовании многокритериального подхода в практике инновационного менеджмента организаций;

2) сформировать состав индикаторов для оценки эффективности инновационного проекта, определить оценочный интервал для каждого оцениваемого индикатора;

3) структурно упорядочить процесс оценки эффективности инновационного проекта;

4) разработать типовые варианты принятия управленческих решений по результатам многокритериальной оценки эффективности инновационного проекта.

Материалы и методология

Теоретической базой данного исследования послужили научные труды ученых из Российской Федерации и зарубежных стран в области инновационного и инвестиционного менеджмента, существующие авторские методики оценки эффективности инноваций, а также нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс оценки эффективности инновационных и инвестиционных проектов.

В качестве источников эмпирической информации использовались данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, результаты статистического исследования государственного национального университета «Высшая школа экономики», а также информация о деятельности инкубатора креативного бизнеса «Мозгово» Пермского государственного национального исследовательского университета.

В табл. 1 представлена выборка статистических показателей инновационной деятельности организаций Российской Федерации, составленная авторами по материалам сайта Федеральной службы государственной статистики [14].

Таблица 1. Изменение показателей инновационной деятельности организаций в Российской Федерации за 2012–2016 гг.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Инновационная активность организаций, %	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4
Удельный вес организаций, разрабатывающих и внедряющих технологические инновации в общем числе организаций, %	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3
Затраты организаций на технологические инновации, млрд руб.	904,5	1 112,4	1 211,8	1 200,3	1 284,6
Удельный вес затрат на технологические инновации в общей стоимости отгруженных товаров (выполненных работ, услуг), %	2,5	2,9	2,9	2,6	2,5
Удельный вес инновационной продукции в общей стоимости отгруженных товаров, (выполненных работ, услуг), %	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5

На протяжении анализируемого периода затраты на инновации экстенсивно увеличиваются. При этом остальные параметры инновационной деятельности изменяются с тенденцией к формированию отрицательной динамики. За несколько последних лет в общем числе организаций с 10,3 до 8,4% снизилась доля инновационно-активных предприятий, в том числе с 9,1 до 7,3% уменьшилась доля организаций, разрабатывающих и внедряющих технологические инновации. В целом уровень инновационной активности организаций РФ значительно отстает от западных экономик. Так, совокупный уровень инновационной активности организаций ряда развитых стран Европы в 2016 г. превысил 50% [15. С. 314]. Аналогичный показатель для РФ составляет всего 8,4%.

Если же рассматривать интенсивность затрат на инновации, то можно отметить благоприятную тенденцию. При небольшом снижении доли затрат, связанных с разработкой и внедрением технологических инноваций, в общей стоимости реализованных товаров (с 2,9% в 2013 г. до 2,5% в

2016 г.) данный показатель соответствует и даже превышает средний уровень интенсивности затрат в большинстве стран Европы [15. С. 324].

В качестве одного из индикаторов результативности усилий по развитию инноваций рассматривается удельный вес инновационных продуктов в общем объеме реализованной продукции. Данный показатель имеет отрицательную динамику, он снизился с 9,2% в 2013 г. до 8,5% в 2016 г. При этом его значение существенно ниже аналогичного показателя ряда экономически развитых стран Европы [15. С. 326].

Обобщенно оценить эффективность национальной инновационной системы позволяет Global Innovation Index, который составляет Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) ООН. Данный индекс представляет собой соотношение затрат и эффекта от инноваций. Для России характерно стабильное улучшение позиций по субиндексу ресурсов инноваций (43-е место), однако по интегральному индексу эффективности инноваций положение страны намного слабее (75). В итоговом рейтинге 2017 г. Россия заняла 45-ю строчку из 127 [16, 17].

Динамика позиций РФ в рейтинге Global Innovation Index, составленная авторами, представлена в табл. 2.

Таблица 2. Позиции РФ в рейтинге Global Innovation Index

Год	ГИ	Ресурсы инноваций	Результаты инноваций	Эффективность инноваций
2014	49	56	45	49
2015	48	52	49	60
2016	43	44	47	69
2017	45	43	51	75

Инновационно развивающаяся экономика отличается тем, что наибольший удельный вес затрат в ней приходится на исследования и разработки, выполненные собственными силами, наименьший – на закупку уже готовых инновационных продуктов и технологий. В России за последние годы наметилась противоречивая динамика: доля издержек на осуществление исследований и разработок, выполненных собственными силами, увеличилась с 20,4% в 2012 г. до 23,6% в 2016 г. Однако при этом преобладающая часть инвестиций по-прежнему направляется на приобретение новых машин и оборудования, а не на внедрение собственных инноваций (53,2% в 2016 г.) [15. С. 49].

Экономисты Национального государственного университета «Высшая школа экономики» на основании исследования инновационной деятельности организаций РФ выделили 13 факторов, препятствующих разработке собственных технологических инноваций [15. С. 57]. Наиболее высокий рейтинг наблюдается у экономических факторов, например, таких как дефицит собственных источников финансирования, высокая инвестиционная стоимость новых продуктов и технологий. Ко второй группе факторов относятся внутрифирменные факторы: низкий уровень развития инновационного по-

тенциала организации, недостаток высококвалифицированного персонала в предметной области инноваций и др. В третьей группе факторов среди факторов с высоким рейтингом выделен фактор риска, связанный с неопределенностью финансово-экономической выгоды от формирования и практического использования в организации интеллектуальной собственности.

На основании проведенного статистического анализа были сформулированы две гипотезы исследования:

1. Эффективность инновационной деятельности организаций можно повысить, используя более аргументированную и многоаспектную методику экономического обоснования и отбора инновационных проектов для финансирования и реализации.

2. Применение усовершенствованной методики оценки эффективности инновационных проектов в практике хозяйствования будет способствовать совершенствованию деятельности инновационной организации в целом.

Методологической основой исследования послужила методология критического мышления, позволяющая выделить проблемные области исследования; научная методология, основанная на многокритериальном подходе к оценке эффективности инновационных проектов; методология «Руководства Осло», рекомендуемая расширять число измеряемых параметров инноваций в инновационных организациях.

При разработке методики оценки эффективности инновационного проекта и принятия решения о целесообразности его реализации был использован комбинированный вариант метода перечня критериев, включающий элементы оценки экономической эффективности инновационного проекта, балльного и экспертного метода, методов учета фактора риска.

Результаты исследования

В настоящее время в научной теории единая концепция анализа эффективности инноваций отсутствует, типовая методика оценки целесообразности отбора инновационных проектов для реализации и финансирования не разработана. Для анализа эффективности инноваций приходится использовать типовую методику оценки эффективности инвестиционных проектов, которая рекомендует прогнозировать эффекты от реализации проектов на основе показателей окупаемости и доходности инвестиционных и текущих затрат. Отчасти такой подход оправдан тем, что любая инновация требует привлечения инвестиций и с этой точки зрения инновационный проект можно рассматривать как особую разновидность инвестиционного проекта.

Однако полное проецирование стандартных методов оценки эффективности инвестиций и финансово-экономического состояния предприятия-реципиента проекта на процедуру анализа параметров эффективности инноваций является некорректным. Более целесообразно применять для анализа эффективности инновационных проектов оригинальную методику, которая бы учитывала специфические особенности процесса создания, освоения и коммерциализации инновации на предприятии.

Применительно к задаче оценки эффективности инновационного проекта рекомендуем использовать комбинированный вариант метода перечня критериев и выделять пять групп оценочных критериев:

- 1) социальные критерии;
- 2) экономические критерии;
- 3) рыночные критерии;
- 4) критерии эффективности инвестиций;
- 5) научно-технические критерии.

В каждой группе критериев определены конкретные индикаторы, которые оценивают эксперты из числа высококвалифицированных специалистов в сфере инновационной деятельности. В зависимости от степени успешности проекта по тем или иным индикаторам эксперты выставляют оценку от 0 до 3 баллов. Чем выше балл, тем более успешным является инновационный проект по данному индикатору. Процедура оценки инновационного проекта в соответствии с предложенным методическим подходом состоит из следующих этапов:

Этап 1. Сбор и систематизация информации об инновационном проекте.

Этап 2. Формирование перечня индикаторов для оценки инновационного проекта.

Рекомендуемый авторами перечень индикаторов эффективности инновационного проекта дифференцирован по группам оценочных критериев:

1. Для группы социальных критериев:

- создание новых рабочих мест;
- решение проблем развития территории;
- обеспечение населения продовольствием;
- обеспечение населения транспортом и связью;
- влияние на уровень образования и культуры населения территории.

2. Для группы экономических критериев:

- повышение эффективности использования ресурсов;
- повышение рентабельности продукции;
- повышение качества продукции;
- вклад в структурную перестройку экономики территории.

3. Рыночные критерии:

- конкурентоспособность продукции;
- позиция в конкурентной борьбе;
- рыночный спрос на продукцию;
- рыночный риск;
- риск, связанный с привлечением и финансированием инвестиций.

4. Критерии эффективности инвестиций:

- затраты на НИОКР;
- структура капитала, формируемого в рамках проекта;
- цена капитала;
- индекс доходности инвестиций;
- срок окупаемости инвестиций;
- рентабельность инвестиций;

– время начала получения прибыли от проекта.

5. Научно-технические критерии:

- сроки разработки проекта;
- вклад в развитие других направлений научно-технического прогресса;
- включение в предыдущие программы и проекты предприятия, отрасли, территории;
- наличие кадров исследователей высокой квалификации;
- степень новизны проекта.

Этап 3. Определение вариантов значений индикаторов инновационного проекта с присвоением им допустимых балльных оценок (табл. 3).

Этап 4. Определение интегральной балльной оценки инновационного проекта на основе суммирования набранных баллов по отдельным индикаторам.

Этап 5. Установление класса успешности инновационного проекта для соответствующих интервалов интегральной балльной оценки проекта, принятие решения о целесообразности финансирования инновационного проекта.

Варианты итогового заключения по результатам оценки проекта:

1. 50 баллов и более – проект заслуживает безусловной поддержки. Рекомендуются финансовая поддержка на федеральном уровне.

2. 26–50 баллов – проект заслуживает поддержки. Рекомендуются финансовая поддержка на региональном уровне.

3. 13–25 баллов – проект может быть поддержан. Рекомендуются поддержка на муниципальном уровне.

4. 6–12 баллов – проект не заслуживает государственной поддержки, но может быть реализован за счет коммерческих источников финансирования.

5. 2–5 баллов – проект не заслуживает поддержки и не целесообразен для реализации.

В табл. 3 представлены критерии и индикаторы оценки эффективности инновационного проекта, разработанные авторами по результатам обобщения практики экспертной деятельности инкубатора креативного бизнеса «Мозгово» и инновационных предприятий Пермского края.

Таблица 3. Критерии и индикаторы оценки эффективности инновационного проекта

Критерии оценки инновационного проекта	Оценка в баллах			
	3 балла	2 балла	1 балл	0 баллов
Социальные критерии				
1. Создание новых рабочих мест	500 и более	От 200 до 500	Менее 200 для муниципалитета	Вклада нет
2. Решение проблем развития территории	Для страны	Для региона	В населенном пункте	Вклада нет
3. Обеспечение населения продовольствием	В стране	В регионе	В населенном пункте	Вклада нет
4. Обеспечение населения транспортом и связью	В стране	В регионе	В населенном пункте	Вклада нет
5. Влияние на уровень образования и культуры населения	В стране	В регионе	В населенном пункте	Вклада нет

Экономические критерии				
1. Повышение эффективности использования ресурсов	Более 50%	20–50%	Менее 20%	Влияния нет
2. Повышение рентабельности продукции	Более 50%	20–50%	Менее 20%	Влияния нет
3. Повышение качества продукции	Более 50% страны	20–50% для региона	Менее 20%	Влияния нет
4. Вклад в структурные сдвиги в экономике			Для муниципалитета	Отсутствует
Рыночные критерии				
1. Конкурентоспособность продукции	На внешнем рынке Лидер	На внутреннем рынке страны Ведущий производитель	На внутреннем рынке региона Рядовой производитель	На локальном рынке Аутсайдер
2. Позиция в конкурентной борьбе				
3. Спрос на продукцию	Тенденция к росту	Стабильный спрос	Тенденция к падению	Прогноза нет
4. Рыночный риск	Малый	Средний	Высокий	Оценки нет
Эффективность инвестиций				
1. Затраты на НИОКР	Не менее 50%	Не менее 40%	Не менее 30%	Менее 30%
2. Основной и оборотный капитал	Не более 50%	Не более 60%	Не более 70%	Более 70%
3. Цена капитала	Не более 15%	Не более 22%	Не более 30%	Более 30 %
4. Индекс доходности	Не менее 3	Не менее 1.5	Не менее 1	Менее 1
5. Срок окупаемости инвестиций	Не более 3 лет	Не более 5 лет	Не более 7 лет	Более 7 лет
6. Рентабельность инвестиций	Не менее 50%	Не менее 20%	Не менее 5%	Менее 5%
7. Время начала получения прибыли	С первого года	Со второго года	С третьего года	После третьего года
Научно-технические критерии				
1. Степень новизны проекта	Пионерный менее 1 года	Опережающий менее 1,5 года	Новаторский не более 2 лет	Модернизация
2. Сроки разработки	В масштабах страны	В масштабах региона	В масштабах предприятия	Более 2 лет
3. Вклад в развитие других направлений НТП	На федеральном уровне	На региональном уровне	На уровне предприятия	Не влияет
4. Включение в предыдущие программы и проекты	Обеспечен не менее чем на 7%	Обеспечен не менее чем на 50%	Обеспечен не менее чем на 20%	Не включен
5. Наличие кадров исследователей высокой квалификации				Обеспечен менее чем на 20%

Апробация и обсуждение результатов исследования

Основные результаты выполненного исследования могут быть использованы на предприятиях, в научно-исследовательских и экспертных организациях при разработке инновационных проектов и обосновании целесо-

образности их отбора для финансирования. В 2017 г. разработанная авторами методика оценки эффективности инновационных проектов прошла апробацию в процессе проведения экспертизы проектов бизнес-инкубатора «Мозгово», который функционирует в составе Пермского государственного национального исследовательского университета.

Благодаря более обоснованному отбору проектов в 2017 г. в сравнении с предыдущим 2016 г. в 2 раза увеличилось число проектов бизнес-инкубатора «Мозгово», которые стали победителями регионального конкурса инновационных проектов «УМНИК». На 33% возросло число проектов-победителей регионального конкурса инновационных проектов «Старт», ежегодно проводимого в Пермском крае для предприятий малого и среднего бизнеса. Впервые удалось привлечь венчурные инвестиции для финансирования наукоемких инноваций, а также принять участие в федеральных грантовых конкурсах инновационного фонда «Сколково» и Фонда развития интернет-инициатив (табл. 4).

Таблица 4. Влияние многокритериальной методики оценки эффективности инновационных проектов на показатели инновационной деятельности инкубатора креативного бизнеса «Мозгово»

Показатель	2016 г.	2017 г.
Удельный вес разработанных проектов среди победителей регионального конкурса инновационных проектов «УМНИК»	0,15	0,3
Удельный вес разработанных проектов среди победителей регионального конкурса инновационных проектов «Старт» среди субъектов малого и среднего бизнеса Пермского края	0,3	0,4
Формирование экспертного совета	Нет	Да
Участие в федеральных конкурсах проектов инновационного центра «Сколково» и Фонда развития интернет-инициатив	Нет	Да
Участие в международном конкурсе инновационных проектов	Нет	Да
Участие в разработке учебных курсов по инновационному предпринимательству	Нет	Да
Привлечение венчурных инвестиций	Нет	Да

Однако наряду с положительным эффектом от применения данной методики наблюдались определенные сложности при проведении расчетов эффективности специалистами и резидентами инкубатора креативного бизнеса «Мозгово». Они были связаны с тем, что процедура определения эффективности инновационных проектов стала более сложной, разносторонней и трудоемкой. От специалистов, которые пользовались данной методикой для проведения расчета эффективности, потребовался более высокий уровень квалификации, более глубокие знания об инновационном процессе, навыки работы не только с количественными, но и с качественными параметрами инновационного проекта.

Для решения проблемы дефицита знаний специалистов и резидентов в инкубаторе креативного бизнеса был создан экспертный совет, работающий на консультационной основе. Для массового распространения знаний

об инновациях, особенностях их разработки, экономического обоснования и коммерциализации в Пермском государственном национальном исследовательском университете подготовлен специализированный учебный курс «Инновационное предпринимательство» для бакалавров, магистрантов и аспирантов. Для резидентов бизнес-инкубатора была разработана обучающая программа «Из студентов – в резиденты!».

Выводы

В ходе проведенного исследования обоснована необходимость разработки многокритериальной методики оценки эффективности инновационных проектов, ориентированной на более широкий круг параметров оценки инноваций и учитывающей различные аспекты деятельности инновационной организации. Проанализировано влияние новой технологии оценки инновационных проектов на показатели инновационной деятельности инкубатора креативного бизнеса «Мозгово». По результатам анализа выявлено существенное повышение уровня инновационной активности исследуемой организации, это подтверждает правомерность первой гипотезы исследования.

Что касается второй сформулированной гипотезы исследования, то она подтвердилась частично. Это означает, что повышение уровня обоснованности принятия инновационных решений не только способствует совершенствованию деятельности инновационной организации, но и порождает новые проблемы, связанные с применением новых знаний и навыков работы на практике. От руководителей организации требуется оперативное выявление таких проблем и целенаправленные меры по развитию новых компетенций персонала.

Применение в практике управленческой деятельности инновационного менеджмента вышеизложенной методики оценки эффективности инновационного проекта позволит формализовать процесс принятия управленческого решения о целесообразности отбора инновационного проекта для реализации. Предложенный методический подход обеспечит более аргументированный выбор альтернатив финансирования в пользу конкретного инновационного проекта с учетом приемлемости критериев успешности инновации, степени готовности предприятия к ведению будущей инновационной деятельности и значимости инновации для социально-экономического развития региона и национальной экономики.

Авторы выражают благодарность и глубокую признательность начальнику инкубатора креативного бизнеса Пермского государственного национального исследовательского университета Косвинцеву Николаю Николаевичу за практические советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

Литература

1. *Lengrand L.* Smart innovation: A practical Guide to Evaluating Innovation Programmes. Brussels ; Luxemburg : University of Manchester, ANRT, 2006. 199 p.

2. *Агафонова И.П., Челлак С.Л.* Технология оценки рисков и формирования рейтинга инновационного проекта при организации его финансирования в банке // Финансовый менеджмент. 2009. № 6. С. 28–39.

3. *Бариленко В.И., Бердников В.В., Гавель О.Ю., Керимова Ч.В.* Информационно-аналитические методы оценки и мониторинга эффективности инновационных проектов. М. : Русайнс, 2015. 163 с.

4. *Kozlovskaya E.A., Demidenko A.S., Yakovleva E.A.* Ekonomika i upravljenje innovacijami, pod obshchej redakciej E.A. Kozlovskoj. М. : Ekonomika, 2012. 359 s.

5. *Методические указания по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования: официальное издание.* М. : Экономика, 2004. 278 с.

6. *Гаджиев М.М., Яковлева Е.А.* Анализ экономической эффективности инновационной деятельности предприятия // Инновации. 2010. № 2. С. 122–126.

7. *Гунин В.Н.* Управление инновациями: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». М. : ИНФРА-М, 2000. 272 с.

8. *Ендовицкий Д.А.* Организация анализа и контроля инновационной деятельности хозяйствующего субъекта. М. : Финансы и статистика, 2004.

9. *Цветков В.Я.* Анализ инноваций в соответствии со стандартами ОЭСР // Европейский исследователь. 2012. Серия А. Т. 3, № 10. С. 1689–1693.

10. *Яшин С.Н., Тужель И.Л., Кошелев Е.В., Макаров С.А.* Оценка эффективности инновационной деятельности. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018. 312 с.

11. *Kaplan R.S., Norton P.D.* The balanced scorecard: Translating strategy into action. Boston: Harvard Business School Press, 1996. 336 p.

12. *Žižlavský O.* Net present value approach: Method for economic assessment of innovation projects // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2014. № 156. P. 506–512.

13. *Oslo manual.* Guidelines for collecting and interpreting innovation data. 3th ed. Paris : OECD/EC, 2005. 210 p. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf 9 (accessed: March 12 2018).

14. *Материалы сайта* Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (дата обращения: 10.08.2018)

15. *Индикаторы* инновационной деятельности. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 344 с. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii> (дата обращения: 19.07.2018).

16. *Indicators of Innovation in the Russian Federation: 2018: Data Book; National Research University Higher School of Economics.* Moscow : HSE, 2018. URL: <https://www.hse.ru/en/primarydata/ii> (accessed: March 12 2018).

17. *Soumitra D., Bruno L., Sacha W.* The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World. Geneva; New Delhi: Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. 2017. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/> (accessed: 10.03.2018).

Alexandrova T.V., Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: atvpsu@yandex.ru

Zhukovskaya S.L., Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: cvlvzh@yandex.ru

THE DEVELOPMENT OF METHOD FOR MULTI-CRITERIA EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF INNOVATIVE PROJECTS

Keywords: innovative project, efficiency, criterion of efficiency, method, assessment.

A theoretical research analysis on assessing innovative projects efficiency demonstrated that in most cases the authors try to use different criteria of economic efficiency of innovations to assess innovations. But in practice, innovative projects are characterized by a wider range of effects which are not taken into account in a decision making process on feasibility to finance innovations. Such situation leads to unjustified rejection of profitable innovative projects and increase in the risk of benefit sacrificed. This article considers «efficiency of innovative projects» concept from the multi-criteria approach. The purpose of research consists in developing novel methods to assess innovative projects' efficiency, which will take into account not only financial and economic profitability of an innovation, but its social, market, scientific and technical and public potential as well. The study concluded that the multi-criteria approach to assess innovative projects' efficiency and choose them for financing is more purposeful and justified, than traditional methods.

References

1. Lengrand L. Smart innovation: A practical Guide to Evaluating Innovation Programmes. Brussels-Luxemburg: University of Manchester, ANRT. 2006. 199 p.
2. Agafonova I.P., CHellak S.L. Tekhnologiya ocenki riskov i formirovaniya rejtinga innovacionnogo proekta pri organizacii ego finansirovaniya v banke// Finansovyy menedzhment. 2009. № 6. S. 28-39.
3. Barilenko V. I, Berdnikov V. V., Gavel' O. YU., Kerimova CH. V. Informacionno-analiticheskie metody ocenki i monitoringa ehffektivnosti innovacionnyh proektov. M.: Rusajns. 2015. 163 s.
4. Kozlovskaya EH.A., Demidenko A.S., YAKovleva E.A. EHkonomika i upravlenie inovაციyami, pod obshchej redakciej EH.A. Kozlovskoj. Moskva: EHkonomika. 2012. 359 s.
5. Metodicheskie ukazaniya po ocenke ehffektivnosti investicionnyh proektov ih otboru dlya finansirovaniya. Oficial'noe izdanie. M: EHkonomika. 2004. 278 s.
6. Gadzhiev M.M., YAKovleva E.A. Analiz ehkonomicheskoy ehffektivnosti innovacionnoj deyatel'nosti predpriyatii // Innovacii. 2010. № 2. S. 122-126.
7. Gunin V.N. Upravlenie innovაციyami: 17-modul'naya programma dlya menedzherov «Upravlenie razvitiem organizacii». M.: INFRA-M. 2000. 272 s.
8. Endovickij D.A. Organizaciya analiza i kontrolya innovacionnoj deyatel'nosti hozyajstvuyushchego sub"ekta. M.: Finansy i statistika. 2004.
9. Cvetkov V.YA. Analiz innovacij v sootvetstvii so standartami OEHSR // Evropejskij issledovatel'. 2012. Seriya A. t. 3. № 10. S.1689-1693.
10. Ashin. S. N., Tukkel' I. L., Koshelev E. V., Makarov S. A. Ocenka ehffektivnosti innovacionnoj deyatel'nosti. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. 312 s.
11. Kaplan, R.S., Norton, P.D. The balanced scorecard: Translating strategy into action. Boston: Harvard Business School Press. MA. 1996. 336 r.
12. Žižlavský O. Net present value approach: Method for economic assessment of innovation projects. // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2014. № 156, R. 506–512.
13. Oslo manual. Guidelines for collecting and interpreting innovation data. 3th ed. Paris: OECD/EC. 2005. 210 r. Retrieved from: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf 9 (accessed March 12, 2018)
14. Materialy sajta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki RF. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (data obrashcheniya: 10.08.2018)
15. Indikatory innovacionnoj deyatel'nosti. M.: NIU VSHEH. 2018. 344 s. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii> (data obrashcheniya: 19.07.2018)
16. Indicators of Innovation in the Russian Federation: 2018: Data Book; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE. 2018. Retrieved from: <https://www.hse.ru/en/primarydata/ii> (accessed March 12, 2018)

17. Soumitra D., Bruno L., Sacha W. The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World. Geneva; New Delhi: Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. 2017. Retrieved from: <http://www.globalinnovationindex.org/> (data obrashcheniya: 10.03.2018)

For referencing:

Alexandrova T.V., Zhukovskaya S.L. Razrabotka metodiki mnogokriterial'noj ocenki ehffektivnosti innovacionnyh proektov [The development of method for multi-criteria evaluation of the effectiveness of innovative projects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 233–246.

УДК 005.591.6 + 330.341.1:62
DOI: 10.17223/19988648/44/17

Е.А. Полина, И.А. Соловьева

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РЕГИОНА: СУЩНОСТЬ И СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ

В статье проанализированы основные направления развития технологических инноваций в организациях промышленного производства и страны в целом. Рассмотрены и систематизированы подходы к оценке основных категорий инновационной проблематики, что позволило констатировать актуальность и значимость совершенствования теоретико-методологического аппарата в инновационной сфере. Представлены модели взаимосвязи исследуемых категорий и сформулированы дефиниции понятийно-терминологического поля, подкрепленные авторским видением. Определены направления дальнейшего исследования инновационного развития предприятий и регионов в целом.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационный процесс, инновационная среда, инновационный климат, инновационный потенциал, инновационная активность, инновационное развитие.

Развитие инноваций и технологий наблюдается во всем мире и происходит по различным трендам и направлениям: совершенствование коммуникационных систем, количественный рост и качественное улучшение высокотехнологичных товаров, продуктов и услуг, определение приоритетов развития внутренней и внешней политики стран, глобализация и рост населения, которые определяют цели формирования устойчивой мировой экономики. Все это – закономерные результаты развития цивилизации и поступательного перехода к постиндустриальному этапу, а именно информационному обществу знания [1. С. 32].

Поддержка и развитие инноваций – актуальное и приоритетное направление развития экономики, основа действующей национальной инновационной системы, способствующей развитию сектора исследований и разработок, формированию развитой инновационной инфраструктуры, а кроме того – достижению высокой конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, выходу страны из экономического кризиса и переходу на новый этап общемирового развития.

Ускоренные процессы инновационного развития современного мира объясняют значительный рост научных и исследовательских работ, посвященных формированию инноваций. Однако переход общества в инновационную фазу развития влечет изменения в предметной области современной науки – в сформировавшемся научном знании и методологии. Стоит отметить, что недостаточная проработанность теоретико-методологической базы – одна из основных проблем исследования инноваций. Особое внимание следует уделить задачам разработки актуальных методик оценки инновационного развития и вместе с тем создания моделей инноваций,

способных претерпевать изменения вместе с условиями и задачами познавательной деятельности, не ограничивая при этом возможность привлечения дополнительных методов и средств [2; 3. С. 30].

Актуальность и практическая значимость совершенствования теоретико-методического инструментария инновационной деятельности хозяйствующих субъектов обусловили задачи настоящего исследования:

- оценить уровень формирования и развития инновационной экономики в России;
- рассмотреть различные подходы к определению основных понятий инновационной проблематики;
- определить модели взаимосвязи между ключевыми дефинициями инноватики;
- сформировать понятийно-терминологический аппарат.

Несмотря на заявленные цели инновационной стратегии развития РФ до 2020 г.: встать на путь инновационного развития и сформировать экономику инновационного типа, развитие инновационной деятельности в России в целом не отвечает ожиданиям. Как показывают результаты исследований, технологических прорывов не наблюдается, налицо стагнация в инновационной сфере. Об этом говорит уровень инновационной активности крупных и средних промышленных предприятий, равный 9–10% (доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в их общем числе) [4]. По данным 2016 г., в 2015 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляло всего 9,5% отечественных промышленных предприятий, что отражено на рис. 1.

В сравнении с миром Россия (9,5%) заметно отстает по уровню инновационного развития, в разы уступая не только ведущим индустриальным странам (Германия – 61,5%, Бельгия – 52,8%, Швеция – 48,2%, Австрия – 43,5%, Франция – 41,9%), но и большинству государств Восточной и Центральной Европы в 2–3 раза, как показано на рис. 2 [4].

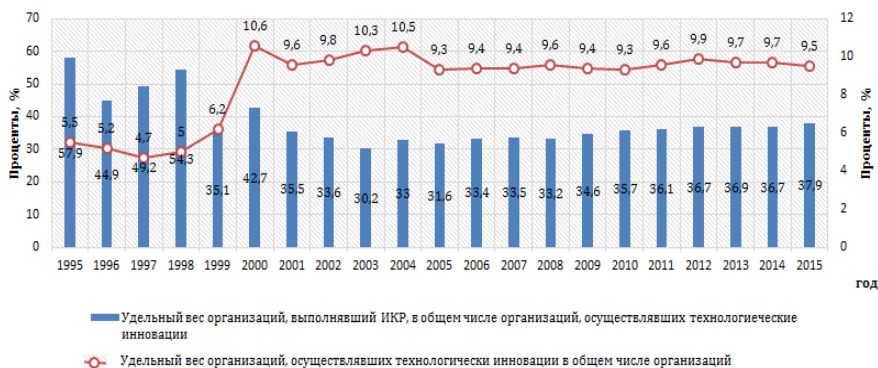

Рис. 1. Динамика уровня инновационной активности организаций промышленного производства

Источник: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2016. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf

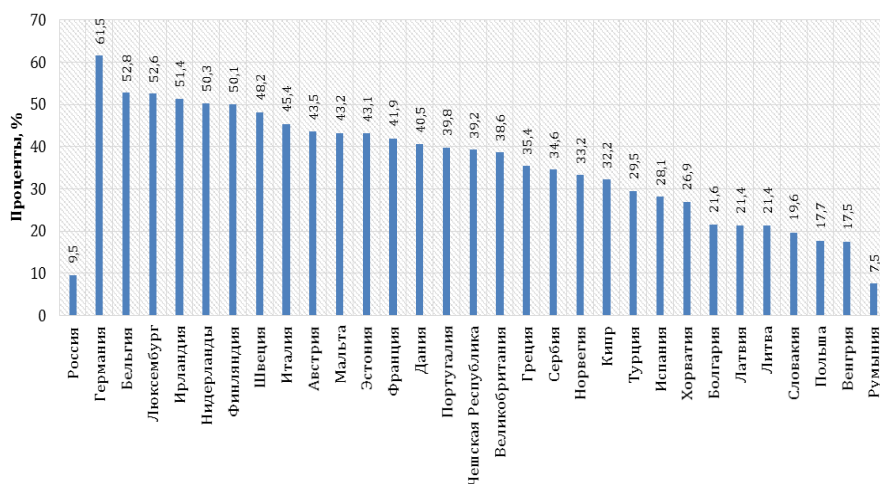

Рис.2. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций промышленного производства по странам (2015 г. или ближайшие годы, по которым имеются данные).

Источник: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2016. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в 2015 г., в общем числе организаций по видам экономической деятельности представлен на рис. 3 [4]. Среди высокотехнологичных организаций (№ 6, 7–11), осуществлявших инновационную деятельность в 2015 г., наивысшие значения показателя инновационной активности имеют организации, занятые в производстве летательных аппаратов, включая космические (№ 11, 35,9%) и производстве электронных компонентов, аппаратуры для радио, ТВ и связи (№ 9, 33,2%) при среднем значении показателя – 30,3%.

Из среднетехнологичных организаций высокого уровня (№ 12, 13–17) наибольшее значение показателя у производства электрических машин и электрооборудования (№ 15, 22,3%) при среднем значении 16,2%. Наибольшее значение показателя инновационной активности по среднетехнологичным организациям низкого уровня (№ 18, 19–24) имеют производства кокса и нефтепродуктов (№ 19) и металлургическое производство (№ 22) – по 21,6%. Среди низкотехнологичных предприятий (№ 25, 26–35) лидирует производство табачных изделий (№ 27, 47,6%).

Все это объясняется интеграцией российских компаний в транснациональные корпорации, модернизацией системы производства и административного аппарата.

Изменения в экономико-технологической, социокультурной и других отдельных сферах общественной жизни, вызванные инновациями, требуют прежде всего теоретического осмысления. Учитывая специфику исследуемого направления, задачи оценки и стимулирования инновационной дея-

тельности, анализа инновационной активности и эффективности инновационных процессов на предприятиях, формируют основу инновационной проблематики.

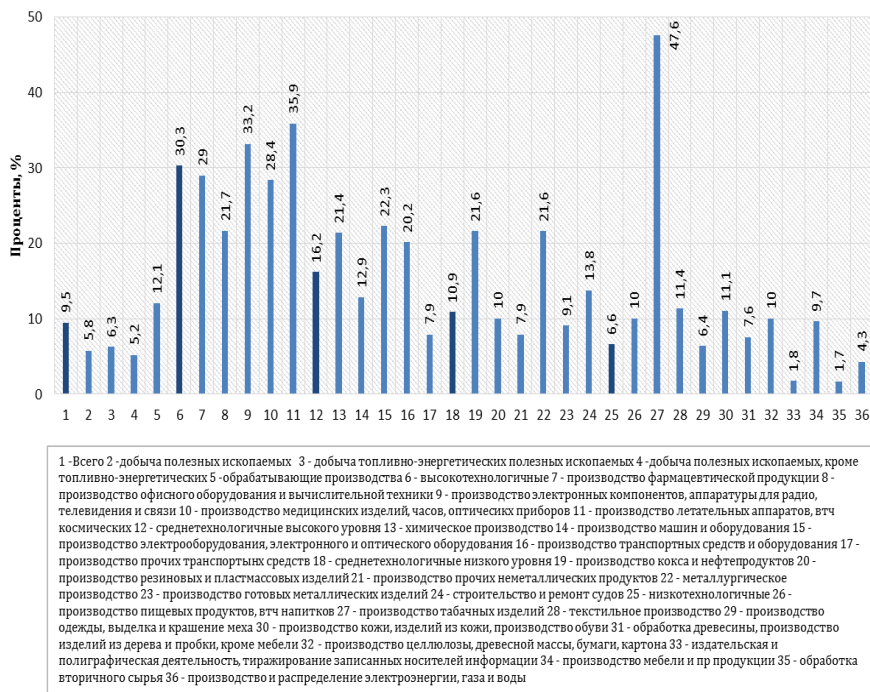

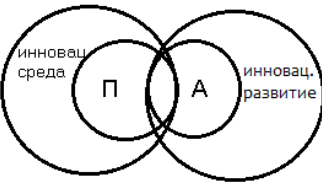

Рис. 3. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций по видам экономической деятельности, 2015 г.

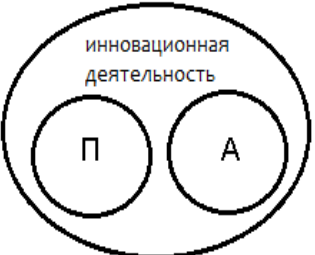
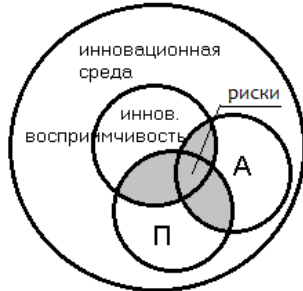
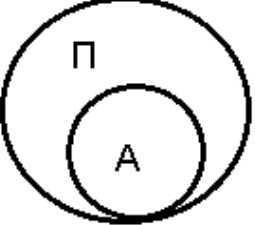
Источник: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2016. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf

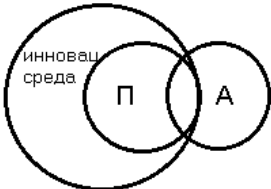
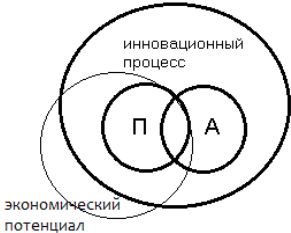

Изучив и систематизировав подходы к оценке основных категорий инновационной проблематики, нами была проведена их классификация по признаку взаимосвязи основных дефиниций с использованием аппарата математических множеств, что обобщено и проиллюстрировано в виде табл. 1.

С нашей точки зрения, все проанализированные подходы могут быть разделены на две большие группы с позиции понимания инновационной среды как самостоятельной экономической категории (группа В) или как характеристики условий осуществления инноваций (группа А), что представлено в табл. 2.

Таблица 1. Классификация подходов к определению основных дефиниций инновационной проблематики (систематизировано автором)

№ п/п	Ф.И.О. автора методики/подхода	Исследуемые категории	Как соотносятся понятия	Схема соотнесения понятий
1	Шабалтина Л.В.	Инновационный потенциал инновационной среды региона. Инновационное развитие	Инновационная среда включает инновационный потенциал поэтому результатом инновационной деятельности являются инновационная активность, инновационный рост и инновационное развитие	
2	Новиков С.А.	Инновационная среда агропромышленных компаний. Инновационный потенциал. Инновационная активность	Инновационная среда включает потенциал и активность, инновационный потенциал характеризует внешнюю среду, инновационная активность – внутреннюю, с учетом имеющихся у компании ресурсов	
3	Фатхутдинов Р.А., Горфинкель В.Я., Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Гунин В.Н.	Инновационная среда. Инновационный потенциал	Инновационная среда включает потенциал – внутреннюю среду компании, оценивает состояние ресурсов для реализации инноваций	
4	Трифилова А.А., Горбунов В.Л., Матвеев П.Г.	Инновационный потенциал. Инновационная активность. Инновационная среда	Рассматриваются понятия инновационного потенциала, активности и среды без взаимосвязи друг с другом	

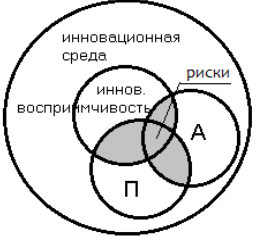
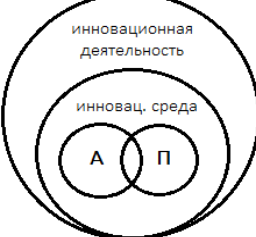

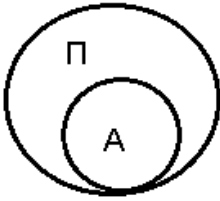
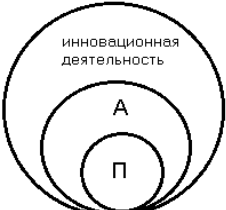
№ п/п	Ф.И.О. автора методики/подхода	Исследуемые категории	Как соотносятся понятия	Схема соотнесения понятий
	Шляхто И.В.			
5	Анисимов Ю.П., Пешкова И.В., Солнцева Е.В.	<p>Инновационная деятельность.</p> <p>Инновационный потенциал.</p> <p>Инновационная активность</p>	<p>Инновационный потенциал и инновационная активность рассматриваются как часть инновационной деятельности, не пересекаясь друг с другом</p>	
6	Зинченко В.И., Монастырский Е.А., Губин Е.П., Пушкаренко А.П., Тюльков Г.И.	<p>Инновационная восприимчивость.</p> <p>Инновационный потенциал.</p> <p>Инновационная активность.</p> <p>Инновационная среда.</p>	<p>Понятие инновационной активности пересекается с понятием инновационного потенциала. Инновационная восприимчивость частично включает и характеризует активность и потенциал. Интегральная оценка (потенциала) осуществляется в инновационной среде</p>	
7	Лаптева Е.А.	<p>Инновационный потенциал.</p> <p>Инновационная активность</p>	<p>Инновационная активность – характеристика и эффективность использования имеющихся ресурсов. Потенциал включает активность</p>	

№ п/п	Ф.И.О. автора методики/подхода	Исследуемые категории	Как соотносятся понятия	Схема соотнесения понятий
8	Собченко Н.В.	Инновационная среда. Инновационный потенциал. Инновационная активность	Инновационный потенциал – элемент инновационной среды, который используется для повышения уровня инновационной активности	
9	Альгина М.В., Боднар В.А.	Инновационный потенциал. Инновационная активность. Инновационный процесс	Инновационный потенциал – элемент экономического потенциала, который способствует повышению уровня инновационной активности. Инновационный процесс охватывает инновационный потенциал и активность	
10	Кулакова Н.Г.	Инновационная деятельность. Инновационный потенциал. Инновационная активность	Инновационный потенциал и эффективность его использования (инновационная активность) характеризуют успешность осуществления инновационной деятельности	
11	Евтушенко Е., Юсупова Э.	Инновационный потенциал. Инновационная активность. Инновационная среда	Инновационный потенциал определяет возможности инновационной активности в рамках инновационной среды	

№ п/п	Ф.И.О. автора методики/подхода	Исследуемые категории	Как соотносятся понятия	Схема соотнесения понятий
12	Кошелева Т.Н.	Инновационный потенциал. Инновационная активность. Инновационная среда	Инновационная среда обеспечивает поступательное инновационное развитие, формирование инновационного потенциала, повышение уровня инновационной активности	
13	Поляков В.В., Богдановский Е.М.	Инновационная активность. Инновационная деятельность. Инновационный потенциал	Инновационная активность – характеристика инновационной деятельности, в основе которой использование инновационного потенциала	
14	Никитина О.В.	Инновационная активность	Инновационная активность = инновационный процесс	
15	Баранчев В.П., Гильярди Ю.А., Пивень А.В.	Инновационная активность. Инновационная деятельность. Инновационная среда. Инновационный потенциал	Инновационная активность – характеристика инновационной деятельности, совершаемой в условиях инновационной среды с использованием потенциала (и его скрытых сторон)	

Таблица 2. Группировка подходов к определению основных понятий инновационной проблематики (составлено автором)

Группа	Подгруппа	Схема соотнесения понятий
<p>А. Инновационная среда как характеристика условий для осуществления инноваций</p>	<p>Подгруппа 1 А использует/ включает П</p>	
	<p>Подгруппа 2 А использует/ включает П и является характеристикой инновационной деятельности, среды, проц.</p>	

Группа	Подгруппа	Схема соотношения понятий
		
	<p><u>Подгруппа 3</u></p> <p>А и П не пересекаются</p>	
	<p><u>Подгруппа 4</u></p> <p>А включает П</p> <p>П включает А</p>	

Группа	Подгруппа	Схема соотнесения понятий
В. Инновационная среда как самостоятельная категория	<p>Подгруппа 5</p> <p>П, А, среда /процесс – самостоятельные категории</p>	

В группе А1 категория инновационного потенциала является характеристикой способности управляемой социально-экономической системы (инновационной среды) к улучшению и прогрессу; эффективное использование инновационного потенциала (характеристика инновационной активности) способствует переходу из одного состояния в другое, т.е. обеспечивает инновационное развитие. Инновационный потенциал подразумевает возможности предприятия генерировать высокую инновационную активность.

В группе А2 обобщенное взаимодействие инновационного потенциала (возможности предприятия к достижению инновационной цели, инновационных преобразований) и эффективности его использования, готовности системы к обновлению (инновационная активность) являются характеристиками инновационной деятельности, инновационного процесса и (или) инновационной среды. При этом под инновационным потенциалом некоторые исследователи понимают структурный элемент экономического потенциала, характеризующего уровень экономического развития системы. Комплексная оценка инновационной восприимчивости, взаимодействия элементов с внешней средой и другими системами (активность и потенциал) обнаруживает некоторые области риска, влияющие на прогноз развития инновационной системы.

В группе А3 категории инновационного потенциала и инновационной активности не пересекаются. Инновационная среда оценивает ресурсное состояние предприятия (инновационный потенциал по всем его компонентам) и определяет его сильные и слабые стороны по состоянию внутренней среды, а также позволяет оценить готовность предприятия реализовать поставленные инновационные цели, рассматривая инновационную активность как часть инновационной среды.

В группе А4 категория инновационного потенциала и инновационной активности включают друг друга. На первой схеме инновационная актив-

ность характеризует эффективное использование имеющихся ресурсов и является частью инновационного потенциала – возможности и готовности системы создавать и использовать инновации. На второй схеме инновационная активность – это комплексная характеристика инновационной деятельности, всецело опирающейся на возможность и способность к своевременной мобилизации инновационного потенциала (ресурсов необходимого качества и количества).

В группе В категории инновационного потенциала, активности, инновационной среды и процесса носят самостоятельный характер, а методики не учитывают факторы взаимного влияния и взаимосвязи исследуемых категорий друг с другом.

Неоднозначность, динамизм и многогранность подходов к пониманию и изучению основных категорий инновационной проблематики также подтверждают анализ динамики внимания современных ученых к различным ее аспектам. Множество научных работ и публикаций собрано в электронных библиотеках, крупнейшей из которых в России является eLIBRARY.RU – электронная библиотека, обладающая богатыми возможностями поиска и получения информации. На сегодняшний день ее подписчикам доступны полнотекстовые версии около 4 000 иностранных и 3 900 отечественных научных журналов, рефераты публикаций почти 20 тысяч журналов, а также описания полутора миллионов зарубежных и российских диссертаций [5].

Проведенное на базе платформы eLIBRARY.RU исследование научной периодики за период с 1991 по 2017 г., представленное на рис. 4, показало, что с 2000 по 2017 г. значительно возрос интерес к изучению инновационного развития как предприятий, регионов, так и страны в целом.

Несмотря на снижение упоминаний терминов «инновационная активность» и «инновационный потенциал», в разы возросло внимание к термину «инновационное развитие». С нашей точки зрения, это обусловлено комплексностью этого понятия, которое объединяет две основные задачи: формирование устойчивой инновационной активности и развитие инновационного потенциала.

На основе анализа имеющихся научных работ нами были сформулированы дефиниции основных категорий инновационной проблематики, которых мы будем придерживаться в рамках дальнейшего исследования проблем инновационного развития предприятий и регионов.

Инновации – это конечный результат инновационной деятельности в любой из сфер жизни общества, генерирующий экономический эффект. Под экономическим эффектом будем понимать удовлетворение существующей потребности посредством использования нового, улучшенного, усовершенствованного продукта, исключая отрицательные последствия – иначе инновация, как нечто новое и более эффективное, потеряет свой смысл [6, 7].

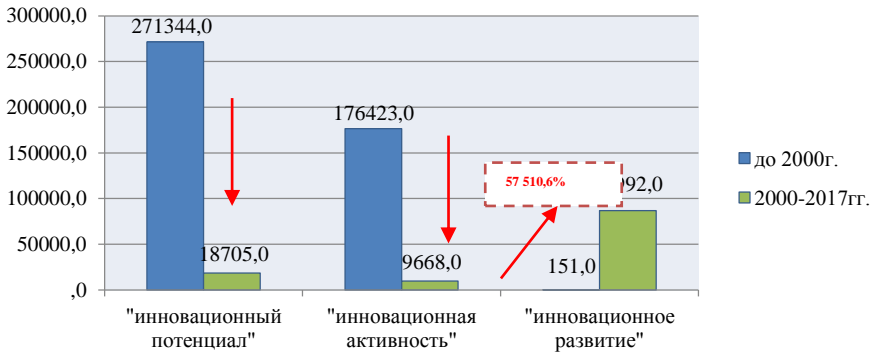

Рис. 4. Частота упоминаний терминов в названиях публикаций и ключевых словах за период с 1991 по 2017 гг. *Источник: eLIBRARY.RU*

Инновационная деятельность – деятельность по осуществлению научно-технических преобразований, направленных на внедрение научных исследований и разработок в новый или усовершенствованный продукт/процесс и реализацию в практической деятельности общества результатов инноваций с целью получения экономического эффекта [8].

Инновационный процесс – комплекс действий по подготовке, созданию и практическому использованию новых организационных, технических, экономических, социальных и других решений. В общем виде инновационный процесс включает несколько стадий [9]:

1. Исследование возможностей рынка (маркетинговые услуги, разработка бизнес-плана, оценка экономической эффективности инновации, подготовка кадров, организационная деятельность).
2. Проектирование продукта (развитие идеи) и освоение в производстве (научно-технические услуги).
3. Создание продукта (изготовление).
4. Содействие в реализации, внедрении, применении, использовании.
5. Управление продуктом (в том числе утилизация).

Под *инновационной средой* понимается сложившаяся определенная социально-экономическая, организационно-правовая и политическая среда, обеспечивающая или тормозящая развитие инновационной деятельности; либо как окружение участника инновационного процесса – внутреннее и внешнее, оказывающее косвенное либо прямое влияние на условия инновационной деятельности и ее результат [3, 8].

Выделяют также понятие *инновационного климата*, который является состоянием внешней среды организации, и понятие инновационного потенциала, который отражает влияние внутренних факторов.

Инновационный климат – уровень благоприятности имеющихся на территории (предприятия, региона, страны) научно-технологических и социально-экономических условий для развития инновационной деятельности и воспроизводства инновационных процессов [1].

Под *инновационным потенциалом* анализируемого объекта будем понимать совокупность финансовых, кадровых, научно-технических, организационно-управленческих, информационно-методических и маркетинговых ресурсов, обеспечивающих его потенциальную готовность выполнять поставленные инновационные задачи [7].

Понятие *инновационной активности хозяйствующего субъекта* может быть раскрыто как интенсивность осуществления предприятиями инновационной деятельности. Уровень инновационной активности служит индикатором экономического развития исследуемого объекта [7].

Под *инновационной активностью предприятия* мы будем понимать характеристику интенсивности и своевременности осуществления его инновационной деятельности, основанную на эффективности использования инновационного потенциала, что позволяет предприятию получить коммерческую выгоду и конкурентные преимущества.

Под *инновационным развитием* будем понимать процесс непрерывного развития науки, техники, технологии, совершенствования предметов труда, форм и методов организации производства, технологических процессов, а также развитие системы факторов и условий, необходимых для разработки, внедрения и реализации нововведений. Процесс инновационного развития носит комплексный характер и имеет две главные задачи: реализацию инновационных проектов (устойчивая инновационная активность) и развитие инновационного потенциала [8].

В свою очередь, категорию *инновационного развития предприятия* обозначим как непрерывный последовательный процесс движения к устойчивому состоянию организационно-функциональной системы предприятия под воздействием различных внешних и внутренних факторов, определяющих интенсивность и скорость инновационных процессов на предприятии. Таким образом, ориентация предприятий на инновационную устойчивость будет способствовать повышению эффективности производства и достижению высокой конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, а в глобальном масштабе – выходу страны из экономического кризиса и переходу на новый этап общемирового развития.

Обобщение и систематизация понятийного аппарата инновационной проблематики позволили нами разработать единое видение (схему, модель) инновационного процесса (рис. 5).

Таким образом, учитывая результаты анализа работ отечественных и зарубежных авторов и отсутствие четкой трактовки понятий инновационной проблематики, нами были сформулированы дефиниции понятийно-терминологического поля: инноваций, инновационной деятельности, инновационного процесса, инновационной среды, инновационного климата, инновационного потенциала, инновационной активности и инновационного развития.

С нашей точки зрения, формирование методического подхода к оценке, анализу и планированию инновационного развития на базе сформулированных дефиниций и разработанной модели протекания инновационных

процессов будет способствовать возможности четкого понимания причинно-следственных связей, драйверов развития и резервов роста инновационной активности.

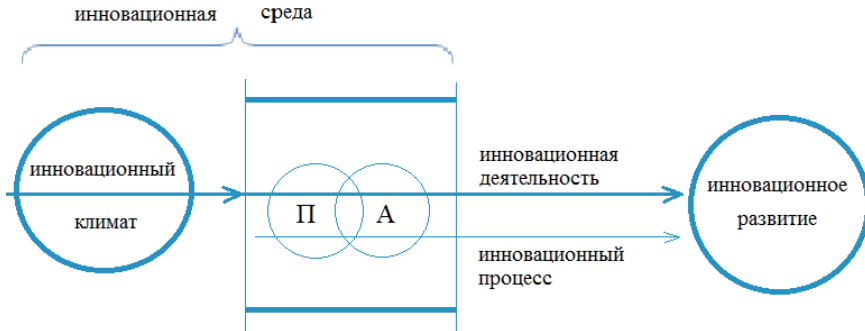

Рис. 5. Схема инновационного процесса (составлено автором)

В связи с вышесказанным актуальным становится вопрос разработки методики анализа и оценки инновационного развития предприятий, которая будет учитывать сложившуюся экономическую и политическую ситуацию и позволит не только оценить уровень инновационной активности и имеющегося инновационного потенциала предприятия, но и сформулировать рекомендации по их повышению.

Опираясь на результаты всесторонней оценки инновационного потенциала и долгосрочного научно-технологического прогноза, адаптированные инструменты инновационного анализа помогут оценить инновационную активность страны в целом и ее регионов. А разработанные на основе этого анализа рекомендации могут лечь в основу стратегий инновационного развития, призванных ответить на стоящие перед страной вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики. Вместе с тем она задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, финансирования фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок и лежит в основе разработки концепций и программ социально-экономического развития российских регионов.

Литература

1. Крючкова С.Е. Инновации: философско-методологический анализ. М., 2000.
2. Добродородний Д.Г. Инновации в научном познании: философский подход // Мирозренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир : материалы Международной научной конференции. Минск : Право и экономика, 2008. С. 111–114.
3. Столярова Т.А. Инновации как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : Российский государственный социальный университет, 2009.

4. Фридлянова С.Ю. Инновационная активность организаций промышленного производства. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Наука. Технологии. Инновации. 18.10.2016. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf

5. Сайт научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 12.12.2017).

6. Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д. Сущность понятия инновация и его классификация // Инновации. 2008. № 2–3. С. 3–13.

7. Данилин П., Крышталъ Н. Инновационный путь России. М. : Европа, 2008. 320 с.

8. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://innovation.gov.ru/ru/node/5320> (дата обращения: 20.12.2017).

9. Федораев С.В. Теоретико-методологические подходы к определению содержания и классификации инноваций как фактора обеспечения экономической безопасности // Проблемы управления рисками в техносфере. 2010. № 1 (13). С. 90–99.

Polina E. A., Postgraduate at the Department of “Finance, Money Circulation and Credit” of the High School of Economics and Management, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)/ E-mail: polina.zhene4cka@yandex.ru

Solovyova I.A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of “Finance, Money Circulation and Credit” of the High School of Economics and Management South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dubskih@mail.ru

INNOVATION ACTIVITY OF A REGION: ESSENCE AND SYSTEM FACTORS

Keywords: innovation, innovation process, innovation environment, innovation climate, potential, activity, innovative development.

This paper analyzes the main directions of the technological innovations development in industrial organizations and the country as a whole. The approaches to assessment of the main innovative categories that determine the relevance and significance of theoretical and methodological framework improvement are reviewed and systematized. Models of interrelation between the innovative problem categories are presented; definitions of the conceptual-terminological field are formulated and supported by the author's vision. The directions of further innovative development research of enterprises and regions in general are determined.

References

1. Kryuchkova S.E. Innovatsii: filosofsko-metodologicheskii analiz. M., 2000. P. 32.
2. Dobrorodnyi D.G. Innovatsii v nauchnom poznanii: filosofskiy podkhod // Mirovozzrencheskiye i filosofsko-metodologicheskiye osnovaniya innovatsionnogo razvitiya sovremennogo obshchestva: Belarus', region, mir: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konf. Mn.: Pravo i Ekonomika, 2008. pp. 111-114.
3. Stolyarova T.A. Innovatsii kak sotsial'nyy fenomen / Avtoref. dis. kand. filos. nauk. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy sotsial'nyy universitet, 2009. p. 30.
4. Fridlyanova S.YU. Innovatsionnaya aktivnost' organizatsiy promyshlennogo proizvodstva. Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSHE, Nauka. Tekhnologii. Innovatsii. 18.10.2016. https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf
5. Sayt nauchnoy elektronnoy biblioteki eLIBRARY.RU. Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (data obrashcheniya 12.12.2017).
6. Bezdudnyy F.F., Sushchnost' ponyatiya innovatsiya i yego klassifikatsiya / Bezdudnyy F.F., Smirnova G.A., Nechayeva O.D. / Innovatsii. 2008. № 2–3. pp. 3–13.
7. Danilin P., Kryshstal' N. Innovatsionnyy put' Rossii. M.: Yevropa, 2008. 320 p.

8. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 N 2227-r «Ob utverzhdenii Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda». Rezhim dostupa: <http://innovation.gov.ru/ru/node/5320> (data obrashcheniya 20.12.2017).

9. Fedorayev S.V. Teoretiko-metodologicheskiye podkhody k opredeleniyu sodержaniya i klassifikatsii innovatsiy kak faktora obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti. Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere. 2010. № 1 (13). pp. 90–99.

For referencing:

Polina E.A., Solovyova I.A. Innovacionnaya aktivnost' regiona: sushchnost' i sistemnye faktory [Innovation activity of a region: essence and system factors]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 247–263.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 331.57

DOI: 10.17223/19988648/44/18

Л.И. Воронина, Т.И. Касьянова

МЕХАНИЗМЫ СОДЕЙСТВИЯ И РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ БЕЗРАБОТНЫХ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И РОССИИ

В статье рассматривается актуальная проблема содействия и развития самозанятости безработных граждан, дан сравнительный анализ зарубежного и российского опыта. Представлен анализ различных механизмов содействия развитию самозанятости: государственные программы, нормативное регулирование, наличие и активность организационно-управленческих структур, отвечающих за администрирование деятельности в данной области, развитие координации, финансовые и материальные ресурсы, предоставление услуг по обучению, консультированию безработных. Представлены результаты социологического исследования среди безработных, выявившие причины, отрицательно влияющие на содействие и развитие самозанятости безработных. Исследование позволило предложить основные направления совершенствования самозанятости граждан: усиление финансовой поддержки в форме кредитов, повышение степени доверия граждан к экономической, налоговой и антикоррупционной политике государства и органов публичного управления, формирование позитивного имиджа в целом самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятость, безработные граждане, содействие и развитие самозанятости населения, направления самозанятости, государственные услуги, финансовая поддержка.

Введение

Значимость самостоятельной занятости граждан признана в мировом сообществе и является одним из направлений публичного управления, включая социальную сферу [1. С. 306]. J. Večerník [2. Р. 359] и G. Lisi [3. Р. 5983] указывают на то, что благодаря содействию власти самостоятельной занятости в социум возвращаются люди, которые ранее были временно вытеснены с рынка труда из-за потери работы, создаются новые рабочие места, удовлетворяется потребность граждан в конкретных услугах и товарах, укрепляются домохозяйства. При этом создание условий для содействия и развития самозанятости граждан, по мнению S. Boutsiouki [4. Р. 201], обусловлено политическим курсом государств или межгосударственных союзов и целями публичного управления.

Несомненно, сегодня накоплен богатый и разнообразный опыт содействия и развития самозанятости. Активно применяются различные механизмы публичного управления. Многие государства, используя норматив-

но-правовой механизм, выводят самозанятость из теневого сектора, что позволяет людям, имеющим высокий уровень профессиональных знаний и навыков, оказывать услуги и получать доход без риска подвергнуться наказанию [5. С. 21]. В настоящее время в Российской Федерации содействие самозанятости безработных граждан является одной из предметно-объектной областей публичного управления, как и в других европейских странах. Но, по мнению авторов, есть определенные препятствия и прежде всего недостаточность понимания как на теоретическом, так и практическом уровне механизмов, которые можно применять не только для содействия, но и для развития самозанятости граждан. Решением этой проблемы обусловлена цель исследования: изучение механизмов, применяемых в публичном управлении европейских стран и России для содействия и развития самозанятости безработных граждан; выявление проблем и обоснование путей развития. Объектом исследования, соответственно, являются механизмы содействия и развития самозанятости безработных граждан; предметом исследования – анализ основных проблем, препятствующих развитию самозанятости безработных граждан. В задачи исследования входят определение механизмов содействия самозанятости безработных граждан и анализ их состояния; оценка механизмов развития самозанятости безработных граждан в зарубежных странах и РФ; выявление слабых и сильных сторон в применении механизмов развития самозанятости безработных граждан в зарубежных странах и РФ; предложение путей развития этого направления.

В основу методологии исследования взята концепция публичного управления по результатам, понимание того, что самозанятость является одной из подсистем публичного управления, в которой для достижения результатов субъекты управления используют соответствующие механизмы. Основные методы, применяемые для исследования: теоретический, сравнительный, статистический и социологический виды анализа. В частности, авторами статьи сравниваются различные механизмы содействия и развития самозанятости граждан ряда европейских стран и РФ, анализируется динамика показателей, установленных государственными органами РФ в сфере занятости. Также в 2016–2017 гг. проведено социологическое исследование в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа с применением выборочного опроса среди безработных граждан, получающих государственные услуги по поддержке самозанятости.

Методология

Несомненно, что самозанятость граждан – это предметно-объектная область публичного управления, охватывающая как экономическую, так и социальную сферу. Эту позицию разделяют исследователи, признающие зависимость между развитием рынков труда и социальной защищенностью населения, рассматривающие степень занятости граждан в качестве одного из важнейших показателей эффективности и результативности как экономической, так и социальной политики [6. Р. 483]. Состояние домохозяйств

также рассматривается как один из показателей, косвенно влияющих на эффективность не только экономической, но и социальной политики [2. Р. 359].

По мнению авторов статьи, для исследования содействия самозанятости граждан наиболее целесообразно применять теоретическую концепцию «управление по результатам». В данной концепции основное внимание такими исследователями, как Ханс де Брюйн [7. С. 192], Е.И. Добролюбова [8. С. 133], В.А. Ушакова [9], В.П. Мохова [10. С. 129], уделяется текущим результатам, характеризуется совокупность инструментов и механизмов публичного управления, деятельность всех субъектов в рамках концепции управления по результатам, оценивается по степени их способствования достижению определенных результатов, конечные продукты и предоставляемые услуги также. Информация о достигнутых результатах применяется далее в процессе принятия последующих решений, касающихся разработки, ресурсного обеспечения и реализации соответствующих программ и деятельности.

В концепте публичного управления по результатам применяются конкретные механизмы. К ним можно отнести государственные программы, ориентиры и приоритеты, нормативное регулирование, процедуры, организационно-управленческие структуры и их персонал, отвечающие за администрирование деятельности в конкретной области деятельности на разных уровнях публичного управления. Кроме этого, по мнению И.В. Понкина, публичное управление включает в себя механизмы совершенствования внутренней координации, управление человеческими, финансовыми и материальными ресурсами и коммуникационными системами, а также управление, связанное с предоставлением публичных услуг [11. С. 44].

Исследователи самозанятости безработных граждан во многом применяют методологию, обоснованную в концепции управления по результатам. Так, Д.Ш. Мусостова и Д.И. Бисаева оценивают деятельность государственных центров занятости, исходя из качества предоставляемых услуг, в том числе и для поддержки самозанятых граждан [12]. А.И. Мидянка оценивает такой механизм для содействия самозанятости, поддержки и развития малого бизнеса как государственные программы [13]. Н. Ко оценивает эффективность деятельности государства в сфере занятости, исходя из качества достижения занятости и всеобщего благосостояния [14. Р. 158].

Но при этом в теоретической литературе практически нет четкой классификации механизмов, направленных на содействие и развитие самозанятости безработных граждан. Поэтому авторы предлагают свою классификацию. Исходя из этимологии слова, «содействие» означает деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности [15]. Российские государственные органы в сфере занятости (департаменты труда и занятости населения, центры занятости и центры поддержки предпринимательства) в основном используют организационный механизм публичного управления для содействия самозанятости. В целом организационный механизм публичного управления в

сфере занятости – это находящаяся в структурно-функциональном единстве совокупность юридически урегулированных способов (приемов) и алгоритмов возможных или обязательных административно-распорядительных, организационных и иных администрирующих действий должностных лиц публичной администрации, посредством которой осуществляется публичное управление в данной предметной области в части решения партикулярного комплекса взаимосвязанных проблем или реализации одной функции (или нескольких связанных функций) публичной власти в сфере занятости. Организационный механизм публичного управления для содействия самозанятости реализуется посредством прежде всего предоставления гражданам финансовой помощи для организации собственного дела. К этому же механизму относится предоставление государственной услуги безработным гражданам в соответствии с административным регламентом содействия самозанятости [16].

Определение развития чего-либо дано следующее: «Это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» [15]. Несомненно, развитие самозанятости требует применения иных механизмов, а именно нормативно-правового механизма публичного управления. Он представляет собой дискретную совокупность юридических средств (правовых методов, материальных и процессуальных норм права, технических норм, актов правореализации), предусмотренных в рамках компетенции органа публичного управления для обеспечения, отправления им своих функций и исполнения им своих полномочий по отдельному предмету ведения или по отдельному вопросу.

В меньшей степени используется социальный механизм публичного управления, который представляет собой сложившиеся или выстроенные в определенной логике (топологии) и определенной форме отношения (в том числе опосредованные) между публичной администрацией и обществом или его сегментом (как объектом и одновременно (опосредованно) субъектом публичного управления), а также реализуемый в рамках этих отношений комплекс повторяющихся и воспроизводящихся действий, опосредованно позволяющих обеспечить достижение целей и решение задач публичного управления [12. С. 251].

Результаты исследования

Выбор направлений, по которым развивается самозанятость граждан в европейских странах, устанавливается нормативно-правовым механизмом. Его реализация находит выражение в содержании законов, разработке и условиях реализации государственных программ, направленных на содействие самозанятости и развитие малого предпринимательства. Например, установление в законе перечня профессий, носители которых могут быть самозанятыми. Так, в соответствии с законодательством Германии самоза-

нятыми могут быть представители таких профессий, как программисты, журналисты, специалисты по электронике, автомеханики, педагоги, переводчики, аналитики и врачи [17. С. 142]. Нормативно-правовым механизмом также устанавливаются необходимые процедуры (как одноразовые обязательные действия), например, оформление разрешения, наличие которого позволяет гражданину стать самозанятым. В Германии гражданину, планирующему быть самозанятым, необходимо обратиться в орган местной власти для получения соответствующего разрешения. Согласно другой обязательной процедуре гражданину необходимо подтвердить профессиональную пригодность, которая оценивается на основании документа о соответствующем профессиональном образовании, либо о прохождении курсов, либо о результатах экзамена, проводимого специальной комиссией.

К организационному механизму содействия самозанятости граждан в европейских странах относится финансовая поддержка, необходимая для начала самозанятости и открытия малого бизнеса. Так, немецкие граждане, потерявшие постоянную работу, могут получать безвозмездные государственные дотации для последующей самозанятости. В дополнение к социальному пособию, которое составляет 65% от последнего заработка гражданина, государство полгода выплачивает ежемесячную помощь в 300 евро. Именно благодаря такому достаточному объему финансовой поддержки безработных граждан в Германии десять лет назад началось увеличение количества самозанятых граждан [18]. Обязательной процедурой (в рамках организационного механизма содействия самозанятости) является представление гражданином бизнес-плана в коммерческий банк по месту жительства, который оценивает его и при положительном решении направляет запрос в Кредитный банк о выдаче ссуды для получения финансовой поддержки или оказания соответствующей государственной услуги.

В то же время создание органами власти необходимой инфраструктуры (технопарки, бизнес-инкубаторы, центры поддержки предпринимательства) в конкретной стране и регионе можно отнести к организационному механизму, обеспечивающему развитие малого бизнеса, включая самозанятость, и при благоприятных условиях и личной эффективности возможность перейти самозанятому гражданину от начального состояния в другое, более совершенное (к устойчивости своего дела, увеличению количества клиентов, доходов и т.п.).

Заметим, что все виды механизмов поддержки и развития самозанятости имеют интегрированный характер. Например, объем и условия финансовой поддержки для организации самозанятости граждан связаны с законодательством, регулирующим налогообложение. Так, в Германии самозанятые не платят никаких специфических налогов. К ним применяется такой же подоходный налог, как и к людям, работающим на предприятиях различных организационно-правовых форм. Они освобождены от таких административных процедур, как представление отчетности, сбор различных документов и справок; основанием для налогообложения является заполнение только декларации, проверка достоверности которой проводится

по результатам анализа движения денег на банковском счете и сопоставления с суммой подтвержденных затрат.

Во Франции государство применяет такой же организационный механизм содействия самозанятости граждан, как финансовая поддержка, состоящая в том, что безработные, решившие создать свой бизнес, освобождаются от налогов на три года и на один год от обязательных выплат в фонды национального страхования. Безработным, ставшим предпринимателями, выдаются специальные книжки, отрывными чеками из которых можно расплачиваться за консультации по менеджменту, юриспруденции, бухгалтерскому учету [19].

В Канаде как государственная программа поддержки индивидуальной трудовой деятельности (SEB) также применяется организационный механизм: предусматривается финансовая и техническая поддержка для безработных, получающих социальное пособие и собирающихся стать самозанятыми [14]. В США тоже активно используют организационный механизм для содействия гражданам, планирующим самозанятость – это получение материальной помощи в виде займа. Косвенная поддержка осуществляется с помощью предоставления специальных кредитов от Ассоциации малого бизнеса тем предприятиям, которые расположены в регионах с высоким уровнем безработицы и которые создают условия для самозанятости граждан [20].

Системным элементом содействия самозанятости безработных граждан являются услуги, в данной ситуации услуги по обучению и представлению необходимой информации. В США содействие безработным гражданам, планирующим открытие собственного бизнеса, оказывает Ассоциация малого бизнеса (АМБ) в форме семинаров и консультаций, а также компенсирует часть расходов за участие в обучающих семинарах. В Великобритании применяется аналогичный организационный механизм в виде услуг и консультаций для безработных граждан, планирующих самозанятость.

Информационные услуги по поддержке самозанятости безработных граждан есть практически во всех странах. Интересен опыт Китая, где самозанятые граждане имеют возможность получать необходимую информацию на специализированных сайтах и в электронных библиотеках, участвовать в вебинарах, видеоконференциях, которые организуются ведущими китайскими и мировыми специалистами. В Китае действует 1000 государственных центров поддержки предпринимательства, которые безвозмездно оказывают услуги по поддержке самозанятости граждан [13]. В Канаде разработано большое количество государственных программ по содействию самозанятости, поддержке и развитию малого бизнеса: Strategis, SEB, CFDC's, WEC и др. На Strategis, интернет-сайте правительства Канады, предоставлена полная информация о состоянии рынка труда, а также образцы бизнес-планов [14].

Рассмотрим, насколько в России результативно применяются механизмы поддержки и развития самозанятости граждан, отбор которых обусловлен как адаптацией зарубежного опыта, так и факторами, характерными

именно для РФ и менее значимыми для других стран. Например, это исторический и социокультурный факторы. Только с середины 90-х гг. XX в. в России началось легитимное признание индивидуального предпринимательства как вида трудовой деятельности. До этого времени в российском обществе самозанятость не признавалась законодательно и была уголовно наказуема [14]. Также не признавались как общественные ценности предприимчивость и самостоятельность в получении трудового дохода [22. С. 562].

В настоящее время в Российской Федерации содействие самозанятости безработных граждан является одним из элементов публичного управления и государственной политики занятости, реализация которой предполагает комплекс механизмов, включая социальный. Применение этого механизма связано с принципом активизации деятельности самих граждан и усиления их ответственности за собственное благополучие. Результаты мониторинга возможностей развития самозанятости позволяют утверждать, что патерналистская зависимость россиян в разных сферах жизни от государства постепенно снижается: если в 1995 г. 82,5% граждан считали, что государство должно поддерживать всех членов общества во всех направлениях жизнедеятельности, то в 2013 г. только 51,4% опрошенных граждан разделяют это мнение [23]. Социальный механизм применяется и в сфере малого бизнеса для формирования деловой этики: поддержания положительной репутации предпринимателей, выполнения ими обязательств перед партнерами, представления о том, что только поведение с соблюдением норм деловой этики является необходимым условием функционирования предпринимательства.

Конечно же, как и в других странах, в РФ есть применение нормативно-правового механизма, направленного как для содействия, так и для развития. Прежде всего, федеральным законом введено понятие «самозанятость»: самозанятость рассматривается как разновидность занятости [24]. В планируемом законопроекте об освобождении самозанятых граждан от уплаты налога в 2017 г. самозанятыми считаются граждане, которые в состоянии самостоятельно обеспечивать себя трудовой деятельностью и отвечать за своевременную уплату страховых и пенсионных взносов, но при этом трудятся в одиночку – без наемных работников [25]. Главным субъектом, обеспечивающим организационную поддержку самозанятости граждан и использующим организационный механизм, являются российские центры занятости. Они оказывают различные услуги, цель которых – содействие гражданам, временно ставшим безработными, но желающими стать самозанятыми. Эти виды услуг сложные по своей структуре, в процессе их оказания участвуют различные специалисты, которые информируют безработных граждан в различных формах о возможностях для создания собственного дела – это консультации, информационные стенды, размещение информационных материалов в Интернете. Специалисты центров занятости также оценивают степень готовности безработного гражданина заниматься предпринимательской деятельностью, создавать фермерское хозяйство, используя такие формы, как тестирование, проведение

опросов. Центры занятости совместно с фондами поддержки предпринимательства (еще одним субъектом содействия самозанятости) проводят консультации для безработных граждан, принявших решение заниматься предпринимательской деятельностью: по подготовке бизнес-плана, получению необходимых знаний и навыков. Центры занятости, используя организационный механизм, оказывают финансовую помощь гражданам, решившим стать самозанятыми.

Таким образом, основные механизмы содействия самозанятости граждан (нормативно-правовой, организационный, социальный) используются и в России. И в то же время сравнительный анализ применения механизмов содействия самозанятости в РФ с практикой других стран позволяет выявить следующие проблемы – это отсутствие сформировавшейся институциональной практики, несовершенство законодательства. Самозанятые российские граждане не работают на основе патента, их состав неоднороден по видам деятельности и уровням квалификации [26. С. 173]. В настоящее время в состав самозанятых граждан включены те, кто не имеет статусов индивидуального предпринимателя или наемного работника, но занимается определенным видом деятельности. В частности, это граждане, которые оказывают услуги по присмотру и уходу за детьми, больными и пожилыми гражданами старше 80-летнего возраста; по уборке жилых помещений и ведению домашнего хозяйства, а также те, кто занимается репетиторством.

По мнению авторов, необходимо применять нормативно-правовой механизм не только для содействия, но и развития. И такие предпосылки есть. Так, в настоящее время в Государственной Думе РФ рассматривается законопроект, в котором предлагается освободить таких граждан от налогов на два года и исключить возможность признания их бизнеса нелегальным и противозаконным. Но при условии, что они официально регистрируют свою деятельность и начнут работать на основе патента или как индивидуальные предприниматели.

В перспективе после принятия Государственной Думой РФ законопроекта планируется расширить перечень видов самозанятости, дополнить его такими видами, как ремонт обуви и одежды; услуги фотографа; перевод текста с иностранного языка, ведение переписки; услуги няни; работа дизайнера интерьеров и ландшафтного дизайнера; предоставление перевозок грузов и людей; производство молочных и хлебобулочных изделий для последующей реализации населению и др. [27]. Предусматривается, что законами субъектов РФ перечень услуг может быть расширен, это также может создать определенные условия для развития самозанятости.

В настоящее время отсутствие законодательно установленного постоянного перечня конкретных направлений самозанятости дестабилизирует ее развитие, ограничивает как возможности российских граждан в самозанятости, так и развитие конкретных рынков услуг. Так, перечни уточняются каждый год. В 2016–2017 гг. российские самозанятые граждане трудились в следующих направлениях: обучение на основе репетиторства; убор-

ка, предоставление услуг повара; ремонт жилых и нежилых помещений. В 2017 г. начинающие предприниматели (51,2%) предпочитали оказывать различные услуги, заниматься торговлей (35,7%) и сельским хозяйством (11,5%) [27].

Приведем примеры по направлениям самозанятости граждан, живущих в разных регионах России. В Ханты-Мансийском автономном округе, одном из самых северных регионов, самозанятые граждане развивают животноводство, сельский туризм, придорожный сервис, строят гостиницы малой вместимости. На юге России, в Крыму, самозанятые граждане оказывают услуги по курортному обслуживанию и туризму, открывают туристические агентства и мини-пансионаты, предлагают услуги экскурсоводов и гидов, уход и присмотр за детьми, обучают танцам, плаванию, проводят психологические консультации. На Урале, в Свердловской области, исторически сформировавшейся как промышленный регион, самозанятые граждане занимаются сельским хозяйством, торговлей, оказывают населению образовательные и бытовые услуги. Результаты анализа видов самозанятости позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на значительный перечень видов деятельности, отсутствуют те виды деятельности, которые требуют от самозанятых граждан высокого уровня квалификации, в отличие, например, от Германии. Хотя социально-демографический потенциал этих регионов достаточно высокий.

Рассмотрим, как действует организационный механизм самозанятости граждан в части финансовой поддержки. В последние годы российские службы занятости снизили уровень финансирования для реализации программ по содействию самозанятости безработных. Например, объем расходов на выполнение мероприятий по содействию самозанятости безработных граждан в Свердловской области в 2017 г. в сравнении с 2014 г. сократился более чем в 5 раз. При том, что в первом полугодии 2017 г. наибольшая доля безработных граждан, получивших государственную услугу по содействию самозанятости (4,0%), отмечена именно в Уральском регионе (табл. 1).

Таблица 1. Финансирование содействия самозанятости безработных граждан в соответствии с Государственной программой занятости населения Свердловской области

Объем расходов на выполнение мероприятий по содействию самозанятости безработных граждан, тыс. руб.	Год				
	2014	2015	2016	2017	2018
	14 300,6	9 523,2	7 103,3	2 740,3	443,7

Налицо расхождение между возможностями региона по развитию малого и среднего бизнеса, потенциальной готовностью населения к самозанятости и размерами поддержки этого вида трудовой деятельности. В такой ситуации результативность применения организационного механизма для поддержки самозанятости граждан в данном субъекте РФ можно признать как неудовлетворительную. Приведем доказательства, которые позволяют

сделать такой вывод. В настоящее время Свердловская область является одним из лидеров в стране по уровню развития малого и среднего бизнеса. По количеству зарегистрированных малых и средних предприятий регион занимает 5 место в стране. В Свердловской области реализуются меры налогового стимулирования для предприятий на всех уровнях их жизненного цикла: для начинающих установлены «нулевая ставка» и налоговые «каникулы» для применяющих упрощенную систему налогообложения. Для расширения рынков сбыта продукции, выпускаемой малыми предприятиями, развивается кооперация между муниципальными образованиями, проводится международная выставка ИННОПРОМ. Для информирования населения и бизнес-сообщества об имеющихся возможностях разработаны такие Интернет-ресурсы, как портал малого и среднего бизнеса Свердловской области и «Бизнес-навигатор» [28].

Свердловская область участвует в чемпионатах WorldSkills по различным компетенциям, в том числе и по компетенции «Предпринимательство» [29].

Распространенность малых предприятий в европейских странах (27 стран ЕС) достаточно высока: на 1 000 населения приходится 40 малых предприятий.

В Свердловской области также отмечен рост развития малого предпринимательства. Например, в г. Екатеринбурге число субъектов малого предпринимательства в расчете на 1 000 жителей города составляет 51,1 [30]. Однако данный процесс не распространился на категорию безработных граждан. Аналогичная ситуация наблюдается и в других субъектах РФ, включая ХМАО.

Так, за последние 5 лет в Свердловской области численность безработных граждан, оформивших государственную регистрацию в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя и получивших единовременную финансовую помощь, снизилась более чем в 3 раза. В то же время увеличивается количество граждан, обратившихся за предоставлением государственной услуги по данной теме, что свидетельствует о потенциальной готовности населения к самозанятости (табл. 2).

Таблица 2. Содействие самозанятости безработных граждан в Свердловской области

Численность граждан	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017, 1 полугодие
Обратились за предоставлением государственной услуги (количество заявлений)	1481	1290	1227	1204	1385	1542
Оформивших государственную регистрацию в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя	473	367	336	225	137	75

В том числе: зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей	426	320	292	212	122	70
Из них: зарегистрировавших крестьянское (фермерское) хозяйство	2	11	12	17	10	0
Зарегистрировавших юридическое лицо	47	47	44	13	15	5
Получивших единовременную финансовую помощь при соответствующей государственной регистрации	81	285	239	155	83	33

К сожалению, проявляется не только низкая результативность конкретных механизмов для содействия самозанятости граждан, но и в целом центров занятости как основных субъектов. Этот вывод подтверждается статистическими данными, характеризующими тенденцию развития: в первой половине 2017 г. доля граждан, открывших собственное дело, в общей численности безработных составила всего 0,38% [31]. В то же время распространена трудовая деятельность граждан в неформальном секторе экономики, сокрытие ими доходов от налогообложения, что также подтверждает низкую результативность как применения организационного механизма, так и в целом деятельности субъекта, осуществляющего функции содействия.

Проанализируем, насколько результативно применяется механизм содействия самозанятости в других регионах, например в ХМАО-Югра. Авторами статьи в рамках данного исследования проведен опрос 600 респондентов, зарегистрированных как безработные в центре занятости населения Октябрьского района ХМАО-Югра. Место опроса выбрано потому, что это промышленный район, где добывают нефть и газ. Но в этом виде деятельности занято ограниченное количество граждан. Поэтому развитие самозанятости очень актуально для района. Отбор респондентов осуществлялся по следующим критериям: возраст; гендер, уровень профессионального образования. По результатам опроса оценивалось влияние основных механизмов содействия самозанятости безработных граждан. Для оценки качества услуг как одного из показателей применения организационного механизма содействия самозанятости использовался такой показатель, как степень сформированных профессиональных компетенций в процессе обучения у безработных.

Была выдвинута гипотеза о том, что высокая степень сформированности компетенций позволяет безработным, имеющим высшее образование, заняться в перспективе высокотехнологичным, наукоемким, инновационным бизнесом. Также оценивалась степень востребованности различных знаний (правовых, бухгалтерских, маркетинговых) у граждан, планирующих самозанятость. Предполагалось, что освоение маркетинговых знаний позволяет будущим самозанятым гражданам объективно оценивать спрос и масштаб будущего дела, а также степень конкуренции в конкретном секторе рынка. В процессе опроса выявлялось, какие навыки нужны безработным для открытия индивидуальной деятельности, какие предприниматель-

ские способности присутствуют у будущих индивидуальных предпринимателей, например способность ставить цели, самостоятельно организовывать их достижение. Также оценивалось, в какой мере безработные осознают свою социальную ответственность перед партнерами, потребителями и государством за ведение будущего бизнеса. Выявлялось наличие опыта и социальных связей у будущих предпринимателей.

Была выдвинута гипотеза о том, что для успешной самозанятости нужна оценка социально-психологической готовности граждан: степень их деловой активности, ответственности за собственное благополучие, зависимости от помощи государства в разных сферах жизни. Для оценки влияния социально-психологической готовности были применены следующие показатели: самооценка респондентами уровня стрессоустойчивости, осознание ими препятствий для открытия своего дела. Также выявлялись ценности, значимые для безработного гражданина (семья, свободное время). Для объективной оценки применения организационного механизма содействия самозанятости, включая финансовую поддержку, в анкету включался вопрос о том, достаточно ли государственных средств для финансовой помощи безработным. Также выявлялась степень доверия будущих предпринимателей к экономической политике правительства и налоговому климату.

Была выдвинута гипотеза о том, что если у респондентов есть высокий уровень недоверия к экономической и налоговой политике как подсистем публичного управления, то они не будут планировать самозанятость. Респондентам предлагалось оценить результативность организационного механизма в части технической поддержки самозанятости в регионе и муниципальном образовании. Также в опросе оценивалось влияние на самозанятость граждан внутренних и внешних факторов (исторических, социокультурных и географических). К факторам, отрицательно влияющим на развитие самозанятости, авторы исследования отнесли коррупцию и криминальные поборы.

Состав респондентов был следующий: молодежь составила 27,6%; люди среднего возраста 42,2%; старшего возраста 30,2%; мужчин 49,2%; женщин 50,8%. По уровню образования выборка респондентов следующая: 37% имеют неполное среднее образование; общее среднее 47,4%; начальное профессиональное 12,3%; среднее профессиональное 25%; высшее образование 9,3%. По результатам исследования выявлено, что качество образовательных услуг, полученное респондентами, достаточно высокое. По мнению респондентов, для открытия собственного дела им пригодятся знания, полученные при обучении по праву, бухгалтерскому учету, маркетингу. Но для того чтобы заниматься высокотехнологичным, наукоемким бизнесом, этих компетенций недостаточно, по мнению 45,6% респондентов. Полученные знания по маркетингу позволяют респондентам критически оценить возможности для будущей деятельности. Около четверти (22,3%) респондентов указывают на высокий уровень конкуренции в том секторе рынка, где они планируют работать. 11,6% понимают, что на тот вид деятельности, которым они планируют заниматься, существует недо-

статочный спрос. 42,8% респондентов осознают, что у них мало предпринимательских способностей для открытия собственного дела. Лишь у 13,5% респондентов есть такие предпринимательские способности, как умение ставить цели и достигать их без внешнего контроля. Почти у пятой части опрошенных (24,2%) нет опыта и связей для успешного ведения собственного дела. Лишь 25,1% опрошенных осознают социальную ответственность за ведение будущего бизнеса перед партнерами, потребителями и государством. У 74% безработных, планирующих самозанятость, выявлен высокий уровень стрессоустойчивости, вместе с тем 70% респондентов отмечают внутренние проблемы, которые могут быть препятствием для открытия своего дела: страхи и опасения; неуверенность в себе; проблемы в отношениях с окружающими и близкими людьми; подавленность; низкая самооценка, замкнутость. Но при этом большинство опрошенных не рассматривают отрицательное влияние этих социально-психологических характеристик на будущую самозанятость. Хотя мировая практика свидетельствует об обратном. По результатам опроса выявлено, что почти 80% опрошенных отмечают недостаточность финансовых средств, выделяемых государством для поддержки. К сожалению, 40,5% респондентов высказывают недоверие к экономической политике правительства, 39,1% негативно оценивают налоговый климат в стране. 53,0% опрошенных невысоко оценивают техническую поддержку самозанятости в регионе и муниципальном образовании. Также 48,4% респондентов указывают на факторы, отрицательно влияющие на развитие самозанятости: это коррупция и связанное с ней вымогательство. По результатам опроса проранжированы причины, отрицательно влияющие на содействие и развитие самозанятости безработных, по степени их убывания (табл. 3).

Таблица 3. Причины, отрицательно влияющие на содействие и развитие самозанятости безработных

№ п/п	Причины, ранжированные по значимости	%
1	Недостаточно финансовых средств, предлагаемых государством	78,1
2	Недостаточно развита инновационная и информационная система, инфраструктура региона и муниципального образования	53,0
3	Есть риск столкнуться с коррупцией, вымогательством	48,4
4	Компетенции, полученные при обучении, не позволяют заняться высоко-технологичным, наукоемким инновационным бизнесом	45,6
5	Недостаточно предпринимательских способностей для открытия собственного дела	42,8
6	Недоверие к экономической политике правительства	40,5
7	Неблагоприятный налоговый климат	39,1
8	Осознание ответственности за ведение бизнеса перед партнерами, потребителями, государством	25,1
9	Отсутствие опыта и связей для успешного ведения собственного дела	24,2
10	Высокая конкуренция в секторе рынка, где планируется собственное дело	22,3
11	Недостаточно осознается выгода (прибыль), есть риск разорения	21,9

№ п/п	Причины, ранжированные по значимости	%
12	Не хочу, не могу управлять людьми	15,8
13	Не могу самостоятельно и эффективно работать, ставить цели и достигать их (без внешнего контроля)	13,5
14	Недостаточный спрос на планируемый вид деятельности	11,6
15	Перспектива высокой занятости делом в ущерб времени, которое нужно для семьи, отдыха, спорта, здорового образа жизни. Это может привести к потере семьи и здоровья	11,6
16	Не знаю, как организовать и оформить собственное дело	6,5
17	Риск криминальных поборов	4,7
18	Другие причины	3,7

В ходе исследования выявлена группа потенциальных предпринимателей – респондентов, выразивших намерение открыть свое дело. Обобщенный социально-демографический портрет потенциальных самозанятых граждан следующий: это преимущественно молодые мужчины и женщины в возрасте от 25 до 34 лет; они имеют высшее или незаконченное высшее образование, среди них люди, которые занимали должности руководителей среднего звена и специалистов; доход на одного члена семьи в месяц составляет от 15,0 до 25,0 тыс. руб.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы. В настоящее время Российской Федерацией применяются все основные механизмы содействия самозанятости безработных граждан, которые в определенной степени адаптируются. Но есть недоработки по результативности применения такого механизма, как организационный, особенно в части финансовой поддержки. Возникает закономерный вопрос: что делать в такой ситуации? Ответ основан на изучении международного опыта: совершенствовать процедуры финансирования, а именно совместить патентную систему налогообложения, предусмотренную для лиц, уже зарегистрированных как индивидуальные предприниматели, с упрощенной процедурой регистрации для самозанятых граждан, не привлекающих наемных рабочих. Для получения статуса «самозанятый индивидуальный предприниматель» должна быть предусмотрена несложная процедура регистрации, которая должна включать единый платеж с налогами и страховыми взносами.

Развитию самозанятости может способствовать совершенствование организационного механизма в части усиления финансовой поддержки в форме кредитов, прежде всего самозанятых граждан в инновационных отраслях, способствующих экономическому росту регионов и международному сотрудничеству.

Применение нормативно-правового механизма должно быть направлено в первую очередь на развитие, так как законодательная основа для содействия самозанятости уже создана. Развитие социального механизма, по

мнению авторов, используется далеко не в полной мере, что предполагает повышение степени доверия граждан к экономической, налоговой и антикоррупционной политике государства и органов публичного управления. Это формирование позитивного имиджа в целом самозанятых граждан, успешных и уверенных в себе и государстве. Только комплексное развитие механизмов публичного управления, направленных как на содействие, так и на развитие самозанятости граждан, будет способствовать в целом занятости населения, экономическому росту регионов и доверию граждан государству.

Литература

1. *Jansen G.* Farewell to the rightist self-employed? 'New self-employment' and political alignments // *Acta Politica*. 2017. Vol. 52, is. 3. P. 306–338. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057%2Fs41269-016-0030-0> (Springer)
2. *Večerník J.* Self-employment in the czech republic and cee countries: Persons and households // *Post-Communist Economies*. 2011. № 23(3). P. 359–376. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14631377.2011.595128>(Taylor&Fransis)
3. *Lisi G.* Homeownership and new entrepreneurs: first empirical evidence of a bidirectional interaction // *Applied Economics*. 2017. Vol. 49, is. 60. P. 598–599. URL: <http://ezproxy.urfu.ru:2127/doi/abs/10.1080/00036846.2017.1368996?journalCode=raec20>
4. *Boutsiouki S.* Policy transformations and institutional interventions regarding VET in an employment-oriented European Union // *Review of European Studies*. 2014. Vol. 6, № 1. P. 201–217. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/33314/19829>
5. *Соколова Г.Н.* Структура занятости и безработица: Проблемы и тенденции // *Экономика и жизнь*. 2013. № 1.
6. *Saraher K.* Vulnerability of the 'Entrepreneurial Self': Analysing the interplay between labour markets and social policy // *Social Policy and Society*. 2017. Vol. 16, is. 3. P. 483–496. URL: <http://ezproxy.urfu.ru:2127/doi/abs/10.1080/00343404.2016.1184753?journ>
7. *Ханс де Брюйн.* Управление по результатам в государственном секторе. М., 2005.
8. *Добролюбова Е.И.* Внедрение принципов и процедур управления по результатам в РФ: промежуточные итоги и направления развития // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 3. С. 133–165.
9. *Ушаков В.А.* Проблемы и перспективы для реализации бюджетирования, ориентированного на результат в практике управления государственными и муниципальными финансами // *Вопросы управления*. 2008. № 1 (2). URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2008/01/06/> (дата обращения: 09.06.2014).
10. *Мохов В.П.* Управление по результатам: ограничения переходного периода // *Вопросы теории и практики*. 2012. № 4, ч. 1. С. 129–132.
11. *Понкин И.В.* Теория публичного управления : учеб. для магистратуры и программ Master of Public Administration / предисл. А.Б. Зеленцова. М. : Буки Веди, 2017.
12. *Мусостова Д.Ш., Бисаева Д.И.* Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в Китае // *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. URL: <http://ekonomika.snauka.ru> (дата обращения: 20.12.2016).
13. *Мидянка А.И.* Особенности развития малого бизнеса РФ и Канады. URL: <http://projects.fu.ru/MMFF2012/data/s1/Midyanka.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).
14. *Ko H.* Revisiting the effectiveness of the employment-oriented welfare state: Considering the quality of employment achievement // *Asian Social Work and Policy Review*. 2017. Vol. 11, is. 2, P. 158–167. URL: <http://ezproxy.urfu.ru:2198/doi/10.1111/aswp.12122/full>. (Wiley)
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М. : Аз, 1996.

16. *Об утверждении* Административного регламента предоставления государственной услуги по содействию самозанятости безработных граждан: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 16 июня 2008 г. № 281н, г. Москва). URL: <https://rg.ru/2008/07/11/reglament-samozanyatost-dok.html>

17. *Певцова Е.А.* Правовое регулирование труда и занятости молодежи : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : ИЦ Академия, 2013.

18. *Как живет и работает* малый бизнес в Германии. URL: <https://rg.ru/2013/12/24/germania.html> (дата обращения: 15.12.2016).

19. *Особенности* поддержки малого и среднего предпринимательства стран дальнего и ближнего зарубежья. URL: <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/resources/supfeatures/> (дата обращения: 15.12.2016).

20. *Малый бизнес* в Соединенных Штатах Америки. URL: <https://ru.exrus.eu/Maly-biznes-v-Soyedinennykh-Shtatakh-Ameriki-id4e6e12e76ccc194c3c002c1c> (дата обращения: 15.12.2016).

21. *Максимович Л.В.* Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование. URL: <http://economy-lib.com/samozanyatost-naseleniya-v-rossiyskoy-ekonomike-formirovanie-i-regulirovanie#ixzz54wXASFvt> (дата обращения: 25.12.2017).

22. *Дудар Т.Е.* Личность предпринимателя в контексте культуры: историко-философский аспект // *European social science journal*. 2014. № 5-1 (44). С. 562–569.

23. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В.* Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-vozmozhnostey-razvitiya-samozanyatosti-novosibirskoy-oblasti> (дата обращения: 16.12.2017).

24. *О занятости* населения в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 03.07.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 12.01.2018).

25. *Список профессий*, попадающих под законопроект об освобождении самозанятых граждан от уплаты налога в 2017 году. URL: https://informatio.ru/news/society/job/spisok_professiy_samozanyatykh_grazhdan/ (дата обращения: 12.01.2018).

26. *Бурлак А.В.* К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // *Вестник Омского университета*. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-samozanyatyeg-grazhdane> (дата обращения: 12.01.2018).

27. *Патент для самозанятых граждан: будет ли толк?* URL: <https://www.regberry.ru/news/patent-dlya-samozanyatykh-grazhdan-budet-li-tolk> (дата обращения: 08.09.2016).

28. *Уральским предпринимателям* презентован уникальный интернет ресурс: Бизнес-навигатор МСП. URL: <http://mashsouz-so.ru/home/1-latest-news/267-2017-03-24-20-46-01.html> (дата обращения: 13.01.2018).

29. *Мой выбор, моя профессия*. URL: <http://szn.gossaas.egov66.ru/uploads/document/369/moj-vybor-moya-professiya---8.pdf> (дата обращения: 15.01.2018).

30. *Официальный сайт* портала малого и среднего бизнеса Свердловской области. URL: <http://66msr.ru/> (дата обращения: 18.12.2017).

31. *Мониторинг* и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в первом полугодии 2017 года). URL: <https://szn-ural.ru/content/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 09.08.2018).

Voronina L.I., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: voronina_612@outlook.com

Kasyanova T.I., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kasyanova.t@gmail.com

MECHANISMS FOR PROMOTING AND DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT OF UNEMPLOYED CITIZENS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Keywords: self-employment, unemployed citizens, promotion and development of self-employment, self-employment, public services, financial support.

The article deals with the actual problem of assistance and development of self-employment of unemployed citizens, comparative analysis of foreign and Russian experience is given. The analysis of various mechanisms to promote the development of self-employment is presented: state programs, statutory regulation, the existence and activity of organizational and administrative structures responsible for the administration of activities in this field, the development of coordination, financial and material resources, and the provision of training and counseling services for the unemployed. The results of a sociological study among the unemployed that made it possible to identify the causes that adversely affect the promotion and development of the self-employment of the unemployed are presented. The study made it possible to suggest the main directions for improving the self-employment of citizens: strengthening financial support in the form of loans, increasing the degree of citizens' trust in the economic, tax and anti-corruption policies of the state and public administration bodies and creating a positive image of self-employed citizens as a whole.

References

1. Jansen G. Farewell to the rightist self-employed? 'New self-employment' and political alignments // *Acta Politica*. 2017. V.52, Issue 3. P. 306–338. Rezhim dostupa: <https://link.springer.com/article/10.1057%2Fs41269-016-0030-0> (Springer)

2. Večerník, J. Self-employment in the czech republic and cee countries: Persons and households // *Post-Communist Economies*. 2011. № 23(3). P. 359-376. Rezhim dostupa: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14631377.2011.595128>(Taylor&Fransis)

3. Lisi G. Homeownership and new entrepreneurs: first empirical evidence of a bidirectional interaction // *Applied Economics*. 2017. V. 49, Issue 60. P. 5983-599. Rezhim dostupa: <http://ezproxy.urfu.ru:2127/doi/abs/10.1080/00036846.2017.1368996?journalCode=raec20>

4. Boutsiouki S. Policy transformations and institutional interventions regarding VET in an employment-oriented European Union // *Review of European Studies*. 2014. Vol. 6, No. 1. P. 201-217. Rezhim dostupa: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/33314/19829>

5. Sokolova G. N. Struktura zanyatosti i bezrabotica: Problemy i tendencii // *EHkonomika i zhizn'*. 2013, №1. s. 21

6. Caraher K. Vulnerability of the 'Entrepreneurial Self': Analysing the interplay between labour markets and social policy // *Social Policy and Society*. 2017. V. 16, Issue 3. P. 483-496. Rezhim dostupa: <http://ezproxy.urfu.ru:2127/doi/abs/10.1080/00343404.2016.1184753?journ.> (Oxford University Press)

7. Hans de Bryujn. Upravlenie po rezul'tatam v gosudarstvennom sektore. M.: 2005, S.192

8. Dobrolyubova E.I. Vnedrenie principov i procedur upravleniya po rezul'tatam v RF: promezhutochnye itogi i napravleniya razvitiya. / E. I. Dobrolyubova // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2008. № 3. S. 133-165

9. Ushakov V.A. Problemy i perspektivy dlya realizacii byudzhetirovaniya, orientirovannogo na rezul'tat v praktike upravleniya gosudarstvennymi i municipal'nymi finansami /

V.A.Ushakov // *Voprosy upravleniya*. 2008. № 1(2). [EHlektron. resurs] Rezhim dostupa: [http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2008/01/06/\(data obrashcheniya: 09.06.2014\)](http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2008/01/06/(data%20obrashcheniya:09.06.2014))

10. Mohov V.P. *Upravlenie po rezul'tatam: ogranicheniya perekhodnogo perioda* / V.P. Mohov // *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012. № 4. CH. 1. S. 129-132.

11. Ponkin I.V. *Teoriya publichnogo upravleniya: Uchebnik dlya magistratury i programm Master of Public Administration / Predislovie d.yu.n., prof. A.B. Zelencova / Institut gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya RANHiGS pri Prezidente RF*. M.: Buki Vedi, 2017. S. 44.

12. Musostova D.SH., Bisaeva D.I. *Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego biznesa v Kitae* // *EHkonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij*. EHlektronnyj dostup: <http://ekonomika.snauka.ru> (data obrashcheniya: 20.12.16)

13. Midyanka A.I. *Osobennosti razvitiya malogo biznesa RF i Kanady* // EHlektronnyj dostup <http://projects.fa.ru/MMFF2012/data/s1/Midyanka.pdf> (data obrashcheniya: 20.12.16)

14. Ko H. Revisiting the effectiveness of the employment-oriented welfare state: Considering the quality of employment achievement // *Asian Social Work and Policy Review*. 2017. V. 11, Issue 2, P. 158-167. Rezhim dostupa: <http://ezproxy.urfu.ru:2198/doi/10.1111/aswp.12122/full>. (Wiley)

15. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. *Tolkovyj slovar' russkogo* Izdatel'stvo: M.: Az; Izdanie 3-e, 1996.

16. *Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavleniya gosudarstvennoj usluzhi po sodejstviju samozanyatosti bezrabotnyh grazhdan: Prikaz Ministerstva zdra-voohraneniya i social'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii (Minzdravsocrazvitiya Rossii) ot 16 iyunya 2008 g. № 281n, g. Moskva* // <https://rg.ru/2008/07/11/reglament-samozanyatost-dok.html>

17. Pevcova E.A. *Pravovoe regulirovanie truda i zanyatosti molodezhi: Uchebnoe posobie - 2-e izd., ispr - / Pevcova E.A. – M.: IC Akademiya, 2013. – s. 142*

18. *Kak zhivet i rabotaet malyj biznes v Germanii* // EHlektronnyj dostup: <https://rg.ru/2013/12/24/germania.html> (data obrashcheniya: 15.12.16)

19. *Osobennosti podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva stran dal'nego i blizhnego zarubezh'ya* // EHlektronnyj dostup: <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/resources/supfeatures/> (data obrashcheniya: 15.12.16)

20. *Malyj biznes v Soedinennyh SHtatah Ameriki* // EHlektronnyj dostup: <https://ru.exrus.eu/Malyj-biznes-v-Soyedinennykh-Shtatakh-Ameriki-id4e6e12e76ccc194c3c002c1c> (data obrashcheniya: 15.12.16)

21. Maksimovich L.V. *Samozanyatost' naseleniya v rossijskoj ehnomike: formirovanie i regulirovanie* // EHlektronnyj dostup: <http://economy-lib.com/samozanyatost-naseleniya-v-rossijskoj-ekonomike-formirovanie-i-regulirovanie#ixzz54wXASFvt> (data obrashcheniya: 25.12.17)

22. Dudar T.E. *Lichnost' predprinimatel'ya v kontekste kul'tury: istoriko-filosofskij aspekt* // *European social science journal*. 2014. № 5-1 (44). S. 562-569

23. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. *Monitoring vozmozhnostej razvitiya samozanyatosti v Novosibirskoj oblasti* // *EHkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 4 (46) 2016 // EHlektronnyj dostup: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-vozmozhnostey-razvitiya-samozanyatosti-v-novosibirskoj-oblasti> (data obrashcheniya: 16.12.17)

24. *O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon RF ot 19.04.1991 № 1032-1 (red. ot 03.07.2018* // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ data obrashcheniya: 12.01.2018)

25. *Spisok professij, popadayushchih pod zakonoproekt ob osvobozhdenii samozanyatykh grazhdan ot uplaty naloga v 2017 godu* // Rezhim dostupa: https://informatio.ru/news/society/job/spisok_professiy_samozanyatykh_grazhdan/ (data obrashcheniya: 12.01.2018)

26. Burlak A.V. *K voprosu o ponyatii «samozanyatyje grazhdane»* // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2016. 4 (49). S. 173-177 // Rezhim dostupa:

<https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-samozanyatyte-grazhdane> (data obrashcheniya: 09.01.2017).

27. Patent dlya samozanyatyh grazhdan – budet li tolk? // Ehlektronnyj dostup: <https://www.regberry.ru/news/patent-dlya-samozanyatyh-grazhdan-budet-li-tolk> (data obrashcheniya: 08.09.16)

28. Ural'skim predprinimatel'nyam prezentovan unikal'nyj internet – resurs: Biznes-navigator MSP // Ehlektronnyj resurs: <http://mashsouz-so.ru/home/1-latest-news/267-2017-03-24-20-46-01.html> (data obrashcheniya: 13.01.2018)

29. Moj vybor, moya professiya // Ehlektronnyj resurs: <http://szn.gossaas.egov66.ru/uploads/document/369/moj-vybor-moya-professiya--8.pdf> (data obrashcheniya: 15.01.2018)

30. Oficial'nyj sajt portala malogo i srednego biznesa Sverdlovskoj oblasti [Ehlelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://66msp.ru/> (data obrashcheniya: 18.12.2017).

31. Monitoring i ocenka kachestva i dostupnosti gosudarstvennyh uslug v oblasti sodejstviya zanyatosti naseleniya (po itogam deyatel'nosti organov sluzhby zanyatosti v pervom polugodii 2017 goda. <https://sznural.ru/content/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (data obrashcheniya: 09.08.18)

For referencing:

Voronina L.I., Kasyanova T.I. Mekhanizmy sodejstviya i razvitiya samozanyatosti bez-rabotnyh grazhdan: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta i Rossii [Mechanisms for promoting and development of self-employment of unemployed citizens: a comparative analysis of foreign and Russian experience] Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 264–282.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 629.1:658.1:334.012.44(47+57)

DOI: 10.17223/19988648/44/19

**А.Ю. Трифонов, А.А. Михальчук, М.В. Рыжкова, В.В. Спицын,
А.А. Булыкина**

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В 2012–2016 гг.¹

Актуальность исследования обусловлена внешними и внутренними вызовами, с которыми столкнулась экономика России, необходимостью структурных преобразований и повышения эффективности функционирования металлургической промышленности. *Целью работы* является оценка технической эффективности предприятий металлургической промышленности России в разрезе форм собственности за период 2012–2016 гг. *Методы исследований.* Оценка технической эффективности проводится методом анализа среды функционирования (DEA подход). Динамика технической эффективности исследуется с помощью индекса производительности (Malmquist Productivity Index, MPI). Также применяются методы дисперсионного и кластерного анализа. Информация о финансовых показателях предприятий получена из системы СПАРК. Выборка составила 348 предприятий. *Результаты исследования.* Определена совокупность предприятий-технологических лидеров, которые могут стать образцом для развития других предприятий. Установлен факт снижения технической эффективности в условиях неблагоприятной внешней среды, и дополнительно определено, что такое снижение произошло за счет технологической компоненты индекса (технологического фронта лидеров). Выявлена более высокая техническая эффективность у предприятий в иностранной собственности, но нет преимуществ у предприятий в совместной собственности, что показывает отсутствие эффективного трансфера технологий через предприятия в совместной собственности. Обнаружено сильное отставание основной массы предприятий металлургической промышленности от лидеров и отсутствие признаков догоняющего развития. Сделан вывод о необходимости создания благоприятной среды для технического перевооружения предприятий.

Ключевые слова: металлургическая промышленность, техническая эффективность, DEA подход, предприятия в российской, совместной и иностранной собственности, иностранные инвестиции, MPI, кризис, экономические санкции.

Введение

Начало нового века знаменовало не только смену исчисления, но и постепенное и кардинальное изменение принципов построения обществен-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Динамическое моделирование развития российских, иностранных и совместных промышленных предприятий в России в условиях экономических санкций», проект № 17-06-00584 А.

ной жизни и экономического порядка. Ожидалось, что в мире будет происходить глобализация мировых трендов, локальные тенденции будут систематически укрупняться и обобщаться, влияя на развитие более крупных структурных единиц в силу только закономерности и приемлемости этих процессов. На деле протекают несколько другие процессы. Происходящие в одной из стран локаций события в новой цифровой экономике достаточно быстро приобретают мировой резонанс. Так называемая турбулентность современной экономики [1, 2] затрагивает деятельность как отраслей, спокойно принимающих и зачастую инициирующих эти волны изменений (IT, отрасли знаний и др.), так и иных более традиционных отраслей, для которых быстрые изменения внешней среды неблагоприятно сказываются на текущей деятельности и воспроизводстве материальной базы.

Для России последних лет ситуация усугубляется санкционным давлением, приводящим к тому, что ориентированные на импорт отрасли отечественной экономики столкнулись с разного рода ограничениями своей деятельности, что также не улучшило институциональную обстановку их функционирования. Как известно, санкционное давление происходит пакетами. Сначала напрямую санкции не затрагивали горно-металлургические компании, лишь косвенно сказываясь на их деятельности в виде ограничений в кредитовании за рубежом и у российских банкиров, подпавших под санкции первых пакетов, стал наблюдаться отток иностранных инвестиций. Напрямую санкции российских металлургов не касались, все же начался новый этап «стальных войн» методом введения антидемпинговых пошлин на отдельные виды металлопродукции [3]. И уже в последний санкционный пакет от 6 апреля 2018 г. попал «Русал».

Отчасти надежда оставалась на трансфер технологий через предприятия в иностранной и совместной собственности, хотя в работах отечественных и зарубежных исследователей показано, что отечественные производители, как правило, не могут на равных конкурировать с создаваемыми в стране иностранными и совместными предприятиями, диффузия инноваций через их импорт остается под вопросом.

Оценивание эффективности деятельности промышленных предприятий представляет несомненный интерес в условиях экономических санкций и неблагоприятной внешней среды. А с учетом того, что в последнее десятилетие в экономике России происходят интенсивные процессы создания предприятий в иностранной и совместной собственности [4, 5], особый интерес вызывает реакция на экономические санкции предприятий в разрезе форм собственности (ФС) и связанный с этим сравнительный анализ экономической эффективности предприятий в разрезе ФС периода до и после введения санкций. Мы исследуем поведение предприятий одного из важнейших видов экономической деятельности (далее – ВЭД) обрабатывающей промышленности – подраздела DJ «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий».

Целью изложенного исследования является оценка технической эффективности металлургических предприятий в разрезе форм собственности в условиях

нестабильной экономики за период 2012–2016 гг., включающий в себя относительно стабильный докризисный период 2012–2014 гг. и период нового кризиса с 2014 по 2016 г., сопровождающегося введением санкций.

Обзор литературы

Вопрос об определении технической эффективности поставлен в экономической науке с 50-х гг. XX в., когда впервые была сформулирована задача нахождения такой комбинации производственных возможностей, при которой нельзя было бы увеличить выпуск без одновременного увеличения привлекаемых ресурсов *ceteris paribus* [6]. В микроэкономике исследование технической эффективности касается подбора вида производственной функции и вычисления технологических оптимумов (*frontier techniques*). Непараметрический вариант, менее взыскательный к качеству исходных данных, не требующий явной формализации производственной функции и известный как анализ среды функционирования (АСФ) или в англоязычном варианте *Data Envelopment Analysis (DEA)*, был предложен впервые в конце 70-х гг. [7]. Данный метод будет взят в представленном исследовании за основу для оценки технической эффективности. После своего появления данный инструмент был применен в различных сферах, таких как менеджмент, принятие решений, производственный контроль, образование, банковское дело, здравоохранение и др. [8]. За рубежом существует сообщество исследователей методом DEA, создается специализированное программное обеспечение, выходят монографии (сайт <http://www.deazone.com/>).

В России анализ среды функционирования был применен для оценки эффективности учреждений культуры [9]. Рядом авторов были выявлены особенности применения этого метода на производственных предприятиях, в торговле и для оценки работы служб сбыта [10], для оценки эффективности внедрения информационных технологий [11], продуктовых инноваций в российской электронике [12], описан общий подход к использованию метода для бенчмаркинга показателей экономической эффективности организации [13], обосновывается полезность применения подхода к анализу деятельности российских вузов [14], проанализирована с помощью DEA деятельность российских нефтедобывающих компаний [15], построена факторная оценка регионального инновационного потенциала [16] и региональной эколого-экономической эффективности [17]. В целом же анализ среды функционирования как подход у российских исследователей недооценен и не пользуется популярностью.

Оценки технической эффективности металлургических предприятий методом DEA отсутствуют как в России, так и массово за рубежом. Так, например, для оценки эффективности чехословацкой и венгерской металлургии были применены производственные функции Кобба–Дугласа [18]. Аналогичный метод был использован для оценки влияния энергосберегающих технологий на производственную эффективность китайской метал-

лургии [19]. При анализе технической эффективности (энергоэффективности) пяти чугунолитейных производств Италии применялись относительные показатели затраты электроэнергии на подразделение и индексы энергоэффективности [20]. Метод DEA последовательно был применен только для выявления связей развития китайской металлургии с энерго- и ресурсоэффективностью [30, 32].

Применительно к металлургическим предприятиям России (точнее только ОАО «ГМК «Норильский никель») была проанализирована энергоэффективность по относительным показателям [21], метод DEA был только анонсирован. Другой отечественный подход связан с развитием металлургической квалиметрии [22], при этом применяется комплексная система контроля качества процесса, чем и обеспечивается итоговая техническая эффективность.

На DEA базируется такой измеритель эффективности, как индекс производительности Малмквиста (Malmquist productivity index, MPI), который выявляет технические и производительные изменения во времени. Исходный вариант индекса был действительно предложен С. Малмквистом [23], но активное использование индекса началось после его доработки другими учеными [24]. Являясь по сути своей непараметрическим методом, индекс Малмквиста измеряет динамическое отношение наблюдаемого и потенциального выпусков, опираясь на измерение расстояния между ними.

Популярность индекса для измерения технической эффективности связана с рядом его преимуществ [25]: не требуется структура цен, как и принятие поведенческой предпосылки о максимизации прибыли, а самое главное – индекс может быть разложен на составные части, что позволит найти источники изменения производительности.

Индекс применялся активно за рубежом и в том числе для измерения технической эффективности в металлургии. В частности, для оценки сети отелей [26], сектора публичных предприятий Турции [27], ряда базовых отраслей экономики Китая [28], группы производственных единиц [29] и др. Рассматриваемый инструментарий был применен к анализу процессов в китайской и европейской металлургии, о чем свидетельствует серия статей в рейтинговых журналах [30–33]. В России и Белоруссии индекс Малмквиста применялся к оценке технической эффективности агропроизводства [34, 35].

Индекс производительности Малмквиста логично применять совместно с DEA [36], что и предпринято в представленном в статье исследовании.

Итак, целью представленного исследования стало проведение сравнительного анализа технической эффективности металлургических предприятий в разрезе форм собственности за период до и после введения экономических санкций с применением методов DEA, MPI, дисперсионного и кластерного анализов.

Обзор исследований, связанных с применением выбранного инструментария, позволяет утверждать, что как оценка технической эффективности металлургической промышленности России в целом, так и применение

DEA и индекса Малмквиста в частности не производились ранее, что составляет новизну исследования. Также уникальное сочетание методов анализа, помимо двух вышеуказанных, представляет собой оригинальное методологическое решение, само по себе представляющее дискуссионный момент для научной общественности.

В частности, в намерения авторов статьи как исследователей входили следующие задачи:

1.1) оценить основные финансовые показатели металлургических предприятий в разрезе форм собственности в динамике, вследствие чего выявить различия у предприятий разных форм собственности в динамике для дальнейшего понимания и интерпретации результатов, полученных более сложными методами;

1.2) провести оценку технической эффективности совокупности предприятий металлургической промышленности России за период 2012–2016 гг. методом DEA и определить технологических лидеров отрасли, находящихся на границе технической эффективности, а также сравнить техническую эффективность групп предприятий в российской, иностранной и совместной собственности;

1.3) провести оценку средних и медиан MPI по формам собственности в двухлетних интервалах, проанализировать поведение составляющих индекса (изменение эффективности и изменение технологий), что позволит сделать выводы о том, каким образом в условиях неблагоприятной внешней среды и падения выручки в реальном выражении происходит движение технологического фронта и наблюдается ли догоняющее развитие среди предприятий металлургической отрасли.

В соответствии с поставленными целями к проверке были выдвинуты три гипотезы:

Гипотеза № 1 – предприятия в иностранной и совместной собственности демонстрируют более высокую техническую эффективность по сравнению с предприятиями в российской собственности (проверка будет осуществлена при решении задачи 1.2 методами DEA и дисперсионного анализа различий).

Гипотеза № 2 – в условиях кризиса и падения выручки техническая эффективность предприятий снижается (проверка будет осуществлена при решении задачи 1.3 с помощью MPI).

Гипотеза № 3 – разрыв в технической эффективности между предприятиями-лидерами и остальными предприятиями сокращается (проверка будет осуществлена при решении задачи 1.3 с помощью MPI).

Методы исследования

1. Методы оценки технической эффективности и ее динамики

1.1. DEA.

В настоящее время DEA [37–39] представляет собой развитую методологию сравнительной оценки эффективности функционирования различ-

ных производственных объектов по широкому набору входных и выходных показателей их деятельности. Согласно методу DEA эффективность трактуется как отношение взвешенной суммы выходных параметров (результатов, выгод) к взвешенной сумме входных параметров (ресурсов, затрат), что позволяет классифицировать объекты как эффективные только в том случае, когда они производят наибольшие выходы при наименьших входах, и, таким образом, дает возможность определять эффективные объекты и относительную меру неэффективности остальных.

Для целей исследования был выбран DEA с переменным эффектом от масштаба (DEA VRS), что продиктовано необходимостью рассматривать крупные предприятия, для которых работает закон убывающей производительности (снижение предельного продукта с ростом затраченных ресурсов) [39], в отличие от модели с постоянным эффектом от масштаба (DEA CRS), в рамках которой предполагается, что изменение входных параметров вызывает пропорциональное изменение выходных параметров. Граница производственных возможностей CRS является линейной функцией, в то время как граница производственных возможностей VRS имеет кусочно-линейную оболочку, так как эта модель учитывает и возрастающую, и убывающую отдачу. Следует учесть, что эффективность по модели VRS будет превосходить значение эффективности CRS [40].

Для оценки технической эффективности (TE) деятельности металлургических предприятий с помощью метода DEA VRS использовались две модели:

– модель, ориентированная на вход (TE_{вх}), т.е. на минимизацию входов (затрат) при заданном выходе (результате);

– модель, ориентированная на выход (TE_{вых}), т.е. на максимизацию выхода (результата, выручки) при заданных входах (затратах).

Построенная таким образом граница эффективности, имеющая форму выпуклой оболочки, используется в качестве эталона для оценки эффективности предприятия в исследуемой совокупности, ранжированной на единичном отрезке от 0 до 1. При этом оценивание эффективности как отношение взвешенной суммы «выходов» к взвешенной сумме «входов» порождает нелинейную задачу математического программирования (максимизация дробно-линейного производственного функционала), которая сводится к двойственной задаче линейной оптимизации: максимизация взвешенной суммы выходных параметров при фиксированном значении входных параметров («output-oriented» model, TE_{вых}) либо минимизация взвешенной суммы входных параметров при фиксированном значении выходных параметров («input-oriented» model, TE_{вх}). Такая совокупность двух моделей более полно характеризует эффективность предприятия. В представленном исследовании в качестве входных параметров моделей были приняты основные средства и оплата труда, в качестве выходного параметра – выручка.

1.2. Индекс Малмквиста.

Кроме статической эффективности предприятия, измеряемой ежегодно, нами будет использована динамическая характеристика технической эф-

фактивности – индекс Малмквиста (MPI), оценивающий двухлетний прогресс (регресс) эффективности того же предприятия [41–42]. В отличие от простого некорректного сравнения коэффициентов эффективности каждого из исследуемых предприятий в момент времени t и в момент времени $t + 1$, рассчитанных в результате решения двух независимых задач DEA, при расчете MPI учитывается также изменение самой границы эффективности множества предприятий, которое может иметь место в период между моментами t и $t + 1$. Значения $MPI < 1$, $MPI = 1$ и $MPI > 1$ говорят соответственно о снижении, постоянстве или увеличении эффективности предприятия в течение исследуемого периода. При этом индекс MPI может быть разложен на две составляющие [43]:

– относительное изменение технической эффективности отдельных предприятий между периодами t и $t+1$ (EFF) – характеризует возможности догоняющего развития и показывает сокращение технологического отставания основной массы предприятий от лидеров, если $EFF > 1$;

– перемещение границы эффективности или изменение технологий (ТЕС) – характеризует возможности опережающего развития лидеров и отражает улучшение технологий, если $ТЕС > 1$.

1.3. Дисперсионный и кластерный анализ.

Далее для исследования полученных значений DEA и MPI по предприятиям и группам предприятий были использованы дисперсионный и кластерный анализы, которые применяются согласно работам [44–46] по следующей методике:

1. Тестирование распределения исследуемого показателя на соответствие нормальному закону распределения и определение приоритетного метода дальнейшего дисперсионного анализа (параметрический или непараметрический) и приоритетных критериев проверки гипотез.

2. Дисперсионный анализ исследуемого показателя (проверка статистической значимости различий между разными формами собственности ежегодно и между годами для каждой формы собственности) и (или) кластерный анализ объектов (однородность) по совокупности показателей.

3. Экономическая интерпретация выявленных различий.

2. Характеристика выборки предприятий и показателей.

Объектом исследования в настоящей работе являются предприятия подразделения ДИ ОКВЭД «Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий». Источниками данных для анализа выступает бухгалтерская отчетность предприятий за период 2012–2016 гг., полученная из информационных систем СПАРК. Предприятия металлургической промышленности России группируются в разрезе форм собственности: российской (РС- RO), иностранной (ИС - FO) и совместной (СС - JO).

В рамках настоящего исследования анализируются следующие важнейшие показатели финансовой отчетности предприятий, характеризующие техническую эффективность основных факторов производства:

– выручка (В);

- основные средства (ОС);
- оплата труда (ОТ).

В нашем исследовании в качестве входных параметров выбраны ОС и ОТ, а в качестве выходных – В. Аналогичный состав показателей финансовой отчетности входа-выхода был использован в [47] при оценке технической эффективности деятельности практически всех (33 606) предприятий России (а именно входные параметры – число сотрудников и активы), и в [40] для нефтегазовых компаний (входные параметры – активы и расходы, выходные – выручка и чистая прибыль).

Критериями включения предприятия в выборку были:

- 1) наличие финансовой отчетности по В, ОС и ОТ за каждый год периода 2012–2016 гг.;
- 2) объем В и ОС не менее 100 млн руб., а ОТ не менее 5 млн за каждый год периода 2012–2016 гг.

В соответствии с этими критериями были сформированы следующие выборки предприятий в разрезе форм собственности:

- 1) 280 металлургических предприятий в РС.
- 2) 30 металлургических предприятий в СС.
- 3) 38 металлургических предприятий в ИС.

В дальнейших расчетах проводился пересчет значений В, ОС и ОТ в реальные с учетом инфляции, при этом заметим, что накопленная инфляция в 2016 г. в ценах 2012 г. составила 41%.

Сформированная таким образом база данных (РСк, ССк и ИСк, где к определяет 201к-й год рассмотрения при $k = 2, 3, 4, 5, 6$) далее использовалась нами для проверки гипотез о различиях как в значениях самих показателей и их динамики, так и в значениях характеристик эффективности деятельности предприятий (Malmquist productivity index (MPI) – индекс производительности Малмквиста в сочетании с анализом данных DEA).

3. Обозначения и сокращения.

В статье применено большое количество авторских сокращений и обозначений, поэтому для удобства чтения приведем их в одном месте.

- 1) ФС – формы собственности;
- РС – российская собственность;
- ИС – иностранная собственность;
- СС – совместная собственность;
- РСк, ССк и ИСк – формы собственности в разные годы.

Период исследования ($t=2012, 2013, 2014, 2015, 2016$) ($k=2, 3, 4, 5, 6$).

2) DEA – Data Envelopment Analysis – анализ среды функционирования (АСФ):

- TE – technical efficiency – техническая эффективность;
- TE_{вх} (= TE_{in}) и TE_{вых} (= TE_{out});

TE_{вых} – модель максимизации выходных параметров или результата (В – выручка) при фиксированных входных параметрах или затратах (ОС – основные средства и ОТ – оплата труда);

TEVx – модель минимизации входных параметров или затрат (ОС – основные средства и ОТ – оплата труда) при фиксированных выходных параметрах или результате (В – выручка);

предприятие А (Вср; ОСвр; ОТср) – усредненные по времени параметры отдельного объекта исследования (предприятия);

TEсрвх и TEсрвых – усредненные по времени входные и выходные параметры модели.

3) MPI – Malmquist productivity index – индекс производительности Малмквиста.

Составляющие MPI (по Г. Халкос и Н. Цермес [43]):

EFF (Efficiency change) – изменения эффективности (догоняющее развитие);

TEC (Technical change) – изменение технологий или фронта (опережающее развитие лидеров).

Результаты исследования

Задача 1.1. Анализ исследуемых финансовых показателей (В, ОС и ОТ) за период 2012–2016 гг. с учетом инфляции

В период 2012–2016 гг. преобладает тенденция снижения основных финансовых показателей металлургических предприятий в разрезе ФС, за редким исключением средних ОС для ИС и медиан В для СС (табл. 1).

Таблица 1. Средние В, ОС и ОТ, 2012–2016 гг., млрд руб.

Год	РС			ИС			СС		
	В	ОС	ОТ	В	ОС	ОТ	В	ОС	ОТ
2012	8,31	3,13	0,59	5,44	1,80	0,28	25,5	11,9	1,99
2013	7,67	3,02	0,63	4,95	1,64	0,30	22,8	11,2	2,03
2014	7,66	2,73	0,58	4,68	1,34	0,32	24,4	10,3	1,84
2015	7,85	2,43	0,59	4,34	1,16	0,33	25,6	9,8	2,04
2016	7,57	2,45	0,64	4,01	1,08	0,33	25,1	14,4	2,35

Так как в ходе проверки рассматриваемых выборок с помощью χ^2 -критерия Пирсона ожидаемо для финансовых показателей были выявлены высоко значимые (уровень значимости $p < 0,0005$) отличия от нормального распределения, то ниже при оценке уровней значимости различий предприятий 3 ФС использованы непараметрические критерии (критерий Краскела–Уоллиса для сравнения независимых групп и Фридмана для сравнения зависимых групп).

Представленные в табл. 1 данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Сравнение выручки. Согласно критерию Краскела–Уоллиса предприятия СС по выручке превышают РС и ИС в 2012 г. статистически значимо ($0,005 < p < 0,05$), далее различия становятся незначимыми.

2. Динамика выручки согласно критерию Фридмана у предприятий в РС характеризуется высоко значимым ($p < 0,0005$) падением на периоде до 2014 г. (2012–2014 гг.) и стабилизацией (незначимым различием) на периоде после 2014 г. (2014–2016 гг.); в ИС – незначимая, в СС – сильно значимо ($0,0005 < p < 0,005$) нестабильна немонотонна (min – в 2013 г., max – в 2015 г.).

3. Сравнение стоимостей основных средств и оплаты труда по предприятиям в различных формах собственности. Предприятия в СС превышают предприятия в РС и ИС сильно значимо в начале периода и статистически значимо в конце периода.

4. Динамика стоимости основных средств у предприятий в РС характеризуется высоко значимым падением на периоде как до 2014 г., так и после; в ИС – сильно значимым падением на периоде как до 2014 г., так и после; в СС – сильно значимо нестабильна немонотонна (min – в 2015 г.). Динамика оплаты труда в РС – высоко значимо нестабильна немонотонна (max – в 2013 г., min – в 2014 г.); в ИС – статистически значимо ($0,005 < p < 0,05$) растет как до 2014 г., так и после, в СС – статистически значимо нестабильна немонотонна (min – в 2014 г.).

Таким образом, предприятия в СС крупнее и их выборка меньше. Предприятия в РС и ИС имеют незначимые различия по представленным показателям.

Задача 1.2. Анализ технической эффективности предприятия за период 2012–2016 гг.

Методом DEA (VRS-модель) применительно к параметрам входа ОС и ОТ и выхода В на каждый год периода 2012–2016 гг. построены выборки ТЕ_{вх} и ТЕ_{вых}. При этом общую границу эффективности определяет группа лидеров, для которых ТЕ = 1.

Постоянными лидерами периода 2012–2016 гг. по ТЕ являются (предприятия отсортированы по убыванию средней выручки, в круглых скобках указаны усредненные по времени координаты предприятий в формате В_{ср}; ОС_{ср}; ОТ_{ср}):

– 7 предприятий РС: ПАО «ММК» (277,5; 128,9; 12,70), ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ» (250,8; 81,30; 16,41), ООО «УГМК-ХОЛДИНГ» (125,0; 2,320; 2,283), ООО «ПК СТАНК» (4,038; 0,302; 0,046), ООО «ИМЗ» (2,600; 0,444; 0,028), ООО «АКОМ-ИНВЕСТ» (0,831; 0,101; 0,020), ООО «ЗСК СЭНДВИЧ-ПАНЕЛЬ» (0,370; 0,122; 0,012);

– 2 предприятия СС: ПАО «ГМК НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ» (346,1; 173,7; 36,57), ООО «ЭЛКАТ» (8,729; 0,315; 0,129).

Кроме того, до 2014 г. дополнительно лидерами были еще 2 предприятия РС: ООО «ОЗСК» (2,082; 0,100; 0,079), ООО «НРС» (0,182; 0,107; 0,045). После 2014 г. лидерами дополнительно стали еще 5 предприятий РС: АО «ЕЗ ОЦМ» (12,68; 1,139; 0,240), АО «ТАТПРОФ» (3,985; 0,471;

0,168), ЗАО «АГРОПРИБОР» (2,240; 0,190; 0,041), ООО «Р.О.С.Л.А.» (0,657; 0,221; 0,069), ООО «РФЖУ» (0,151; 0,114; 0,025).

Таким образом, границу эффективности определяют в основном предприятия РС, отчасти предприятия СС, но ни одного предприятия ИС. Отметим также, что лидерами являются как крупнейшие по величине выручки предприятия, так и средние предприятия, имеющие выручки в диапазоне от 100 млн руб. до 1 млрд руб.

ТЕвх и ТЕвхх характеризуют в целом (усредненные по формам собственности и годам) эффективность металлургических предприятий на довольно низком уровне 0,337 для ТЕвх и 0,230 для ТЕвхх. Средние и медианы ТЕвх и ТЕвхх по формам собственности и годам приведены в табл. 2.

Таблица 2. Средние и медианы ТЕвх и ТЕвхх, 2012–2016 гг.

		ТЕвх/ТЕin			ТЕвхх/ТЕout		
		2012	2014	2016	2012	2014	2016
Среднее	РС/РО	0,344	0,319	0,328	0,244	0,189	0,248
	ИС/ФО	0,462	0,422	0,361	0,299	0,274	0,283
	СС/ЛО	0,323	0,296	0,334	0,291	0,243	0,292
Медиана	РС/РО	0,278	0,249	0,268	0,168	0,121	0,161
	ИС/ФО	0,436	0,360	0,306	0,226	0,181	0,223
	СС/ЛО	0,237	0,228	0,256	0,218	0,166	0,195

Согласно табл. 2 предприятия ИС стабильно имеют наибольшие средние и медианы ТЕ.

В ходе проверки рассматриваемых выборок ТЕвх и ТЕвхх с помощью χ^2 -критерия Пирсона были выявлены разного уровня значимости отличия от нормального распределения, что предполагает при оценке уровней значимости различий предприятий 3 ФС использовать непараметрические критерии.

Результаты непараметрического сравнительного анализа РСк, ССк и ИСк ($k = 2012, 2013, 2014, 2015, 2016$) по ТЕвх и ТЕвхх проиллюстрированы на рис. 1, 2 соответственно (квадрат – медиана, прямоугольник – квартильный размах 25–75%, усы – полный размах min-max).

Согласно критерию Краскела–Уоллиса предприятия ИС по ТЕвх превышают РС и СС статистически значимо ($0,005 < p < 0,05$) с 2012 по 2015 г. и незначимо ($0,10 < p$) в 2016 г., в то же время ИС по ТЕвхх превышают значимо только РС: слабо значимо ($p \approx 0,062$) в 2012 г., статистически значимо ($p \approx 0,009$) в 2013 г., сильно значимо ($p \approx 0,003$) в 2014 г., статистически значимо ($p \approx 0,007$) в 2015 г. и незначимо ($0,10 < p$) в 2016 г.

Таким образом, несмотря на отсутствие лидеров, лежащих на границе эффективности, группа предприятий в ИС показывает лучшую техническую эффективность в 2012–2015 гг. по сравнению с предприятиями в РС и СС. **То есть гипотеза № 1 подтверждается только для предприятий в ИС. Напротив, предприятия в СС не демонстрируют более высокую техническую эффективность, чем предприятия в РС. То есть эффек-**

тивного трансфера технологий в Россию через предприятия в СС не происходит.

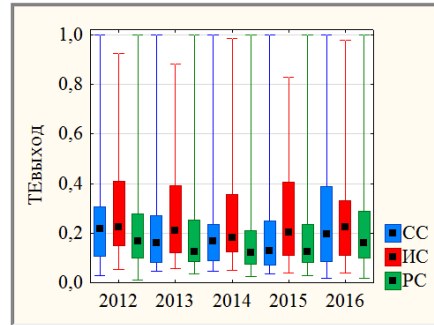
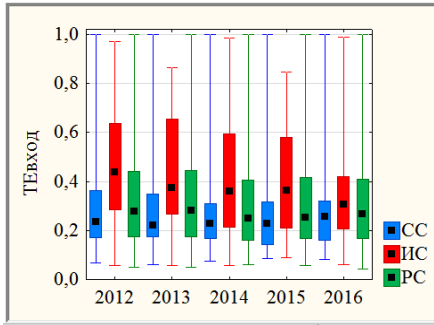

Рис. 1. Непараметрические характеристики РСк, ССк и ИСк по ТЕвх

Рис. 2. Непараметрические характеристики РСк, ССк и ИСк по ТЕвых

Полученные результаты оценивания эффективности деятельности металлургических предприятий указывают на очевидную неоднородность как ТЕвх и ТЕвых в разрезе ФС (рис. 1, 2). Поэтому для более полного исследования полученных ранжированных результатов DEA необходимо провести кластеризацию предприятий по ТЕвх и ТЕвых аналогично [12, 16].

В результате кластеризации металлургических предприятий по совокупности ТЕвх и ТЕвых, усредненных по времени (ТЕсрвх и ТЕсрвых) методами К-средних и иерархической кластеризации (с помощью правила объединения – метода Варда и меры близости – расстояния Евклида), получено разбиение 348 предприятий на 9 кластеров. Графически результаты кластеризации проиллюстрированы на диаграмме рассеяния средних кластеров (рис. 3). Числами в скобках при названии кластера указано количество предприятий в соответствующем кластере, что отражено геометрически в размере соответствующего маркера.

Результаты кластеризации свидетельствуют о низкой технической эффективности металлургических предприятий. Самые многочисленные три кластера К6 – К8 ($\approx 55\%$ от общего числа предприятий) находятся в нижней трети по совокупности ТЕсрвх и ТЕсрвых (квадрат с ТЕ $< 0,32$ на рис. 3), а если к ним добавить К2 и К3 ($\approx 79\%$ от общего числа предприятий), то в нижней половине (по ТЕсрвх $< 0,5$ и ТЕсрвых $< 0,5$). Заметим, что постоянные лидеры находятся в К5, а дополнительные (лидеры наполовину: до 2014 г., или после) – в К1.

Сравнительный анализ динамики ТЕ периодов до и после 2014 г. является, строго говоря, не совсем корректным, так как при переходе через 2014 г. изменилась шкала измерения ТЕ, т.е. на фоне группы 7 постоянных лидеров произошла смена состава дополнительных (замена 2 до 2014 г. на 5 после). Поэтому корректнее использовать динамическую характеристику – МРІ, оценивающую двухлетний прогресс (регресс) эффективности предприятия.

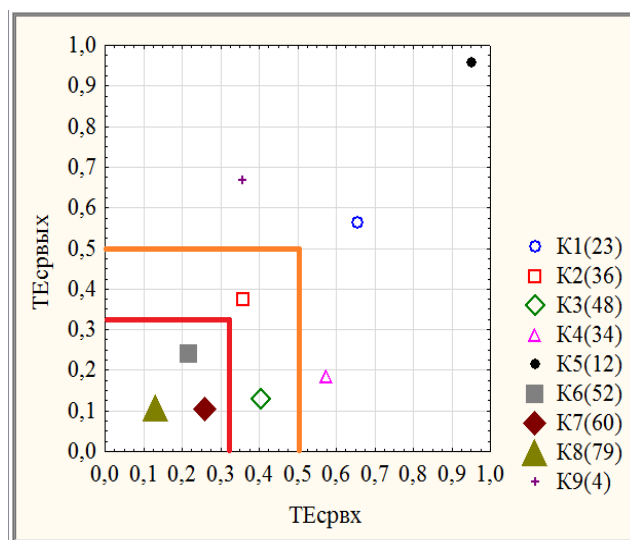

Рис. 3. Диаграмма рассеяния кластеров по TEвх и TEвых

Задача 1.3. Анализ MPI предприятия за период 2012–2016 гг.

На базе метода DEA применительно к параметрам входа ОС и ОТ и выхода В на каждую последовательную пару лет периода 2012–2016 гг. построены выборки MPI, распределения которых согласно χ^2 -критерию Пирсона на разном уровне значимости отличаются от нормального. Средние и медианы MPI по ФС приведены в табл. 3.

Представленные данные показывают, что снижение технической эффективности произошло в 2013 г., т.е. до введения экономических санкций и последующих неблагоприятных изменений внешней политической и экономической среды. В последующие периоды динамика индекса MPI близка к 1, что говорит о незначительных изменениях в технической эффективности предприятий металлургической промышленности. Следует отметить особую динамику СС: если динамика MPI у РС и ИС проходит максимум в 2014–2015 гг. (MPI 2015 = max), то у СС она зигзагообразная (MPI 2014 = max и MPI 2015 = min). Причем этот перепад создала почти половина предприятий СС: 14 из 30 предприятий сменили увеличение эффективности (MPI4 > 1) на снижение (MPI5 < 1). **Таким образом, гипотеза № 2 подтверждается.**

Интерес представляет также динамика индекса MPI за весь период 2012–2016 гг., а также оценка влияния на поведение индекса его составляющих: изменения эффективности (догоняющее развитие – EFF) и изменение технологий или фронта (опережающее развитие лидеров – TEC). Представленные в табл. 3 данные позволяют отметить следующее:

– MPI индекс роста производительности сопоставим с 1 по средним, но ниже по медиане; он оказывается выше у предприятий в РС;

- компонента EFF сопоставима с 1 и выше у предприятий в РС;
- компонента ТЕС является самой проблемной. Он ниже 1 как по медиане, так и по средним, различия между формами собственности невелики, при этом очень низкая доля предприятий имеет индекс изменения технологий выше 1;
- медианы по MPI индексу и его компонентам ниже средних;
- согласно критерию Краскела–Уоллиса различия между предприятиями СС, РС и ИС по MPI, EFF и ТЕС являются незначимыми.

Таблица 3. Средние и медианы MPI, 2012–2016 гг.

	ФС	MPI 2012– 2013	MPI 2013– 2014	MPI 2014– 2015	MPI 2015– 2016	MPI 2012– 2016	EFF 2012– 2016	ТЕС 2012– 2016
Среднее	РС/РО	0,953	1,0574	1,0814	0,995	1,075	1,226	0,895
	ИС/ФО	0,955	0,9573	1,0378	0,911	0,912	1,089	0,841
	СС/Ю	0,860	1,0919	0,8809	1,054	0,927	1,098	0,859
Медиана	РС/РО	0,889	1,0045	1,0330	0,968	0,872	1,001	0,843
	ИС/ФО	0,897	0,9380	1,0525	0,953	0,770	0,944	0,823
	СС/Ю	0,842	1,0270	0,8910	1,000	0,774	0,913	0,835
Доля пред- приятий, у которых MPI > 1, %	РС/РО	28	51	54	42	39	50	17
	ИС/ФО	29	42	55	37	34	42	3
	СС/Ю	23	63	27	50	27	40	3

Соответственно, у основной массы предприятий (медиана MPI) произошло снижение отдачи от основных факторов производства: труда и капитала. Это падение во многом было обусловлено снижением технологического фронта (границы эффективности – ТЕС). То есть в условиях неблагоприятной внешней среды и падения выручки в реальном выражении предприятия-лидеры стремились сохранить производственные мощности и персонал, что и привело к снижению границы эффективности. В то же время не выявлено существенное повышение другой составляющей индекса – эффективности (EFF), что говорит об отсутствии догоняющего развития и о сохранении значительного отставания большинства предприятий от лидеров по технической эффективности. Отметим более высокие значения индекса и его составляющих у предприятий в РС, однако и здесь медианы находятся на низком уровне и соответствуют указанным выше тенденциям, что не позволяет подтвердить гипотезу № 3.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о технической эффективности металлургических предприятий России в разрезе ФС:

1. Выявлена устойчивая группа предприятий, которые остаются лидерами по технической эффективности в течение всего периода 2012–

2016 г. Эта группа включает в себя 7 предприятий в РС (в том числе отдельные крупнейшие предприятий) и 2 предприятия в СС.

2. Установлено, что техническая эффективность большинства предприятий металлургической промышленности находится на низком уровне относительно лидеров (медиана – 0,337 по затратам и 0,230 по доходам; 55% предприятий имеет эффективности затрат и доходов меньше $\frac{1}{3}$, а $\approx 79\%$ – меньше $\frac{1}{2}$), что говорит о существенном технологическом отставании большинства предприятий от лидеров.

3. Выявлены преимущества предприятий в ИС: они показывали более высокую техническую эффективность в 2012–2015 гг., однако эти преимущества были нивелированы в 2016 г. Сравнение между группами предприятий в разрезе форм собственности показало, что техническая эффективность предприятий ИС по затратам превышает РС и СС статистически значимо с 2012 по 2015 г. и незначимо в 2016 г., а по доходам – значимо превышает только РС с 2012 по 2015 г.

4. Установлено на основе анализа ежегодных значений индекса МРІ, что наиболее проблемным с точки зрения снижения технической эффективности для предприятий всех форм собственности стал 2013 г., а не последующие годы санкций и неблагоприятной внешней среды. Причем для предприятий в СС проблемным оказался еще и 2015 г.

5. Обнаружено на основе анализа индекса МРІ и его составляющих за 2012–2016 гг., что у основной массы предприятий (медиана МРІ) произошло снижение отдачи от основных факторов производства: труда и капитала. Это падение во многом было обусловлено снижением технологического фронта, т.е. в условиях падения выручки предприятия-лидеры стремились сохранить производственные мощности и персонал. В то же время не выявлено признаков догоняющего развития (компонента EFF незначительно отличается от 1), что говорит о сохранении значительного отставания большинства предприятий от лидеров.

6. Отмечены более высокие значения индекса и его составляющих за 2012–2016 гг. у предприятий в РС, однако и здесь медианы находятся на низком уровне и соответствуют указанным выше тенденциям.

Таким образом, в настоящей работе гипотеза № 1 подтвердилась в отношении предприятий в ИС на периоде 2012–2015 гг., однако в отношении предприятий в СС гипотеза № 1 отвергнута на всем временном периоде. Подтверждена гипотеза № 2 о снижении технической эффективности в условиях неблагоприятной внешней среды, и дополнительно установлено, что такое снижение произошло за счет технологической компоненты индекса (технологического фронта лидеров). И не подтверждена гипотеза № 3 – не обнаружено признаков догоняющего развития и отставание основной группы предприятий от лидеров является значительным.

С позиций регулирования развития отрасли определена совокупность предприятий-технологических лидеров, которые могут стать образцом для развития других предприятий. Показано, что группа предприятий в СС не обеспечивает более высокие показатели технической эффективности, а

следовательно, текущих мер стимулирования недостаточно для эффективного импорта и адаптации зарубежных технологий через предприятия в СС. Выявленное значительное отставание основной массы предприятий от лидеров говорит о сохранении наследия СССР – сильной монополизации металлургической промышленности. Тот факт, что отставание не сокращается, позволяет сделать вывод о том, что недостаточны или отсутствуют меры стимулирования технического перевооружения предприятий. В целом проведенное исследование подчеркивает важность создания благоприятной институциональной среды на отечественном рынке для технического перевооружения предприятий и достижения ими технической эффективности как основы для долгосрочного развития российской металлургии.

Литература

1. Бурлачков В. Турбулентность экономических процессов: теоретические аспекты // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 90–97.
2. Журавлева Г.П., Манохина Н.В. Новые правила игры в условиях экономической турбулентности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 5 (49). С. 23–28.
3. Санкции для российской металлургии // Металлургический бюллетень. 18.05.2017. URL: <https://www.metaltorg.ru/analytics/black/?id=691>
4. Spitsin V., Mikhailchuk A., Spitsina L., Akerman E., Tyuleneva N., Semes A., Novoseltseva D. Comparative Analysis of Salary, Labor Intensity and Payroll-Output Ratio of Foreign and Domestic Firms: Case of Russian Vehicle Industry // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2015. – Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform and Modern Management (ERMM 2015). P. 371–374. URL: <https://download.atlantis-press.com/article/20921/pdf>
5. Спицын В.В., Спицына Л.Ю., Рыжкова М.В. Экономическая результативность развития российских и иностранных предприятий в условиях экономических санкций // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 9. С. 240–250.
6. Koopmans T.C. An Analysis of Production as an Efficient Combination of Activities / Activity Analysis of Production and Allocation. Koopmans, T.C. (Ed.). Cowles Commission for Research in Economics, Monograph No. 13. New York : Wiley, 1951.
7. Charnes A., Cooper W.W., Rhodes E. Measuring the Efficiency of Decision-making Units // European Journal of Operation Research. 1978. Т. 2, № 6. P. 429–444.
8. Emrouznejad A., Parker B.R., Tavares G. Evaluation of Research in Efficiency and Productivity: A Survey and Analysis of the First 30 Years of Scholarly Literature in DEA // Socio-economic Planning Sciences. 2008. Т. 42, № 3. P. 151–157. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0038012107000420#!>
9. Зеленская Е.М. Применение метода «Анализ среды функционирования» в оценке эффективности деятельности учреждений культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 2. С. 39–51.
10. Хаммершмидт М., Макаров А.М., Щербак А.Д. Применение метода анализа среды функционирования (АСФ) для оценки эффективности деятельности бизнес-структур предприятия // Практический маркетинг. 2012. № 3. С. 15–20.
11. Чернышова Г.Ю., Ковалев Р.Н. Применение модели анализа среды функционирования (Data Envelopment Analysis) для оценки эффективности Web-ресурсов // Фундаментальные исследования. 2017. № 8-2. С. 453–457. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41691>

12. *Spitsin V., Mikhhalchuk A., Spitsina L., Shabaldina N., Novoseltseva D., Shinkeev M.* Product Innovation Efficiency of Russian Electronic Industry: DEA Approach and Cluster Analysis // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2016. Vol. 53: Proceedings of the 2016 2nd International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE 2016). P. 607–610. URL: <http://dx.doi.org/10.2991/icsshe-16.2016.20>

13. *Чугумбаев Р.Р.* Анализ среды функционирования как инструмент бенчмаркинга показателей экономической эффективности организации // *Экономический анализ: теория и практика*. 2009. № 27. С. 40–47.

14. *Гаффорова Е.Б., Карловский А.В.* О подходах к оценке эффективности деятельности вузов // *Мир экономики и управления*. 2009. Т. 9, № 3. С. 81–87.

15. *Уткин О.Б.* Технология анализа среды функционирования и оценка деятельности нефтяных компаний // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Экономика»*. 2002. № 1. С. 148–156.

16. *Строгонов М.С.* Методика факторной оценки регионального инновационного потенциала с применением DEA-технологий // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2017. Т. 23, № 11. С. 101–108.

17. *Ратнер С.В.* Динамические задачи оценки эколого-экономической эффективности регионов на основе базовых моделей анализа среды функционирования // *Управление большими системами: сборник трудов*. 2017. № 67. С. 81–106.

18. *Brada J.C., King A.E., Ma C.Y.* Industrial Economics of the Transition: Determinants of Enterprise Efficiency in Czechoslovakia and Hungary // *Oxford Economic Papers*. 1997. Т. 49, № 1. С. 104–127.

19. *Zhang J., Wang G.* Energy Saving Technologies and Productive Efficiency in the Chinese Iron and Steel Sector // *Energy*. 2008. Vol. 33, is. 4. P. 525–537.

20. *Lazzarin R.M., Noro M.* Energy Efficiency Opportunities in the Production Process of Cast Iron Foundries: An Experience in Italy // *Applied Thermal Engineering*. 2015. Vol. 90. P. 509–520.

21. *Савельева А.И.* Сравнительный анализ энергоэффективности ведущего Российского предприятия Уральской горно-металлургической компании и предприятий-конкурентов: Glencore Xstrata, Vedanta Resources, KGHM Polska Miedz SA, Codelco // *Российские регионы в фокусе перемен*. 2016. Т. 2, № 11. С. 746–762. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/48158/1/rfp_2016_2_080.pdf.

22. *Gun G.S., Rubin G.Sh., Chukin M.V., Gun I.G., Mezin I.U., Korchunov A.G.* Metallurgy Qualimetry Theory Design and Development // *Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова*. 2013. № 5 (45). С. 67–69.

23. *Malmquist S.* Index Numbers and Indifference Surfaces // *Trabajos de estadística*. 1953. Vol. 4, is. 2. P. 209–242.

24. *Caves D.W., Christensen L.R., Diewert W.E.* Multilateral Comparisons of Output, Input, and Productivity Using Superlative Index Numbers // *The Economic Journal*. 1982. Vol. 92, is. 365. P. 73–86.

25. *Färe R., Grifell-Tatjé E., Grosskopf S., Knox Lovell C.A.* Biased Technical Change and the Malmquist Productivity Index // *Scandinavian Journal of Economics*. 1997. Vol. 99, is. 1. P. 119–127.

26. *Barros C.P.* Evaluating the Efficiency of a Small Hotel Chain with a Malmquist Productivity Index // *International Journal of Tourism Research*. 2005. Vol. 7, is. 3. P. 173–184.

27. *Zaim O., Taskin F.* The Comparative Performance of the Public Enterprise Sector in Turkey: A Malmquist Productivity Index Approach // *Journal of Comparative Economics*. 1997. Vol. 25, is. 2. P. 129–157.

28. *Chen Y.* A Non-radial Malmquist Productivity Index with an Illustrative Application to Chinese Major Industries // *International Journal of Production Economics*. 2003. Vol. 83, is. 1. P. 27–35.

29. *Thanassoulis E., Shiraz R.K., Maniadakis N.* A Cost Malmquist Productivity Index Capturing Group Performance // *European Journal of Operational Research*. 2015. Vol. 241, is. 3. P. 796–805.

30. *Ma J., Evans D.G., Fuller R.J., Stewart D.F.* Technical Efficiency and Productivity Change of China's Iron and Steel Industry // *International Journal of Production Economics*. 2002. Vol. 76, is. 3. P. 293–312.

31. *Wei Y.M., Liao H., Fan Y.* An Empirical Analysis of Energy Efficiency in China's Iron and Steel Sector // *Energy*. 2007. Vol. 32, is. 12. P. 2262–2270.

32. *He F., Zhang Q., Lei J., Fu W., Xu X.* Energy Efficiency and Productivity Change of China's Iron and Steel Industry: Accounting for Undesirable Outputs // *Energy Policy*. 2013. Vol. 54. P. 204–213.

33. *Morfeldt J., Silveira S.* Capturing Energy Efficiency in European Iron and Steel Production – Comparing Specific Energy Consumption and Malmquist Productivity Index // *Energy Efficiency*. 2014. Vol. 7, is. 6. P. 955–972.

34. *Земцов С.М.* Эффективность аграрного производства в Республике Беларусь // АПК: экономика, управление. 2009. № 3. С. 88–93.

35. *Тюпаков К.Э., Сайфетдинова Н.Р.* Экономическая оценка технологического развития агропроизводства // АПК: экономика, управление. 2011. № 12. С. 72–77.

36. *Ja Y.H., Ma J.H., Ahn Y.H.* Analysis of Management Efficiency of Korea, Japan, Global Logistics Companies Using DEA and Malmquist Productivity Index // *The Pan-Pacific Journal of Supply Chain Management (PJSCM)*. 2017. Vol. 1, is. 1. P. 1–20.

37. *Charnes A., Cooper W.W., Lewin A.Y., Seiford L.M.* Data Envelopment Analysis: Theory, Methodology, and Applications. Springer Science & Business Media, 2013. 513 p.

38. *Mantri J.K.* Research Methodology on Data Envelopment Analysis (DEA). Universal-Publishers, 2008. 380 p.

39. *Кривоножко В.Е., Лычев А.В.* Анализ деятельности сложных социально-экономических систем. М. : МАКС Пресс, 2010. 208 с.

40. *Вирабян С.Н.* Измерение эффективности сделок по слиянию и поглощению: особенности применения метода DEA // Эффективное антикризисное управление. 2017. № 4 (103). С. 58–65.

41. *Tohidi G., Razavyan S.* A Circular Global Profit Malmquist Productivity Index in Data Envelopment Analysis // *Applied Mathematical Modelling*. 2013. Vol. 37. P. 216–227.

42. *Jafari Y.* Malmquist Productivity Index for Multi Time Periods // *International Journal of Data Envelopment Analysis*. 2014. Vol. 2, is. 1. P. 315–322.

43. *Halkos G.E., Tzeremes N.G.* Productivity Efficiency and Firm Size: An Empirical Analysis of Foreign Owned Companies // *International Business Review*. 2007. Vol. 16, is. 6. P. 713–731.

44. *StatSoft, Inc.* Electronic Statistics Textbook. 2013. StatSoft : Tulsa, OK. URL: <http://www.statsoft.com/textbook/>

45. *Hill T., Lewicki P.* STATISTICS: Methods and Applications. StatSoft : Tulsa, OK., 2007. 719 p.

46. *Халафян А.А., Боровиков В.П., Калайдина Г.В.* Теория вероятностей, математическая статистика и анализ данных: Основы теории и практика на компьютере. STATISTICA. EXCEL. М. : URSS, 2016. 317 с.

47. *Федорова Е.А., Николаев А.Э., Николаева А.С., Алексеева М.А.* Оценка влияния прямых иностранных инвестиций на экономику России в период санкций на основе спилловер-эффектов // *Пространственная экономика*. 2018. № 1. С. 37–58.

Trifonov A.Yu., Doctor of Physics and Mathematics, Head of the Department of Mathematics and Informatics, School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atrifonov@tpu.ru

Mikhailchuk A.A., Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor at the School of Basic Engineering Training at the National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aamih@tpu.ru

Ryzhkova M.V., Doctor Habil. in Economics, Professor, Economics Department, National Research Tomsk State University. School of Engineering Entrepreneurship, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marybox@mail.tsu.ru

Spitsin V.V., Ph.D. (Econ.), Associate Professor, School of Engineering Entrepreneurship, National Research Tomsk Polytechnic University, Associate Professor, Department of Economics, TUSUR (Tomsk, Russian Federation). E-mail: spitsin_vv@mail.ru

Bulykina A.A., student (undergraduate) of the National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasiya.bulykina@mail.ru

TECHNICAL EFFICIENCY OF RUSSIAN METALLURGICAL ENTERPRISES IN RUSSIAN AND FOREIGN OWNERSHIP IN 2012–2016

Keywords: metallurgical industry, technical efficiency, DEA approach, enterprises in the Russian, joint and foreign property, foreign investments, MPI, crisis, economic sanctions.

The topical nature of the study is due to external and internal challenges faced by the Russian economy, the need for structural reforms and improving the efficiency of metallurgical industry. **The aim** of the study is to assess the technical efficiency of Russian metallurgical enterprises across forms of ownership for the period 2012–2016. **Research methods.** Technical effectiveness assessment is carried out by Data Envelopment Analysis (DEA approach). The dynamics of technical efficiency are investigated using a performance index (Malmquist Productivity Index, MPI). Also variance and cluster analysis were used. Information on the financial performance of enterprises was obtained from the SPARK system. The sample contains 348 enterprises. **Results of the study.** The subsample of enterprises-technological leaders, which can become a benchmark for the development of other enterprises, has been determined. In conditions of an unfavorable external environment technical efficiency decreased during the period due to the technological component of the index (technological frontier of the leaders). Higher technical efficiency has been revealed for enterprises in foreign ownership, but there are no such evidence for enterprises in joint ownership, which shows the lack of effective technology transfer throughout Russian economy. Main tendencies for metallurgical industry are the significant shift between bulk of metallurgical industry enterprises and technical efficiency's leaders and the lack of their catching-up development. We conclude that Russian industry is in need of favorable environment for the technical re-equipment of enterprises.

References

1. Burlachkov V. Turbulentnost' ehkonomicheskikh processov: teoreticheskie aspekty // Voprosy ehkonomiki. 2009. №. 11. S. 90-97.
2. Zhuravlyova G. P., Manohina N. V. Novye pravila igry v usloviyah ehkonomicheskoy turbulentnosti // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ehkonomicheskogo universiteta. 2013. №. 5 (49). S. 23-28.
3. Sankcii dlya rossijskoj metallurgii // Metallurgicheskij byulleten'. 18.05.2017. URL: <https://www.metaltorg.ru/analytics/black/?id=691>.
4. Spitsin V., Mikhailchuk A., Spitsina L., Akerman E., Tyuleneva N., Semes A., Novoseltseva D. Comparative Analysis of Salary, Labor Intensity and Payroll-Output Ratio of Foreign and Domestic Firms: Case of Russian Vehicle Industry // Advances in Social Science,

Education and Humanities Research. 2015. –Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform and Modern Management (ERMM 2015). P. 371-374. URL: <https://download.atlantis-pess.com/article/20921/pdf>.

5. Spicyn V.V., Spicyna L.YU., Ryzhkova M.V. Ehkonomicheskaya rezul'tativnost' razvitiya rossijskikh i inostrannyh predpriyatij v usloviyah ehkonomicheskikh sankcij // EHkonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2016. № 9. S. 240–250.

6. Koopmans T.C. An Analysis of Production as an Efficient Combination of Activities / Activity Analysis of Production and Allocation. Koopmans, T.C. (Ed.). Cowles Commission for Research in Economics, Monograph No. 13. Wiley, New York, 1951.

7. Charnes A., Cooper W.W., Rhodes E. Measuring the Efficiency of Decision-making Units // European Journal of Operation Research. 1978. T. 2. № 6. P. 429-444.

8. Emrouznejad A., Parker B.R., Tavares G. Evaluation of Research in Efficiency and Productivity: A Survey and Analysis of the First 30 Years of Scholarly Literature in DEA // Socio-economic Planning Sciences. 2008. T. 42. №. 3. P. 151-157. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0038012107000420#!>.

9. Zelenskaya E. M. Primenenie metoda "Analiz sredy funkcionirovaniya" v ocenke ehffektivnosti deyatel'nosti uchrezhdenij kul'tury // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. №. 2. S. 39-51.

10. Hammersmidt M., Makarov A.M., SHCHerbak A.D. Primenenie metoda analiza sredy funkcionirovaniya (ASF) dlya ocenki ehffektivnosti deyatel'nosti biznes-struktur predpriyatiya // Prakticheskij marketing. 2012. №. 3. S. 15-20.

11. Chernyshova G.YU., Kovalev R.N. Primenenie modeli analiza sredy funkcionirovaniya (Data Envelopment Analysis) dlya ocenki ehffektivnosti Web-resursov // Fundamental'nye issledovaniya. 2017. № 8-2. S. 453-457. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41691>.

12. Spitsin, V., Mikhalkhuk, A., Spitsina, L., Shabaldina, N., Novoseltseva, D., Shinkeev, M. Product Innovation Efficiency of Russian Electronic Industry: DEA Approach and Cluster Analysis // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2016. Vol. 53: Proceedings of the 2016 2nd International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE 2016). P. 607-610. URL: <http://dx.doi.org/10.2991/icsshe-16.2016.20>.

13. Chugumbaev P.P. Analiz sredy funkcionirovaniya kak instrument benchmarkinga pokazatelej ehkonomicheskoy ehffektivnosti organizacii // Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2009. №. 27. S. 40-47.

14. Gafforova E. B., Karlovskij A. V. O podhodah k ocenke ehffektivnosti deyatel'nosti vuzov // Mir ehkonomiki i upravleniya. 2009. T. 9. №. 3. C. 81-87.

15. Utkin O. B. Tekhnologiya analiza sredy funkcionirovaniya i ocenka deyatel'nosti neftyanyh kompanij // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: ehkonomika. 2002. №. 1. C. 148-156.

16. Strogonov M.S. Metodika faktornoj ocenki regional'nogo innovacionnogo potentsiala s primeneniem DEA-tehnologij // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 23. № 11. S. 101-108.

17. Ratner S.V. Dinamicheskie zadachi ocenki ehkologo-ehkonomicheskoy ehffektivnosti regionov na osnove bazovyh modelej analiza sredy funkcionirovaniya // Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov. 2017. № 67. S. 81-106.

18. Brada J.C., King A.E., Ma C.Y. Industrial Economics of the Transition: Determinants of Enterprise Efficiency in Czechoslovakia and Hungary // Oxford Economic Papers. 1997. Vol. 49. № 1. S. 104-127.

19. Zhang J., Wang G. Energy Saving Technologies and Productive Efficiency in the Chinese Iron and Steel Sector // Energy. 2008. Vol. 33, Iss. 4. P. 525-537.

20. Lazzarin R. M., Noro M. Energy Efficiency Opportunities in the Production Process of Cast Iron Foundries: An Experience in Italy // Applied Thermal Engineering. 2015. Vol. 90. P. 509-520.

21. Savel'eva A. I. Sravnitel'nyj analiz ehnergoehffektivnosti vedushchego Rossijskogo predpriyatiya Ural'skoj gorno-metallurgicheskoy kompanii i predpriyatij-konkurentov: Glencore Xstrata, Vedanta Resources, KGHM Polska Miedz SA, Codelco // Rossijskie regiony v fokuse peremen. Ekaterinburg, 2016. T. 2. №. 11. S. 746-762. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/48158/1/rfp_2016_2_080.pdf.
22. Gun, G.S., Rubin, G.Sh., Chukin, M.V., Gun, I.G., Mezin, I.U., Korchunov, A.G. Metallurgy Qualimetry Theory Design and Development // Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. GI Nosova. 2013. №. 5 (45). С. 67-69.
23. Malmquist S. Index Numbers and Indifference Surfaces // Trabajos de estadística. 1953. Vol. 4, Iss. 2. P. 209-242.
24. Caves D.W., Christensen L.R., Diewert W.E. Multilateral Comparisons of Output, Input, and Productivity Using Superlative Index Numbers // The Economic Journal. 1982. Vol. 92, Iss. 365. P. 73-86.
25. Färe, R., Grifell-Tatjé, E., Grosskopf, S., Knox Lovell, C. A. Biased Technical Change and the Malmquist Productivity Index // Scandinavian Journal of Economics. 1997. Vol. 99, Iss. 1. P. 119-127.
26. Barros C.P. Evaluating the Efficiency of a Small Hotel Chain with a Malmquist Productivity Index // International Journal of Tourism Research. 2005. Vol. 7, Iss. 3. P. 173-184.
27. Zaim O., Taskin F. The Comparative Performance of the Public Enterprise Sector in Turkey: A Malmquist Productivity Index Approach // Journal of Comparative Economics. 1997. Vol. 25, Iss. 2. P. 129-157.
28. Chen Y. A Non-radial Malmquist Productivity Index with an Illustrative Application to Chinese Major Industries // International Journal of Production Economics. 2003. Vol. 83, Iss. 1. P. 27-35.
29. Thanassoulis E., Shiraz R. K., Maniadakis N. A Cost Malmquist Productivity Index Capturing Group Performance // European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 241, Iss. 3. P. 796-805.
30. Ma, J., Evans, D. G., Fuller, R. J., Stewart, D. F. Technical Efficiency and Productivity Change of China's Iron and Steel Industry // International Journal of Production Economics. 2002. Vol. 76, Iss. 3. P. 293-312.
31. Wei Y. M., Liao H., Fan Y. An Empirical Analysis of Energy Efficiency in China's Iron and Steel Sector // Energy. 2007. Vol. 32, Iss. 12. P. 2262-2270.
32. He, F., Zhang, Q., Lei, J., Fu, W., Xu, X. Energy Efficiency and Productivity Change of China's Iron and Steel Industry: Accounting for Undesirable Outputs // Energy Policy. 2013. Vol. 54. P. 204-213.
33. Morfeldt J., Silveira S. Capturing Energy Efficiency in European Iron and Steel Production – Comparing Specific Energy Consumption and Malmquist Productivity Index // Energy Efficiency. 2014. Vol. 7, Iss. 6. P. 955-972.
34. Zemcov S.M. Ehffektivnost' agrarnogo proizvodstva v Respublike Belarus' // APK: EHkonomika, upravlenie. 2009. №. 3. S. 88-93.
35. Tyupakov K. EH., Sajfetdinova N. R. EHkonomicheskaya ocenka tekhnologicheskogo razvitiya agroproduktstva // APK: ehkonomika, upravlenie. 2011. №. 12. S. 72-77.
36. Ja Y.H., Ma J.H., Ahn Y.H. Analysis of Management Efficiency of Korea, Japan, Global Logistics Companies Using DEA and Malmquist Productivity Index // The Pan-Pacific Journal of Supply Chain Management (PJSCM). 2017. Vol. 1, Iss. 1. P. 1-20.
37. Charnes, A., Cooper, W.W., Lewin, A.Y., Seiford, L.M. Data Envelopment Analysis: Theory, Methodology, and Applications. Springer Science & Business Media, 2013. 513 p.
38. Mantri, J.K. Research Methodology on Data Envelopment Analysis (DEA). Universal-Publishers, 2008. 380 p.
39. Krivonozhko V.E., Lychev A.V. Analiz deyatel'nosti slozhnyh social'no-ehkonomicheskikh sistem. M: MAKSPress, 2010. 208 s.

40. Virabyan S.N. Izmerenie ehffektivnosti sdelok po sliyaniyu i pogloshcheniyu: osobennosti primeneniya metoda DEA // Ehffektivnoe antikrizisnoe upravlenie. 2017. № 4 (103). S. 58-65.

41. Tohidi, G., Razavyan, S. A Circular Global Profit Malmquist Productivity Index in Data Envelopment Analysis // Applied Mathematical Modelling. 2013. Vol. 37. P. 216–227.

42. Jafari, Y. Malmquist Productivity Index for Multi Time Periods // International Journal of Data Envelopment Analysis. 2014. Vol. 2, Iss..1. P.315-322.

43. Halkos G. E., Tzeremes N. G. Productivity Efficiency and Firm Size: An Empirical Analysis of Foreign Owned Companies // International Business Review. 2007. Vol. 16, Iss. 6. P. 713-731.

44. StatSoft, Inc. Electronic Statistics Textbook. 2013. StatSoft: Tulsa, OK. URL: <http://www.statsoft.com/textbook/>.

45. Hill T., Lewicki P. STATISTICS: Methods and Applications. StatSoft: Tulsa, OK., 2007. 719 p.

46. Halafyan A.A., Borovikov V.P., Kalajdina G.V. Teoriya veroyatnostej, matematicheskaya statistika i analiz dannyh: Osnovy teorii i praktika na komp'yutere. STATISTICA. EXCEL. Moskva URSS, 2016. 317 s.

47. Fedorova E.A., Nikolaev A.Eh., Nikolaeva A.S., Alekseeva M.A. Ocenka vli-yaniya pryamyh inostrannyh investicij na ehkonomiku Rossii v period sankcij na osnove spillover-ehffektov // Prostranstvennaya ehkonomika. 2018. № 1. S. 37–58.

For referencing:

Trifonov A.Yu., Mikhalchuk A.A., Ryzhkova M.V., Spitsin V.V., Bulykina A.A. Tekhnicheskaya ehffektivnost' metallurgicheskikh predpriyatij v rossijskoj i inostrannoj sobstvennosti v 2012–2016 gg. [Technical Efficiency of Russian Metallurgical Enterprises in Russian and Foreign Ownership in 2012–2016]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 283–304.

УДК 338.242.4

DOI: 10.17223/19988648/44/20

Ю.Г. Швецов

О БЮРОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматривается проблема бюрократизации государства и важнейших социально-экономических последствий этого явления. Раскрывается сущность бюрократии, проанализированы характерные особенности ее функционирования в РФ, материальная основа бюрократии и ее доминирующее положение в обществе. Сделан вывод о перепрофилировании бюджета на обслуживание интересов бюрократии.

Ключевые слова: бюрократия, государство, бюджетная реформа, бюджетная система, налоговая система.

Некоторое время назад мы уже привлекали внимание специалистов к проблеме бюрократизации российского общества [4]. С тех пор в лучшую сторону ничего не изменилось, по-прежнему объективная потребность развития национального государства наталкивается на сопротивление составляющих его бюрократических сил.

Авторитарное государство как выразитель интересов правящего класса. Длительный путь исторического развития экономической деятельности людей в качестве аксиомы вывел следующую закономерность: в конечном итоге в обществе остаются только те формы организации общественного воспроизводства, а также только те его участники, которые оказались наиболее эффективными в своей сфере деятельности.

Речь идет как о методах организации производства различных форм собственности (частной, акционерной государственной, смешанной и т.п.), так и об основных субъектах экономических процессов (домашних хозяйствах, предприятиях, государствах). Поэтому последнее, как и любой другой общественный институт, существует исключительно потому, что в этом качестве он необходим обществу. К примеру, центральные органы власти призваны обеспечивать безопасность и внутренний порядок в стране, а также формулировать законы, определяющие характер и механизм существования и развития национальной экономической системы.

Таким образом, появление государства вызвано, в частности, необходимостью создавать условия для плодотворной деятельности хозяйствующих субъектов. В этой связи цель государства, его рациональность связаны непосредственно со служением интересам экономических агентов и населения. И оценка эффективности деятельности государства всегда зависит от степени реализации этой функции.

При этом наиболее приоритетной сферой деятельности государства является производство и предложение общественных благ, которые, в отли-

чие от частных, производимых в рыночных условиях, гораздо дешевле для общества концентрировать в руках именно государства. А раз это так, то в обществе должен существовать механизм перераспределения средств в пользу государства, которые и будут обеспечивать исполнение им своих функций.

Как известно, государственные финансы – это система сбора и использования денежных средств на национальные нужды. Из самого определения вытекает одна из важнейших предпосылок их существования – формирование общественных потребностей и их ранжирование, т.е. определение тех ключевых сфер, на которые, собственно, и предполагается тратить «общие» (государственные) деньги.

В общем виде направления расходования финансовых ресурсов, привлекаемых государством, зависят от тех функций, которые оно выполняет в обществе. В демократическом обществе государство преимущественно представляет интересы населения, и здесь важна уже только сама процедура выявления этих интересов и формирования их как государственных. Как правило, это происходит в рамках соответствующих обсуждений в органах представительной власти различных уровней, избираемых населением. Поэтому для формирования государственных финансов необходимо признание и определение таких государственных потребностей, которые должны быть удовлетворены прежде всего в интересах всего общества.

В авторитарном же государстве оно само определяет круг своих полномочий, а стало быть, и объем финансовых ресурсов, мобилизуемых на свои нужды. Здесь уже общественные, в широком смысле слова, и государственные потребности, как правило, не совпадают, между ними всегда есть ощутимые различия.

Они заключаются в том, что государственные потребности обычно носят опосредованный правящим классом характер, так как население (отдельные индивидуумы, семьи, различные группы) от удовлетворения таких потребностей силами государственной власти отстранено, поэтому они далеки от повседневных нужд рядовых граждан. В этом случае государственные финансы как совокупность денежных отношений обслуживают интересы исключительно властной группы общества в противовес общественным, т.е. интересам проживающей в данной стране основной массы населения. Прямыми следствиями этого становятся стремление государственного аппарата и его чиновников к раздуванию расходов на свое содержание, низкая эффективность государственного регулирования экономики, замедление темпов экономического роста, обнищание населения и т.п.

Следовательно, говоря о всевозрастающей роли современного государства в регулировании рыночной экономики, неправомерно смешивать функции собственно государства и чиновников, находящихся на его службе на всех уровнях иерархического управления. Их интересы являются диаметрально противоположными в авторитарном обществе, и их сближение начинает происходить только по мере перехода последнего на принципы демократического развития.

Формирование потребностей класса, занимающего доминирующее положение в государстве, всегда происходит в условиях острой конкурентной борьбы за денежные средства бюджетов всех уровней. Это обусловлено тем, что в системе интересов, связанных с распределением общегосударственных финансовых ресурсов, существуют всевозможные структуры управления, т.е. система ведомств, министерств, региональных властей, которые занимают различные места в иерархии государства. Каждая из таких структур заинтересована в решении определенных конкретных проблем в свою пользу, отсюда и разные точки зрения на объем и сроки финансирования тех или иных объектов и мероприятий.

Помимо этого, каждое ведомство стремится к самосохранению и повышению своего влияния, что также сказывается на распределении финансовых ресурсов, ибо государство в реальности – это и есть определенный набор ведомств и организаций. Поэтому между отдельными ведомствами и уровнями государственной власти всегда присутствует конфликт интересов.

Скажем, управляющие органы субъектов Федерации требуют у федеральных властей финансовой поддержки, приводя соответствующие аргументы. Но эти же органы будут доказывать местным (муниципальным) властям чрезмерность их финансовых требований к ним при формировании местных бюджетов. Поэтому разногласия по финансовым вопросам внутри государственного аппарата – это совершенно типичная ситуация, и возникающие здесь противоречия разрешаются по законам главенствующего положения в иерархии власти.

Подчеркнем, что в демократическом обществе государство выполняет функции, направленные на удовлетворение потребностей *всего населения* безотносительно принадлежности отдельных членов общества к каким-либо властным структурам, в авторитарном же государстве оно обслуживает интересы преимущественно правящего класса, запросы всего остального населения страны учитываются исключительно по остаточному принципу. В последнем случае реальностью становится полная утрата контроля общества над бюрократией, превратившейся в автократический класс.

Таким образом, бюрократия служит одним из крайних вариантов несовершенства государственного вмешательства в экономику, в основе которого лежит неспособность обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов.

Прямым следствием этого является проявление двух взаимосвязанных процессов. Во-первых, общественное благосостояние неизбежно сокращается за счет недопотребления определенных благ вследствие господства бюрократии и предоставления их ею по более высокой цене. Во-вторых, часть потенциального дохода государства от продажи общественных благ теряется за счет недопотребления населением, а другая его часть переходит к бюрократии, что и приводит к чистым потерям (убыткам) для общества.

Важнейшим элементом бюрократической системы управления является использование общегосударственных ресурсов для личной выгоды в ситу-

ации, когда общество возлагает на чиновника выполнение определенных задач, а последний действует вразрез с общественными интересами в угоду собственным. Иными словами, деятельность чиновника сводится к максимизации его полезности посредством извлечения непроизводительного дохода за счет использования и перераспределения ресурсов, не принадлежащих, но доступных ему.

Бюрократия всегда и везде ищет выгоду от вводимых государством ограничений, регулирующих и контролирующих правил, которые обуславливают функционирование рынка. Поэтому государственные служащие лично заинтересованы в искусственном создании бюрократических барьеров, порождающих дополнительный спрос на их услуги.

Самыми важными факторами, создающими возможность доминирования номенклатуры в обществе, являются монопольный доступ бюрократии к общественным ресурсам и одновременное отсутствие контроля над ней со стороны общества и государства.

Чиновникам нет резона заниматься проблемами развития государства, в том числе социальными, их больше привлекает возможность решать за соответствующее вознаграждение частные проблемы богатых членов общества. Тем самым бюрократия усиливает напряжение в обществе, дискредитирует законы – основной инструмент регулирования государственности.

Российская бюрократия: тенденция роста. Авторитарность российского государственного устройства на основе господства в нем класса чиновников ведет к систематическим негативным просчетам в осуществляемой экономической политике как на законодательном, так и на исполнительном уровне, причем не только и не столько в чрезвычайных обстоятельствах, а в условиях стабильной социально-политической ситуации в стране.

Тотальная бюрократизация властных структур фактически ставит под сомнение существование самого государства, так как снижает его зависимость от населения. Государство начинает функционировать как самостоятельная политическая сила в интересах не всего общества, а той его части, которая привела к власти «свою» политическую силу или группу.

Об этом наглядно свидетельствуют и данные, приводимые в экономической литературе. Уже в 1990-е гг. численность государственного аппарата почти удвоилась. Разрастание количества чиновников продолжилось и в последующие годы: по официальным статистическим данным, в 2005 г. при сокращении общего числа занятых в стране количество работников аппарата управления с 1990 г. возросло в 2 раза [5. С. 198].

Только за один 2006 г. общее количество государственных служащих в нашей стране выросло на полтора миллиона человек. А в 2007 г. расходы на госаппарат увеличились еще в полтора раза. При этом «практически все деньги, сэкономленные Россией на досрочном погашении долгов Западу, попали в эту статью» [7. С. 7].

К началу 2009 г. в России насчитывалось уже 1,7 млн чиновников, по сравнению с 2006 г. их число увеличилось на 240 тыс. чел. [11. С. 8] или на

15%. При этом если в последние годы существования СССР один чиновник приходился на 220 жителей, включая младенцев, то к началу 2009 г. эта цифра выросла более чем в 2 раза: на каждые 100 россиян – один бюрократ, не считая бизнес-структур, общественных и партийных организаций [10. С. 5].

По официальным данным, при сокращении общего числа занятых в стране количество работников аппарата управления за период 1996–2010 гг. увеличилось более чем в 1,7 раза, причем после 2004 г. темпы существенно возросли, достигнув значения 1,9 млн чел. Если же к последним приплюсовать число работающих всех муниципальных служб, государственных корпораций, МУПов, ВГУПов, в силовых структурах, руководящих служащих ряда предприятий с государственным участием и т.п., то набирается не менее 5–6 млн чел., т.е. 3 раза больше [8. С. 8; 12. С. 4; 13. С. 7]. В 2016 г. численность занятых в органах власти и управления увеличилась по сравнению с 2010 г. еще как минимум на 30% [14].

Эволюция российской бюрократии. Борьба с бюрократическим производом берет свои истоки с глубокой древности. Еще в Ветхом Завете отмечалось, что «начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело». Платон утверждал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью». Именно от коррупции погиб Древний Рим, несмотря на радикальные меры борьбы с ней: так, судья судил, сидя в кожаном кресле, сделанном из кожи предыдущего судьи-взяточника.

Корни российской бюрократии также уходят в далекое прошлое. Э. Радзинский пишет: «“Кормление” – великий обычай, с него начинается тысячелетнее воровство русской бюрократии, навсегда засевшее в ее генах. Боярин, назначавшийся наместником московского Великого князя, должен был “кормиться” за счет управляемой им области. По прибытии он получал от жителей первый взнос под названием “кто сколько может” – и попробуй ему не дать! Как липку обдирали управляемых, беспощадно. Куда хуже татарского ига были для народа эти “кормления”!.. Но захватившие власть... не только обирали население – они открыто грабили и царскую казну...» [3. С. 116–117].

В свое время царь Иван Грозный разделил страну на две части – Опричнину и Земщину. Все лучшие земли, домовладения были переданы в Опричнину, места пустынные и бедные вотчины оказались уделом Земщины. По существу в Опричнине сосредоточились привилегированные слои тогдашнего населения, и именно их интересы обслуживала специально созданная армия – опричники. Любой опричник мог обвинить любого земского в том, что тот ему должен, и земский обязан был платить немедленно.

«...С Опричниной Власть обрела главное свойство, делающее ее абсолютной, – страх перед непредсказуемостью и тайной» [3. С. 159].

Не правда ли, ситуация в сегодняшней России напоминает древнерусскую XV в.? В Опричнину сегодняшнюю входит вся бюрократическая рать вместе со возвращенными ею олигархами, в Земщину – мелкие предприниматели и население. И все государственные структуры свято чтят

свою обязанность служить. Опричнине – налоговая и санитарная службы, пожарные и пр., нимало не беспокоясь о людях Земщины.

История авторитетно свидетельствует о неминуемой подверженности процесса бюрократизации аппарата любого государства. Протекая с разной степенью интенсивности, этот процесс неизменно приводит к тому, что бюрократия «встраивается» в систему власти и управления, административно-хозяйственный механизм и аппаратные структуры каждой страны.

Хотя бюрократии всех стран имеют много общих черт, российская номенклатура все же во многом уникальна. При этом она идентична как советской, так и царской. Бюрократии в нашей стране удалось пронести большинство своих обычаев, традиций и ценностей через всю историю государства, несмотря на то, что кадровый ее состав полностью и не раз менялся.

Отличительными чертами российской бюрократии всегда являлись и являются доведенная до предела сложность административной системы, чиновничество и постоянная ориентация всех чинов, независимо от ранга, на негосударственные доходы. К последнему российских чиновников всегда подталкивала невысокая заработная плата, которая и устанавливалась с учетом возможности получения нелегальных, коррупционных доходов. Особую ценность в такой системе имела и имеет не заработная плата, а доходность места.

Еще одной особенностью истинно российского менталитета, заложенной в генах русского человека, является чрезмерное по сравнению с другими странами поклонение большинства граждан государству. Веками воспитанные в условиях его всемогущества, россияне привыкли его идеализировать и приписывать ему все победы и достижения страны. При этом государство выступает в народном сознании как некий абстрактный образ, не связанный с конкретными чиновниками, которые, конечно, могут быть нечестны, несправедливы и корыстолюбивы.

Рядовому россиянину до сих пор несвойственно относиться к государственным служащим и к государству в целом как к нанятым им для выполнения вполне определенных функций работникам. Такое отношение порождает бесконтрольность государственного аппарата перед обществом и поощряет бюрократизацию и коррупцию, а главное – не создает у номенклатуры стимулов для проведения насущных преобразований в политической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества.

Закономерности бюрократической системы управления. Бюрократическая система управления означает в самом общем случае процесс постепенного отхода деятельности организации от ее уставных (общественно полезных) целей и подчинения закономерностям внутрикорпоративного иерархического развития. Рассмотрим эти закономерности более подробно.

Рост доли государственных расходов в ВВП экономически развитых стран стал закономерностью номер один и получил название закона Вагнера, в соответствии с которым государственные расходы увеличиваются не только в абсолютном, но и в относительном выражении во всех, даже са-

мых либеральных развитых странах мира. Несомненно, что безудержный рост государственных расходов является негативным фактором экономического развития, за которым скрываются интересы огромной и связанной общими узлами армии чиновников.

Важнейшей закономерностью, обуславливающей постоянный и неизбежный рост всех централизованных органов управления и в первую очередь государства, является известный закон о соотношении сложности объекта управления и управляющей им системы. В теории управления он выражается в том, что сложность управляющей системы растет во много раз быстрее, чем сложность объекта управления.

Политика бюрократического аппарата всегда планируется с ориентацией на прошлый опыт, поэтому в ней почти никогда нет места радикальным преобразованиям, предусматривающим нестандартные решения проблем. Все подчинено тактике внесения бюрократией незначительных поправок в действующие организационные элементы: структуры, процессы, технологии и т.п.

Главной целью номенклатуры является консервация ранее достигнутого уровня, поэтому любые новшества и изменения действующего порядка наталкиваются на ее сопротивление, связанное с необходимостью оправдать существующее состояние.

Основой деятельности бюрократического аппарата становятся многочисленные и разнообразные правила и инструкции, которые являются главной причиной консерватизма бюрократической системы управления. Бюрократическое управление не допускает никаких отклонений от жестко формализованного эталона, при нем не могут существовать разного рода нерегламентированные отношения.

Негибкость и немобильность бюрократического управленческого механизма проявляются в том, что он способен успешно действовать только в стереотипных ситуациях, на которые имеются соответствующие инструкции. Новые явления и сложные обстоятельства приводят бюрократию в замешательство, и работа в организации приостанавливается до поступления разъясняющих указаний вышестоящего руководства.

Следовательно, бюрократическое управление эффективно только в отношении достаточно простых объектов и нерезультативно в сложно дифференцированных системах. Бюрократический централизм постоянно стремится к унификации всех управленческих элементов, вопреки сложности и многообразию реально существующих объектов, а потому попросту не способен обеспечить грамотное и оперативное руководство ими, требующее мгновенного принятия решений.

Для бюрократической организации это означает увеличение числа различных подразделений, а также создание более изолированной иерархической структуры соподчиненности и, в конечном итоге, многократное увеличение численности аппарата управления.

Однако разрастание числа чиновников не в состоянии обеспечить достаточно надежную базу для эффективного управления различными объектами. Поэтому этот кибернетический закон, по существу, свидетельствует

об ограниченности роста и возможностей централизованной системы управления.

Третьей закономерностью бюрократической системы управления является то, что важнейшей целью функционирования организации становится сохранение и расширение ее влияния в экономической, административной и политической системе общества.

Это объясняется тем, что руководство и члены любой организации в ее благополучии и расширении видят залог собственного процветания. В частности, государственная организация работает не только и не столько в интересах учредившего ее общества, сколько в интересах работающих в ней чиновников.

Государство, являющее собой громадный организационный механизм, состоит из множества подобных организаций, каждая из которых, как пауки в банке, борется за самосохранение и расширение сферы своего действия всеми доступными методами.

При этом государственные организации борются за власть и собственное влияние в основном бюрократическими методами. Поэтому каждая из них стремится минимизировать ответственность за принятые ею решения; постоянно увеличивать численность своих сотрудников и наращивать объем предоставляемых ей со стороны государства финансовых и материальных ресурсов.

Огромная армия чиновников, представляющих тысячи различных организаций, постоянно и целенаправленно доказывает необходимость увеличения штатов именно их организации и государственных расходов исключительно на контролируемых ими направлениях.

Следующая закономерность может быть почерпнута из законов Паркинсона. В соответствии с одним из них любая бюрократическая организация вырастет настолько, насколько ей позволят внешние условия. По Паркинсону, бюрократическая организация сама находит себе работу и любая работа, независимо от ее объема, может заполнить собой все отведенное ей время. Поэтому если организация хотя бы на время выведена из-под внешнего общественного контроля, она тут же начнет расширяться, независимо от ее функций, целей и необходимого объема работы.

Значимость каждого чиновника в бюрократической системе определяется прежде всего количеством подчиненных. Поэтому он заинтересован в увеличении числа подчиненных и уменьшении числа соперников, претендующих на его место. Аналогичным образом его подчиненные так же стремятся сначала заполучить, а потом и расширить собственный штат работников. Именно так и происходит рост чиновничьей пирамиды.

Чиновник расширяет сферу собственной деятельности, одновременно пытаясь увеличить свое влияние и власть, при этом всегда обосновывая это производственной необходимостью. Переплетения устремлений различных чиновничьих группировок к власти приводят к устойчивому росту бюрократических организаций.

Закономерностью является и то, что бюрократическая конкуренция принципиально отличается от коммерческой. Если предприниматель полу-

чает прибыль, когда он поставяет на рынок продукцию с меньшей себестоимостью или лучшего качества, то доход и значимость чиновника практически полностью зависят от занимаемого им места, должности и связанных с ней видимых и невидимых льгот.

Когда предприниматель занят внедрением различных инновационных разработок, направленных на снижение себестоимости продукции и увеличение ее прибыли, то законы коммерческой конкуренции побуждают его следовать интересам всего общества.

При бюрократической же конкуренции чиновник занят пустопорожничи по сути и ничего не значащими для общества бюрократическими инновациями, увеличивающими значимость его позиции на служебной лестнице. Эти инновации, как правило, связаны с процессом документооборота в данной организации. Придать им большую значимость возможно путем увеличения потоков служебной документации с обязательными процедурами согласований, визирований и т.п.

Тем самым поток бумаг безмерно расширяется, что является обоснованием для увеличения числа сотрудников и дополнительного финансирования организации. В результате, в отличие от предпринимателя, чиновник, внешне работая как бы для достижения общественно необходимых целей организации, на самом деле наносит обществу ущерб, требуя от него все больше и больше средств на собственное содержание.

Номенклатурные работники объединены только желанием сохранить и упрочить положение своей организации в административной системе, общественно значимые ценности для них значения не имеют.

И поскольку положение большинства бюрократических организаций в обществе, как правило, стабильно, то цели самосохранения не имеют для них решающего значения, позволяя концентрировать усилия на собственном карьерном росте путем стандартного набора приемов бюрократической конкуренции: служебных интриг, личных связей, подхалимства и др.

Следующая закономерность – властно-иерархическая форма бюрократического управления. Власть номенклатуры можно представить в виде пирамидальной структуры, на самом верху которой находятся чиновники, наделенные максимальными правами и полномочиями, а все последующие ступени занимают аппаратчики с их все меньшим и меньшим набором.

При бюрократической системе управления, в которой место в иерархии определяется количеством служебных прав и привилегий, высшая инстанция является всевластной и одновременно бесконтрольной со стороны как общества в целом, так и более низких структур бюрократии.

Естественным следствием властно-иерархической формы бюрократического управления является игнорирование чиновниками потребностей общества в угоду собственным интересам и интересам иерарха. Поэтому важнейшей составляющей процесса бюрократического управления выступает стремление чиновника к укреплению своего положения на иерархической лестнице власти с тем, чтобы использовать его в своих частных интересах, удовлетворяя собственные потребности.

Номенклатурный работник, занимающий невысокое место в официальной иерархии, будучи экспертом или советником в той или иной области, в подавляющем числе случаев распоряжается своим служебным положением согласно собственным предпочтениям, пренебрегая общественной полезностью, что, естественно, снижает эффективность функционирования любой организации.

Закономерностью бюрократической системы управления можно назвать и так называемую «систему корпоративного рабства». Основой функционирования любой государственной структуры является закрепление зависимости денежного содержания работника от стажа его трудовой деятельности в данной структуре. Карьерный рост большинства сотрудников прямо обусловлен длительностью трудовой деятельности в организации таким образом, чтобы путь от рядового работника до руководителя структурного подразделения совпадал по срокам с периодом завершения трудовой активности, т.е. с предпенсионным возрастом. Большая часть времени в бюрократических структурах уходит не на собственно трудовую деятельность, а на многочисленные совещания, планерки, комиссии, сопровождающиеся немислимым количеством документооборота.

Противодействие систематическому общественному надзору является следующей характерной особенностью бюрократического управления, проявляющейся в том, что бюрократия старается быть субъектом, а не объектом контроля. Это связано с тем, что чиновник всегда находится в выигрышном положении по сравнению с другими гражданами, на стороне которого находится профессиональная информация (доступ к разного рода нормативным актам, ведомственным инструкциям, служебным материалам и т. д.) Отсутствие доступа к этой информации вынуждает людей платить чиновнику мзду, которая и составляет основной доход бюрократа.

С другой стороны, чиновники осуществляют административный контроль в своем ведомстве, усиливая его над действиями подчиненных и ослабляя над собой со стороны вышестоящих руководителей. Однако номенклатурные работники всегда находят компромисс между собой, что неизбежно формализует сам процесс контроля.

Поэтому многочисленные служебные нарушения чиновников редко сопровождаются их отставками. Административные проверки почти всегда носят формальный характер и имеют последствия только для опальных аппаратчиков. При этом часто государственная комиссия по расследованию служебных преступлений в реальности оказывается инспекцией по сокрытию их подлинных причин и масштабов. Так бесконтрольность чиновников ведет к безнаказанности их действий.

Отсутствие контроля «сверху» в бюрократическом обществе проявляется в невозможности его осуществления одной ветвью высшей власти над другой, что проявляется в слабости судебного, а также законодательного контроля за действиями исполнительной власти.

Отсутствие контроля «снизу» за бюрократией проявляется в ее монополии принимать решения и не нести за них ответственности. Именно таким

образом номенклатура игнорирует общественное мнение и проявляет индифферентность к последствиям хозяйственной деятельности. Реальные возможности контролирующих действий за административно-управленческим персоналом со стороны общества можно смело оценивать как нулевые. Форм низового контроля не существует вообще, ибо отсутствует какая-либо государственная инициатива для их создания.

Важнейшей закономерностью является бюрократизация бюджетного процесса. Учитывая, что бюджет – это основной источник бюрократической ренты, причем более прибыльный, чем даже бизнес на освоении природных ресурсов на нефть и газ, в России до сих пор не создан эффективный и прозрачный механизм бюджетного процесса. Рискнем предположить, что он и не будет создан, ибо бюрократические структуры в силу своего доминирующего положения в обществе этого не допустят.

При этом в основе всесильности бюрократии российского общества лежат пять важнейших предпосылок, заложенных в основу государственной власти.

Первая из них – это назначаемость работников исполнительных органов власти, что позволяет им оказывать огромное и по существу бесконтрольное влияние на судьбы подведомственного им населения и создает у носителей этой власти чувство кастовости, принадлежности к правящему классу.

Вторая предпосылка основана на том, что исполнительная власть зиждется на праве распределения общественных ресурсов: финансовых, материальных (квоты, земельные участки, недвижимость и др.), административных (различные механизмы распорядительной деятельности).

Третья предпосылка проявляется в том, что создаваемый комбинацией первых двух властный потенциал исполнительной власти провоцирует все растущую коррупцию в обществе.

Четвертая и пятая предпосылки основываются на несовершенстве российского законодательства и огромном количестве существующих подзаконных актов, подразумевающих многовариантность действий чиновников по решению конкретных проблем. Именно поэтому номенклатура ни в коей мере не заинтересована в приведении действующего законодательства в стройную систему, исключаящую противоречия и неясности при регламентации различных действий и процедур.

Подчеркнем, что все изложенные закономерности типичны для бюрократической системы управления как процесса и независимы от личностной характеристики самого состава аппарата управления. Бюрократическое управление всегда консервативно, его механизм негибок и немобилен, опирается на властный характер централизации, противодействует систематическому общественному контролю, основывается на политике неравных условий конкуренции, провоцирует коррупцию в обществе.

Бюрократия – правящий класс в российском обществе. В стране нарастает губительная для нее трещина между основным населением и классом номенклатуры. Об этом говорят и данные проведенных в РФ опросов общественного мнения.

Результаты выполненного учеными Северо-Кавказской академии государственной службы проекта «Административно-политические элиты России» отчетливо продемонстрировали склонность большинства чиновников-респондентов к бюрократической системе управления. Так, каждый четвертый респондент полагает, что использует не более половины рабочего времени на исполнение прямых должностных обязанностей; каждый второй считает возможным удержаться в своей должности лишь при условии установления неформальных отношений с «влиятельными людьми», наличии определенных средств и специфической напористости; каждый пятый сомневается в деловых качествах «новой элиты», а каждый десятый, более того, уверен, что в ее состав вошли «алчные и беспринципные люди, ставящие своими целями только личные интересы».

Такие качества, фигурирующие в предложенном работникам руководящих органов перечне качественных составляющих профессионализма, как порядочность, исполнительность и честность, оказались лишь на шестом–восьмом местах, а объективность – вообще на последнем месте. В структуре же «собственных недостатков» непрофессионализм занял около 17%; коррумпированность, «кумовство» и игнорирование интересов граждан – соответственно 13, 12 и 11%; ориентация на интересы состоятельного меньшинства – около 8% [2].

По данным опроса 1 500 представителей бизнеса сотрудники Института социологии РАН составили «цифровой портрет» современного российского бюрократа: равнодушие к людям (68%), продажность (58%), безразличие к интересам страны (41%), некомпетентность и безответственность (42%) [1. С. 46].

Это свидетельствует прежде всего о реальном процессе отторжения населения от всей системы органов власти в целом. В условиях все более усиливающегося антагонизма в обществе бюрократия становится все менее дееспособной силой государственного управления. Опасность этого явления для гражданского общества чрезвычайно велика, и кроется она в инерционности самой системы господства номенклатуры, не зависящей от субъективного фактора в управлении. Поэтому простая замена чиновников у рычагов распределения финансовых, имущественных и административных ресурсов проблему не решает.

В РФ существует настоящий антиконституционный беспредел, ибо в реальности действуют совсем иные правила и порядки, чем закрепленные в главном законе государства. Вот только некоторые из разряда явных несоответствий:

- провозглашается многопартийность, в действительности же преобладает диктатура «Единой России»;
- депутатам Государственной Думы запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, на самом деле среди депутатов значатся десятки крупных бизнесменов с миллиардными состояниями;
- законы должны приниматься депутатами, а пишут и пробивают их лоббисты, находящиеся на содержании у крупных корпораций;

– декларируется свобода конкуренции и предпринимательства, а на практике весь российский рынок поделен между несколькими монополистами, которые устанавливают грабительские для населения цены и тарифы.

«Единая Россия» стала в настоящее время партией номенклатуры, под контроль которой полностью попали все этажи вертикали власти: правительство, обе палаты парламента, губернаторы, мэры. Более того, партия власти контролирует парламенты практически всех регионов РФ и большинство муниципалитетов страны. Фактически это означает возвращение времен парткомов, когда без партбилета ни один человек не мог занять пост в сфере государственного управления.

Один из разработчиков Конституции профессор М. Краснов говорит: «За последние годы многие положения Конституции РФ перестали выполняться вообще либо трансформировались до неузнаваемости». Опубликованная им «Красная книга» содержит десятки конституционных прав, которые трактуются не в пользу общества и граждан, а в угоду чиновникам и крупным олигархам. «В стране в открытую идет торговля властью, а при принятии решений приоритет отдается не государственным, а узкокорыстным интересам» [6. С. 8].

Вообще теоретически главной обязанностью государственных чиновников является решение разного рода проблем из повседневной жизни российских граждан. Но взаимоотношения последних с бюрократическими структурами уже традиционно основываются на грубости и безразличии номенклатурных работников, пользующихся тем, что законодательство предоставляет им поистине безграничные возможности для произвола.

При социализме, несмотря на все недостатки этого строя, многие социально-бытовые вопросы трудящихся различными контролирующими органами: парткомами, месткомами, народным контролем – все же решались. Сегодня бюрократические органы оторваны от реальной жизни населения, их больше занимают псевдоглобальные проблемы – политика, мировое лидерство, олимпиада и т.п., которые, в свою очередь, неинтересны большинству граждан страны. В результате все более усиливается и так резкая поляризация интересов и образа жизни бюрократии и населения.

В России система управления государством приобрела ярко выраженную антинародную форму, отличную от цивилизованной модели развитых стран. Веками шлифовавшиеся инструменты европейской и американской демократии (свободные выборы, независимые суды, конкуренция, социально ответственное распределение доходов, свободные профсоюзы) в РФ сильно искажены и дискредитированы.

Десятки миллионов россиян живут все беднее и беднее, но заботиться о них на государственном уровне абсолютно некому. Да и что взять с тех, кто живет от зарплаты до зарплаты, как правило, нищенской? Им можно только ежедневно недоплачивать за то, что они производят. По данным академика РАН Д. Львова, американец за 1 долл. зарплаты производит 1,7 долл. ВВП, а россиянин в 3 раза больше – 4,8 долл. продукта. Такой эксплуатации не знает ни одна страна в мире [9. С. 14].

Парадокс: в рамках единого государства одних граждан (богатых) оно защищает, а других (бедных) игнорирует. Вывод очевиден: у олигархов есть средства, которые можно заставить выделить на «государственные» цели (выборы, проведение Олимпиады и пр.). Именно поэтому наше правительство всегда отстаивает и поддерживает интересы крупных бизнесменов – от покупки заводов-гигантов и недвижимости по всему миру до предоставления финансовой помощи в условиях кризиса.

Резюмируя, подчеркнем: государство рядовому российскому гражданину обходится непомерно дорого, при этом помощи от него он не получает практически никакой. Человек своим трудом по существу содержит государство, которое не может быть процветающим по определению, ибо в нем большинство населения бедное.

А что мы вообще знаем о деятельности нашего правительства, кроме статистических показателей, объявляемых им самим? Никому не известно, как вообще подбираются туда кадры, по каким критериям, за что увольняют. Отсутствие ответов на эти, а также многие другие вопросы свидетельствует о непрозрачности и корпоративности российского правительства. А между тем вся деятельность государственных органов должна быть тщательно регламентирована, стать доступной и прозрачной для гражданского и парламентского контроля.

При этом уничижительной критике может быть подвергнута любая из стандартного набора функций, обязательных для выполнения любым государством. И это как нельзя лучше характеризует его нынешнее состояние в РФ, наиболее значимым результатом деятельности которого является затянувшийся кризис в политической, экономической и социальной сферах общественного развития.

Огромный перечень изъянов в осуществлении социально-экономической деятельности государственной номенклатуры позволяет констатировать *безнаказанность бюрократии* за свои просчеты, полное отсутствие ее ответственности за нанесение ущерба государственным интересам. Это еще одно из доказательств неэффективности российского государства и отсутствия в нем демократических начал.

Бюрократия и реформы. О неспособности бюрократического аппарата эффективно управлять государством наглядно свидетельствуют провальные результаты подавляющего большинства реформ в обществе.

Любая государственная реформа должна проводиться не столько для упорядочения работы исполнительной власти, сколько для повышения действенности функционирования ее структур, желательно не связанного с расширением и усилением властных полномочий по отношению к юридическим и физическим лицам в интересах общества.

Поэтому нельзя ограничиваться оценкой результатов недавно осуществленной административной реформы по числу проанализированных и перераспределенных функций управления, перечню разработанных стандартов и регламентов, снижению затрат на управление и т.п., ибо они являются отражением процесса проведения административной реформы, а не показателями ее эффективности.

В ходе проведения этой реформы проблема недостатка ресурсов под реализацию государственных полномочий в социальной сфере была решена наиболее «простым» и малоэффективным способом – государство просто сняло с себя ответственность за реализацию этих полномочий, сделало их необязательными, факультативными, переложив их осуществление на общество.

Как результат – с точки зрения решения задачи обеспечения граждан социальными благами федеративная реформа вернулась «на круги своя». Начавшись с попыток разграничения финансовой ответственности Центра, регионов и муниципалитетов, она вернулась к состоянию, при котором за реализацию многих социальных полномочий ответственности не несет ни один из уровней публичной власти. В рамках схемы добровольных и добровольно-принудительных полномочий разобраться, какой уровень власти и за что отвечает перед населением, практически невозможно. Факультативными эти обязательства являются сегодня и для федерального центра. В разряд добровольных полномочий попали многие обязательные полномочия социального порядка.

Все вышесказанное можно с полным правом отнести и к реформе государственных финансов. Опыт ряда зарубежных стран отчетливо свидетельствует о том, что последняя очень сложна и болезненна прежде всего в силу того, что она всегда совмещает в себе объект и субъект преобразований, т.е. требует от органов власти «самореформирования». В РФ же была предпринята попытка перестройки финансовой системы, не затрагивая субъекта ее управления – и закономерно потерпела полный крах.

Ни одна из проводимых в РФ реформ не может рассматриваться как полноценная реструктуризация властных органов управления, ибо в своей основе не была направлена на повышение эффективности управленческих функций, а представляла собой лишь перегруппировку аппаратных структур государственной власти. Скажем, успех административной реформы выражается прежде всего в сокращении численности бюрократического аппарата, но может ли хоть одно наше министерство или агентство претендовать на такое достижение?

Поэтому все проводимые с 1991 г. административные преобразования в нашей стране не изменили негативного отношения общества к федеральной, региональной и местной власти, а все декларируемые экономические и социальные реформы вели лишь к обострению конфликта интересов. Единственным зримым результатом всех реформ становилось расширение популяции аппаратчиков.

О преобладании бюрократической составляющей во всех областях государственных начинаний отчетливо свидетельствуют данные о структуре расходов федерального бюджета за 2001–2016 гг. (табл. 1–4).

Приведенные цифры говорят о том, что федеральная бюджетная политика ведется в полном отрыве от действительных приоритетов социально-экономического прогресса страны.

Таблица 1. Структура расходов федерального бюджета за 2001–2004 гг.*

№	Расходы федерального бюджета	2001		2002		2003		2004	
		1	2	1	2	1	2	1	2
1	Государственное управление и местное самоуправление	3,2	0,5	2,7	0,5	2,8	0,5	3,0	0,5
2	Судебная власть	0,9	0,2	1,0	0,2	1,0	0,2	1,2	0,2
3	Национальная оборона	18,7	3,2	14,4	2,7	15,1	2,7	15,9	2,7
4	Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства	11,3	1,9	9,3	1,7	10,5	1,9	11,7	2,0
5	Итого на выполнение традиционных функций (п. 1 + п. 2 + п. 3 + п. 4)	34,1	5,8	27,4	5,1	29,4	5,3	31,8	5,4
6	Фундаментальные исследования и содействие НТП	1,8	0,3	1,5	0,3	1,7	0,3	1,7	0,3
7	Промышленность, энергетика и строительство	3,3	0,6	5,1	1,0	2,9	0,5	3,0	0,5
8	Сельское хозяйство и рыболовство	1,8	0,3	1,3	0,2	1,3	0,2	1,3	0,2
9	Транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатика	2,8	0,5	2,2	0,4	2,2	0,4	2,1	0,3
10	Итого на развитие отраслей материального производства (п. 7 + п. 8 + п. 9)	7,9	1,4	8,8	1,6	6,4	1,1	6,4	1,0
11	Образование	4,1	0,7	4,0	0,7	4,2	0,7	4,5	0,7
12	Культура, искусство и кинематография	0,5	0,1	0,5	0,1	0,6	0,1	0,6	0,1
13	Здравоохранение и физическая культура	1,7	0,3	1,5	0,3	1,7	0,3	1,8	0,3
14	Итого на общественно значимые цели (п. 11 + п. 12 + п. 13)	6,3	1,1	6,0	1,1	6,5	1,1	6,9	1,1
15	Социальная политика	8,5	1,4	23,6	4,4	5,9	1,0	5,7	0,9
16	Обслуживание государственного долга	17,5	3,0	11,2	2,1	9,4	1,7	7,6	1,3
17	Финансовая помощь бюджетам других уровней	17,4	3,0	15,5	2,9	33,8	6,0	33,5	5,6
18	Прочие расходы	6,5	1,1	6,2	1,3	6,9	1,3	6,4	1,1
19	Итого	100	17,1	100	18,8	100	17,8	100	16,7

* Рассчитано по данным [15]; 1 – % к итогу; 2 – % к ВВП.

Таблица 2. Структура расходов федерального бюджета за 2005–2008 гг., % к итогу*

№	Расходы федерального бюджета	2005	2006	2007	2008
1	Функционирование Президента РФ, Правительства РФ, органов государственной власти и местного самоуправления, финансовых, налоговых, таможенных органов и органов финансового надзора	2,6	3,1	3,3	2,8
2	Судебная система	1,2	1,4	1,3	1,2
3	Национальная оборона	16,5	15,9	13,9	12,7
4	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	12,8	12,8	11,1	11,3

№	Расходы федерального бюджета	2005	2006	2007	2008
5	Итого на выполнение традиционных функций (п. 1 + п. 2 + п. 3 + п. 4)	33,1	33,2	29,6	28,0
6	Фундаментальные исследования	0,9	1,0	0,9	0,9
7	Национальная экономика	7,1	8,0	11,6	13,3
8	Сельское хозяйство и рыболовство	0,5	0,6	0,4	0,8
9	Транспорт, связь и информатика	1,3	3,2	3,1	3,3
10	Итого на развитие отраслей материального производства (п. 7 + п. 8 + п. 9)	8,9	11,8	15,1	17,4
11	Образование	4,6	4,9	4,9	4,3
12	Культура и кинематография	0,6	0,8	0,7	0,6
13	Здравоохранение и спорт	2,5	3,4	3,3	3,3
14	Итого на общественно значимые цели (п. 11 + п. 12 + п. 13)	7,7	9,1	8,9	8,2
15	Социальная политика	5,0	4,7	3,5	4,0
16	Обслуживание государственного и муниципального долга	5,9	4,0	2,4	2,3
17	Межбюджетные трансферты	35,4	35,0	31,7	37,6
18	Прочие расходы	3,1	1,2	7,9	1,6

* Рассчитано по данным [15].

Наибольший объем ассигнований приходится на выполнение традиционных государственных функций (государственное и местное самоуправление, судебная система, национальная оборона, национальная безопасность и правоохранительная деятельность) – затраты на эти цели в федеральном бюджете увеличились с 27,4% в 2002 г. до 41,3% в 2016 г. от их общего числа, все более приближаясь к 50%-му рубежу.

Таблица 3. Структура расходов федерального бюджета за 2009–2012 гг., % к итогу*

№	Расходы федерального бюджета	2009	2010	2011	2012
1	Общегосударственные вопросы	11,1	8,8	8,8	7,1
2	Национальная оборона	13,7	12,3	12,6	13,9
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	11,0	10,4	10,7	11,5
4	Итого на выполнение традиционных функций (п. 1 + п. 2 + п. 3)	35,8	31,5	32,1	32,5
5	Национальная экономика	13,5	17,1	12,3	16,4
6	Жилищно-коммунальное хозяйство	1,7	1,6	2,3	2,6
7	Охрана окружающей среды	0,2	0,2	–	0,2
8	Итого на развитие отраслей материального производства (п. 5 + п. 6 + п. 7)	15,4	18,9	14,6	19,2
9	Образование	4,7	4,3	4,4	5,0
10	Культура, кинематография и СМИ	1,2	1,1	1,2	0,8
11	Здравоохранение и спорт	3,7	3,6	3,4	5,0
12	Итого на общественно значимые цели (п. 9 + п. 10 + п. 11)	9,6	9,0	9,0	10,8
13	Социальная политика	3,9	3,4	3,4	28,6
14	Средства массовой информации	–	–	–	0,5
15	Обслуживание государственного и муниципального долга	–	–	–	2,4
16	Межбюджетные трансферты	35,3	37,2	40,9	6,0

* Рассчитано по данным [15].

Традиционно скудным остается финансирование общественно значимых отраслей – образования (4,1–4,5%, или 0,7% ВВП в 2001–2004 гг., 4,9–4,3% в 2005–2008 гг., 4,7–5,0% в 2009–2012 гг. и 5,0–3,6% в 2013–2016 гг.), культуры (0,5–0,6%, или 0,1% ВВП в 2001–2004 гг. и 0,6 в 2005–2008 гг., 1,2–0,8% в 2009–2012 гг. и 0,7–0,5% в 2013–2016 гг.), здравоохранения и спорта (1,7–1,8%, или 0,3% ВВП в 2001–2004 гг. и 2,5–3,3% в 2005–2008 гг., 3,7–5,0% в 2009–2012 гг. и 4,3–3,5% в 2013–2016 гг.).

Таблица 4. Структура расходов федерального бюджета за 2013–2016 гг., % к итогу*

№	Расходы федерального бюджета		2014	2015	2016
1	Общегосударственные вопросы	6,4	6,3	7,2	6,7
2	Национальная оборона	15,8	16,7	20,4	23,0
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	15,4	14,1	12,6	11,6
4	Итого на выполнение традиционных функций (п. 1 + п. 2 + п. 3)	37,6	37,1	40,2	41,3
5	Национальная экономика	13,8	20,9	15,1	14,0
6	Жилищно-коммунальное хозяйство	1,3	0,8	0,9	0,4
7	Охрана окружающей среды	0,2	0,3	0,3	0,4
8	Итого на развитие отраслей материального производства (п. 5 + п. 6 + п. 7)	15,3	22,0	16,3	14,8
9	Образование	5,0	4,3	3,9	3,6
10	Культура, кинематография	0,7	0,6	0,6	0,5
11	Здравоохранение	3,8	3,6	3,3	3,1
12	Физическая культура и спорт	0,5	0,5	0,5	0,4
13	Итого на общественно значимые цели (п. 9 + п. 10 + п. 11 + п. 12)	10,0	9,0	8,3	7,6
14	Социальная политика	28,7	23,2	27,2	27,9
15	Средства массовой информации	0,6	0,5	0,5	0,5
16	Обслуживание государственного и муниципального долга	2,7	2,8	3,2	3,8
17	Межбюджетные трансферты	5,1	5,4	4,3	4,1

* Рассчитано по данным [15].

Бюджетная политика государства должна соответствовать содержательным целям социально-экономического развития страны. Однако официальный бюджет не способен полноценно выполнять функции перераспределения бюджетных средств между различными сферами национального хозяйства из-за его перепрофилирования на обслуживание интересов бюрократии. За него эту роль сейчас выполняет теневой бюджет. В те сферы национальной экономики, куда государство не вкладывает официальные бюджетные средства (здравоохранение, образование, социальное обеспечение и пр.), деньги идут из теневого сектора экономики.

На наш взгляд, от бюрократии полностью избавиться невозможно, так как она внутренне присуща любому государственному устройству. Однако можно и нужно найти средства, ограничивающие отрицательное влияние класса номенклатуры на жизнедеятельность общества, позволяющие минимизировать неизбежно приносимый бюрократией ущерб.

При этом коррупционная составляющая бюрократической системы управления в обществе неискоренима в рамках стандартного набора профилактических мер. Требуется, разумеется, более тщательная экспертиза готовящихся законов и постановлений на предмет возможности бюрократического произвола и переход к нормативным актам прямого действия, ограничивающим власть чиновников. Но первоочередными шагами представляются три: это, во-первых, существенное и в кратчайшие сроки сокращение численности работников государственного и муниципального управления; во-вторых, восстановление внешнего контроля над бюрократией; в-третьих, учитывая, что государство неотделимо от бюрократии, а бюрократия от коррупции, лучшим способом уменьшения и той, и другой будет максимально возможное ограничение сферы деятельности самого государства в экономике.

Литература

1. Григорьева Т.В. Коррупция в России: история и современность // Сибирская финансовая школа. 2009. № 1.
2. Лексин В. Административная реформа: федеральный, региональный и местный уровни. Статья 1 // Российский экономический журнал. 2006. № 2. С. 48–52.
3. Радзинский Э. Загадки любви. М. : Аргументы и факты. Экспресс-Сервис, Зебра Е, 2005. С. 116–117.
4. Швецов Ю. Бюджет как инструмент воспроизводства бюрократии в России // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 87–96.
5. Труд и занятость в России. М. : Росстат, 2006. С. 198.
6. Аргументы и факты. 2006. № 32.
7. Аргументы и факты. 2006. № 38.
8. Аргументы и факты. 2007. № 4.
9. Аргументы и факты. 2007. № 21.
10. Аргументы и факты. 2009. № 4.
11. Аргументы и факты. 2009. № 5.
12. Аргументы и факты. 2009. № 6.
13. Комсомольская правда. 2011. 24–31 марта.
14. URL: regnum.ru/news/2252771.html
15. URL: www.Minfin.ru

Shvetsov Y.G., Dr. Sci. (Economics), professor chairman of department «Economy, finances and credit». Altai state technical university (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yu.shvetsov@mail.ru

ABOUT THE BUREAUCRATIC STATE AND THE ECONOMY

Keywords: bureaucracy, state, budgetary reform, budgetary system, taxation system.

The article considers the problem of bureaucratism of the state and of the most important social and economic consequences of this occurrence.

The essence of bureaucracy has been revealed, characteristic features of its functioning in Russia have been analyzed; the material base of bureaucracy and its dominating status in society have been substantiated. The conclusion about closing process of changing of the budget to service of the interests of bureaucracy has been made.

References

1. Grigor'eva T.V. Korrupciya v Rossii: istoriya i sovremennost' //Sibirskaya finansovaya shkola, 2009, № 1, s. 46.
2. Leksin V. Administrativnaya reforma: federal'nyj, regional'nyj i mestnyj urovni. Stat'ya 1 // Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal, 2006, № 2, s. 48-52.
3. Radzinskij EH. Zagadki lyubvi. M.: Argumenty i fakty. EHkspress-Servis, Zebra E, 2005, s. 116-117.
4. SHvecov YU. Byudzhet kak instrument vosproizvodstva byurokratii v Rossii // Voprosy ehkonomiki, 2006, № 5, s. 87-96.
5. Trud i zanyatost' v Rossii. - M.: Rosstat, 2006. s. 198.
6. Argumenty i fakty, 2006, № 32, s. 8.
7. Argumenty i fakty, 2006, № 38, s. 7.
8. Argumenty i fakty, 2007, № 4, s. 8.
9. Argumenty i fakty, 2007, № 21, s.14.
10. Argumenty i fakty, 2009, № 4, s. 5.
11. Argumenty i fakty, 2009, № 5, s. 8.
12. Argumenty i fakty, 2009, № 6, s. 4
13. Komsomol'skaya pravda, 2011, 24-31 marta, s. 7.
14. regnum.ru/news/2252771.html.
15. www.Minfin.ru

For referencing:

Shvetsov Y.G. O byurokraticheskom gosudarstve i ehkonomike [About the bureaucratic state and the economy]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 44, pp. 305–324.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: atvpsu@yandex.ru

АМАНЖОЛОВА Бибигуль Ашкеновна – доктор экономических наук, профессор, завкафедрой аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета. E-mail: amanzholova@corp.nstu.ru

АПЕНЬКО Светлана Николаевна – доктор экономических наук, профессор, завкафедрой инновационного и проектного управления экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: apenkosn@yandex.ru

АРНАУТ Марина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: Marina.Kulakova@vvsu.ru

АТАЕВА Айсылу Гарифулловна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: ice_lu@mail.ru

БЕРЗОН Николай Иосифович – доктор экономических наук, ординарный профессор базовой кафедры инфраструктуры финансовых рынков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: NBerzon@hse.ru

БЛИНОВ Владимир Николаевич – доктор биологических наук, сертифицированный консультант по управлению¹, профессор кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: blinovvn@bk.ru

БОГДАНОВ Александр Леонидович – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и бизнес-аналитики Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bogdanov.al@mail.ru

БУЛЫКИНА Анастасия Александровна – магистрант Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: anastasiya.bulykina@mail.ru

ВАРКУЛЕВИЧ Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: Tatyana.Varkulevich@vvsu.ru

---

¹ Сертификат № 40 от 19.02.2010 г., выдан Национальным Институтом Сертифицированных консультантов (НИСКУ) в соответствии с Амстердамским стандартом Международного Совета институтов управленческого консультирования (сайт НИСКУ: www.cmcrussia.ru).

ВОИТЛЕВА Зара Адалгериевна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске (Майкоп). E-mail: agat11@list.ru

ВОЛОЩЕНКО Лариса Михайловна – доктор экономических наук, доцент, завкафедрой, профессор Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики. E-mail: 22021965@inbox.ru

ВОРОНИНА Людмила Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: voronina_612@outlook.com

ГАСАНОВ Магеррам Али Оглы – доктор экономических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: hursud1@yandex.ru

ГРИНКЕВИЧ Лариса Сергеевна – доктор экономических наук, завкафедрой финансов и учета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nasty_saturn@mail.ru

ДОВГАНЬ Андрей Сергеевич – кандидат наук государственного управления, доцент Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики. E-mail: ifather@outlook.com

ДУЛЯ Иван Сергеевич – студент Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: idulya7@gmail.com

ЕРЕМЕНКО Елена Ивановна – директор Центра Делового образования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: director@cdo.omsu.ru

ЕРОФЕЕВА Татьяна Михайловна – аспирантка базовой кафедры инфраструктуры финансовых рынков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: TErofeeva@hse

ЖАВОРОНОК Анастасия Валерьевна – ассистент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: zhavoronok@tpu.ru

ЖИРОНКИН Сергей Александрович – доктор экономических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: zhironkin@tpu.ru

ЖУКОВСКАЯ Светлана Львовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, аудита и экономического анализа Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: svlvzh@yandex.ru

КАСЬЯНОВА Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального

управления УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: kasyanova.t@gmail.com

ЛОЖНИКОВ Данил Игоревич – студент Института прикладной математики и компьютерных наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: 2648494348289053d@inbox.ru

ЛОЖНИКОВА Анна Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tfg@mail.ru

МИХАЛЬЧУК Александр Александрович – кандидат физико-математических наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: aamih@tpu.ru

НАБЕЕВА Надия Галлимуловна – кандидат экономических наук, начальник отдела документальных исследований Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Управления Министерства внутренних дел по Томской области (УЭБиПК УМВД России по Томской области). E-mail: nadiana96a@gmail.com

НАГОВИЦИНА Лидия Павловна – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск). E-mail: amanzholova@corp.nstu.ru

ПАШУК Наталья Руслановна – ассистент кафедры управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: Natalya.Kravchenko@vvsu.ru

ПЕТРОВ Никита Витальевич – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nik-p96@inbox.ru

ПЕТРОВА Валерия Николаевна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: valerpsy@mail.ru

ПОЛИНА Евгения Александровна – аспирант кафедры финансов, денежного обращения и кредита Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: polina.zhene4cka@yandex.ru

ПЧЕЛИНЦЕВ Евгений Анатольевич – кандидат физико-математических наук, доцент механико-математического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: evgen-pch@yandex.ru

РОЗМАЙНСКИЙ Иван Вадимович – кандидат экономических наук, доцент департамента экономики Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: irozmain@yandex.ru

РЫЖКОВА Марина Вячеславовна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: marybox@mail.tsu.ru

СОЛОВЬЕВА Ирина Александровна – доктор экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: solovevaia@susu.ru

СОТНИКОВ Никита Захарович – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: n.z.sotnikov@edu.nsuem.ru

СПИЦЫН Владислав Владимирович – кандидат экономических наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Национального исследовательского Томского политехнического университета, доцент кафедры экономики Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: spitsin_vv@mail.ru

СТЕЦЮК Виктор Викторович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Владивостокского филиала Российской таможенной академии. E-mail: stetsyuk1983@mail.ru

ТАРАН Екатерина Александровна – старший научный сотрудник Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: ektaran@tpu.ru

ТРИФОНОВ Андрей Юрьевич – доктор физико-математических наук, руководитель отделения математики и информатики Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: atrifonov@tpu.ru

УЛЯЕВА Алеу Гарифулловна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: alsushnick@mail.ru

ФИРСОВ Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, соискатель ученой степени доктора экономических наук Института проблем рынка Российской академии наук (Москва). E-mail: firsov_d@mail.ru

ФОМИНА Юлия Андреевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного и проектного управления Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Fomina-u-a@yandex.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Владимирович – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории экономического регулирования экологически устойчивого хозяйствования Института проблем рынка Российской академии наук. E-mail: vols85-85@mail.ru

ШАХИДЖАНОВА Наталья – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: konsiyarova-nata@mail.ru

ШВЕЦОВ Юрий Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, финансов и кредита Алтайского государственного технического университета (Барнаул). E-mail: yu.shvetsov@mail.ru

ШУТЬКОВ Анатолий Антонович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН (Москва). E-mail: a.a.shutkov@yandex.ru

ЯРЛЫКАПОВ Абрар Бадретдинович – доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва). E-mail: ab.yarlykarov@migsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2018. № 44

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 29.12.2018 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 20,6; усл. печ. л. 26,8. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 3607.

Дата выхода в свет 18.01.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru